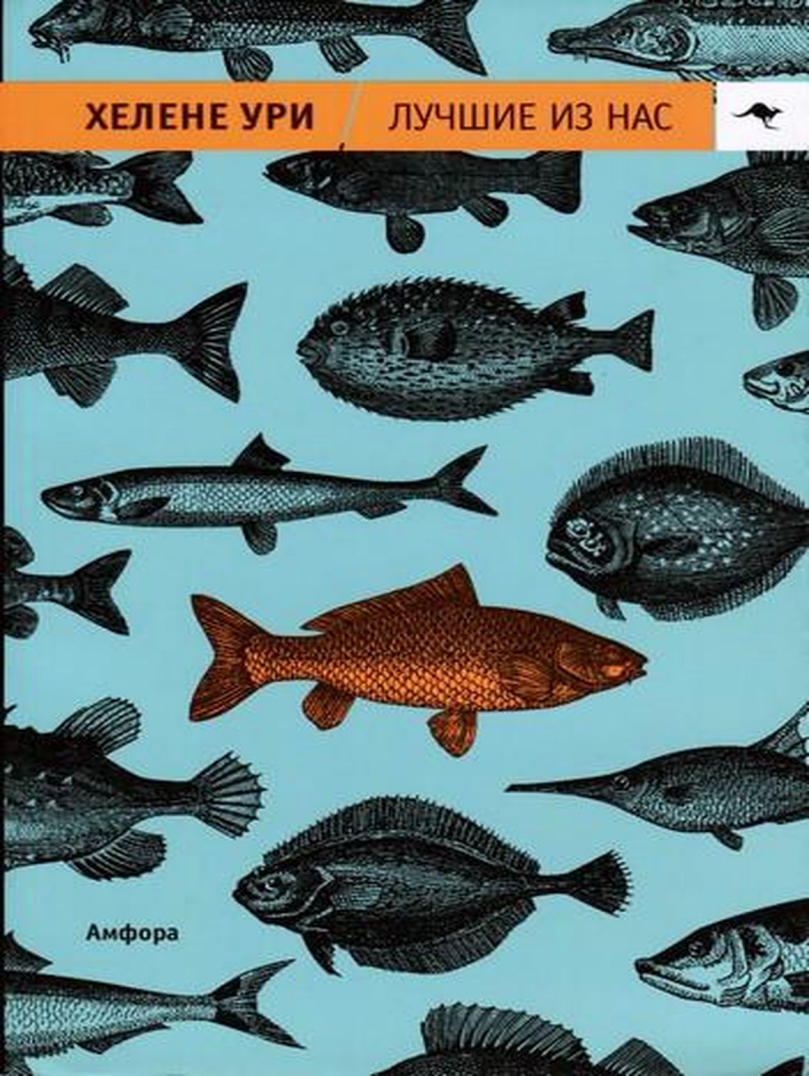
ХЕЛЕНЕ УРИ
ЛУЧШИЕ ИЗ НАС
Амфора

Лучшие из нас
Хелене Ури

Аннотация
Хелене Ури. Лучшие из нас
Часть I
Часть II
Часть III

Аннотация

Большой роман из университетской жизни, повествующий о страстях и огромных амбициях, о высоких целях и цене, которую приходится платить за их достижение, о любви, интригах и умопомрачительных авантюрах.

Хелене Ури
Лучшие из нас

Да, лучших из вас призываю,
Вас скорая ждет награда. […]
Нам ныне отчизну спасти предстоит.
Взываю к лучшим из вас.

Рудольф Нильсен. Из стихотворения «Голос революции»

Часть I

Извечная беда с учеными мужами,
они всегда завидуют друг другу,
один не может перенесть,
что и другой ученый тоже.

Людвиг Хольберг.
Из пьесы «Эрасмус Монтанус»

Высокий рыжеволосый мужчина идет широкими шагами по мощеной площади между факультетом социологии и гуманитарным факультетом. На площади многолюдно, ведь стоит один из первых теплых дней. Сейчас самое начало мая, учебный год близится к концу.

Некоторые люди куда-то направляются, но кажется, что никто не спешит. Все неторопливо идут по своим делам, может быть, на лекцию, на семинар, в кафе или на тайное свидание. Но совершенно очевидно, что у большинства собравшихся на площади нет никаких срочных дел. Они расслабляются, подставляя солнцу бледные после зимы лица. Два пожилых профессора прогуливаются, заложив руки за спину, и беседуют на научные темы, несколько сотрудников помоложе

перешептываются, собравшись в кружок. Студенты сидят вплотную друг к другу на скамейках и на ступеньках лестницы, ведущей к корпусу имени Нильса Трешова.[1] У немногочисленных столиков кафе «У Нильса» на протяжении нескольких часов нет ни одного свободного места.

Рыжеволосый мужчина идет быстрым шагом. Он кивает коллегам, улыбается знакомым студентам, приветственно отдает честь уборщице, примостившейся покурить в защищенном от ветра уголке. Он выделяется из толпы, возможно, прежде всего тем, что производит впечатление бодрого, чрезвычайно энергичного и наверняка счастливого человека. И рыжеволосый мужчина действительно счастливый человек, а в грядущие месяцы станет еще счастливее.

Сейчас он срезает путь и идет по газону между корпусом имени Софуса Бюгге,[2] корпусом имени Хенрика Вергеланна[3] и улицей Проблемвейен, совсем скоро он достигнет металлического мо-

---

[1] Примечания: 1

Нильс Трешов (1751–1833) — датский философ и богослов.

[2] Примечания: 2

Эльсеус Софус Бюгге (1833–1907) — норвежский лингвист, рунолог.

[3] Примечания: 3

Хенрик Арнольд Вергеланн (1808–1845) — знаменитый норвежский поэт.

стика, соединяющего территорию университета с Исследовательским парком. Он останавливается почти посередине моста, откуда прекрасно видно величественное здание, где находится его кабинет. В этом корпусе располагается кафедра футуристической лингвистики. Высокий роскошный пятиэтажный дом с большими окнами отделан полированным гранитом и мрамором. Стеклянные поверхности отражают солнечный свет, и на лицо нашего героя падают мягкие лучи майского солнца. Свет становится таким ярким и неприятным, что он вынужден зажмурить глаза. Солнце почти ослепило его, но он улыбается широкой мальчишеской улыбкой, той улыбкой, от которой женщины обычно падают в его объятия, как перезрелые фрукты.

В то время как высокий рыжеволосый мужчина стоит почти посередине моста, улыбается, сощурив узкие глаза, и любуется внушительным зданием, где ему посчастливилось работать, профессор Эдит Ринкель топает ногами от раздражения в одном из кабинетов того же здания. Из окон кабинета виден мостик, но профессор смотрит на студента. Нет, профессор Ринкель не видит своего рыжеволосого коллегу. Она разглядывает студента, который сидит на стуле для

посетителей, вытянув расставленные ноги.

Самоуверенность студента только подчеркивает его беспомощность и простоватость, считает профессор Ринкель, к тому же вызывает сильное желание запустить ему в голову рукописью. Естественно, профессор не поддастся этому желанию, она довольствуется тем, что отбивает ногой под письменным столом каждый слог своей фразы:

— Я уже объясняла вам, почему этот отрывок нельзя оставить в подобном виде.

Ровно двадцать шесть притопываний, двадцать шесть ритмичных, глухих раскатов подавленной злости и раздражения. Студент молчит, глотает слюну, смотрит вниз, его уверенность улетучилась, лоб покрылся потом, а на левом виске пульсирует набухшая вена.

— Знаете что? На самом деле я думаю, что мы с вами впустую тратим время, — продолжает Эдит Ринкель подчеркнуто дружелюбно. — Понимаете, я ведь не дефектолог. У меня нет ни полномочий, ни времени, ни терпения, чтобы разрабатывать руководство для студентов, которые совершенно очевидно нуждаются в помощи иного рода. Я не думаю, что вы вообще способны получить степень магистра. В любом случае вам надо найти другого научного руководителя, — за-

вершает она свою речь — примирительно, как ей самой кажется. Она протягивает ему стопку бумаги. Она совершенно уверена, что эти листочки никогда не станут законченным научным трудом на соискание степени магистра. Профессор думает, что уничтожила ту беспечную самоуверенность, с которой студент три месяца назад приступил к написанию труда с рабочим названием «Как дети будут склонять существительные в 2018 году. Футуристическо-морфологическое исследование».

Студент, ни разу не подняв глаз, покидает кабинет Эдит Ринкель. Высокий рыжеволосый мужчина входит в коридор как раз в тот момент, когда за молодым человеком закрываются двери лифта, и на этом студент исчезает из нашего повествования до своего короткого явления ближе к концу. Потому что окажется, что на этот раз Эдит Ринкель ошиблась: на самом деле студент закончит свой труд на соискание степени магистра.

Рыжеволосый мужчина отпирает свой кабинет, расположенный прямо напротив офиса Эдит Ринкель. Он превращает это в настоящую маленькую церемонию: с нежностью глядит на ключ, перед тем как вставить его в замочную скважину, держит ключ в замке несколько се-

кунд и только после этого поворачивает его. Он проделывает это с нескрываемой гордостью, присущей первоклашкам, натягивающим на себя блестящие желтые ранцы, или свежеиспеченным бакалаврам, только что узнавшим результаты экзаменов.

Прежде чем открыть дверь, он бросает взгляд на табличку, прикрепленную к стене рядом с кабинетом. Он сияет, он просто не может не сиять, читая четыре слова, написанные на темно-серой табличке:

Пол Бентсен научный сотрудник

Да, Пол Бентсен, рыжеволосый лингвист, в этот майский день действительно светится от радости, от энергичного счастья, от самодовольства — и это несмотря на то, что он прекрасно знает: многие считают, что он незаслуженно занимает эту должность.

Эдит Ринкель по-прежнему сидела за письменным столом, а ее маленькая ножка с высоким подъемом продолжала воинственно постукивать по полу. Эдит презирала тупых людей, но не тупых людей как таковых, а тех, кто не осознает своей ограниченности. Она искренне полагала,

что этому студенту не стоит продолжать учебу после получения степени бакалавра. Она не испытывала по этому поводу никаких угрызений совести и считала своим долгом выразить собственное мнение.

У окна жужжало насекомое, огромная ворсистая пчела снова и снова озлобленно билась в стекло. Это пчеломатка. Только пчелиные матки переживают зиму, ведь на них лежит огромная ответственность. Именно пчелиные матки заботятся о продолжении рода, способного создать колонию. Сейчас пчеле надо было найти место, где можно построить гнездо и отложить яйца, которые она вынашивала всю зиму. Пчела отчаянно билась в окно в кабинете Эдит Ринкель. Она стремилась выполнить свое предназначение, удовлетворить свои инстинкты, но на пути у нее возникла совершенно непреодолимая преграда.

В порыве острого сострадания Эдит Ринкель распахнула окно, после чего взяла пчелу двумя ладонями, осторожно сомкнула их, а потом в клетке из пальцев перенесла пленницу через подоконник и выпустила на волю. Пчела полетела прямо в майское небо, которое сегодня было поразительно синим. Такой же насыщенный чистый синий цвет выбрали для символики

гуманитарного факультета. Факультетско-синее небо, подумала Эдит Ринкель, и в тот же миг ей почудилось, что она слышит раздающееся вдали благодарное жужжание. Она улыбнулась собственному ребячеству (пчелиные благодарности! факультетско-синее!), но, по крайней мере, Эдит снова была в хорошем настроении, и, переполненная желанием работать, она уселась к компьютеру и продолжила свой труд с того места, на котором ее прервал студент-недоумок.

Сегодня придется обойтись без ланча в столовой, потому что она решила закончить главу. Эдит съела парочку хлебцев из пачки, которая всегда лежала в ящике ее стола. Для Эдит Ринкель это была не большая жертва, она по разным причинам предпочитала хлебец без ничего и свое собственное общество свежим булочкам и глупой болтовне коллег. Потому что это история о профессоре, поглощенном своим предметом и своим талантом. Это история об Эдит Ринкель. Это история и о Поле Бентсене, история об ученом, история о рыжеволосом лингвисте.

Как же сложно начать рассказывать историю, это почти невозможно, а точнее сказать: нельзя понять, где и когда она начинается, потому что жизнь — это линия, идущая от рождения к смер-

ти, одна сплошная линия, тянущаяся секунда за секундой и создающая сама себя. Иногда кажется, что эта линия куда-то убегает, в другие моменты создается ощущение, что она тащится так медленно, будто жизнь стоит на месте. Иной раз эта линия резко устремляется вверх, и в жизни происходят хорошие вещи. Тогда часто говорят, что жизнь на подъеме. В другие времена линия идет вниз, и желание жить находится почти на нуле.

Эту линию, символизирующую течение жизни, устремляющуюся вверх, когда происходит что-то приятное, и падающую вниз, когда человеку плохо, придумала не желтая пресса. Эдит Ринкель и Пол Бентсен — языковеды, лингвисты. В силу своей профессии они оба, конечно, читали хорошо известный в филологических кругах труд «Метафоры, которыми мы живем», написанный в начале восьмидесятых. Авторы этого классического произведения, Лакофф и Джонсон, утверждают, что мы все время пользуемся фигурами речи, что каждодневная речь наполнена ими, и фигуры эти зачастую носят универсальный характер, они в большой степени основаны на физических законах реального мира и на свойствах человеческого тела. Вверх — хорошо, вниз — плохо. Эта метафора носит

общечеловеческий характер, ее можно отыскать во всех языках мира.

Выражая отрицание, норвежцы качают головой из стороны в сторону, а болгары кивают. В языке ротокас, распространенном в Папуа Новой Гвинее, всего 11 фонем, а в африканском языке кунг имеется 141 звук. Люди могут писать справа налево или слева направо, горизонтальными или вертикальными строчками. Древние римляне, как и северные рунописцы, иногда писали змеиными кольцами: сперва слева направо, потом справа налево, а затем опять слева направо, словно вычерчивая на камне борозды сверху вниз. Различий много, но вероятность того, что в одном из почти 6000 языков мира позитивное настроение обозначается словом вроде наречия «вниз», а негативное — наречием «вверх», ничтожно мала.

Это нам могли бы поведать как Эдит Ринкель, так и Пол Бентсен. Эдит Ринкель сделала бы это с большим удовольствием. Она бы прочла краткую и блестяще точную вводную лекцию о Лакоффе и Джонсоне, когнитивной лингвистике; естественно, большое внимание она уделила бы критике этой теории, во всяком случае, не оставила бы в стороне возражения. И если бы у Эдит Ринкель

появилось подозрение, что мы не поспеваем за ее мыслью, она через некоторое время развернулась бы и покинула нас. Каблуки ее элегантных туфель застучали бы, удаляясь по коридору. А мы, слушатели, так и стояли бы, глядя ей вслед.

Пол Бентсен же поведал бы о книге Лакоффа и Джонсона с любовью и, вне всякого сомнения, очаровал бы своих слушателей. Да, он бы нас очаровал. Потому что Пол Бентсен часто очаровывает окружающих, в особенности женщин. Он бы выбрал самые яркие примеры, самые запоминающиеся отрывки. Он бы жестикулировал, а челка, вполне возможно, упала бы ему на лоб. Он говорил бы быстро и уверенно, его глубокий и звучный голос уносил бы нас в дальние дали. Его большой нос начертил бы в воздухе надменный треугольник. А вот щеки его разрумянились бы, являя смесь сильного рвения и почти скрытого смущения, смущения, которое появилось после одного происшествия в молодости: Того происшествия. Пол всегда называл случившееся «Тем происшествием», с заглавной буквы, такой большой, что она ощущалась и в устной речи — и это несмотря на объективно довольно незначительный характер Того происшествия. Может быть, историю Пола будет правильно начать именно с

Того происшествия?

Мы уже решили, что история Эдит Ринкель началась однажды теплым майским днем под высоким факультетско-синим небом, в тот день, когда Эдит Ринкель так разозлилась на своего не очень способного студента, что отказалась быть его научным руководителем. Это случайное, но естественное начало. Мы вполне могли бы начать с другого места. Например, с того дня, когда Эдит Ринкель вступила в должность профессора. С тем же успехом мы могли бы начать эту историю с того момента, когда она увидела красноватую тень, падающую от кувшина, наполненного соком, и поняла, что она за человек. Но мы уже выбрали тот теплый майский день.

По какой-то причине обнаружить начало истории Пола Бентсена оказалось труднее. Началась ли история Пола Бентсена в тот день, когда его приняли в Университет Осло? Только что миновал подростковый возраст; тремя месяцами раньше Пол сдал выпускные экзамены в школе и радовался так, что казалось, не сможет заснуть в ночь перед зачислением. Но он спал в ту ночь на удивление хорошо, настолько хорошо, что ему стоило больших усилий не опоздать на торжественную церемонию. Стоя там, сжимая

свидетельство о зачислении в университет в левой руке и ощущая в правой руке память о теплом рукопожатии ректора, он был переполнен восторгом до такой степени, что ему стало немного стыдно. Поэтому он сосредоточился и старался не улыбаться слишком широко, чтобы бурлящие в душе радостные напевы не вырвались наружу.

А может, нам выбрать другую точку на линии жизни Пола и начать его историю с того момента во время четвертого семестра, когда позади уже остался предварительный экзамен, когда он успел начать и закончить математические занятия и когда — почти тайно и с основательно продуманной небрежностью — он сдал зачет по фонетике и языкознанию и экзамен по латыни. Может быть, история Пола Бентсена началась именно тогда, когда он вошел в аудиторию 1102, расположенную на одиннадцатом этаже корпуса имени Нильса Трешова, на предпоследнем этаже самого высокого здания в университетском районе Блиндерн, во всяком случае, в самом высоком здании историко-философского факультета (как он назывался в то время). Потому что в этот момент линия его жизни резко взлетела вверх, поднимаясь очень высоко, выше одиннадцатого этажа. Да, может быть, все началось именно в тот

момент, когда он вошел в аудиторию в качестве студента кафедры лингвистики. Спустя три года он следовал во главе группы из трех облаченных в мантии человек, направляясь в Старый Актовый зал в историческом здании университета в центре Осло для защиты своей докторской диссертации «Между Сциллой и Харибдой: морфосинтаксическое погружение в латинском и древненорвежском языках». Еще через пару лет Пол начал работать в новой должности: научным сотрудником относительно недавно созданной кафедры футуристической лингвистики — футлинг, как ее называют посвященные. Правда, это временная, а не постоянная работа (постоянных должностей научных сотрудников в Университете Осло практически не осталось, и их крайне редко получают до достижения сорока лет). Так что это всего лишь временная работа, но Пол все-таки стал ближе, чем когда бы то ни было, к своей цели. Он не упустит этой возможности. Он останется в университете. Ведь именно этого он хочет.

Но, разумеется, история Пола началась задолго до этого. Может быть, в тот момент, когда самые сильные и живучие сперматозоиды отца Пола достигли финишной черты и, уверенно

вильнув хвостиком, проникли сквозь оболочку яйцеклетки матери Пола. Был самый обычный вторник. Она сидела в снегу под елью по дороге в усадьбу Уллеволсетер, у нее замерзла попа, и она стала натягивать рейтузы и лыжные брюки. Она поделилась с отцом Пола какао, получив взамен половину молочной шоколадки. Они дурачились и шутили и нашли общий язык (так обычно говорила мама, когда рассказывала Полу о его появлении на свет), и ее штаны тут же были спущены на лодыжки, ледяные еловые иголки вонзились в спину, а незнакомый рыжеволосый мужчина оказался между ног. На них падал снег, мама тяжело дышала, уткнувшись ему в шею, прямо в широкий ворот свитера.

Спустя ровно девять месяцев, день в день через девять месяцев после зачатия, родился Пол. («Это, наверное, единственный случай, когда Пол успел куда-то вовремя», — сказал матери Пола его лучший друг Мортен, случайно услышав рассказ о его рождении). Может быть, история началась в то утро, когда мать Пола сидела в постели, застланной чистым хрустящим бельем, в больнице Уллевол, с порванной промежностью, болью в тазу и увеличившимися от молока и потому совершенно неузнаваемыми грудями: поначалу

она даже не поверила, что это ее груди. В то утро, когда она посмотрела на своего крошечного сына, который уже в том юном возрасте обладал на удивление большим носом, склонилась к его лысой макушке и заверила его, да и саму себя, что она справится. И она это сделала. Она замечательно справилась одна. Они с Полом жили в квартире, которую она унаследовала от своих родителей, в районе Фагерборг, недалеко от церкви Вестре-Акер.

Церковь Вестре-Акер, красное кирпичное здание с позеленевшей колокольней, возвышается на небольшом холме. В этой церкви крестили и маму, и Пола, здесь мама прошла обряд конфирмации, и здесь похоронены бабушка с дедушкой. Сюда они с Полом ходили каждое воскресенье на протяжении многих лет, чтобы положить цветы на их могилы. Пол с мамой. Мама с Полом. Всегда вдвоем. Они всегда были вдвоем вплоть до того дня, когда мама вышла замуж, кстати, тоже в церкви Вестре-Акер.

А может быть, как уже упоминалось раньше, началом истории служит То происшествие? То, что случилось осенью через три года после свадьбы мамы. То происшествие, которое заставило линию жизни Пола круто пойти вниз, все ниже

и ниже, постоянно набирая скорость, да такую скорость, что Пол едва-едва и только с помощью дорогой мамы смог прийти в себя.

Стоит подчеркнуть, что То происшествие само по себе не вызвало бы настолько сильную реакцию у всех и каждого. Если бы не Пол, а кто-то другой пережил то же самое, то, вполне возможно, это никак не отразилось бы на его или ее жизни. Но Пола То происшествие потрясло до основания.

Все произошло в тот год, когда должна была состояться конфирмация Пола, естественно, в церкви Вестре-Акер, но он не хотел проходить обряд. «Нет никакого бога, мама», — заявил четырнадцатилетний подросток, и лицо его на фоне изящно разложенных мамой пуховых подушек казалось худым и маленьким. Мама смотрела на него, лицо ее было белее снега, и она не возражала. Как уже говорилось, может быть, историю надо было бы начать с этого места, с Того происшествия, оказавшего сильнейшее влияние на Пола и навсегда тесно привязавшего его к матери. С Того происшествия, после которого мама сначала разошлась, а потом и развелась с мужем, и они с Полом снова остались вдвоем. Только они вдвоем в квартире в районе Фагерборг. Может

быть, именно с этого началась история Пола, с эпохального события, вспоминая о котором он на протяжении нескольких лет покрывался воображаемой хамелеоновой кожей, начинал страдать фонетической гиперконвергенцией и иногда испытывал мучительное чувство стыда.

Но нет, несмотря на безусловную важность Того происшествия для Пола, для мамы, для всех, кто знает и кому еще предстоит узнать Пола: правильнее всего будет начать историю с того дня, когда Пол встретил Нанну Клев. Потому что в этой истории о Поле речь пойдет совсем не о Том происшествии, речь в ней пойдет об университете, о Нанне, об Эдит Ринкель, о кафедре футуристической лингвистики. Речь пойдет о сотрудниках кафедры, о ее заведующем Паульсене, об исследованиях, научном руководстве и преподавании. О дымящихся чашках чая и о листве, гниющей на многочисленных полянах Блиндерна. О студентах, о молодом розовощеком Александре. Речь в ней пойдет о высокомерии, честолюбии и о чистых научных идеалах. Речь в ней пойдет о вожделении, любви, ревности и зависти. О притворстве и о наглости, присущей глупцам.

Если Эдит Ринкель и была вундеркиндом, то

этого никто не замечал. Но никто никогда не замечал и периодов несовершенства, через которые она, как и все остальные, непременно должна была пройти. Или у нее не было таких периодов? Никто не помнит, чтобы Эдит когда-нибудь не могла выговорить букву «р», чтобы она нескладно разговаривала или делала ошибки: казалось, что когда она впервые раскрыла рот и произнесла первые слова, они тут же сложились в безупречно правильные предложения, четко артикулированные и изысканно элегантные. Никто не помнит в ее тетрадях криво написанных букв или орфографических ошибок. Тихо и спокойно, не привлекая внимания окружающих, Эдит постигала знания и с завидным прилежанием изучала один предмет за другим.

В одиннадцать лет Эдит Ринкель заметила, что совершенно не похожа на двух своих сестер. Точнее сказать, она уже давно поняла, что она другая, но в один прекрасный день признала, что это факт, с которым невозможно спорить, и решила развивать свою непохожесть.

Одна сестра была на два года старше Эдит, вторая — на два года младше. Так что Эдит была средней, но довольно рано обе ее сестры, старшая и младшая, стали проводить много времени

вместе, исключив Эдит из своей компании. Они сделали это не намеренно, скорее интуитивно понимая, что Эдит — не такая, как они, и никогда такой не будет. Они не просто отличались внешне (сестры Эдит были щуплыми, светлыми, быстрыми, а Эдит чувствовала себя толстой и большой — у нее рано начался пубертатный период, и она быстро переросла старшую сестру), но думали и действовали совершенно по-разному.

Отец трех сестер, на протяжении многих лет служивший начальником управления Министерства юстиции, был темноволосым и широким в кости, как и Эдит, а мать-домохозяйка — светловолосой и щуплой, как две другие ее дочери. Отца почти никогда не было дома. Если он был не на работе, то заседал в масонской ложе или сидел в Театральном кафе, курил сигары и пил кальвадос, смешанный с яблочным соком. (А в преддверии эпидемии гриппа — напиток, состоящий на три четверти из коньяка и на четверть из содержимого постоянно носимой с собою фляжки. Принимая во внимание то, что отец никогда не болел, этот напиток наверняка был очень действенным).

Отец был строгим человеком, он властвовал с радостью и усердием, даже с некоторой долей дружелюбной злости, которая выражалась в экс-

травагантных шутках, как на работе, в пыльном министерстве, так и дома, в просторном доме в районе Виндерен. Это был человек, который любил посмеяться: однажды в детстве в жаркий солнечный день он поставил миску с водой ровно на такое расстояние, чтобы сидящая на цепи собака не могла до нее дотянуться. И даже будучи взрослым человеком, он развлекался тем, что отрывал крылья и ноги мухам и наблюдал за их беспомощным барахтаньем, и в это время по всему дому разносился его смех.

Подчиненные отца в министерстве исполняли свои служебные обязанности со страхом и уважением, его жена и три дочери смотрели на него с робкой любовью, но чувствовали себя лучше, когда его не было дома. В тех редких случаях, когда отец проводил дома целый вечер, случалось, что он звал дочерей в дальнюю комнату, где восседал на потертом кресле, пуская из трубки дым (дома он предпочитал сигарам трубку), клубившийся по всему помещению. «Ах вот вы где, — обычно говорил он и указывал на них трубкой. — Пляшите под мою трубку!» И начинал хохотать от собственной находчивости. После чего просил их попрыгать. «Ап», — командовал он. И три сестры подпрыгивали, косички, две пары светлых и одна

пара почти черная, хлестали их по лицам, они задыхались, их щеки краснели от напряжения. Отец стучал себя по коленям и заливался смехом, мама, приходившая вместе с дочками, тоже смеялась. Все радовались, когда у отца было хорошее настроение. «Теперь идите отсюда», — говорил он через несколько минут, и сестры, разгоряченные и смеющиеся, спотыкаясь, выходили. Но когда Эдит исполнилось семь лет, она отказалась прыгать перед отцом. Ее, как обычно, вызвали вместе с сестрами, отец ругался, мать умоляла, но она стояла не двигаясь между двумя прыгающими девочками. Так повторилось несколько раз. В конце концов отец перестал комментировать отказ Эдит подчиниться, казалось даже, что ему это нравится (а маме нет). Вскоре после этого отец стал называть ее Эд, а на рождество в тот год Эдит получила от отца декоративную коробку с насекомыми. В ней было шестнадцать маленьких квадратных отделений, в которых находилось шестнадцать насекомых, препарированных и приколотых булавками, каждое в своем отделении.

Но поворотный момент в жизни Эдит наступил в один теплый день в начале лета четыре года спустя. Ее сестры девяти и тринадцати лет игра-

ли в большом саду, она слышала, как они тихо препирались, но когда выглянула из окна, то увидела их сидящими на полянке, склонив друг к другу почти белые головы, так близко, что волосы одной касались лица другой. На подносе рядом с ними стояли три стакана (два пустых, один полный) и кувшин с вкуснейшим малиновым соком маминого приготовления; кувшин блестел, и сок на солнце сверкал, как драгоценный камень, как холодный рубин. Мама звала ее на свежий воздух: «Так хорошо на солнышке, Эдит. Иди к своим сестрам, Эдит!» Но она отказалась. Ей хотелось побыть в доме и почитать. Мама топнула (правда, не сильно, потому что была из хорошей семьи и жила в хорошем районе) и сказала что-то насчет того, что Эдит упряма и своенравна; почему это она собирается сидеть в полутемной комнате и *читать,* когда могла бы посидеть на полянке вместе со своими сестрами и выпить сока? Может быть, она ревнует? Но Эдит совсем не ревновала, может, она и была упрямой, но Эдит хотела побыть в доме. Свою комнату, тишину и книгу она предпочитала солнцу, соку, голосам и смеху сестер.

Мама, насколько позволяло ее воспитание, дала понять, что Эдит, по ее мнению, почти без-

надежна, и больше в тот день в ее комнату не заходила. Эдит несколько часов сидела и читала в восхитительной тишине, до тех самых пор, пока не дочитала книгу до конца. («Была бы еще книжка стоящая», — донеслись до Эдит слова мамы, разговаривающей с отцом. И Эдит знала, что мама была бы более уступчивой, если бы Эдит читала не огромный труд о насекомых, изданный Норвежским энтомологическим обществом, с большим количеством текста и почти без картинок, а какую-нибудь другую книгу).

Эдит догадалась: маме кажется, что она наказывает ее. Во второй половине дня мама поняла, что должна была подняться и выгнать Эдит на улицу. Эдит осознала: мама чувствует себя виноватой в том, что позволила ей сидеть у себя в комнате. Эдит знала: мама не может представить себе, что дочь хочет сидеть в комнате и читать книгу.

Когда она снова выглянула в окно, солнце уже садилось; она не видела своих сестер, но малиновый сок там, в саду, по-прежнему сверкал красным, кувшин был снова полон, и Эдит догадалась, что об этом позаботилась мама. И в это время, когда она смотрела на поблескивающий сок, она отчетливо поняла, что никогда не будет такой, как другие, и можно даже не пытаться. От

этой мысли ей стало легче.

Именно здесь могла бы начаться история Эдит Ринкель, если бы мы не решили начать ее в обычный майский день. Потому что тот летний день в детстве Эдит был очень важным в ее жизни. Именно тогда она перестала бороться за то, чтобы стать не такой, какой была создана, и начала осознавать собственное отличие от других. Только один-единственный раз Эдит Ринкель сделала выбор неосознанно. Это было, когда она, двадцатипятилетняя, только что получившая степень магистра лингвистики, улыбаясь, шла, положив свою руку на руку отца, к алтарю, где Эдит ждал историк Бьернар, старше ее на два года.

Но более показательный для ее истории, более типичный для ее характера случай произошел ровно четыре года спустя, когда были подписаны бумаги о разводе. Эдит сразу же переехала в общежитие, где и проживала до того года, когда ей исполнилось тридцать пять и она купила квартиру на улице Йеитмирсвейен, где и живет до сих пор. А сейчас она уже дама, которой где-то около пятидесяти.

Дело не в том, что ей не нравилось быть замужем или она не любила своего мужа, дело в том, что она *не могла* быть замужем. Семейная

жизнь плохо сочеталась с ее жизнью, с тем, как она *должна была* и *хотела* жить. Эдит Ринкель была самодостаточной. Иными словами, она не нуждалась в других, у нее не было ни потребности в муже, ни места для него в жизни.

Эдит Ринкель с детства очень любила поесть. У нее был хороший аппетит (мама много раз обвиняла ее в безмерной прожорливости), и поэтому со временем она приобрела пышные формы, но это только подчеркивало достоинства ее фигуры и сводило с ума мужчин. Но во время замужества она перестала наслаждаться едой и быстро похудела на два размера. Со временем Эдит стала хуже спать и утратила радость от сексуальной жизни. Развод был единственным выходом, и с того дня, когда она переехала в темную и узкую комнату в общежитии, к ней вернулись сначала аппетит, а потом и пышность форм. Она стала спать как убитая и вскоре взяла в любовники подходящего мужчину, которого, так же как и ее, мало интересовали эмоциональные отношения или сколько-нибудь длительные чувства.

Эдит никому не позволит сбить себя с толку и не допустит других к тому, что считает сферой своей компетенции. Эта женщина испытывает большое неудобство, если не обладает полным

контролем над ситуацией. Но для успеха в сексуальной жизни необходимо уметь отдаваться, сознательно отключая контроль. И это равновесие между контролем и отсутствием контроля Эдит соблюдает виртуозно. Только в самом начале своей сексуальной жизни и в замужестве у Эдит не получалось отдаваться. Она не достигала оргазма, она не могла спать — ведь это значило потерять контроль над собой и отдаться: отдаться сну, после которого неизвестно, проснешься ты или нет, и при котором бал правит подсознание; или отдаться наслаждению, позволив другому человеку увидеть тебя в состоянии расслабленности, забыть о беспокойстве по поводу того, как ты выглядишь, находясь в порыве желания, отмести всю стыдливость, приобретенную в детстве. Но вскоре после развода ей снова стало это удаваться. И таким образом она могла продолжать карьеру.

Через пару лет после того, как Эдит ушла от мужа, она защитила диссертацию (на тему «Диахроническое исследование предлогов в западногерманских языках») и в тридцать один год была принята на постоянную работу на должность доцента кафедры классических и мертвых языков. На протяжении нескольких лет она была на факультете самым молодым из ныне здрав-

ствующих профессоров. Эдит купила квартиру на улице Йеитмирсвейен, ведь это хорошее вложение денег. Естественно, мысль о том, чтобы создать себе уютный дом, никогда не приходила в голову Эдит Ринкель.

Полу только что исполнилось тридцать три года. Около девяти месяцев назад он начал работать во временной должности на кафедре футуристической лингвистики. Он, как уже говорилось, счастливый человек. Да, в настоящий момент он очень доволен жизнью. Он только что расстался с Сири, зубным врачом, с которой встречался последние два месяца. Ему принадлежит половина выкрашенного в зеленый цвет дома на улице Нильса Абеля, ведущей от внешней границы университетской территории к гуманитарному факультету. В его квартире есть гостиная и три спальни, а это больше места, чем ему нужно. Дом недавно отремонтирован, большую часть ремонта на добровольной основе по выходным сделали друзья детства и однокашники Пола. Единственное, что можно сказать про дом, это что он выполнен в мужественном стиле, но возлюбленные Пола добавили в обстановку нечто женское. Одна за другой, они привносили что-то свое в его хозяйство: мягкие подушки и пледы,

картинки на стенах, даже пару подсвечников для плавающих свечей на краю ванной (хотя они уже покрылись пылью).

Да, у Пола все прекрасно. Процент по ипотеке все еще низок, кредит за учебу выплачен (при помощи щедрой матери — факт, о котором Мортен не устает ему напоминать: «Вот поросенок, тебе повезло с мамой, ты ее не заслуживаешь»). Он получил как раз ту работу — научную должность в Университете Осло, — о которой мечтал. Теперь осталось только сделать так, чтобы эта работа стала постоянной.

Пока линия жизни Пола шла ровно и высоко. И с того момента, как он увидел Нанну в дверях кафедры футуристической лингвистики, линия устремилась прямо вверх, задрожала от возбуждения. Пол влюбился. В тот самый момент, в том самом месте. Он не просто увлечен, пленен или очарован. Он серьезно, глубоко и безгранично влюблен. Возможно, впервые. В жизни Пола было много женщин. Они легко на него западают. Он, как говорится, прекрасно выглядит. Пол образован, обладает широким кругозором и шармом. У него необычайно красивый голос, глубокий и звучный (могучий, как обычно говорит его мама, но она испытывает пристрастие к роман-

тическим эпитетам). Если он хочет произвести на женщину впечатление, то начинает тянуть гласные, так что звуки зависают в воздухе и трепещут, прежде чем проникают в женские уши. Обычно он говорит спокойно, даже неспешно, но начинает частить, если чем-то увлечен или на чем-то настаивает. Пол знает, как воздействует на противоположный пол, но он еще немного смущается, и иногда его одолевает юношеская неуверенность. Наглость и смущение — в этой последовательности и в соотношении 5:1 — делают Пола совершенно неотразимым. В результате — целый ряд краткосрочных отношений. (Друзья Пола, а особенно лучший друг Мортен, называют постоянно растущее количество экс-подружек «курочками Пола»).

До сих пор Пол еще не любил по-настоящему ни одну женщину. Он всегда влюбляется безрассудно, влюбляется, очертя голову, и каждый раз он уверен, что она — это Та Самая Женщина, но уверенность длится так недолго, что он даже не успевает насладиться ею, прежде чем она улетучится. Поэтому Пол шутя говорил своей маме: «Ты — моя единственная». И до встречи с Нанной это полностью соответствовало действительности.

Не будет преувеличением сказать, что Нанна

изменила жизнь Пола. Поэтому история Пола начинается с этого момента. Но все же, чтобы подготовить декорации для этого эпизода и показать, насколько неожиданной была встреча в этой точке на линии жизни Пола, мы должны начать наше повествование немного раньше.

Университет напоминает банку плохо простерилизованных консервов, сказала как-то одна профессор другой на рождественском празднике — или это было на летнем пикнике? Университет находится в состоянии хронического ботулизма, говорила она. Мельчайшее происшествие здесь может раздуться, распухнуть и достигнуть колоссальных размеров. Здесь не самые благоприятные условия для проявления снисходительности и почти нет места прощению.

Вино из коробки сделало ее красноречивой. Ее собеседница кивала: верно подмечено. Но они обе уже хорошо выпили.

Может быть, в этом что-то есть. Очень немногие ученые попадают в университет. А уж если попадают, то сидят там до тех пор, пока не одеревенеют телом и душой и не выйдут на пенсию. При этом им нет надобности проводить много времени за пределами коридора, в котором располагается их кабинет. Человек может даже быть

недовольным своей работой. Но он остается в университете.

Потому что несмотря на то, что на сотрудников университета все чаще смотрят как на реликты и относятся к ним со снисходительным любопытством, должность университетского преподавателя всегда дает человеку определенный статус и престиж.

Другая причина, по которой сотрудники не уходят из университета, это то, что университетская жизнь довольно нетребовательна, стоит только человеку закрепиться в ней. Она может быть утомительной, да. Но для многих это защищенное и приятное существование. А часто у людей даже нет альтернативы. Большинство университетских преподавателей не обладает способностями для другого рода деятельности. Когда человек тратит десять-пятнадцать лет на то, чтобы узнать все о гласных языка суахили или о метрических размерах в поэзии Эмили Дикинсон, он не получает навыков, в которых остро нуждается общество.

Со стороны университетская система может показаться достаточно либеральной. Но внутри консервной банки, под плотной крышкой, царит строгая дисциплина. Сотрудники внимательно

следят друг за другом. Если во время перерыва человек не жалуется на университет, к нему начинают относиться с подозрением. Если человек вслух критикует университет, рядом с ним будут помалкивать. Если человек потерпел неудачу, на него смотрят свысока. Но если у него дела идут хорошо, ему тоже не избежать всеобщей участи: если он хороший педагог и пользуется популярностью у студентов, к нему будут относиться с недоверием. Если человек слишком легко идет на контакт, слишком много светится в газетах и на телевидении, о нем будут злословить, потому что в этом случае его сочтут поверхностным популистом. Обычно действует правило: чем меньше читателей, тем лучше исследование. Но если человек публикуется только в тяжеловесных международных журналах, если он получает престижные научные награды, он *гарантированно* будет исключен из приятной компании за обеденными столиками в кафе.

Злые языки добавят, что университетская культура поощряет посредственность. Победителем становится заурядный человек, но социальная общительность и способность создавать союзы гораздо важнее профессиональной посредственности.

Но мы не должны забывать и о радостях университетской жизни, прогундосила профессорша на рождественском празднике после еще пары бокалов самого дешевого коробочного вина. И она права: существует радость научного открытия, и энтузиазм исследователей, и непререкаемая вера в силу знания, непоколебимое доверие к науке. Безусловно. Университетский организм во многом основывается на энтузиазме сотрудников. Как и эта история. И Эдит Ринкель, и Пол Бентсен, и Нанна Клев полны энтузиазма. И каждый из них — далеко не посредственная личность. Никому не пришло бы в голову обвинить Эдит Ринкель в заурядности, да и Пола Бентсена и Нанну Клев никак нельзя назвать заурядными или посредственными.

Однако в вопросах поиска союзников и восхождения по социальной лестнице Эдит Ринкель, Пол Бентсен и Нанна Клев отличаются друг от друга. Все трое прекрасно знают, что это такое. Они владеют искусством восхождения. Но как минимум один из них взойдет слишком высоко — и падет. Многие скажут, что заслуженно.

За несколько дней до первой встречи с Нанной Пол был в Амстердаме. В жаркий сентябрьский день на улицах было полно людей, которые ка-

тались на велосипедах или ели мороженое, или делали то и другое одновременно. В уличных ресторанах яблоку негде было упасть. Амстердамцы подносили ко ртам тяжелые пивные кружки. От солнца пиво становилось похожим на жидкий янтарь. Люди оживленно разговаривали и то и дело поднимали бокалы. Они были шумны и веселы, какие-то дети пронзительно смеялись. Мамаша поругивала своих сыновей, но тут же вместе со шлепком по попе выдавала им денег на очередное мороженое — потому что день был так прекрасен, что деньги на мороженое вылетали быстрее нотаций.

Внезапно залаяла собака, с террасы ей ответила другая. Вдоль каналов прогуливались парочки, держащиеся за руки, все в легкой летней одежде и солнцезащитных очках, скрывающих влюбленные взгляды. На улице Дамрак, возле огромного памятника свободе, кто-то на полную громкость включил проигрыватель компакт-дисков, и как минимум десяток подростков почти моментально начали опасный потный танец, они забыли обо всех своих печалях и выражали радость движениями рук и резкими поворотами головы.

Но Пол ничего этого не видел. Он участвовал в лингвистической конференции, организованной

амстердамским Университетом Врие. Четвертый симпозиум по вопросам лингвистических изменений в будущем. Пол сидел в полупустой аудитории на жесткой скамейке. Узкий столик, на котором лежали его бумаги, был прикреплен к спинке впереди стоящего сиденья. За окном царило знойное лето, в помещении было невыносимо жарко и тяжело дышалось.

За кафедрой, держась обеими руками за ее низкий бортик, стоял мужчина лет сорока с редкими волосами и читал по рукописи, лежавшей на наклонной поверхности. Его лоб и макушка блестели от пота — трудно было понять, от жары он потеет или от нервов. Кроме того, лицо и шея мужчины покрылись красными пятнами. На Пола накатила волна сострадания, что происходило с ним довольно часто при встрече со стеснительными людьми, особенно с теми, у кого стеснительность вызывает кожные реакции. По старой привычке, рефлекторно, хотя и без надобности, он бросил взгляд на собственные руки. Загорелые кисти с выгоревшими за лето волосами торчали из закатанных рукавов рубашки. Из программы, лежащей перед ним на столе, он узнал, что оратора зовут Ивар Гудмундссон. Полу показалось, что он его уже где-то видел.

Пол зевнул, откинулся на спинку скамейки и почувствовал, как под мышками струится пот, показавшийся ему на удивление прохладным и приятным. Появилось желание выпить ледяного пива, запотевший бокал «Гролша» был бы очень кстати. А стакан, наполненный ледяной жидкостью, отпотевает снаружи или изнутри? Или и там, и там? «Нет, надо сконцентрироваться, — подумал он. — Все-таки доклад только что начался, и я еще могу уловить ход мысли». Пол отключился от раздумий о жаре, холодном пиве и звенящем на улице лете и сосредоточил все свое внимание на том, что говорил оратор.

По прошествии приблизительно трех минут Пол понял, что уже слышал этот доклад на конференции в Австрии, в небольшом городишке рядом с Грацем, полгода назад.

На крупной конференции, посвященной вопросам морфологии, под Грацем Университет Осло представляли профессор Эдит Ринкель, профессор Фред Паульсен, доцент Ханс Хольстейн и сам Пол. Они уезжали из Норвегии в слякотный зимний день. Тогда Полу впервые удалось вдоволь наговориться с Эдит Ринкель, женщиной, которая сыграет решающую роль в истории Пола. Эдит Ринкель — непосредственный начальник

Пола, она заведует отделением футурологической морфологии кафедры футуристической лингвистики. Эта женщина красива до такой степени, что выдержит сравнение с кем угодно вне зависимости от возраста.

Через несколько месяцев ей исполняется пятьдесят, так что Пол почти на семнадцать лет ее моложе. Он считает ее необыкновенно привлекательной. Кроме того, Эдит Ринкель — женщина, которая чаще всего появляется в фантазиях большинства филологов-мужчин Университета Осло в то время, когда они занимаются самоудовлетворением. Она высокая, статная и темноволосая. У нее точеная пропорциональная фигура. Она не худая, а если принять во внимание нынешний эталон женской красоты, то ее можно назвать довольно полной. Крепкая — вот слово, которое первым приходит на ум при описании Эдит Ринкель. Крепкая — это эвфемизм, часто используемый при описании толстых женщин, но Ринкель крепка прежде всего в первоначальном смысле слова: она полна сил. Ее блестящая одаренность ни у кого не вызывает сомнений. Коридорные сплетники никогда не болтают о ее интеллектуальных способностях. Ринкель не очень любят. Некоторые перед ней преклоняются, другие ее

вожделеют, но большинство ее боится.

Пол начал работать в университете незадолго до конференции под Грацем. Он вступил в должность в январе, и это была первая конференция, в которой ему предстояло принять участие в качестве сотрудника кафедры футуристической лингвистики. С Эдит Ринкель он встречался во время собеседования, потом в первый рабочий день, после чего видел ее всего несколько раз в столовой. Пол все время ловил себя на том, что довольно часто думает о ней и на работе, сидя перед компьютером в своем новом кабинете и поглядывая в окно в сторону района Гаустад, и дома, на улице Нильса Абеля. Он думал о ней, когда сидел на диване и смотрел телевизор, и когда пил вино и болтал с Сири. Он думал о ней, лежа в постели и стоя под душем. Она всегда была для него именно Ринкель и никогда Эдит. Это ему казалось немного комичным, но в то же время он находил ситуацию пикантной: его забавлял тот факт, что он называет женщину, которую чаще всего раздевал в своих мыслях, исключительно по фамилии.

Он думал о ней все чаще и чаще. Он думал о ней однажды ночью, когда Сири осталась у него. Сири повернулась на бок и собралась спать, вздохнув

от удовольствия и усталости. Полу нравились звуки, которые издают только что удовлетворенные женщины — несмотря на то, что в тот момент ему уже начала надоедать эта конкретная женщина, — и ему нравился запах недавно завершившегося любовного акта.

На внутренней стороне левого бедра, почти в паху, у Пола есть шрам, который с годами становился то белым, то синеватым, как прокисшее молоко. Он длиннее пачки сигарет и шире женской ладони — во всяком случае, он шире ладоней тех женщин, которые до сих пор прикладывали к нему свои руки. Они прикладывали их с сочувственным любопытством, они интересовались и расспрашивали. Что произошло? Он болит? Ты лежал в больнице? Некоторые спрашивали прямо, без обиняков, другие заходили издалека, третьи только вопросительно смотрели. («Это похоже на личностный тест, — объяснял Пол своему лучшему другу Мортену. — До сих пор не было ни одной, кто не спросил бы о шраме, и мне кажется, что я кое-что узнаю о них как о личностях по тому, как именно они об этом спрашивают», — добавлял он.)

Ни одна женщина не получила ответа. Обычно Пол нежно обнимал подругу и переворачивал

так, что она снова оказывалась снизу. И скоро она забывала о своем любопытстве. («Боже мой, — интересовался Мортен, — а что ты сделаешь в тот день, когда она ничего не спросит?» — «Я женюсь на этой девчонке», — отвечал Пол. «Дурачок», — говорил Мортен.)

Пол принюхивался, как собака, к воздуху в спальне, слушал спокойное дыхание Сири, положил руку на шрам, почувствовал, что кожа на нем более тонкая и гладкая, чем вокруг. Он представил, что на шраме лежит рука Ринкель. Возможно, ее рука накрыла бы весь шрам целиком? Рука Ринкель высоко на его бедре, она поглаживает его шрам, скользит вниз по бедру и обратно, приближается к члену, а потом внезапно до боли стискивает кожу.

На следующий день после несбыточных и бесполезных фантазий, которые не оставляли его до тех пор, пока он наконец не заснул, Пол увидел Ринкель в столовой, но она не поздоровалась с ним и не ответила на его улыбку. После того как Пол начал работать, он не часто видел ее, а потом узнал, что в этом семестре она старается проводить как можно больше времени в Чикаго, в тамошнем университете, в качестве приглашенного преподавателя.

Правда, Ринкель постучалась к нему в кабинет, чтобы поприветствовать его в первый рабочий день, но обнаружить намек на добросердечность в ее голосе или теплоту во взгляде прекрасных глаз было нелегко. С тех пор она с ним не здоровалась. Однажды, спускаясь на эскалаторе в метро, он увидел, как она поднимается, но Ринкель смотрела куда-то поверх его головы.

Полу было прекрасно известно, что Ринкель поедет на крупную конференцию по морфологии. И когда они случайно столкнулись у билетных касс на Центральном вокзале Осло, где оба собирались купить билеты на экспресс в аэропорт Гардемуэн, Пол обрадовался, или, вернее сказать, переполнился ожиданиями. Но вместе с радостью и предвкушением у него появились признаки смущения. Пол и Ринкель шли к перрону вроде бы вместе, а вроде бы и врозь. Ринкель первой зашла в поезд, Пол смотрел на ее зад, когда она шествовала перед ним по проходу, а потом она уселась у окна на свободное сдвоенное сиденье. Не сесть рядом с ней было бы крайне оригинальным поступком, и Пол опустился на соседнее кресло.

Какое-то время они сидели молча. Ринкель удобнее устроилась на сиденье, и до него тут же

донесся запах ее духов, сладкий и немного душный. Он напоминал о гниющих яблоках — если человек в состоянии представить себе, что этот запах может быть приятным, потому что духи Ринкель были именно такие — своеобразные, но приятные. Нога Ринкель, обтянутая серыми облегающими брюками, была совсем рядом с ногой Пола, ее бедро находилось всего в нескольких сантиметрах от его бедра. Поезд тронулся. Пол проглотил слюну и сделал вдох, чтобы что-нибудь сказать, что угодно. Ринкель повернула к нему лицо, и Пол впервые обратил внимание на ее глаза — синие и необычайно ясные, как глаза хищника.

«Надо же, как потеплело-то», — сказал Пол, приглашая ее к беседе. Ринкель сверлила его взглядом. В глубине радужной оболочки ее глаз, вокруг зрачков, которые сейчас были очень маленькими, он разглядел узкий коричнево-желтый ободок. Потом она отвернулась от него и стала смотреть в окно. Пол тоже взглянул в окно. Черт! Они находились в долине Грурюддален, но сейчас ехали по туннелю, и Пол не нашелся что сказать. Без какого бы то ни было предупреждения Ринкель отвернулась от окна, посмотрела прямо на Пола своими невероятно

ясными глазами и задала ему вопрос, научный вопрос. Она произнесла его таким тоном, что Пол почувствовал себя нерадивым студентом, сдающим устный экзамен. У Ринкель имелся в запасе определенный арсенал тщательно подготовленных лингвистических вопросов, которые она задавала, стремясь поставить коллег в затруднительное положение. Нет, это несправедливо по отношению к Ринкель, она задавала эти вопросы с другой целью, но поскольку очень немногие способны ответить так, чтобы полностью удовлетворить Ринкель, коллега часто оказывался в затруднительном положении, что, кстати, тоже доставляло Ринкель определенное удовлетворение.

Но Пол отвечал хорошо — его по-настоящему интересовала тема, которую подняла Ринкель, и довольно скоро они уже оживленно беседовали. Рыжая челка Пола упала ему на лоб, он убрал ее. «Я ей нравлюсь», — подумал он. В глазах Ринкель блестел янтарный ободок.

Он ни на секунду не расслабился, но все равно наслаждался обществом Ринкель. Ему понравилось беседовать с ней: они одобряли одни и те же теории, одинаково глубоко презирали псевдонаучные легкомысленные решения и оба требовали

серьезных научных обоснований. Ему нравилось сидеть так близко к ней, чувствовать ее запах, и, несмотря на то что он все время испытывал неуверенность, это было все равно что сидеть рядом с великолепной волчицей. Довольно скоро выяснилось, что им обоим понравилась статья из последнего номера журнала «Знание», в которой один немец резюмировал важнейшие результаты своей докторской диссертации. В статье рассказывалось, что делает некоторые конструкции предложений сложными для понимания, и была приведена таблица сложности разных типов предложений. Пассивные конструкции сложнее, чем активные, которые, в свою очередь, легче, чем двойные транзитивы.

— Восхитительно, — подытожила Ринкель, когда они приехали в город Лиллестрем.

— Да, — сказал Пол и выглянул в окно. Почти весь снег растаял, холмы были серо-желтыми от прошлогодней травы, кое-где валялся старый мусор. В поезд садилась пожилая пара, каждый со своей сумкой на колесиках. — Особенно последняя часть. А вы читали статью в газете «Дагбладет» пару дней назад?

— Вы говорите о статье про звуки «ч» и «щ»? Которую написала та стипендиатка из Бергена?

Пол кивнул. Супруги — муж, а за ним жена — катили свой багаж по проходу. Когда поезд, возобновляя движение, немного дернулся, пожилой мужчина потерял равновесие. Пол протянул руку и подхватил его под локоть, спасая в последнее мгновение от падения. Но вместо благодарности старик обиженно рявкнул и вырвал свой локоть. Несколько секунд он стоял и пялился на Пола, как злобный старый терьер, гневно глядя из-под смешных взъерошенных бровей. Полу хотелось засмеяться, но он был слишком тактичен. Он встретился взглядом с Ринкель, ее глаза тоже блестели от смеха, но она продолжала говорить так, словно ничего не произошло:

— Довольно хитро сформулировано. Мне понравилось, как она написала, что из контекста всегда будет понятно, что имеют в виду будущие носители языка, «щетки» или «четки».

— Да, стандартный аргумент тех, кто рассуждает о деградации языка, это то, что разница в произношении между «щетками» и «четками» исчезнет, — сказал Пол. Он помедлил десятую долю секунды перед тем, как произнести слово «щетки», он был сконфужен и начал вертеться, чтобы скрыть собственное затруднение, и наткнулся взглядом на спину пожилой женщины,

выходящей из купе.

— Акустические измерения показывают, что эти два звука сближаются. Наверняка он все эти годы был несчастлив в браке, — прибавила она, кивнув в сторону старика.

— Да, может быть, — сказал Пол и снова повернулся к Ринкель, приятно удивленный. — Может, они собрались в путешествие по случаю золотой свадьбы, а он тяготился ею последние сорок восемь лет, — предположил он.

— А исследования положения языка указывают на то, что и артикуляционно эти два звука становятся все более похожими, — заключила Ринкель.

— Положение языка, — повторил Пол, как глупое эхо, и ненадолго задержал взгляд на щели между ее розовыми губами, после чего собрался и спросил: — А вы знали, что в восточно-норвежских диалектах существует двадцать две пары слов, которые различаются только звуками «ч» и «щ»?

— Да, — ответила Ринкель. — Конечно, я это знала.

Он опустил взгляд на сиденье, на ее ногу в серых брюках и ощутил короткий, но очевидный всплеск желания. Он улыбнулся ей. Она

тоже улыбнулась, а потом сказала что-то о той немецкой диссертации и двойных транзитивах. Оставшуюся часть пути они очень серьезно обсуждали статью из журнала «Знание» и пытались перещеголять друг друга, вспоминая подробности. Она помнила статью гораздо лучше, чем он, Полу это нравилось и не нравилось одновременно, и он поймал себя на том, что сам себя оправдывает тем, что не слишком внимательно читал эту статью.

Не прерывая беседы, они подошли к стойке регистрации в здании терминала аэропорта Гардемуэн, Пол говорил о возможности создать универсальную грамматическую таблицу сложности.

— Я думаю, он глубоко и всем сердцем любит ее, — внезапно произнесла Ринкель, — просто он человек, который ненавидит свою старость, ненавидит то, что ему помогают молодые и сильные мужчины.

Пол улыбнулся ей, улыбнулся ее темным волосам, падающим на лоб, ее бровям, похожим на две большие горизонтально расположенные скобки, ее ясным глазам. Они больше не произнесли ни слова о таблицах сложности, их глаза всего раз встретились, они долго смотрели друг на друга,

а затем вместе прошли регистрацию и досмотр багажа. Может быть, обоим хотелось сказать что-то еще, но ни один из них этого не сделал.

У выхода на посадку сидел Ханс Хольстейн. Это третий из четырех представителей кафедры футуристической лингвистики, которые ехали на конференцию (Паульсен должен был присутствовать на заседании кафедры, поэтому его ждали только на следующий день).

Хольстейн всегда хорошо одет, часто носит прекрасно начищенные ботинки с пряжками, а на шее у него был обычно повязан шелковый платок. Сейчас на нем был шелковый шарф с рисунком в стиле пейсли, он страдал кислой отрыжкой, а в руках держал бокал красного вина. Ханс Хольстейн — довольно незначительная личность как для этой истории, так и для кафедры, да и вообще в жизни. Он ровесник Ринкель, но не обладает ее талантом, он — типичная посредственность, получившая постоянную работу в те времена, когда занять ученую должность на историко-философском факультете было сравнительно легко. Он страдает от двух вещей, и они имеют большое значение для того, что скоро случится, для той роли, которую он сыграет в истории Пола Бентсена и Эдит Ринкель: проблемы с пищеварением и

необузданная ревность.

Хольстейн обожает жирную калорийную пищу. Перед встречей с Эдит Ринкель и Полом Бентсеном Хольстейн съел целую лазанью, истекающую жиром, с двойным слоем сыра. Он слопал ее жадно и очень быстро, почти не жуя, прожорливо поглощая огромные куски, следя глазами за людьми, снующими вокруг со своими сумками и чемоданами. Лазанья была превосходна. Но когда чувство удовлетворенности и приятной сытости пошло на убыль, Хольстейн почувствовал, что объелся: низ живота налился тяжестью, что сопровождалось отрыжкой с запахом полупереваренного сыра. Рыгая, он прошествовал к выходу номер 46, откуда должен был отправляться самолет, купил маленькую бутылочку вина и уселся ждать.

Он стал думать об Эдит, которая, как он знал, должна была вскоре появиться в аэропорту. Однажды в студенчестве на загородном празднике в районе Свартора он сделал неуклюжую попытку приударить за красавицей Эдит Ринкель. Он довольно резко его отшила, и он так и не смог забыть обидных слов, которые Эдит прошептала ему в тот раз.

Хольстейн заметил Эдит и Пола, стал разгля-

дывать их своими безучастными маленькими глазками, с определенным усилием поднялся и пошел к ним навстречу.

— Привет, — сказал Пол.

— Ну что, Эдит, — проговорил Ханс Хольстейн, коротко кивнув Полу. — Путешествуешь в сопровождении юноши?

Это походило на невинную констатацию очевидного факта, но в действительности это было обидное высказывание, вызванное отчасти ревностью, которую Хольстейн испытал, увидев мило болтающих Эдит Ринкель и Пола, а отчасти неприятным давлением в его брюхе. Эдит Ринкель мгновенно застыла в молчаливой неприступности. Хольстейн похлопал по стулу, стоящему рядом с ним, Пол опустился на него, а Ринкель уселась наискосок от них.

Хольстейн с воодушевлением рассказывал об Австрии и о семинаре по фонетике в Зальцбурге, в котором участвовал в молодости.

— Но я уже давно не путешествовал, — доверительно сообщил он Полу и, тактично подавляя отрыжку, заглотил кусочек лазаньи, который поднялся у него в горле вместе с желудочным соком. При этом он выпучил красные глаза, как морской окунь. — Не всем приходится путешествовать так

много, как некоторым, знаете ли, — сказал он, указывая глазами на Ринкель. — Хотите вина?

— Нет, — ответил Пол.

Хольстейн рассказывал о зальцбургских пирожных:

— Во всех их названиях присутствует слово «Моцарт», и они все усыпаны марципаном и шоколадом.

Пол кивнул.

— Вот только у меня после первого же визита в кондитерскую случился запор, да так и не прошел до конца семинара. Фонетика и метеоризм!

Хольстейн хихикнул и поменял положение ног. Пол вежливо улыбнулся, Ринкель демонстративно молчала и читала газету.

— Надо мне быть поосторожнее в этот раз, — сказал Хольстейн, поправляя шелковый шарф и поглаживая животик.

Пол и Ринкель регистрировались на рейс вместе и, соответственно, получили соседние места. «Да, некоторые умеют устроиться», — весело проговорил Хольстейн, проходя мимо них к своему креслу, расположенному на пару рядов дальше.

Ринкель села у окна, точно так же, как и в поезде. Пол с трудом пристроил свои ноги и улыбнулся Ринкель, которая посмотрела на него пару

секунд, не отвечая на улыбку, а потом достала газету и снова стала читать. Пол несколько раз попытался возобновить разговор, который они вели в поезде, но она вежливо, но недвусмысленно отказалась от беседы.

Полу стало нехорошо от злости и нервозности, возможно, прежде всего потому, что чувство общности, испытанное им во время поездки на экспрессе, он придумал сам. Словно ты вручаешь человеку тщательно выбранный подарок, а он бросает его на пол, даже не удосужившись открыть. Пол не привык к тому, что окружающие, в особенности женщины, не ценят предлагаемой им дружбы.

Нет, Полу Бентсену это не нравилось. Он знал, что преувеличивает и Ринкель даже не подозревает, что для него это было нечто большее, чем обычный галантный поток слов в вежливой беседе двух коллег. И, хорошо обдумав ситуацию, он понял, что дело обстоит следующим образом: ему показалось, что между ними зародилась дружба, а может, даже флирт. Он был раздосадован, потому что его обидели, потому что он оказался наивным и потому что ничто не способно разозлить его так, как ситуация, в которой он выглядит смешным. Пол начал нервничать,

потому что все-таки сидел рядом со своей начальницей, с которой важно поддерживать хорошие отношения, с человеком, во власти которого загрузить его скучной работой, продлить контракт, уволить или порекомендовать на постоянную должность.

Он боялся ее. Задолго до начала работы на футлинге он слышал рассказы о Ринкель. Говорили, что она способна на невероятные поступки.

Теперь Пол верил этому. Что-то пугающее было в этом желтом блеске слишком светлых глаз, в изгибе шеи. Он чувствовал влечение к Ринкель, это женщина, о которой он думал, которую мысленно раздевал, несмотря на то что она была его начальницей и старше почти на двадцать лет. Несмотря на то, что он боялся ее. А может, именно поэтому.

В самолете по дороге из Осло в Вену ее отстраненная близость заставляла Пола снова и снова думать об одной идиотской детали. Как обычно бывает в подобных ситуациях, чем больше он старался не думать об этом, тем больше этот вопрос занимал его мысли. В действительности это было довольно глупым делом, честно говоря, смешной и незначительной проблемой, на которую жалко тратить время. Речь идет о лингвистическом

термине, о научном обозначении языкового феномена. Пол отдавал себе отчет в том, что знает это слово, просто никак не мог его вспомнить. Мы говорим «ирланцы», думал Пол, никто не говорит «ирландцы» — может, за исключением того пенсионера, профессора, специалиста по норвежскому языку (которого в средствах массовой информации называют «профессор-языковед» и часто показывают со спортивным снаряжением), потратившего всю свою трудовую жизнь на то, чтобы ввести в норвежском языке нормы устной речи. Любой норвежец с востока с нормальным темпом речи скажет «ирланцы». «Ирланцы». «Ирланцы». Гаплология? Нет, не может быть, потому что при гаплологии один из двух непосредственно следующих друг за другом сходных слогов выпадает, например «филогия» вместо «филология». Элизия? Метатеза? Ассимиляция? Может, просто выпадение согласного, ведь вместо «ндц» мы просто говорим «нц». Диссимиляция? Он не мог успокоиться, он просто-напросто был не в состоянии отвлечься от мыслей об этом, но ответа так и не вспомнил. Позже ему пришло в голову, что возможно, однозначного ответа и не существует.

Из Вены в Грац они летели на маленьком вин-

товом самолете внутренних авиалиний. В салоне было очень тесно, колени Пола упирались в спинку стоящего впереди сиденья, так что пришлось согнуть ноги в коленях под острым углом. Пассажиров было не слишком много, но зато на борту присутствовали целых три стюардессы. Все они были очень высокими, а может, только казались такими, потому что потолок нависал совсем низко, а проход казался узкой полоской, разделяющей салон. Статные стюардессы были в костюмах, напоминающих австрийские народные: юбки из толстого красного сукна, разлетающиеся от пояса, как парашюты, расшитые цветами корсеты и белые блузки с глубокими вырезами и рукавами-фонариками до локтя, из которых выглядывали сильные веснушчатые руки. На головах у всех трех были платочки, завязанные под подбородком, их лица покрывал красный румянец, и они улыбались своими большими ртами. Чтобы протиснуться по проходу, стюардессам приходилось прижиматься к сиденьям. Девушки по очереди склонялись над Полом, сидевшим рядом с молча читающей Ринкель, и казалось, что их огромные груди вот-вот выпадут из вырезов в руки Полу, а их улыбающиеся рты коснутся его лица. Губы двигались,

произнося что-то, чего Пол не понимал, а большие блестящие глаза вопросительно глядели на него. «Н-найн, д-д-анке», — говорил Пол всякий раз, и всякий раз у него все больше и больше пересыхало в горле. А вот Эдит Ринкель три раза протягивала руку, произносила несколько слов на великолепном немецком и получала пластиковый стаканчик, наполненный жидкостью, в которой звенели кусочки льда. И каждый раз Пол все глубже и глубже вдавливался в сиденье, обтянутое ворсистым бежевым материалом, и ему казалось, что его тело приобретает текстуру и цвет этого материала.

С тех пор, как в детстве Пол ясно осознал свои хамелеонские наклонности, прошло много-много лет. Во время двух перелетов на конференцию в Австрии Пол испытывал юношескую неуклюжесть и нервозность, чего в его взрослой жизни не случалось, и он удивлялся, почему Ринкель так сильно на него действует. Пол понимал, что это связано с авторитетами. Конечно, люди, наделенные властью, занимающие высокие должности, могли разбудить в нем маленького мальчика, и он узнавал давно забытые ощущения: злость, стыд, бессилие, желание исчезнуть, ускользнуть, слиться с окружающей обстановкой. А может

быть, на самом деле, ничего этого не было? Действительно ли он пролил пепси на ноги Ринкель во время поездки в автобусе из аэропорта или же он просто настолько боялся сделать это, что вспоминал об этом случае как о реальном эпизоде? Пол не знал.

Нет, впоследствии он не мог сказать, на самом ли деле содержимое банки пепси-колы, которую он купил по прилете в Грац, оказалось на серых брюках Ринкель, или пятно, стоявшее у него перед глазами, является просто воспоминанием о страхе увидеть такое пятно.

Пристыженный, как четырнадцатилетний подросток, не осмеливающийся поднять глаз, поскольку лицо его покрыто прыщами, он вышел из самолета. Самое удивительное, что его состояния никто не замечал, для Ринкель и Хольстейна Пол продолжал оставаться обычным самоуверенным Полом, а для остальных пассажиров — высоким рыжеволосым мужчиной, одетым с небрежной элегантностью. Стюардессы долго смотрели ему вслед, одна из них незаметно пихнула в бок другую, и все три хихикнули и чуть не разразились хохотом.

Когда Пол узнал, что Ринкель тоже собирается на конференцию в Амстердаме, у него сначала

испортилось настроение, но потом он понял, что все же рад этому обстоятельству. Но Пол не хотел повторения путешествия в Австрию, поэтому решил ехать один. Он отправился на поезде в Копенгаген, а уже оттуда в Амстердам. В дороге он читал газеты, еще раз пробежал свой доклад, пил пиво и смотрел на зеленые поля, где паслись черные и белые голландские коровы. Он прибыл довольно поздно, заселился в гостиницу, сделал пробежку и лег спать.

Пол в хорошей физической форме. Он регулярно бегает, зимой ходит на лыжах и к тому же по четвергам играет в сквош с Мортеном (за исключением тех дней, когда у Мортена гостит его сын Сондре). После игры Пол с лучшим другом обязательно идут пить пиво, так что эффект от тренировки сводится на нет, как обычно подмечает Мортен. Несколько раз в юношестве Пол играл в теннис на кортах в парке Уллевол-Хавебю. Он ездил туда на велосипеде из своего района Фагерборг по улицам Согнсвейен, Волвейен, через площадь Дампласс, мимо «Плазы», откуда доносился соблазнительный, вызывающий повышенное слюноотделение запах свежеиспеченных булочек, и дальше по улице Бергсаллеен. Теперь они играют в сквош. Мортен пытался уговорить

Пола начать играть в гольф, но Полу казалось, что в таком случае он пересечет некую социокультурную границу, но об этом он Мортену не сказал, потому что знал, что гольф стал общедоступным видом спорта. Поэтому Пол шутя ответил: «Нет, спасибо, ты когда-нибудь слышал о лингвисте, который играет в гольф?»

В это утро Пол успел зарегистрироваться на конференции, а потом, в общем-то случайно, оказался на докладе исландца. Вот сейчас Гудмундссон говорил о возможном слиянии круглых гласных переднего ряда в скандинавских языках; посреди размышлений о будущем гласного «у» он остановился и начал вытирать со лба пот. Пол снова стал рассматривать присутствующих.

Ханс Хольстейн не поехал на эту конференцию, но зато здесь был Паульсен.

Он сидел перед Полом, рядом ниже. Профессор Фред Паульсен заведует кафедрой, на которой работает Пол. На кафедре его любят, по крайней мере не испытывают к нему неприязни, и считают хорошим начальником, потому что он безобидный человек, почти лишенный амбиций, который не вмешивается в работу своих подчиненных, как это обычно делают начальники. В коридорах кафедры о Паульсене говорят, что он

поразительно посредствен как ученый, даже в чем-то наивен. Как и многие другие, получившие административную должность в университетской системе, он не может похвастаться большими научными достижениями. Ему только что исполнилось шестьдесят, а наскрести материал на докторскую диссертацию удалось всего пять лет назад (повезло с комиссией, состоявшей из трех близко знавших его людей, а в языковедческих кругах эта комиссия нередко состоит всего из двух человек, а иногда и из одного).

Пол не часто разговаривал с Паульсеном в Блиндерне, а в Грац Паульсен прибыл позже них, а уехал раньше. Однажды Пол поговорил с ним во время завтрака в ресторане, и они остались довольны друг другом. Пол быстро понял, что Паульсен почти не слушает того, что он говорит, и что гораздо больше ему нравится рассказывать истории, в которых главным действующим лицом является он сам. Пока Пол пил кофе, Паульсен рассказывал о сборнике статей, который редактировал пять лет назад и который получил блестящие рецензии в журнале «Акта Бергенсиа». «Критика зовут… в свое время мы с ним… вместе учились, очень хороший человек, Пол», — говорил Паульсен. Пол понимающе кивал.

Речь у Паульсена необычайно небрежная. Ему нравятся собственные шутки, ему нравятся длинные немотивированные паузы, и у него есть несколько любимых слов. Одно из них — «констатация», к несчастью, он произносит его неправильно: «костатация», и Пола передергивает всякий раз, когда Паульсен коверкает это несчастное слово.

От всех прочих сотрудников университета исследователи кафедры футуристической лингвистики отличаются тем, что хорошо одеты. Как будто окружающая их элегантность (кафедра располагается в самом новом здании Блиндерна) заставляет научных сотрудников прилагать дополнительные усилия к тому, чтобы хорошо выглядеть, лишний раз смотреться в зеркало, залезать поглубже в платяной шкаф и в кошелек. Заведующий кафедрой, однако, является исключением из этого правила.

В этот день он тоже был одет не особенно изысканно. Пол не помнил, чтобы видел его в чем-то, кроме двух костюмов: бежевого летом и синего зимой. Сейчас Паульсен был в бежевом. Он снял пиджак и положил его на соседний стул. Обычно Паульсен носит рубашки, но сегодня на нем была белая футболка с серым ободком на растянутой

горловине. Полу была видна его левая нога, покоящаяся на правой. Штанины коротковатых летних брюк задрались и обнажили часть левой бледной голени, контрастирующей с черными носками. Паульсен вздохнул, поерзал на стуле крупным телом, устроил поудобнее живот и положил один локоть на стол Пола, стоящий позади него. Он обернулся к нему и улыбнулся, извиняясь. Пол был совсем не в восторге от того, что Паульсен почти упал к нему в объятия.

Накануне для участников конференции была организована экскурсия по городу. Пол не успел на нее (чтобы успеть, ему пришлось бы выехать из дома на сутки раньше), а вот Паульсен сходил на экскурсию. К бейджу с его именем были прикреплены два крошечных деревянных башмачка на красно-бело-синей ленточке.[4]

Паульсен определенно еще не носил этим летом футболок, и прямо перед Полом покоилась его трехцветная рука. Она напоминала трехслойное мороженое, которое мама покупала Полу, когда он был маленьким. Нижняя часть руки Паульсена была коричневой, шоколадной, за ней следовала клубнично-красная полоса — это то

---

[4] Примечания: 4
Цвета нидерландского флага.

место, которое благодаря футболке на несколько часов открылось для горячего сентябрьского солнца. Верхняя часть руки, которая выглянула из рукава футболки, когда Паульсен облокотился на стол Пола, была такая же ванильно-белая, как и его нога.

Внезапно в аудитории началось движение, кажется, исландец сказал что-то такое, что все бросились записывать. Паульсен вернулся в нормальное положение, взял ручку и начал делать заметки на одном из листков из папки, которую все получили при регистрации утром. Наполовину пустая ручка «Бик» Паульсена, колпачок которой был изгрызен до белизны, быстро скользила по бумаге. Время от времени он вскидывал голову, словно на самом деле слушал и записывал все, что говорит докладчик. (Если бы Пол наклонился вперед и заглянул через плечо Паульсена, он бы увидел, что на листке были записаны только слова «фонология», «твердый приступ» и «подростки», последнее три раза подчеркнуто жирными чертами, остальная же часть листа была разрисована пышными фигурами танцующих женщин и гоночными автомобилями с непомерно большими колесами.)

Через два стола от Паульсена восседала профес-

сор Ринкель. Она сидела с совершенно прямой спиной, не касаясь спинки стула. На ней было голубое платье из тонкой ткани. Натуральный шелк, подумал Пол. Материя призывно обтягивала ее грудь, и Пол наслаждался этим зрелищем столько, на сколько у него хватило смелости. Вокруг шеи она повязала легкий, как пушинка, почти прозрачный платочек. Глаза Пола мечтали снова опуститься на ее грудь, но он заставил себя смотреть выше. Бело-коричневый платочек был украшен рисунком из мелких треугольников, и чем дольше Пол смотрел на них, тем быстрее они наезжали друг на друга, создавая новый запутанный узор. Темные, до плеч волосы Ринкель блестели. Руки лежали вдоль тела, кисти были спокойно сцеплены, грудь медленно поднималась и опускалась в такт дыханию. Он снова остановил взгляд на ее платочке. В аудитории начали посмеиваться. Наверное, этот Гудмундссон сказал что-то остроумное.

Примерно через полминуты после того, как стихло осторожное хихиканье, засмеялась и Ринкель. Ее смех был чист и тверд, как стекло, и одно из ее колец начало отбрасывать блики. Пол вздрогнул, и когда он перевел взгляд на собственные руки, лежащие на столе, то какую-то

долю секунды ему казалось, что они покрыты белыми и коричневыми треугольниками. Он тряхнул головой, и рука снова приобрела нормальный вид. Не глядя больше ни на свои руки, ни на Ринкель и Паульсена, ни на других слушателей, Пол попытался сосредоточиться и вникнуть в слова исландца, продолжавшего свой доклад. Тот рассказывал о *phonological language changes*[5] в диахронической перспективе, и Пол помнил еще по Грацу, что доклад не особенно интересен. Единственным отрадным моментом в его выступлении были две-три шутки — и он определенно только что произнес первую из них. Пол не мог точно сказать, плюс это или минус, но Гудмундссон, как и большинство его соотечественников, не выговаривал сибилянты, и *language change* он произносил как *ленгуисс сейнс.*

«Невероятно интересно», — сказал профессор Паульсен Полу после того, как они прослушали этот доклад в Граце. «Да-да», — ответил Пол. «Бред собачий и жалкий выбор теории», — фыркнула Ринкель и промчалась мимо них. Получилось так, что Пол с профессором Паульсеном в тот

---

[5] Примечания: 5
Фонологических языковых изменениях *(англ.).*

раз выходили из аудитории одновременно с исландцем. «Very interesting, I must say»,[6] — сказал Паульсен и улыбнулся Гудмундссону. «Yes, indeed»,[7] — произнес Пол — а что еще он мог сказать? «Thanks»,[8] — ответил исландец. Потом они представились друг другу, обменялись визитками, улыбками, вежливыми фразами и очевидными банальностями.

Доклад приближался к концу. Пол сосредоточился, он заинтересовался, будет ли концовка такой же, как в прошлый раз. Она оказалась абсолютно такой же, по крайней мере по мнению Пола. Ему запомнилась странная интонация последнего предложения, благодаря которой первые несколько секунд после завершения доклада Гудмундссона никто не мог понять, что он закончил. Сейчас произошло то же самое, и аудитория наполнилась выжидательной неспокойной тишиной, после чего раздались первые неуверенные хлопки. Остальные подхватили их, прозвучали нерешительные вялые аплодисмен-

---

[6] Примечания: 6
Очень интересно, должен отметить *(англ.)*.

[7] Примечания: 7
Да, это правда *(англ.)*.

[8] Примечания: 8
Спасибо *(англ.)*.

ты, как будто в действительности никому это все не интересно, как будто никто не слушал, как будто все хотели бы находиться в другом месте. Исландец сделал легкий поклон, собрал свои бумаги и вышел из аудитории. Красные пятна на его лице и шее исчезли. Он стер тыльной стороной ладони пот со лба и выглядел удовлетворенным и довольным. Он внес свой вклад в науку, теперь можно отдохнуть.

Многие ученые затрудняются выступать на конференциях, несмотря на то что они привыкли преподавать, несмотря на то что они совершенно четко осознают, что публике наплевать на доклады, которые она слушает, и несмотря на то что большинство докладов уже звучало раньше на других конференциях в других городах и в других странах. В самом начале, когда Пол только стал стипендиатом, он испытал настоящий шок, когда понял, что сотрудники университета ездят на конференции по всему миру и выступают друг за друга с одними и теми же докладами. Одни и те же шутки, одни и те же мультимедийные презентации, одни и те же резюме (или тезисы, на использовании именно этого слова настаивают норвежские лингвисты). Названия докладов раз от раза немного меняются, так что ученый смело

может подавать заявление на командировку и небезосновательно рассчитывать на ее получение, а после возвращения включить доклад в список научных достижений учреждения, в котором он работает. За прошедшие годы этот шок сменился смирением, теперь Пол довольствовался тем, что наблюдал за происходящим и клялся себе, что всегда будет писать для выступлений новые доклады, или, во всяком случае, переписывать их настолько основательно, что их можно будет считать новыми практически без зазрения совести.

В фойе перед аудиторией подавали напитки и легкие закуски. До сих пор шли три параллельных заседания, и вот теперь у всех участников наступил общий перерыв, и они собрались в большом, покрытом ковролином зале. Они стояли группами и тихо беседовали друг с другом, на груди у всех белые беджи с именами, а под мышками — папки с логотипом конференции. «Very interesting paper! I don't think we've met»,[9] — говорил профессор Паульсен Гудмундссону, они пожали друг другу руки, а потом Паульсен засунул правую руку в сумку, а исландец — в

[9] Примечания: 9
Очень интересный доклад! Не думаю, что мы знакомы *(англ.)*.

карман пиджака, после чего они обменялись визитками. На карточке Паульсена написано: «Head of department»,[10] он заказал 2500 штук сразу после назначения на должность заведующего и считает своей обязанностью распространить как можно больше из них.

В фойе вошла Ринкель. Она наверняка была в туалете, и Пол был уверен, что может различить свежий слой помады на ее губах. Юбка голубого платья из чистого шелка обвивалась вокруг ее ног, в то время как она, полная энергии и уверенности в себе, шествовала по залу. На ногах у нее были босоножки на высоком каблуке точно такого же цвета, что и платье. Подбородок поднят, глаза слегка прищурены. Они глядели вокруг, как прожекторы, словно сканируя помещение. Ринкель скользнула взглядом мимо Пола, по коже которого побежали мурашки, но Ринкель не медлила ни секунды, стремительно шла через зал, внимательно рассматривая всех присутствующих. Наконец она увидела то, что искала: Джека Миллза. Выражение ее лица изменилось, когда она направилась по прямой в сторону Миллза. Черты лица стали более мягкими, ме-

[10] Примечания: 10
Заведующий кафедрой *(англ.).*

нее суровыми. Она прибавила шаг и, не замечая этого, задела бокал пухленькой молоденькой девушки, на футболке которой остались темные пятна от минеральной воды, хотя эта футболка трудноопределимого серо-зеленого цвета и без того выглядела не лучшим образом.

Через несколько секунд Ринкель уже стояла рядом с Джеком Миллзом, он наклонился и поцеловал ее в щеку. Слишком долгий поцелуй, отметил Пол. Джек Миллз. Большой человек из США. Бесспорная звезда Четвертого симпозиума по вопросам лингвистических изменений в будущем. Знаменитость. Тот, кто выступит с основным докладом завтра на пленарном заседании. Тот, кем все восхищаются, тот, с кем все хотят пообщаться.

В конце 1980-х Миллз написал несколько статей для «Лингвистического журнала», вызвавших неподдельный интерес, где представил совершенно новый подход, абсолютно иной способ комбинирования морфологии, математической лингвистики и мнемотехники. Затем Миллз выпустил научно-популярную книгу о лингвистике «Наследие Евы». Было продано несколько сотен тысяч ее экземпляров, она была переведена на несколько языков, в том числе на шведский и

датский. Только в Норвегии было продано 15 000 экземпляров «Наследия Евы» (включая около тысячи экземпляров шведского перевода). Спустя два года Миллз опубликовал продолжение, «Наследство Адама», которое повторило успех первой книги.

Джек Миллз — один из крайне немногочисленных лингвистов, имя которого известно и нелингвистам. Когда мама Пола пытается объяснить, чем занимается ее сын, она часто ссылается на Миллза. «Он как Джек Миллз, понимаете?» — «Ага, — отвечают люди, — как Джек Миллз». А женщины обычно добавляют: «Ага, как Джек Миллз, тот симпатичный американец? Красавчик Джек Миллз?» — «Именно», — отвечает мама. Джек Миллз часто выступает по телевидению, его цитируют в газетах, а уж в списке литературы в курсовиках студентов первых курсов хотя бы одна из его книг указывается обязательно. Другими словами, языковеды презирают Миллза. Он практически не занимается никакими научными исследованиями последние восемь-десять лет, бурчат они. Существует широко распространенное мнение, что «Наследство Адама» — крайне легкомысленная книга. С другой стороны, Миллз — невероятно популярный докладчик, который,

если захочет, а он в определенной степени этого очень хочет, мог бы ездить с конференции на конференцию, а его расходы покрывали бы толпы поклонников. В особенности поклонниц, подумал Пол, почувствовав укол зависти, но отдавая себе отчет в том, что испытывает именно зависть.

Миллзу около пятидесяти. У него необычайно смуглая кожа, седые волосы зачесаны назад. Он высокий, наверняка на два-три-четыре сантиметра выше Пола. Пол и сам не маленького роста, он привык быть выше большинства людей, привык возвышаться над всеми, привык смотреть на других сверху вниз, но ни в коем случае не в переносном смысле, а только в буквальном значении. (Но если мы на мгновение вспомним о теории метафор Лакоффа и Джонсона, мы легко сможем представить, что едва ли случайным является наличие во многих языках, в том числе и в норвежском, таких выражений, как «смотреть сверху вниз», «унизить», «смотреть снизу вверх», «быть на высоте».)

Миллз имеет привычку откидывать голову немного назад, высоко поднимая подбородок. Но одновременно он наклоняет голову вбок, как дружелюбная белочка, и вежливо улыбается своему

собеседнику. Великолепный выверенный баланс между властностью и снисходительностью, дружелюбием и приветливостью, тот баланс, на выработку которого потребовалось несколько лет, но которым в настоящее время Миллз владеет в совершенстве.

Вокруг Миллза, одетого в неброский темно-серый костюм, увивались четыре женщины. Одна из них необычайно красивая блондинка, высокая и длинноногая. На ней бледно-зеленое летнее платье с открытой спиной. Ее зовут Лоне Хюсгорд-Йенсен, она преподает в Копенгагенском университете. Совершенно случайно Полу было известно, что ее тело так же прекрасно без одежды, как и в ней, потому что они переспали в прошлом году во время семинара в Орхусе, перед тем как Пол встретил Сири. Рядом с Лоне стояла почти такая же красивая брюнетка, в которой Пол узнал матлингвистку, недавно принятую на работу в Институт торговли Копенгагена. Но он не мог вспомнить ее имени. Поодаль, но ни на секунду не выпуская из вида лицо Миллза, находилась еще одна блондинка. Пол раньше ее не встречал, но ему показалось, что она похожа на немку (впоследствии выяснится, что он не ошибся). И Эдит Ринкель. Она стояла очень близко к

Миллзу. Издалека вообще создавалось впечатление, что она находится у него под мышкой, под углом между его рукой, которую он все время поднимал, жестикулируя в процессе разговора, и его крепким телом.

К Полу подошел худой мужчина с вытянутым собачьим лицом. На маленьком бейдже, прикрепленном к полосатой рубашке американца, было написано «Доктор Томасетти, Университет Атланты» (кстати говоря, не слишком авторитетный, так называемый «неаккредитованный» университет).

— Paul, how nice to see you![11] Мы встречались в Детройте, не так ли? — спросил Томасетти.

— Нет, это было в Исландии, — ответил Пол.

— Ах да, — сказал американец, — wonderful country.[12] Затем американец стал рассказывать Полу, что на улице жарко, с чем тот согласился, а также что Амстердам красивый город, чего Пол тоже не отрицал, а потом американец спросил про мисс Клив, талантливую и красивую девушку, работающую в Университете Осло. Пол никогда не слышал о ней. На самом деле амери-

---

[11] Примечания: 11
Пол, как приятно тебя видеть! *(англ.)*

[12] Примечания: 12
Замечательная страна *(англ.).*

канец говорил о Нанне Клев, и если бы Пол понял это и если бы он знал, как много она будет значить в его жизни, он бы очень заинтересовался рассказом Томасетти. Но Пол стоял и рассеянно слушал повествование Томасетти об этой мисс Клив, красавице, которая умудрилась произвести большое впечатление на самого Джека Миллза.

— А той темноволосой даме, — сказал Томасетти, указывая на Ринкель, — очень не понравилось внимание, которого удостоилась мисс Клив.

— Ага, — проговорил Пол, на самом деле не слыша, что сказал Томасетти, но взглянув на Ринкель.

Потом Томасетти стал говорить о своем докладе, который он представит на вечернем заседании. Взгляд Пола постоянно притягивал Миллз и его свита, ему было совершенно безразлично, что говорит доктор Томасетти.

— Жарко. — Пол подавил зевок.

В тот же миг Миллз шутливо, по-отечески обнял Лоне Хюсгорд-Йенсен за шею. Пол снова взглянул на рубашку Томасетти. Она казалась дорогой, но на ней было слишком много полосок, почти как на пижаме. Лоне улыбнулась Миллзу, то же самое сделали Ринкель и две другие женщины. Пол моментально почувствовал уверенность в

том, что Джек Миллз будет сегодня спать не один, какой бы ни была его пижама.

Когда Пол был моложе, сразу после Того происшествия, он на протяжении нескольких месяцев был убежден, что его кожа приобрела свойство менять цвет и фактуру в зависимости от окружающей обстановки. В течение нескольких лет Пол не мог избавиться от этого ощущения. Но оно появлялось только в ситуациях, когда он был не уверен в себе и смущен. Теперь это ощущение посещало его крайне редко. В последний раз он испытывал нечто подобное в самолете по дороге в Грац, сидя рядом с Ринкель. И он не мог до конца понять, чем именно это ощущение было вызвано. Должно быть, контрастом между многообещающим общением в поезде по дороге в аэропорт, приятным, почти интимным, и ледяным равнодушием, которым она почтила его в самолете. Но она ведь сделала это не намеренно? Нет, он ничего не понимал. Есть в Ринкель что-то непредсказуемое, что-то хищническое, что-то обманчивое. Сейчас она положила ладонь на руку Миллза с собственническим выражением лица и разразилась своим хрустальным смехом. Американец с лицом овчарки продолжал что-то говорить. Пол кивал, но понятия не имел чему.

«Я страдаю гиперконвергенцией», — подумал Пол. Для него эта мысль была не нова, и сам диагноз не нов, но ему нравилось думать об этом, а когда он несколько лет назад посмотрел фильм Вуди Аллена «Зелиг», то понял, что он не один такой. Он с юмором относится к своему состоянию, но одновременно практикует четкий аналитический подход к ситуации. Пол критически осмысливает каждый приступ хамелеонства с энтузиазмом и основательностью профессионального исследователя. Он улыбнулся сам себе при мысли о том, что не так давно ему казалось, будто он слился с бежевым креслом самолета.

Среди животных мимикрировать способны, например, представители семейства *Chamaeleontidae.* Как представитель *Homo sapiens sapiens* Пол в этом отношении отличается от других. На самом деле вполне нормально, если на тебя оказывает влияние, к примеру, манера речи собеседника. С этим фактом хорошо знаком каждый лингвист. Но сразу после Того происшествия эта особенность стало проявляться у Пола в значительно большей степени, чем обычно, к тому же против его воли: он подражал мимике собеседника и языку его тела, а также голосовому регистру, высоте голоса, темпу речи, акценту и

произношению. Но поскольку все считают свою манеру речи наиболее естественной, большинство людей даже не замечали склонности Пола.

В то время он почти до совершенства развил в себе способности попугая. Пол прекрасно имитирует норвежские диалекты. Он может говорить по-английски, как с британским, так и с американским акцентом. А если он разговаривает с ирландцем или австралийцем или с другим англоговорящим, он безошибочно перенимает их произношение. Пол прилично говорит на французском и итальянском, а в коротких беседах вполне может показаться блестящим знатоком немецкого и голландского. Ведь исследования показывают, и Пол может это подтвердить, что именно фонетика является решающим фактором в определении того, насколько хорошо человек говорит на иностранном языке. Произношение Пола эффективно сглаживает недостающие познания в грамматике и слишком маленький запас слов.

Сейчас, беседуя с американцем, Пол совершенно осознанно говорил с мягким журчащим акцентом уроженца южных штатов, точно с таким же, как и американец.

— Well,[13] мне нужно идти, — произнес наконец американец и похлопал Пола по плечу. Пол кивнул, и американец снова раскрыл рот, но Пол его опередил и первым выдал прощальную реплику, которую собирался сказать американец:

— Давай выпьем как-нибудь вечером.

Американец, немного ошарашенный, удалился.

— Hello there![14]

Пол оторвал взгляд от Миллза и его четырех дам и обернулся. На этот раз он увидел перед собой довольно некрасивое лицо молодой женщины.

— Hello, — ответил Пол вежливо, но равнодушно и быстро опустил взгляд на ее большую и красивую грудь. Серо-зеленая футболка все еще не высохла после столкновения с Ринкель, и мокрые пятна четко очерчивали края лифчика. На самом деле Пол искал бейдж с ее именем, прикрепленный довольно высоко над левой грудью: «Аспирант Петра ван Мелен, Университет Тильбурга». Девушка уже протянула ему руку, и Пол поспешил пожать ее, произнося при этом свое имя и название Университета Осло и одно-

---

[13] Примечания: 13
Ну что же *(англ.).*

[14] Примечания: 14
Привет! *(англ.)*

временно указывая на свой бейдж.

— Well, — проговорила Петра.

— Yeah,[15] — ответил Пол.

И вот они оба стояли и молчали. Пол не был уверен, хочет ли он разговаривать с этой женщиной, но было вполне очевидно, что Петра желает пообщаться с ним. Она покашливала и смотрела на него снизу вверх, а потом спросила, в какой области он работает. Поскольку невозможно представить, чтобы Пол был невежлив по отношению к даме без малейшего к тому повода, он начал говорить. Петра не заметила, что он разговаривает не слишком охотно, к тому же скоро он смягчился. Он рассказал о латыни и праскандинавском, о тех выводах, к которым пришел в работе над своей докторской, о совпадающих парадигмах и общем происхождении этих языков. Он долго восторженно распространялся о красоте морфологии, о прекрасных, математически выстроенных парадигмах. Он жестикулировал, был обаятелен и испытывал мальчишеский энтузиазм. Петра оказалась хорошим слушателем, она кивала и улыбалась, вставляла короткие комментарии и задавала правильные вопросы. И

---

[15] Примечания: 15

Да *(англ.).*

она начинала нравиться Полу.

Когда Пол наконец умолк, полагая, что сказал все самое главное, она подняла брови так, что они скрылись под челкой, и спросила, не по ошибке ли Пол здесь оказался. «Это конференция посвящена футуристической лингвистике, а не диахронической», — сказала Петра, которая за время долгого выступления Пола набралась мужества шутливо подтолкнуть высокого рыжеволосого норвежца. Пол засмеялся, сразу признаваясь в своей любви к истории языка, немного помедлил и сказал, что он в такой же мере интересуется исследованиями будущего языкознания. Он коротко рассказал о кафедре футуристической лингвистики, о своей нынешней должности и текущих исследованиях. Петра засмеялась, Пол тоже засмеялся и признал, что она его раскусила: он действительно больше увлекается диахронической лингвистикой, чем футуристической. «You've got me there»,[16] — сказал он со слабым голландским акцентом.

Пол снова стал скользить взглядом по ее груди, которая начала колыхаться так, что на это невозможно было не обратить внимания, особенно когда она подталкивала его. На ее бейдже было

---

[16] Примечания: 16
Ты меня поймала *(англ.).*

написано «аспирант». Пол стал расспрашивать о ее проекте, и Петра с удовольствием рассказала о программе компьютерного моделирования, с помощью которой можно выяснить, как изменяются пространственные наречия в голландском языке под влиянием наиболее распространенных в Нидерландах языков иммигрантов: суринамского, арабского и турецкого.

— Dat is leuk,[17] — сказал Пол.

— Вы говорите по-голландски? — удивилась Петра.

— Nee, alleen een beetje,[18] — ответил Пол. Петра засмеялась, и грудь ее под футболкой заходила ходуном.

Тем временем Джек Миллз оставил своих дам и направился к выходу. Он пересекал фойе, и его звездный статус расчищал ему путь. Все уважительно отступали в сторону, давая ему дорогу, и среди стоящих в помещении людей образовался широкий проход. Все, абсолютно все смотрели вслед высокому, одетому в темно-серый костюм мужчине. Когда его спина скрылась из виду, в фойе еще пару минут стояла тишина, после чего

---

[17] Примечания: 17
Классно *(гол.).*

[18] Примечания: 18
Нет, только чуть-чуть *(гол.).*

все снова начали тихо переговариваться.

— Вы с ним знакомы? — спросила Петра.

— Нет. А вы?

— Нет. С нетерпением жду его завтрашнего выступления. Вы читали его книги?

— Ну да. И «Наследие Евы», и «Наследство Адама». А вы?

— Только первую. Я слышала, что «Наследство Адама» — ужасная книга.

— Да.

— Это на самом деле так?

— Нет, вообще-то нет. На самом деле она хорошая.

— А эта темноволосая женщина? Вы знаете, кто это?

— Это моя начальница, — ответил Пол.

— Красивая, — задумчиво произнесла Петра.

Пол увидел, что Ринкель подходит к исландцу, наклоняется к нему и что-то говорит. Пол хотел бы слышать, что именно. Он не мог себе представить, что это что-то вроде «I must say that was a very interesting paper».[19] Нет, Пол Бентсен понятия не имел, что она говорит, но был убежден в том, что это не теплые вежливые слова. Исландец

---

[19] Примечания: 19

Должна сказать, доклад был очень интересным *(англ.)*.

улыбался и кивал, но глаза его бегали, а красные пятна снова появились, сначала они выступили на лице, а потом расползлись по шее и по лысоватому черепу. Ринкель еще что-то произнесла, после чего кивнула и ушла. Пол понуро опустил голову. Ему казалось, что он различал со своего места запах ее духов. Тошнотворно-сладкий. Как запах гниющих яблок.

В тот же вечер в Осло Нанна Клев сидела в пабе в корпусе Фредерикке со своими новоиспеченными коллегами с кафедры футуристической лингвистики. Это был первый рабочий день Нанны на новом месте, она еще не познакомилась с Полом Бентсеном, до их встречи оставалось еще двое суток.

Сейчас Нанна сидела в окружении полудюжины сотрудников за одним из угловых столиков в пабе. Они заказали пиццу и запивали ее пивом и вином. Пойти в паб предложил сутулый и дружелюбный синтаксист Гуннар Вик. Он давно знал Нанну и хотел познакомить ее с некоторыми сотрудниками кафедры. Гуннар пригласил самых молодых футлингвистов, большинство из которых были аспирантами или стипендиатами; единственное постоянное место на кафедре занимал сам Гуннар Вик.

Со всегда присущей филологам тяге к языковой определенности они начали анализировать диалектальную и социолектальную принадлежность двух официантов, а потом и посетителей, сидящих за соседним столиком. Но через некоторое время эта игра им надоела, и один из них сказал:

— Паульсен туп как пробка.

— Ханс Хольстейн пьет как сапожник, — произнес другой.

— Да что ты? — удивился наивный морфолог.

— Точно. Даже в рабочее время. Кстати, кто-нибудь хочет еще вина?

— Да, спасибо.

— Немножко, спасибо.

— От Эдит Ринкель у меня мурашки по спине, — продолжил один из фонологов.

— Она очень талантлива, — прошамкал Гуннар Вик с набитым ртом. Если и трудно было разобрать, что он говорит, то уж по его лицу, похожему на знамя протеста, легко можно было прочитать, что он имеет в виду.

— Гуннар! Ты слишком добр! Ты что, ее глаз не видел? От них в дрожь бросает.

— Не запугайте до смерти бедняжку Нанну, — предупредил Гуннар, проглатывая пережеван-

ный кусок пиццы.

— Вообще-то я знакома с Эдит Ринкель, — сказала Нанна. — Встречалась с ней в одном университете в США. В этом году.

— Ага, и что ты о ней думаешь?

— Она… — Нанна помедлила… — не очень… располагает к себе.

— Да, это уж точно. А с ветчиной больше не осталось?

— Кстати, я вчера разговаривала с Лини Б., — тихо сказала одна из присутствующих девушек другой. Они сидели настолько близко и разговаривали настолько тихо, что было понятно: они подруги.

— Как у нее дела? Она нашла работу?

— Ну… она замещает учителя в школе, но… ты же знаешь…

Первая девушка помахала рукой в воздухе. Другая с пониманием склонила голову.

— Вы случайно говорите не о Линн Билюнд? — осторожно спросила Нанна.

Подружки закивали.

— Да. Ты ее знаешь? — задала вопрос одна из них.

— Да, — ответила Нанна. — Мы вместе учили немецкий в университете в Тронхейме.

— Ах вот как, — произнесла вторая девушка.

— Вообще-то она должна была работать здесь, — сказала первая.

— Да? — удивилась Нанна. — Было бы здорово. Почему же она здесь не работает?

— Ты знаешь Пола Бентсена?

— Нет, — ответила Нанна.

— Ну, он работает на отделении футуристической морфологии, у него исследовательская должность. Проще говоря, он занимает место, которое должна была получить Линн.

— На самом деле в списке кандидатов она шла под первым номером, а Пол под вторым. Никто не знает, что случилось, но Паульсену удалось каким-то образом изменить очередность, в результате должность досталась Полу.

— А он… способный?

— О да, он очень способный и… — девушка понизила голос и произнесла нарочито таинственно: — красавец! Необыкновенный красавец!

— Да, да, — сказала ее подруга, которая была не слишком очарована Полом Бентсеном. — Но строго говоря, ему совершено нечего делать на нашей кафедре. Он занимается историей языка. Что исследователю прошлого делать на кафедре будущего?

— Пол чертовски приятный парень, — вступил в разговор Гуннар, услышав последние реплики. — Не буду рассуждать, красив он или нет, но он безусловно талантлив. В том числе как исследователь будущего. Он стал одним из наших лучших футлингвистов.

— Хорошо. Он неоднозначная личность, — настаивала та из подружек, что была настроена более скептично.

— Да, да, возможно, — согласился Гуннар, который не хотел ни с кем портить отношений.

— А вот Эдит Ринкель отвратительна, — заявил кто-то.

— Она необычайно талантлива, — повторил Гуннар.

— Гуннар, ты такой скучный! Официанты делают вид, что нас не замечают, сходил бы ты и заказал еще пиццы!

— Хорошо, — услужливо согласился Гуннар. — Что вы хотите?

— Еще одну с ветчиной и шампиньонами!

— И одну с креветками и ананасами!

— Уф!

— Хорошо, я пошел. Одна с ветчиной и одна с креветками.

— И прихвати одно пиво!

— А Пол Бентсен не заслуживает этого места. Его должна занимать Линн Б., — пробормотала одна из подружек.

— И мне большое пиво!

— И еще одну бутылку вина. Красного.

— Большую пиццу с ветчиной, маленькую с креветками, два больших пива и бутылку вина, — спокойно, уверенно и дипломатично подвел итог Гуннар и направился к барной стойке.

— Но послушайте, Эдит Ринкель на самом деле отвратительна, — настаивала одна из диалектологов. — Знаете, как она однажды поступила со мной?

Все мгновенно склонились над столом, с интересом ожидая продолжения.

— Это случилось после того, как я защитила диплом, сразу после того, как было построено здание футлинга, — начала девушка свою историю. — Да, Эдит Ринкель недолгое время была заместителем заведующего, — добавила она для Нанны.

— Ну и? — нетерпеливо торопили ее остальные, затаив дыхание, жадные до новых скандальных историй о Ринкель. — Ну? Что случилось?

— Я хотела подать заявку на финансирование экспедиции на Острова Зеленого Мыса и погово-

рила об этом с Эдит Ринкель. Но она отнеслась к моему проекту, мягко говоря, скептически. И представляете? Той весной Исследовательский совет выделил стипендии для изучения креольского языка.

— Да ты что?

— И я узнала об этом только после истечения времени подачи заявок. Но Ринкель, как заместитель заведующего, наверняка знала об этом. И через неделю после окончания срока подачи заявок, только тогда, она сказала мне медовым голосом: «Я только сейчас узнала об этом. Извини».

— Кошмар! Может, это просто недоразумение? — предположила Нанна.

— С Эдит Ринкель никогда не случается недоразумений. А если она что-то и недопонимает, то намеренно.

— Когда я училась, — подхватила другая девушка, — Эдит Ринкель была ответственной за праздники по случаю публикаций на кафедре классических и мертвых языков. У них существует традиция отмечать все публикации сотрудников. И Эдит Ринкель организовывала чаепития для тех, кто ей нравился, игнорируя всех остальных.

— Неужели?

— Да. Некоторых она просто не замечала. Это эффективная управленческая технология. Она просто их игнорировала.

— Она всегда включает собственные статьи в учебный план, — поддержал разговор морфолог.

— Первое, что сделал Пол Бентсен на новом посту, — включил в учебный план одну из собственных статей.

— Ну, все мы не ангелы, — заметил Гуннар Вик. Он вернулся, заказав пиццу и выпивку.

Упражнения в злословии закончились только тогда, когда от пицц осталось несколько корочек. Если Нанна Клев и была удивлена широтой, глубиной и интенсивностью сплетен, она этого не показывала. Многие сказали бы о Нанне Клев, что она приятный человек. Мы же не будем скрывать, что Нанна легко увлекается сплетнями. В этом она в общем похожа на большинство из нас. Но кажется, она стыдится этой стороны своей натуры. Однако Нанна полностью поддалась общему настроению и слушала с жадностью. Она почти не ела пиццу. Она сидела за столиком в пабе с блестящими глазами и слушала истории о своих будущих коллегах с большим интересом.

На гуманитарном факультете дюжина кафедр, и атмосфера на них совершенно разная. Сотруд-

ники одних ощущают себя большой счастливой семьей, на других кафедрах они разбиты на маленькие группы, косящиеся друг на друга с ненавистью и подозрением, на третьих царит равнодушие и тоска по чему-то иному, находящемуся далеко за пределами кампуса. Часто, на удивление часто, такие различия возникают из-за одного-единственного человека. Потому что один-единственный человек может определять психологический климат целой кафедры. Всего только своим присутствием он или она — зачастую не отдавая себе в этом отчета — может создать на кафедре атмосферу дружелюбия, командного духа, сотрудничества или же атмосферу нешуточного соперничества и разобщенности.

Естественно, заведующий, в силу своего служебного положения, может способствовать тому, чтобы таланты сотрудников расцветали и развивались, но, к сожалению, всего лишь один недовольный сотрудник в самых неудачных случаях сведет на нет все старания заведующего. Точно так же заведующий может разрушить благоприятную обстановку на кафедре, а его подчиненный с особым складом характера в состоянии это исправить. Такие люди встречаются редко. Но кажется, Нанна из их числа.

В сущности Нанны заключено что-то *хорошее.* Да, Нанна действительно приятный человек. Она из тех людей, которые нравятся всем. Ей невольно улыбаются даже брюзгливые старики со зловонным дыханием и годами не улыбавшиеся мужчины. Таксисты прыгают от удовольствия на сиденье и выключают счетчик, не доехав до пункта назначения. Она получает скидки в магазинах, не торгуясь. В ресторанах ей дают лучшие столики и самые нежные куски мяса. Рядом с Нанной старушки благожелательно кивают головами, а мужчины всех возрастов многозначительно поднимают брови и неосознанно округляют губы, словно для того, чтобы присвистнуть. Дети награждают ее рисунками и объятиями. Собаки самых разных пород и размеров виляют перед ней хвостами и норовят лизнуть ей руку. (Забавно, что сама Нанна не очень любит животных, в особенности собак. Она не выносит мокрых языков и маловыразительных преданных глаз.)

Нанну нельзя назвать красивой, она не обладает классической красотой. Больше всего она напоминает радостную блондинистую китаянку. У нее довольно широкий, немного приплюснутый нос, маленькие, плотно прилегающие к голове уши, необычайно широко расставленные

раскосые глаза, большие и круглые. Ее волосы светлые и гладкие, как очищенный миндаль.

Она любопытна, но вместе с тем полна зрелого жизненного опыта. Нанна производит впечатление человека, который не постесняется попросить в самолете место у окна, который хоть и привык к перелетам, но не утратил способности радоваться, глядя на кучевые облака, игрушечные домики и ленты рек.

Она скромна, но далеко не застенчива. Она уверенна в себе, но ничуть не резка. Есть в Нанне что-то необычное. Она хороша собой, она способная. Но таких много. Что-то другое есть в Нанне. Что-то совершенно особенное.

Потому что наиболее выдающаяся черта Нанны — не красота и не способности, главное в Нанне то, что рядом с ней люди прекрасно себя чувствуют. Она светится добротой. Несмотря на то что она такая молодая (и выглядит моложе своих лет), такая хрупкая, она кажется очень надежной и по-матерински заботливой. Она из тех, кому сразу же хочется довериться, что обычно привлекает женщин. В то же время она выглядит такой слабой и беспомощной, что ей хочется помочь, и перед этим не могут устоять мужчины.

Все любят Нанну. И Пол тоже будет ее любить,

но пока он еще не знает о ее существовании. В то время, когда она сидит на диване в пабе в корпусе Фредерикке, Пол сидит у барной стойки в гостинице в Амстердаме. Лоне, скрестив длинные ноги, расположилась на соседнем стуле. Через семнадцать часов Пол и Нанна встретятся, и это событие изменит жизнь обоих.

В последний день амстердамской конференции в центре города, в индонезийском ресторане, состоялся торжественный ужин. Участникам, которые хотели на нем присутствовать (а это почти все), в обеденный перерыв раздали входные билеты и купоны на спиртное. Последние два дня Пол провел прекрасно. Удушающая жара спала, и однажды днем он смог совершить пробежку в большом парке, больше похожем на лес. Он прослушал множество выступлений и сам выступил с докладом, который был великолепно принят.

Но вчерашнее утреннее заседание он прогулял, ускользнул, как сознающий свою вину школьник, вместе с Петрой, пригласившей его на прогулку по каналам, после чего они зашли в блинный домик и поели блинов с сиропом, яблоками и беконом. После третьего бокала голландского джина глаза Петры стали влажными и теплыми. Она ничего не сказала, но Пол и так все понял.

Казалось, что во время конференции Ринкель все время старается попасться ему на глаза. Холодная, целеустремленная, направляясь с одного доклада на другой, она один раз чуть не наткнулась на Пола, пересекающего фойе по дороге на семинар. Она дружески улыбнулась ему, не останавливаясь, и исчезла в одной из аудиторий. В воздухе остался лишь намек на специфический запах ее духов. Пол сделал глубокий вдох, втягивая воздух большим красивым носом. Когда он в следующий раз увидел Ринкель, она шла с Миллзом и не обращала на Пола внимания. Но сегодня утром Миллз уехал, а вечером должен был состояться торжественный ужин.

Доклад Миллза, кстати, был очень хорош, и, несмотря на то что, как показалось Полу, форма превосходила содержание, тема была раскрыта прекрасно и новых идей у автора хватало. Ему аплодировали стоя. Пол не был уверен, что Миллз заслужил такой триумф, но был вынужден признать, что не видел более удачно подобранного костюма ни у одного лингвиста.

Оставался всего час до того момента, когда участники конференции соберутся в холле гостиницы, чтобы вместе пойти в индонезийский ресторан. Пол принял душ, почистил зубы и, хотя

уже брился утром, проделал эту процедуру еще раз. Обычно он бреется раз в три дня по двум причинам: во-первых, ему лень бриться ежедневно, а во-вторых, он считает, что щетина ему очень идет. (У него скопилась большая коллекция лосьонов после бритья, поскольку он часто получает их на Рождество от мамы.)

Пол решил надеть серый костюм. Он знал, что немногие мужчины придут в костюмах. Может быть, некоторые шведы наденут костюмы, и итальянцы, и франкоязычные бельгийцы, и наверняка французы. Но принимающая сторона — голландцы — придут в кроссовках и отвисших на задах вельветовых брюках. Так же вырядятся фламандцы и датчане, а можно ли считать костюмом наряд Паульсена — вообще большой вопрос.

Но Пол хотел хорошо выглядеть, хотел праздновать, не зная, что именно он будет праздновать, и почему ему этого хочется. Сначала он надел рубашку с узором, но отложил ее как слишком кричащую и выбрал другую, однотонную. Он посмотрелся в зеркало, зачесал влажные волосы назад с помощью крема «Нивеа» (этому его еще в школе научил Мортен, и это всегда работает). На мобильник пришло сообщение — это письмо от Лоне. Пол прочитал грубоватую эсэмэску, улыб-

нулся и стер ее.

Сегодня во время ланча он сидел рядом с Лоне. Она поднесла бокал с соком ко рту, посмотрела на Пола через край и выразила надежду, что он станет ее кавалером на вечернем мероприятии. Пол поднял свой бокал, чокнулся с ней и заверил громко и четко, что даже не думал о других женщинах с тех пор, как она оседлала его в Орхусе. Лоне захихикала и бросила якобы испуганный взгляд на двух других участников конференции, сидевших за их столом, наверняка монолингвальных англичан. Когда они поднялись после ланча, то Лоне встала на цыпочки и быстро лизнула его за ухом. Теперь Пол, напевая, чистил ботинки. Он размышлял, что Ринкель наденет на ужин — платье с декольте, облегающий топ или узкую юбку.

Когда он спустился в холл гостиницы, оказалось, что остальные уже ушли. Пол не слишком удивился (он чертыхнулся про себя, но скорее машинально, а не от настоящего раздражения: «Черт!»), он привык самую чуточку опаздывать по любому поводу, и, к счастью, название ресторана было написано на билете, а еще на нем имелась схематичная карта. Ресторан назывался

«Het blauwe kopje»[20] и находился на улице Сингельграхт. Пол отыскал его почти без проблем, спросив дорогу у парочки смеющихся подростков, которые, кстати, очень хорошо говорили по-английски. Он произвел на них впечатление, произнеся несколько предложений на, так сказать, чистейшем голландском, и пришел в ресторан уверенный в себе и в прекрасном расположении духа. Показал свой билет, и его проводили в подвальчик.

Внизу стояли шесть длинных столов, покрытых белыми скатертями. Вдоль них тянулись скамейки, на которых сидели более или менее празднично одетые участники конференции. Пол увидел Петру, поглядывающую на него, но ничего не сказал. Увидел Лоне, которая кричала ему, чтобы он сел рядом с ней. Увидел Ринкель. Она сидела спиной к Полу и разговаривала с темноволосым мужчиной в льняном пиджаке. Пол сделал вид, что не видит и не слышит Лоне, легонько коснулся плеча Ринкель, обнаженного плеча, через которое была перекинута лишь тоненькая лямка. «Здесь свободно?» — «Привет, — сказала она удивленно, — присаживайся». Он сел и как

---

[20] Примечания: 20
Голубая голова *(гол.)*.

будто только теперь заметил Лоне на другой стороне стола, виновато пожал плечами и сделал гримасу, которая должна была означать, что он, само собой разумеется, хотел бы сидеть рядом с ней, а не с начальницей.

За столом было уже довольно тесно, но вот вошла блондинка и уселась на скамейку через несколько человек от Пола, наверняка она только что вернулась из туалета. Пол узнал в ней одну из приближенных к Миллзу дам и с удовлетворением отметил, что она говорит по-английски с немецким акцентом. Все уселись плотнее, Ринкель придвинулась ближе к Полу, и он почувствовал, как ее теплое бедро касается его ноги.

Пол очутился в так называемой «скандинавской колонии». Темноволосый мужчина в льняном блейзере оказался шведским исследователем языка средств массовой информации по имени Стаффан, а прямо напротив него и Ринкель сидели Лоне и матлингвистка с каштановыми волосами из Института торговли, между ними расположился Паульсен.

Подали *rijsttafel.*[21] Множество маленьких тарелок и вазочек покрыли белую скатерть, и гости

---

[21] Примечания: 21
Рисовые закуски *(гол.).*

стали раскладывать угощение по тарелкам. После того как купоны на алкоголь были сданы, а полученное на них вино выпито, они заказали еще. Все были в прекрасном настроении. Они завершили конференцию, закончили свои выступления. Завтра не будет утреннего заседания, большинство участников конференции смогут хорошенько выспаться перед тем, как на самолетах и поездах разъехаться по домам. Они вернутся домой, в свои университеты, в маленькие кабинеты, к книгам и кипам бумаг, требующих прочтения, к лекциям, которые надо провести, к студентам, которыми надо руководить. Они вернутся домой к супругам, любовникам и любовницам, маленьким детям или вечно недовольным подросткам, домой к типовому жилью и ухоженным виллам или к одиночеству и пустым квартирам. Но сейчас они здесь, где есть еда с приправами и постоянно появляются новые бутылки вина.

— Твое здоровье, Лоне, — говорил Пол на чистом датском и чувствовал, что пьянеет, что алкоголь разливается по его телу, и этот поток смывает все заботы и сомнения.

— Твое здоровье, Пол, — отвечала Лоне на почти норвежском.

Они обсуждали доклады, которые прослушали,

и упомянули Миллза. Пол внимательно следил за Ринкель, но не заметил никакой особенной реакции на это имя, ей абсолютно нечего было добавить в разговор о Миллзе. Она беседовала со Стаффаном, шведским исследователем языка средств массовой информации, сидящим с другой стороны от нее. Потом Лоне начала вслух читать найденное меню, и все стали совместными усилиями переводить его с голландского.

— Кip, — говорил Стаффан. — Это все, что я знаю. Это значит «цыпленок».

— Что это значит? Что ты сказал? — переспрашивали датчанки.

— Цыпленок. Цыпленок, — повторял швед.

— Да что ты, — кивали датчанки.

Заговорили о большом исследовании понимания разных скандинавских языков в скандинавских государствах, о том, что поколение родителей из разных скандинавских стран гораздо лучше понимало друг друга, чем поколение нынешних детей.

— А следующее поколение нас, северян, наверное, будет говорить между собой только по-английски. Cheers,[22] — сказал швед.

---

[22] Примечания: 22
За вас *(англ.)*.

Они разговаривали о слове *rijsttafel.* Рисовый стол. Если ты лингвист, пребываешь в отличном настроении, выпил вина, находишься в смешанном обществе и хочешь произвести впечатление на представителей противоположного пола, то о словах «рис» и «стол» можно сказать очень много. Реплики и этимологические гипотезы летали через стол, как мячики в пинг-понге. *Tafel.*[23] Как английское *table,* как итальянское *tavola.* По-норвежски говорят «вставать из-за *taffelet,* из-за стола», используя голландское слово, заметил Пол. Затем Паульсен сообщил, что он знает четыре слова, обозначающие рис в индонезийском языке.

— Ничего себе, можно их услышать? — спросила Лоне.

— Да, — ответил Паульсен. — Вот они. *Пади* означает рис, растущий в поле. *Габах* — это собранный, но не обмолоченный рис. Потом… Да, *берас,* это уже обмолоченный.

— Это три, — проговорила Лоне, загибая пальцы.

— Я не могу вспомнить… — сказал Паульсен с совершенно несчастным видом.

---

[23] Примечания: 23
Стол *(гол.).*

— Сваренный и готовый к употреблению рис называется *наси,* — произнесла Ринкель и склонилась к Полу: — Я как раз тоже прочитала эту книгу. Она из списка обязательной литературы для вводного курса, — прошептала она, беззлобно хихикая.

— Ааа, *наси,* как в *наси горенг,* — закричала Лоне. — Это блюдо. Оно есть в меню!

— Ах вот как, — сказал Паульсен.

— Это означает печеный рис, — пояснила Ринкель.

— Четыре слова для обозначения риса, а вот в скандинавских языках — всего одно, — сказал Стаффан.

— С лексической точки зрения да, — произнес Паульсен, пытаясь спасти свою честь.

— А вспомните эскимосов, сколько у них слов для обозначения снега. Как вы думаете, сколько?

— Гренландцы, — поправила Лоне. — Теперь они называются гренландцами. Или инуитами.

— Наверняка несколько сотен, — предположила матлингвистка. — Так сколько их на самом деле?

— Вроде бы пять или около того, — сказала Лоне.

— Двенадцать различных корней, как утвер-

ждается в великолепном исследовании Пуллюма, — вставила Ринкель.

— Правильно, Ринкель, — произнес Пол. Он был пьян, он чувствовал, как ее бедро касается его ноги. Он прижался крепче, но ее бедро осталось на месте, такое теплое и многообещающее.

В отель все скандинавы возвращались вместе. Они медленно шли вдоль каналов. Стало прохладно. Ринкель шагала впереди всех, позади нее трусил Стаффан. За ними следовали Паульсен и матлингвистка. Пиджак Паульсена был наброшен на ее плечи. Замыкали процессию Лоне и Пол. Лоне поеживалась.

— Прохладно, — сказала она.

— Хммм, — ответил Пол.

— Слушай, Пол. Это был косвенный намек, ты разве не понял? Иллокутивная сила прозвучала ясно и четко, разве нет? Или мне сейчас придется прочитать тебе лекцию о Сёрле?[24] Я мерзну!

— Прости, Лоне. Вот!

Пол снял с себя пиджак и положил ей на плечи.

— Спасибо. Скажи мне, между тобой и Эдит

---

[24] Примечания: 24

Джон Роджерс Сёрль (р. 1932) — американский профессор философии, известен теориями в области философии речи и природы сознания.

что-то есть?

— Нет, абсолютно ничего, — ответил Пол, пораженный женской способностью замечать подобные вещи.

— Берегись! У нее глаза гренландской собаки. Ненадежные и лживые.

— Я же сказал, ничего не было.

— Я слышала тебя. А ты слышал меня. Остерегайся этой женщины.

В этот момент матлингвистка пихнула пиджак Паульсену, в руки, тот взял его и на несколько секунд замер с совершенно дурацким выражением лица.

— Интересно, — сказала Лоне, — что сделал твой начальник?

Паульсен резко свернул в одну из боковых улиц и исчез в закоулках Россе-Буурт. (Ни одному уважающему себя лингвисту в голову не придет сказать «квартал красных фонарей». Если человек собирается последовать половому инстинкту и поглазеть на женщин, то ему неплохо бы выучить название соответствующего района на языке оригинала.) Остальные пошли дальше. При входе в отель Пол придержал дверь для Лоне и Ринкель. Стаффан должен был улетать завтра ранним рейсом, он крайне вежливо и прилично

извинился и откланялся, как это обычно делают шведы.

Ринкель и Пол посмотрели друг на друга.

— Спокойной ночи, — сказала Лоне. Она тоже хотела лечь. Немедленно. Сию минуту. Она пошла к лифтам и исчезла из виду. Ринкель и Пол остались одни.

— Она что, обиделась? — спросила Ринкель.

— Нет, не думаю, — ответил Пол.

— Она милая, — сказала Ринкель. — Северная красавица. По-настоящему красивая.

— Может, мы… — произнес Пол, кивая куда-то в сторону, где, как ему помнится, располагался гостиничный бар. Ринкель покачала головой.

— Пойдем, — сказала она и направилась к лифту. Кабина была очень маленькая и узкая. Ринкель стояла лицом к Полу, он смотрел над ее головой в зеркало на одной из стенок. Он чувствовал ее запах, запах ее духов, ее тела. «Мы подходим друг другу», — мелькнуло у него в голове перед тем, как лифт остановился и двери открылись. Ринкель вышла из лифта, Пол последовал за ней, хотя его номер был расположен двумя этажами выше. Он смотрел на тонкие лямки на ее плечах, на темные волосы, на круглые ягодицы.

— Здесь я живу, — проговорила Ринкель и

остановилась перед одной из дверей. Потом она встала на цыпочки и поцеловала его в губы. Влажным жарким поцелуем. Недвусмысленно жадным. Поцелуем, полным желания. Поцелуем таким глубоким, что его никак нельзя было принять за дружеский. Он почувствовал сильное возбуждение и обнял ее.

— Спокойной ночи, — целомудренно произнесла она, сделала несколько шагов, высвобождаясь из его объятий, повернулась, вставила карточку-ключ в замок и исчезла в своей комнате. Пол остался в коридоре перед закрытой дверью.

Потом, когда Пол уже лежал в кровати в своем гостиничном номере, он уже не был уверен в том, что Ринкель его действительно поцеловала. Может быть, он просто так часто думал об этом, что в его сознании слово «Ринкель» неизменно ассоциируется со словом «поцелуй»? Действительно ли он облил ее пепси-колой по дороге в Грац? Пол снова испытал хорошо знакомое чувство страха и потребность исчезнуть, раствориться в окружающей обстановке. Он поднял простыню и внимательно изучил свое тело. Кожа казалась такой же белой, как и постельное белье. Он быстро опустил простыню и закрыл глаза, он передумал: он не хотел знать, стала ли его кожа одного цвета

и одной фактуры с постельным бельем или это просто игра света.

Пол долго лежал, пребывая в удивительном униженно-возбужденном состоянии. Потом он решительно отбросил простыню в сторону, оделся и вышел из номера. Он быстро пошел по коридору с ковром на полу к лифту и меньше чем через пять минут уже лежал в двуспальной кровати в другом гостиничном номере в объятиях женщины. И это ему не казалось.

Она открыла, как только Пол постучал. Она стояла в дверях в тонкой шелковой ночной рубашке. Ни один из них не произнес ни слова. Он решительно вошел, закрыл за собой дверь, схватил ее. Она была податлива, он почти груб. Он запустил пальцы в ее волосы, оттягивая голову назад, а потом завалил ее на кровать. Он сорвал с нее ночную рубашку, и она лежала перед ним обнаженная до пояса, он раздвинул ее нога, удержал трепещущие бедра и наслаждался: она блестела и пахла как мягчайшая вкуснейшая семга. И он поцеловал ее там, поцеловал крепко, не убирая рук с ее бедер.

Потом они раздели друг друга, уже спокойнее. Лоне села в кровати. Она тяжело дышала и была очень, очень красива, особенно когда ее длинные

светлые волосы падали на лицо. «Давай, Пол», — сказала она и легла.

Но теперь Пол не спешил. Он стоял на коленях в ногах кровати и смотрел на нее. Лоне загорела, от крошечного бикини на ее теле остались белые полоски. Внезапно он заметил, что ногти на ее ухоженных ногах накрашены зеленым лаком, и восхищенно стал покусывать ее за пальцы, а потом перешел к острым маленьким грудям (они напоминали тетраэдры, в которых раньше продавали сливки), после чего скользнул в нее. Как правило, формы общения между людьми на филологических конференциях восхитительно незамысловаты.

Университет Осло был основан 2 сентября 1811 года, точнее сказать, в то время он носил имя Университет короля Фредерика и назывался так вплоть до 1939 года. Мама Пола появилась на свет семь лет спустя, она была зачата в первые преисполненные радостью послевоенные дни. Она родилась в холодную февральскую субботу 1946 года. Когда мама Пола была маленькой, на том месте, где сейчас стоят красные кирпичные здания гуманитарного и социологического факультетов в Блиндерне, находилось поле. Некоторые дома, например кафедра метеорологии, физический

факультет и общежитие, к тому времени уже были возведены, но вокруг них были луга и поля, поросшие травой, на которых паслись стада коров, лениво обмахивающихся хвостами.

Потом выросли красные корпуса, окруженные тщательно распланированными лужайками, были высажены деревья. Появились фонтаны и мощеные дорожки. Студенты рекой потекли в университет. В то время как в 1813 году в Университете короля Фредерика обучалось 17 человек, в середине 1950-х в Университете Осло числилось 3000 студентов. Накануне миллениума их было почти 40 000, следовательно, в 1970-м, в том году, когда мама Пола оказалась в снегу со спущенными на лодыжки рейтузами и с симпатичным мужчиной между ног, в Университете училось где-то от 3000 до 40 000 студентов. Неважно, сколько всего их было, во всяком случае, та, что вскоре станет мамой Пола, была одной из них: Марен Бентсен, одаренная, но не слишком прилежная студентка английского отделения.

К западу от зданий Блиндерна, между районом Виндерен и улицей Вестгренса, в небольшой низине раскинулся Исследовательский парк. Эта скромная долина располагается между новыми и старыми постройками. Здесь находятся, на-

пример, кафедра СМИ и коммуникации и Центр Средневековья, делящие белое современное здание, перед которым стоят скульптуры. К его входу ведет наклонный бетонный мост. Кафедра психологии находится в здании, построенном в стиле функционализма и носящем теперь имя Харальда Шельдерюпа.[25] Раньше здесь размещался Научно-исследовательский институт бумажной промышленности, поэтому психологи в фойе до сих пор наслаждаются видом огромной фрески работы Йана Хейберга,[26] изображающей процесс превращения древесины в бумагу. Она была написана в 50-е годы в стиле сурового соцреализма: статные лесорубы, сплавщики леса, деревообрабатывающие станки.

В северной части Исследовательского парка находится кафедра футуристической лингвистики. Это огромное здание. Не такое большое, как крупнейшие университетские постройки в Блиндерне, конечно, но достаточно большое для одной кафедры. Оно было спроектировано и

---

[25] Примечания: 25

Харальд Краббе Шельдерюп (1895–1974) — первый норвежский профессор психологии.

[26] Примечания: 26

Йан Хейберг (1884–1974) — известный норвежский живописец и скульптор.

построено специально для футлинга. Это второе по дороговизне здание после университетской библиотеки. Пять этажей. Полированный гранит, сталь и стекло. Необычайно высокие входные двери. Неудивительно, что министр, присутствовавший на церемонии открытия кафедры футуристической лингвистики, в своей речи провозгласил: «Эта дверь символизирует двери в будущее», и Паульсен, от которого спичрайтер министра получил в подарок этот образ, был удивлен меньше всех. Дверь имеет такие размеры, потому что высота холла здания — пять этажей, а сама дверь достигает высоты второго этажа.

Эскалатор с одной стороны холла ведет в кафетерий, в залы заседаний и на большую террасу на крыше. Вдоль другой стены, на расстоянии около тридцати метров от эскалатора, ведущего наверх, находится еще один, который ведет вниз. Стену у эскалатора наверх занимает огромный аквариум с морской водой высотой в два этажа. Только стоя на ступеньках и приблизившись к аквариуму вплотную, чтобы получше разглядеть рыбок, можно заметить, что эти рыбки — компьютерная анимация, и плавают они в виртуальном мире кораллов и сверкающего белого песка.

На другой стене, у эскалатора, ведущего вниз, тоже находится гигантский экран, и одним нажатием кнопки компьютерный дизайнер смог бы наполнить его водой и запустить в него разноцветных рыбок-клоунов и рыбок-хирургов, но эта стена посвящена цитатам из научных трудов. Каждый раз, когда кто-нибудь опубликует научный труд, будь то курсовая, диплом, диссертация, статья или книга, его помещают в электронную библиотеку кафедры. Автора при регистрации просят выделить предложение или два, которые затем будут выведены на огромный экран рядом с эскалатором. Эти цитаты пишутся разными цветами: небесно-голубым, синим, желтым, лимонным, серебряным; они медленно перемещаются по стене, так что тоже чем-то похожи на рыбок. Когда сотрудники кафедры едут на эскалаторе в кафетерий или из него, они могут прочитать цитаты из трудов коллег или студентов. Большинство пользуется случаем, чтобы насладиться собственной мудростью.

Пол в холле выложен белым мрамором. За стойкой администратора, за лифтами и лестницами, ведущими в кабинеты сотрудников, находится дзен-садик размером около десяти квадратных метров с круглыми камнями и маленьким крас-

ным мостиком, ведущим через узкий ручей, который заканчивается фонтанчиком. Там стоит низкий деревянный стол и два шезлонга в стиле Ле Корбюзье (комбинация, которую можно посчитать почти гениальной или возненавидеть как апогей дурного вкуса). Здесь можно в тишине и покое обсуждать футуристическо-лингвистические проблемы.

Кафедра футуристической лингвистики очень молодая, она появилась на свет благодаря огромным ассигнованиям из государственного бюджета. Их предоставления добился министр, который наверняка испытывал слабость к языкознанию, после интенсивного лоббирования со стороны некоторых сотрудников гуманитарного факультета (только что переименованного и до того называвшегося историко-философским факультетом), обладавших даром убеждения и умевших расположить к себе, к тому же распоряжавшихся крупными суммами денег, выделенных на представительские расходы.

Иные политики оставляют глубокий след в истории. Многие начинают войны, некоторые прекращают их, другие возводят себе памятники или обелиски, одни прокладывают дороги в родных местах, другие проводят большие и

маленькие реформы государственной администрации, школьной или университетской системы в надежде на то, что это обеспечит им место в книге вечной памяти. Один такой политик построил здание новой лингвистической кафедры из гранита, мрамора, стекла и стали.

На этой кафедре работает около ста человек, чуть меньше семидесяти из них занимаются наукой, как, например, Фред Паульсен, Ханс Хольстейн, Эдит Ринкель и Пол Бентсен, а теперь еще и Нанна Клев. На кафедре футлинга пять отделений: синтаксиса, морфологии, фонологии, прагматики и технического обеспечения. Отделения подразделены на нормативные и дескриптивные секции. Нормативные секции выясняют, каким язык должен стать в будущем, работают над ассимиляцией заимствованных слов и определением степени пуризма и, естественно, занимаются диалектами. Небольшая группа ученых, скажем, трудится над созданием подходящего диалекта для нового городского района, расположенного вокруг здания оперного театра.

Изменения правил правописания также являются важной темой для нормативистов футлинга. В Норвегии существует устойчивая традиция ре-

гулярного внесения изменений в правописание (реформы 1907, 1917, 1938, 1959, 1981 и 2005 годов), и отдельная группа исследователей работает над планированием будущих реформ. Их труд осложняется все более заметным воздействием на язык функции автоматической обработки текста и компьютерного языка, что снижает значимость узуса — привычного словоупотребления. Раньше правила письма или спряжения глаголов изменялись в соответствии с принятой речевой практикой, потому что тогда на развитие языка влияла живая человеческая речь. Но теперь, при наличии программ, автоматически контролирующих правописание, такие изменения, возможно, будут происходить все реже и реже. Демократическая эра в орфографии закончилась, теперь власть перешла к «Майкрософту» и другим компьютерным компаниям. Все это, естественно, необходимо досконально изучить, довести до сведения общественности и архивировать.

Нормативные секции рассматривают также потребность в переиздании классической литературы. Когда язык меняется, определенные тексты также необходимо менять: это касается, например, Библии, некоторых законов, пьес

Ибсена, романов Ундсет[27] и Дууна,[28] а также обязательного списка норвежской детской литературы — Эгнера,[29] Вестли,[30] Асбьернсена и Му.[31] Сотрудники кафедры придают этим текстам звучание будущего, выпуская новые издания на современном языке, как на букмоле, так и на новонорвежском.[32]

Важно, чтобы язык не отставал от развития общества. «Работать на опережение!» — одно из любимых выражений Паульсена. Предотвратить появление пропасти между различными вариантами норвежского языка — главный смысл существования кафедры. Если Норвегия как языковое сообщество перестанет существовать, то перестанет существовать и само общество. Теперь, когда удалось сделать саамов, венов и

---

[27] Примечания: 27

Сигрид Ундсет (1882–1949) — норвежская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе 1928 года.

[28] Примечания: 28

Улав Дуун (1876–1939) — знаменитый норвежский писатель.

[29] Примечания: 29

Турбьёрн Эгнер (1912–1990) — норвежский художник, писатель, композитор и поэт.

[30] Примечания: 30

Анне-Катарина Вестли (р. 1920) — норвежская детская писательница и актриса.

[31] Примечания: 31

Петер Кристиан Асбьернсен (1813–1882), *Йорген Му* (1812–1885) — соби-

ратели норвежского фольклора, авторы сборника норвежских сказок.

[32] Примечания: 32

В Норвегии существует два письменных языка: букмол, возникший в результате «норвегизации» датского языка, и новонорвежский, синтезированный филологом Иваром Осеном на основе сельских диалектов.

часть иммигрантов двуязычными, настала пора поработать над тем, чтобы развитие диалектов и регионолектов не раскололо Норвегию. В нормативных секциях кафедры на развитие смотрят с оптимизмом, но ведь всегда стоит (да, именно!) работать на опережение.

Другой серьезной задачей кафедры футуристической лингвистики является работа над сохранением норвежского языка как языка общения в Норвегии. Ответственная за проект «Сохранение норвежского в качестве языка будущего в Норвегии» спросила, можно ли ей опубликовать хотя бы часть исследования по-норвежски. Руководство кафедры было вынуждено ей отказать, потому что публиковать результаты исследований по-норвежски можно только в норвежских, в крайнем случае в скандинавских журналах, что не привлечет достаточного внимания, что, в свою очередь, скажется на финансировании футлинга в следующем году.

Сотрудники дескриптивных секций занимаются исследованием того, каким язык может стать в будущем, а не того, каким он должен быть, как это делают нормативисты. Все научные сотрудники кафедры прикреплены к определенному отделению, но некоторые принимают участие в

исследованиях, ведущихся сразу несколькими отделениями. Например, существует группа, рассматривающая развитие «кебаб-норвежского», «сальса-норвежского» и других этнолектов, которые, возможно, возникнут в Норвегии, становящейся все более многоязычной и многокультурной страной.

Пол работает в отделении футуристической морфологии, в дескриптивной секции. Область исследований Пола — морфология будущего, он пытается предсказать, как будут выглядеть парадигмы склонений и спряжений через десять лет, через двадцать лет, через семьдесят лет, через сто лет. Пол и его ближайшие коллеги уделяют большое значение подробному документированию взаимовлияния языковых форм и историческому развитию языка, с тем чтобы можно было предсказать, как будут распространяться возникшие в результате языковых изменений формы. Когда форма местоимения «ихний» окончательно вытеснит форму «их»? Каким окажется ареал распространения этой формы?

В данный момент Пол изучает сильные глаголы. Некоторые формы спряжений подвергались изменениям на протяжении длительного времени. Исконно причастные формы на «-л» в

сложном перфекте обособились в большинстве диалектов как формы простого прошедшего времени: *ходил/ходила, купил/купила,* а старые же деепричастные формы в некоторых диалектах и просторечии образовали своего рода перфект, который все больше проникает в речь образованных людей: *выпивши, поспавши.*

Пол каждый день корпит над огромными обзорными таблицами в «Excel», изображающими развитие сильных глаголов в норвежском языке со времен древненорвежского до наших дней. Он сравнивает все формы с тенденциями, отраженными в современных текстах из лингвистических корпусов, фиксирующих в том числе детскую и молодежную речь. Наряду с представителями других стран он участвует и в совместных международных проектах, посвященных исследованиям сильных глаголов во всех германских языках (единственных, где существует разница между сильными и слабыми глаголами). Временами Пола Бентсена просто воротит от сильных глаголов.

На кафедре футуристической лингвистики каждый этаж имеет свой цвет. В отделе фонологии синие стены, диваны и шторы, в отделе морфологии все выдержано в желтых тонах, а в

отделе синтаксиса — в зеленых.

В случае с отделом синтаксиса совершенно очевидно, что цвет стен — нежно-зеленый — выбран для соответствия декору потолка. Четвертый этаж, где хозяйничают синтаксисты, украшен скульптурами из плексигласа, подвешенными под потолком. Одни из них квадратные, другие круглые — всевозможные геометрические тела висят там, наверху, и поблескивают. Светильники смонтированы так, что скульптуры переливаются всеми оттенками зеленого: от цвета молодой травы до цвета старого мха. Светильники медленно вращаются, окрашивая то одну, то другую скульптуру в зеленый цвет. Это выглядит очень красиво. И если внимательно приглядеться, то можно обнаружить, что на некоторых скульптурах вырезаны лица: одни разъярены, у них маленькие злобные глазки и насупленные брови, другие похожи на пупсов с закрытыми веками и длинными изогнутыми ресницами.

Паульсен любит водить в коридор четвертого этажа своих студентов на самой первой лекции. Заведующий кафедрой не обязан читать лекции, но Паульсену нравится преподавать, поэтому обычно он читает вводный курс в историческую,

современную и футурологическую лингвистику («ФУТЛИНГ 100»).

Паульсен преподает вводный курс и принимает зачеты почти тридцать лет и до сих пор радуется, когда может удивить студентов. («Да, фонемы произносятся немного по-разному, в зависимости от ситуации. *Си* и *со* — произнесите это громко, протяните звук „с“ и обратите внимание на то, что ваши губы не округлены, когда вы говорите си и округлены, когда вы говорите *со*».)

В начале каждого семестра Паульсен стоит в коридоре и показывает фигуры из плексигласа. Студенты смотрят на него с любопытством.

— Что это, как вы думаете? — спрашивает Паульсен.

— Искусство, — возможно, ответят некоторые студенты.

— Пластик в зеленом свете, — предположат другие.

— Нет, — говорит Паульсен и делает долгую паузу, — вот здесь вы ошибаетесь. — Его распирает от нетерпения, как ребенка, который собирается вручить маме подарок, сделанный собственными руками. Он продолжает дрожащим голосом: — Это лингвистика, друзья мои. Это «Бесцветные зеленые идеи яростно спят».

Студенты задирают головы и рассматривают потолок.

— Что? — говорят самые смелые.

— Это генеративная грамматика, — заявляет Паульсен. — Это крупнейший из ученых. Король! Это Хомский.[33] Вы слышали о Хомском?

Потом Паульсен ведет студентов в аудиторию, где оставшееся время посвящает разбору, возможно, самой известной цитаты из Хомского.

— Бесцветные зеленые идеи яростно спят, — вещает Паульсен. — Попробуйте на вкус эту фразу. Прислушайтесь к ней!

Он объясняет, что безупречное с точки зрения грамматики предложение может быть лишенным смысла. Он заполняет доску примерами из детской и афатической речи, доказывающими, что иногда грамматически несовершенное (с точки зрения языка взрослых) предложение вполне понятно. И студенты никогда этого не забудут. Предложение Хомского и тезис о том, что синтаксис и морфология с одной стороны и семантика с другой стороны не зависят друг от друга, остается у них в головах.

Для преподавания на более высоком уровне

---

[33] Примечания: 33

Аврам Ноам Хомский (р. 1928) — известный американский лингвист, основоположник генеративной грамматики.

Фред Паульсен не годится, но студенты вводного курса любят его в той же мере, в какой боятся Эдит Ринкель.

Кабинет Пола располагается на третьем этаже и выходит окнами на район Гаустад. На этом этаже находится отделение футуристической морфологии. Пол предпочитает не пользоваться лифтом, а подниматься по лестнице. Его длинные ноги шагают через ступеньку, и ему нравится чувство легкого превосходства, которое он испытывает, поднимаясь по лестнице рядом с нетренированными, а потому задыхающимися коллегами. Длинный светлый коридор выстелен березовым паркетом (как и на всех этажах), а стены выкрашены золотистой краской.

Кабинет Эдит Ринкель находится почти посередине коридора, напротив кабинета Пола. После того как в субботу днем Пол вернулся домой с конференции в Амстердаме (а сейчас был уже понедельник), он почти не думал о Лоне, зато много думал о Ринкель.

Пол сел в кресло, заложил руки за голову и потянулся. Он вобрал воздух носом и выдохнул ртом, при этом его нижняя губа немного выпятилась. Он вздохнул. Перед ним на столе лежали билеты на поезд и квитанция об оплате гостиницы.

Большинству сотрудников не особенно нравится писать отчеты о командировках, во время обеда за столиками кафе часто можно услышать жалобы на необходимость заполнять бланки. Пол при каждом удобном случае рассказывает желающим его выслушать, что ему вообще нравятся бланки как таковые, а особенно бланки отчетов за командировки. Он предпочитает заполнять их по старинке, на бумаге, а не в электронном виде на интернет-сайте кафедры.

Он вписал в бланк суммы, потраченные на питание, сложил их в уме и записал остаток. Он снова вздохнул, посмотрел в окно, на зеленые холмы Гаустада. Потом, неестественно скрючившись, замер. Кто-то отпирает ключом кабинет? Может, это Ринкель? Он поднялся, подошел к двери и открыл ее, но коридор оказался пуст, в нем стояла тишина. «Я должен сосредоточиться», — тихо произнес Пол. Он вернулся к письменному столу, сложил суммы еще раз, результат совпал. Это моментально подняло ему настроение. Он всегда хорошо считал в уме.

В школе Пол обожал математику. Еще когда он был совсем маленьким, он осознал, что этот предмет ему по душе. Той весной, когда он ходил в третий класс, он перерешал все задачи по про-

грамме начальной школы. Учительница вызвала его маму, чтобы обсудить, не стоит ли осенью перевести его сразу в пятый, а не в четвертый класс. Они пришли к выводу, что это плохая идея. Пол решил все задачи из учебника математики за пятый класс, и, чтобы была какая-то польза, ему надо было идти сразу в старшие классы. Но Пол не опережал своих одноклассников ни по каким другим предметам, кроме математики. И он остался в своем классе, но директор школы, учитель математики, предложил ему пару дополнительных уроков по своему предмету в неделю.

Пол сохранял интерес к математике все время учебы в школе. «Какое удивительное семя мне досталось, — шутила Марен с подругами. Но Полу говорила: — Возможно, твой отец — математик?» — «Может быть, — отвечал обычно Пол. — Расскажи мне об отце!»

И мама рассказывала. Она не видела того рыжеволосого мужчину с тех пор, как он застегнул свои штаны, положил бумажку с номером ее телефона в карман куртки, нацепил лыжи и помчался по пригоркам в сторону озера Согнсванн. Она осталась лежать под елкой, глядя на развесистые лапы дерева, ощущая во рту вкус шоколада и какао и пребывая в сладких мечтах. Лыжные

прогулки, кино, катание на велосипедах весной. Может быть, он позвонит уже сегодня вечером?

Но он так и не позвонил. Возможно, листочек с номером телефона выпал у него из куртки или два часа под елью не вдохновили его на продолжение отношений. Возможно, он погиб от несчастного случая. Так или иначе, Марен никогда о нем больше не слышала, и ей не удалось его разыскать. (Она не прилагала к этому особенных усилий. Ей и так было хорошо. Только в те месяцы, когда Пол отказывался подниматься с кровати и лежал бледный, не говоря почти ни слова, она предприняла серьезную попытку найти его. Напечатала объявления во всех крупных газетах и связалась с Армией спасения. Но ей так никто и не ответил.) Единственное, что она знала об отце Пола, это то, что его зовут Феликс, что он ее ровесник (в 1970 году ему было 24 года), любит шоколад, кино и путешествия. И единственное, что у нее от него осталось — за исключением Пола, конечно, — это кольцо.

Они выпили ее какао из крышки термоса. Когда она предложила ему какао, он посмотрел на нее и повернул чашку так, чтобы его губы оказались на том месте, где она касалась чашки своими, и долго пил большими глотками. «Хочешь есть?»

— спросил Феликс, снова посмотрев на нее. «Да», — ответила Марен. Как фокусник, торжественно достающий кролика из цилиндра, он вынул шоколадку из нагрудного кармана своей темно-синей куртки, снял с нее обертку, развернул фольгу, разломал на дольки и протянул ей. Марен с тех пор не уставала повторять, что это был самый вкусный молочный шоколад из всех, что она пробовала. Он был совершенно не похож на другой шоколад, что она ела до и после этого случая. Сладкий, но не приторный. Сытный, но не тяжелый. С мягким, но очень насыщенным вкусом. Феликс положил последнюю шоколадную дольку в рот Марен, потом взял ее за руку, выбрал левый указательный палец и положил его себе в рот, несколько раз обвел языком вокруг него, вынул — воздух показался ей ледяным — и провел по фольге, чтобы собрать шоколадные крошки, легко прилипавшие к влажному пальцу Марен. Затем он поднес палец ко рту Марен и дал ей облизать его.

Он разгладил фольгу на бедре и за удивительно короткое время свернул для нее колечко. Фольга была сложена во много слоев так, что превратилась в тонкую полоску шириной не больше двух-трех миллиметров; один конец полоски

Феликс вложил в другой, но место соединения было совершенно не заметно. Она протянула правую руку, он покачал головой, попросил ее дать другую руку и надел ей кольцо на указательный палец левой руки. К ее удивлению, кольцо казалось тяжелым и прочным, как металлическое. «Теперь мы навечно связаны», — сказал Феликс. «Да», — навечно, ответила Марен. Потом они поцеловались, и поцелуй этот был пьяняще сладким из-за лучшего шоколада, который когда-либо пробовала Марен. «Мне холодно», — сказала она. Он надел ей на руки варежки, снял с нее штаны, и они нашли общий язык (как мама настойчиво это называла) под елью.

Теперь у кольца было постоянное место на красной (как обертка шоколадки) шелковой подушечке в маленькой черной лаковой китайской шкатулке в ящике маминого секретера. Раз в году — в день рождения Пола, с утра до вечера — мама носит это кольцо. Но и в другие дни она часто подходит к секретеру, достает колечко, подносит его к носу, и ей до сих пор кажется, что она чувствует сладкий запах. Пол видел это кольцо много-много раз. «Будь с ним осторожен, — говорила мама, когда Пол был маленьким. — Его мне сделал твой папа».

После Того происшествия, когда Пол утратил детскую безмятежность, он стал относиться к кольцу с меньшим уважением. Однажды он осторожно поковырялся в многочисленных слоях фольги и обнаружил выдавленное на ней название «Линдт». Он выяснил, что это швейцарская марка шоколада. В лесу под елью маме подавали швейцарский молочный шоколад.

У Пола с мамой было мало секретов друг от друга — и у них был как минимум один большой общий секрет — поэтому Пол сразу рассказал ей о своем открытии. «Швейцарец? Ну, может быть, — ответила мама, но не могла с уверенностью сказать, был ли у него акцент. — Да, мне кажется, он говорил немного… по-другому, может, что-то чужое было в его голосе», — сказала она наконец. Потом немного помолчала и сделала вывод, что отец Пола, вероятно, был известным швейцарским математиком.

Позже, когда Пол стал взрослым и появился Интернет, он искал в Швейцарии математиков по имени Феликс. Потом он отказался от предположения, что его отец был математиком, и стал просто искать швейцарцев по имени Феликс, рожденных в 1946 году. В конце концов он попытался искать по имени и году рождения. Но так и

не сумел никого найти.

Неизвестно, что сыграло свою роль — гены ли, смехотворная ли уверенность Пола и его мамы в том, что он действительно сын знаменитого швейцарского математика или что-то другое, но после окончания школы Пол, как все и ожидали, начал изучать математику. А параллельно занимался латынью.

— Melius nil caelibe vita, — объявил он Мортену.

— А? — переспросил тот.

— Лучше всего живется молодым, — перевел Пол.

— А как на латыни будет «курица»? — ухмыльнулся Мортен.

«Это все из-за спора», — виновато объяснял он товарищам. «Это только ради интереса», — виновато говорил он тем, кто спрашивал, а делали это все поголовно: мама, постоянно меняющиеся подружки, однокашники, школьные друзья, которые изучали юриспруденцию или экономику.

— А что за спор такой? — поинтересовалась мама в один прекрасный день той весной, когда он занимался и математикой, и латынью, и Пол понял, что должен объясниться.

— Помнишь, я был в Женеве на курсах? — начал он.

Да, мама, естественно, это помнила.

Через два лета после того, когда Пол обнаружил, что мамино колечко было сплетено из фольги от швейцарского шоколада, он решил поехать учиться в Швейцарию, чтобы освоить язык. В этой стране говорят как минимум на четырех языках. Он выбрал французский, в основном потому, что уже три года изучал его в школе. (Он стал учить французский в качестве второго языка потому, что это давало возможность по четвергам поспать на час дольше тех, кто выбрал немецкий. Зато он учился на час дольше по понедельникам, но, по мнению Пола, это была удачная замена.)

Он отправился в Швейцарию вместе с лучшим другом. Они с Моргеном провели отличное лето, много разговаривали по-английски, немного по-французски, глазели на девушек, заигрывали с двумя итальянками на своих курсах и довольно тесно общались с двумя немками.

— И что? — спросила мама, когда Пол рассказал все это. — Я все еще не вижу связи с тем, что ты решил два вечера в неделю посвятить изучению латыни.

Пол не сказал маме, что занятия по латыни проводились и в дневное время и что он бросил курс векторной алгебры, чтобы ходить на лекции

о Цицероне.

Пол начал вещать что-то о своих особых способностях говорить на иностранных языках без акцента.

— Да, да, — сказала мама нетерпеливо, потому что об этом она, конечно, знала.

— Погоди, — сказал Пол, — я уже добрался до этого, сейчас расскажу о споре.

В последнюю неделю пребывания в Женеве Пол заболел.

— Да, — сказала мама. — Я прекрасно это помню. Значит, ты поспорил с Мортеном. Я ужасно волновалась, когда ты заболел.

— Это было не так уж серьезно, — ответил Пол.

— Странное дело, — произнесла мама. — Тебе было всего шестнадцать лет, и ты был один за границей.

— В общем, меня отправили к врачу, он поставил диагноз *la grippe,*[34] кажется…

— Да, правильно. Грипп. Теперь я вспомнила.

— Мне дали рецепт и велели лежать в постели три дня. Я приплелся домой, а Мортен сходил в аптеку и купил лекарство.

— В этой истории есть что-то романтическое?

---

[34] Примечания: 34
Грипп *(фр.).*

Ты и преподавательница с курсов?

— Мама! Мне было шестнадцать!

— Мортен и темпераментная темноглазая швейцарка?

— Нет, мама, у нас были только те немецкие девчонки, о которых я рассказывал. Но если ты минуту помолчишь, то скоро я доберусь до сути.

— До спора.

— Вот именно, до спора. На самом деле это был даже не спор, а обещание. Торжественное обещание. Мы с Мортеном открыли коробку с лекарством, которую он принес из аптеки. Там оказались здоровенные таблетки. В форме кеглей. Было трудно представить, что их глотают. Мы боялись, что их принимают через другое место. И никакой инструкции.

— Пол!

— Ну вот. Я отправил Мортена обратно в аптеку. Он вернулся минут через пятнадцать. За прилавком стояла, как сказал Мортен, немолодая женщина — что означало, как я думаю, что ей было лет двадцать пять. Единственным языком, на котором Мортен мог с ней объясниться, был французский. Он попытался, не привлекая внимания, выяснить то, что было нужно. Она стояла и пялилась на него. Эта аптека была

похожа скорее на парфюмерный магазин, а на женщине, по словам Мортена, был бирюзовый халат с большим вырезом и тонна косметики. Несчастный Мортен попробовал объяснить еще раз. Он спрашивал полушепотом, потому что в аптеке появились другие покупатели, следует ли принимать те огромные таблетки через рот или надо запихивать их в задницу. Он жестикулировал и гримасничал. Он использовал все до одного известные ему французские слова. Наконец женщина за прилавком поняла его и, усмехаясь, затараторила. Перепуганный Мортен вернулся ко мне. Он слышал, что женщина несколько раз сказала *orale.*[35] Это слово мы, конечно, слышали раньше.

— Ага, — сказала мама. — А вы знали, что оно значит?

— Нет, — ответил Пол. — Этого мы не знали. Но у нас была одна четкая ассоциация. Мы слышали это слово только в одной связи. Мы были мальчишками. Нам было по шестнадцать. Мы все время испытывали сексуальные желания. Оральный секс. Была середина восьмидесятых. Тогда все было не так, как теперь: колонки о сексе

---

[35] Примечания: 35
Оральный *(фр.).*

во всех изданиях и инструкции во всех подростковых журналах. Мы почти ничего не знали. Но про оральный секс мы слышали. И мы знали, что некоторые занимаются сексом, вставляя пенис туда, сзади. Нам все стало ясно. И я запихал туда таблетки.

— Пол!

— Да, можешь смеяться! Это было не слишком приятно, могу тебя уверить. У меня уже был грипп, а теперь еще таблетки растаяли и стали клейкими, так что… да. Не буду рассказывать в деталях.

— А что Мортен?

— Мортен ржал так, что ему самому чуть дурно не стало. Вот тогда я — со склеенными ягодицами — торжественно пообещал выучить латынь для того, чтобы избежать в будущем подобных инцидентов. Потому что латынь — мать романских языков, следовательно, если бы я знал латынь, то не попал бы в такую весьма… скажем, неприятную историю.

И Пол стал посещать начальный курс латыни одновременно с занятиями по математике. Вернее сказать, очень скоро Пол понял (его мама и друзья тоже), что вся эта история про спор была просто оправданием, объяснением, необходи-

мым Полу. Пол начал изучать латынь, потому что интересовался языками, а еще больше языкознанием, как выяснилось во время учебы.

В первом семестре Пол узнал, что на латыни *felix* означает «счастливый». Он рассказал это маме.

— Мы ведь счастливы, мама, и папа наверняка тоже счастлив.

— Я знаю, — ответила мама.

— Что ты знаешь? — спросил сын.

— Я знаю, что мы счастливы, и я знаю, что означает *felix*, — сказала мама. Она тоже когда-то учила латынь и хорошо понимала, что они с Полом счастливы. Но она никак не прокомментировала утверждение, что отец был счастливым человеком.

— Мы забудем его, — сказал Пол. Он наклонился и поцеловал ее в лоб.

— Да, мы забудем его, — отозвалась мама.

Но никто из них не говорил всерьез, и ни один не поверил другому. Пол продолжал поиски отца, не слишком упорно, не часто, но регулярно предпринимал попытки: звонил по телефону, посылал письма, задавал вопросы. Марен Бентсен, со своей стороны, никогда не забывала рыжеволосого мужчину, с которым познакомилась под

елью, но больше не пыталась его разыскать.

Они продолжали разговаривать о нем, мама и Пол. И мама писала о нем. В каждой своей книге.

Зеленый бланк отчета о командировке был заполнен. Пол нажал на клавишу мышки, экран монитора загорелся, он открыл программу «Excel» и нашел последний из документов, над которым работал. Он напряженно трудился на протяжении часа, пытаясь создать алгоритм изменения форм перфекта в будущем. Традиционные формы «нашел/найдя» и «выпил/выпив» постепенно вытесняются формами «нашедши» и «выпивши». Пол сравнивал тенденции, наблюдающиеся в норвежском языке, с соответственными формами глаголов в немецком и голландском. Ему казалось, что он немного продвинулся. Пол посмотрел на часы и обнаружил, что до запланированного ланча осталось целых полчаса. Он открыл список всех сильных глаголов в германских языках (норвежском, шведском, датском, фарерском, исландском, английском, немецком, голландском, фризском). Но даже вид красивейших рядов чередования гласных, аблаута (i — ei — i, a — o — a, e — a — o, y — au — o), не радовал его, во всяком случае не радовал так сильно, как обычно.

Он подумал об узких лямках на обнаженных

плечах, о мягком теле, о живом языке, бьющемся, как рыбка, о его нёбо, о светлых глазах, внимательных, как глаза раненого животного. Он снова поднялся и открыл дверь в коридор. Казалось, что расположенный напротив кабинет был еще пуст. Во всяком случае матовые стеклянные окошки рядом с дверью и над ней были темны. Пол снова сел за стол, но оставил дверь открытой. Вдруг он выпрямился: теперь-то ему не кажется? Сейчас он слышал, как ключ вставляют в дверной замок и поворачивают, как дверь открывается и снова захлопывается. Пол сосчитал до десяти (как мама учила его делать в подобных ситуациях, когда он был маленьким), поднялся и направился к кабинету Ринкель. Он постучал в ее дверь, намереваясь поздороваться, поблагодарить за совместно проведенное время, поболтать. Больше всего ему хотелось прижать ее к себе, крепко поцеловать, хотелось заставить ее смягчиться, улыбнуться, пошутить, как в поезде по дороге в аэропорт, хотелось, чтобы она посмотрела на него, как в гостиничном лифте в Амстердаме.

Ринкель в темном свитере с высоким горлом стояла у окна и смотрела на Пола, застывшего в дверях. Она стояла спиной к свету, ее фигура напоминала песочные часы, и Пол не мог разгля-

деть выражения ее лица.

— Да? — Голос ее прозвучал совершенно нейтрально. То, что она не ответила ему ледяным тоном, придало ему мужества сказать:

— Я просто хотел поблагодарить.

— И вам спасибо, — ровно произнесла она. Наступило молчание.

На стуле Ринкель сидел молодой человек и с интересом смотрел на Пола.

— Вижу, у вас посетитель. Я… я лучше зайду в другой раз, — проговорил Пол, быстро вышел, закрыл дверь и во второй (или третий?) раз за короткое время почувствовал, что его охватывают прежние хамелеонские наклонности. Он немедленно испытал раздражение от того, что юношеская неуверенность и ее последствия снова начинают его мучить.

Она старше его почти на двадцать лет. Она его начальник, черт возьми! Пол был не в состоянии вернуться к своему письменному столу, заваленному распечатками огромных таблиц «Excel», вместо этого он быстро зашагал по коридору, кивнул коллеге, пытаясь избавиться от чувства, что его кожа сливается с яично-желтыми стенами. Ему хотелось по-детски затопать ногами, чтобы дать выход агрессии и стряхнуть с себя остатки

кожи хамелеона. Почему юноша сидит на этом стуле, на ее личном стуле? Может быть, он сын Ринкель?

Пол понесся вниз по мраморной лестнице, мимо отдела фонологии на втором этаже, вниз, на первый этаж, мимо стойки администратора по направлению к гигантским входным дверям. Он знал, что юноша не может быть ее сыном. Он сидел на ее стуле с выражением собственника на лице: молодой мужчина, охраняющий свою женщину, свою добычу.

Навстречу Полу шел Паульсен в сопровождении какой-то женщины. Пол чуть не сбил ее с ног. Впоследствии они — он и та женщина — сойдутся во мнении, что их встреча в дверях очень напоминает расхожий эпизод из посредственных фильмов, а именно ту ключевую сцену, в которой герой и героиня впервые видят друг друга.

Нанна и Пол, лицом к лицу; автоматически открывшаяся стеклянная дверь; Паульсен, сменивший оперение на зимнее в виде синего костюма; все еще раздраженный Пол, маленькое открытое лицо Нанны — все это замерло. Паульсен придержал тяжелую дверь, которая по истечении запрограммированных пятнадцати секунд начала наезжать на Нанну, он сделал

это по-рыцарски, словно почувствовав магию, возникшую между Нанной и Полом, а может, потому, что ни один мужчина не может не быть галантным по отношению к ней.

На Пола смотрела невысокая, хрупкая и узкокостная женщина. На ней был тесный свитер, под которым обозначались округлые груди. У нее светлые волосы (светлые от природы, но еще осветленные ее замечательной парикмахершей, о чем Пол, естественно, не знает), большие темно-синие глаза. Сейчас они глядели прямо в глаза Пола. Белки вокруг радужной оболочки немного покраснели и были похожи на мерцающий перламутр. В ее взгляде сквозил розовый отблеск — словно она только что плакала, словно нуждалась в утешении и защите.

— Пол, — проговорил Паульсен. — Это… Нанна Клев. Наша новая стипендиатка.

— Привет, — ответил Пол и пожал ее руку. Он обратил внимание на то, что у нее удивительно узкие ладони. — Пол Бентсен. Я работаю на отделении футуристической морфологии.

— Привет, Пол, — сказала Нанна, и голос ее оказался сладким, как и обещала внешность.

На самом деле Пол прекрасно знал, что на отделение фонологии должна прийти новая

стипендиатка, которая будет работать над определением ареала распространения увулярного «р», он даже слышал, как упоминалось ее имя. Он знал, что совсем недавно она была в США, а потом в Стокгольме. Ему было известно, что докторскую диссертацию она защитила в Чикагском университете, хотя училась в Тронхейме. Пол знал, что ее диссертация получила высокие оценки. Он даже помнил, что Ринкель сотрудничала с Университетом Чикаго. Он кое-что слышал о Нанне Клев, просто никогда особенно ею не интересовался. И если бы он внимательно слушал американца с собачьим лицом, он бы знал, что Джек Миллз был в восторге от Нанны, а это ужасно не понравилось темноволосой норвежской лингвистке.

Пол не помнил как, но все трое зашли внутрь здания и теперь стояли в фойе. Нанна, запрокинув голову, рассматривала зал высотой в пять этажей. Она заметила эскалатор. «Ой, — сказала она, — как здорово!» Она радовалась как дитя, на ее щеку упал светлый локон. Коротко подстриженные на затылке волосы лежали на ее голове как светлый шлем. И Пол понял, что Нанна — самое чудесное создание из всех, что он когда-либо видел, и он должен обладать ею. И вот она заметила аквариум. «Аквариум», — почти

крикнула она, и ее брови взмыли вверх, как два птичьих крыла. С этого момента и начинается история Пола. Именно здесь начинается история рыжеволосого лингвиста.

Часть II

Ряды зубов язык мой укротили.
И в Рождество, и в праздник урожая,
И темной ночью, устали не зная,
В пещере тесной бьется он, стеная.
Он соль и горечь каждый день вкушает,
Привратником он срок свой отбывает,
Искусанный, по нёбу он летает
И по эмали медленно скользит.
Он многое хотел бы получить.

Турильд Варденер. «Речи языка»

Обычно Пол навещает маму по понедельникам. Случается, ему что-то мешает: встреча, срочная работа, женщина, которую надо обслужить, а еще лучше дождаться, пока она его обслужит, но чаще всего вечер понедельника он посвящает

маме, по-прежнему проживающей в квартире в Фагерборге, в той самой, где Пол вырос.

Он направляется к ней сразу после работы: из своего кабинета проходит по лестнице, спускается через огромные стеклянные двери, идет через Исследовательский парк, по мостику, ведущему к кафедре метеорологии, напевая по дороге. Потом он обычно сокращает путь, проходя через лужайку (где весной и в конце лета лежат стада студентов), и шагает через мощеную площадь между гуманитарным и социологическим факультетами. Оттуда он следует по улице Согнсвейен, взбирается на пологий холм к церкви Вестре-Акер и всегда бросает взгляд в сторону могил бабушки и дедушки — по старой привычке, а еще потому, что считает это самым малым, что может для них сделать. Потом Пол спускается к улице Киркевейен, покупает в киоске на бензоколонке три кокосовые булочки (обычно ему не приходится ничего говорить, кокосовые булочки достают с полки и кладут на прилавок еще до того, как он к нему подходит) и широкими шагами проходит последние несколько сотен метров до маминой квартиры. Пол Бентсен всегда ходит быстро.

В тот понедельник, когда он познакомился с

Нанной, Пол шел быстрее обычного, он почти бежал, и это один из тех редких случаев, когда, пробегая мимо церкви, он не вспомнил о своих умерших родственниках. Он чуть не забыл купить кокосовые булочки и поднялся в квартиру на пятом этаже, перескакивая через ступеньку.

— Я влюбился, — выпалил Пол, как только мама открыла дверь. Он наклонился и поцеловал ее мягкую щеку, втягивая в себя успокаивающий сухой и сладкий запах мамы.

— Ты всегда влюбляешься, — ответила Марен. — Ты всегда влюблен в какую-нибудь женщину.

— На этот раз все иначе. Совсем иначе. Я не просто влюбился. Я полюбил.

— Входи! Иди садись! — сказала мама. — Чай сейчас будет готов.

Внезапно она захлопала в ладоши, как всегда делает от радости, а потом развернулась и поспешила по длинному старомодному коридору через буфетную в кухню. Ее рыжие волосы светились, пока она не исчезла из поля зрения.

У мамы Пола большая многокомнатная квартира, расположенная на последнем этаже. Здесь эркерные окна, и свет с улицы попадает не во все уголки квартиры: длинные коридоры всегда

погружены в полутьму. В квартире есть два крошечных балкона, один выходит во двор, другой на улицу, оба огорожены кручеными железными перилами. Марен Бентсен — богатая женщина. Она заработала себе состояние в последние десять-пятнадцать лет и могла бы жить в гораздо лучших условиях. Но ей нравится эта квартира, где она прожила всю свою жизнь: была ребенком, молодой матерью, зрелой, а теперь стареющей женщиной.

Мама Пола — одна из самых знаменитых женщин Скандинавии. Некоторые ее боготворят, другие презирают. Но все, абсолютно все знают, кто она такая, хотя она никому не известна под именем Марен Бентсен и ее никто не узнает на улицах. Мама Пола пишет романтические бестселлеры под псевдонимом Паулетта Рос. На задней обложке книг и в каталогах издательства имеется нечеткая фотография дамы в длиннополой шляпе, прикрывающей половину лица узкой рукой в перчатке. Это черно-белая фотография, и только губы дамы и роза на шляпе ярко-красные. Это на самом деле фотография Марен, но она так разретуширована, что Марен и сама себя не узнает.

Только Пол, его друг Мортен и лучшие подруги

мамы знают, чем Марен Бентсен так неплохо зарабатывает себе на хлеб. Все же остальные: соседи, дальние знакомые, коллеги Пола и его постоянно меняющиеся подружки — думают, что Марен Бентсен занимается редактированием рукописей, переводом инструкций и составлением всяческих предметно-тематических указателей. На бензоколонке, где Марен Бентсен несколько раз в неделю покупает кокосовые булочки, с ней всегда вежливо здороваются и дают то, что она хочет, прежде чем она успевает об этом сказать. Там знают, что она живет неподалеку, знают, что высокий широкоплечий мужчина, который заходит по понедельникам, — ее сын, но никто даже не догадывается, что Марен Бентсен — это Паулетта Рос, книги которой в красочных обложках с именем автора, написанным большими золотыми буквами, выставлены слева от прилавка.

Нет, Марен Бентсен совсем не стыдится своей профессии. Она любит ее и гордится своими книгами. На адрес издательства ей приходят сотни писем от поклонников в год, в основном от женщин, но иногда и от мужчин (мужчины, которые пишут ей, потерпели неудачу в любви, но нашли утешение в книгах Паулетты Рос). А поскольку две серии ее романов переведены на

исландский, польский и немецкий, время от времени ей попадаются письма с иностранными марками, они почти всегда написаны от руки и содержат буквы с необычными завитушками и хвостиками, каких никогда не встретишь у людей, которых учили писать в норвежской школе. Марен Бентсен отвечает на каждое письмо, всегда кратко, но доброжелательно. Письма, на которые ответила, она складывает в коробки, нумерует их и составляет в большой шкаф в коридоре.

Так что Марен Бентсен, автор очень успешных серий «Лунные ночи» и «Русалки» и еще четырех серий, прибегает к псевдониму не от стыда, а от страха утратить вдохновение. Она панически боится потерять способность писать, проснуться однажды утром с мыслью о том, что ей больше не о чем рассказать. Она не может объяснить Полу, почему ей кажется, что анонимность перед читателями помогает ей писать. Но она в это верит, чувствует, знает, что это правда, и добавить к этому нечего.

Марен Бентсен пишет легко и быстро. В хороший день она может осилить четверть книги. Всего неделю понадобилось Марен Бентсен, то есть Паулетте Рос, чтобы написать восьмую книгу в серии «Русалки». Это ее личный рекорд.

Когда она пишет, то почти все время плачет (за исключением последнего тома в каждой серии), и случалось, так сильно заливала слезами клавиатуру, что ее приходилось менять (во всяком случае, мама утверждает, что такое бывало не раз).

Пол в обязательном порядке читает все, что пишет мама, всегда охотно и всегда до отправки в издательство. Он находит опечатки, отсутствующие запятые и снисходительно кивает в ответ на вопрос, понравилось ли ему прочитанное. Но втайне Полу очень нравятся мамины книги, они увлекают и затягивают его гораздо больше, чем он готов признаться как ей, так и самому себе.

Все творчество Паулетты Рос — это рассказ о Марен и Феликсе, об их встрече (которая в романах происходит не под елью в лесу, а на карибском острове, горном пастбище, в рыбачьем поселке или на плантации в южных штатах), о том, как жизнь их разлучила, но они, пройдя страдания, боль и трудности, наконец находят дорогу к счастью и падают в объятия друг друга.

Марен Бентсен так боится, что в один прекрасный день ее фантазия иссякнет, что каждый понедельник, когда к ней приходит Пол, говорит об этом. В их разговоре на эту тему реплики из-

вестны каждому из собеседников, и они обмениваются ими в привычной последовательности:

— А что если однажды утром я проснусь, а мне больше не о чем будет писать? — говорит мама Полу.

— Попробуй написать не любовный роман, а что-нибудь другое, — всегда отвечает Пол, уверенный в том, что мама может работать в разных литературных жанрах, а не только в привычном.

— Это не любовные романы!

— Хорошо, хорошо. Как хочешь, — говорит тогда Пол, и в этой реплике выражено то, что он молод, что он бунтарь и что он, как сотрудник университета, в культурном отношении превосходит ее. Мама улыбается, но не отвечает, и Пол ободряюще продолжает: — Напиши что-нибудь другое!

— Я не могу, — отвечает мама.

— Ты не можешь этого знать, пока не попробуешь, — всегда замечает на это Пол.

— Только представь, что я больше не смогу писать! — постоянно возражает мама.

— Ну и что? — говорит тогда он. — Ты можешь выйти на пенсию раньше срока, гулять, путешествовать, общаться с подругами.

— Но моя жизнь — это книги, — сообщает Марен Бентсен Полу.

— Все будет хорошо, мама, — успокаивает ее Пол, и на этом утверждении завершается ритуальная часть разговора и они переходят к обсуждению других вещей.

Пол сидел на сине-сером диване, обтянутом бархатом, и ждал, когда мама приготовит чай. В комнате царил беспорядок. Рядом с Полом на диване лежала стопка рукописей, на столе и на полу — кипы книг. Под креслом — мягкие клубы пыли, а на столе — три полупустые чашки чая. Но все так и должно быть. В мамином доме никогда не было образцового порядка, мама не принадлежит к людям, которые озабочены чистотой поверхностей, наведением порядка в платяных шкафах и чисткой серебра.

С того места, где сидел Пол, ему была видна соседняя комната. Ее они обычно именуют библиотекой. Здесь находятся книжные полки, занимающие пространство от пола до потолка, над окнами и под ними, и старый потертый шезлонг. Мама всегда много читала, к тому же она тщательно готовится к написанию каждой серии книг.

Марен Бентсен — образованная женщина.

Иначе и быть не может, если тебе предстоит написать пятнадцать томов о жизни в XIX веке на хлопковой плантации в Южной Каролине или тринадцать томов о жизни в XVIII веке на большом хуторе на острове Йэрен. Мама работает над книгами в маленькой комнате, которую они с Полом называют будуаром Паулетты (с течением времени это название из шуточного превратилось в абсолютно нейтральное обозначение рабочего кабинета мамы, принятое между ней и сыном).

В будуар Паулетты не ступала ничья нога, кроме мамы и Пола. Когда в доме гости, эта комната запирается. Стены здесь когда-то были кремовыми, теперь они имеют цвет слабого чая. Комната очень маленькая, и поэтому потолок кажется выше, чем он есть на самом деле. Окно выходит на задний двор. Мамин компьютер (который довольно часто заменяется более новой моделью) стоит на старинном секретере из орехового дерева. Это мебель времен бабушки. В секретере имеется несколько рядов крошечных ящичков, каждый из которых снабжен ручкой из слоновой кости. В детстве Пол обожал копаться в этих ящичках. В одном из них, в маленькой черной лаковой коробочке на шелковой подушечке лежит папино

кольцо из серебряной фольги.

У секретера стоит офисный стул 70-х годов, на четырех колесах, обтянутый пятнистым шерстяным материалом. Больше никакой мебели в комнате нет, только огромная книжная полка, на которой находится собрание сочинений Паулетты Рос, включая переводы. Две стены почти полностью покрыты вырезками из газет, которые когда-то по какой-то причине показались маме интересными и были кнопками пришпилены к стене, после чего о них забыли. К двери прикреплены латунные крючки, здесь висит пурпурный халат из толстенного бархата на золотистой ватной подкладке. На спине и рукавах вышиты персонажи известных сказок: тролли и принцессы, Аскеладден, Растяпа-Ханс, Дюймовочка, три козлика Брюсе, Пончик. На правом нагрудном кармане вышиты инициалы ПР, а на левом — МБ. Этот халат Пол подарил маме на 55-летие. Она обожает его. Кому бы такое не понравилось? Она называет его «мой писательский халат» и утверждает, что теперь без него не может сочинять.

Пол выглянул в окно, покрытое слоем пыли и грязи, из-за чего пронзительный синий сентябрьский воздух казался менее прозрачным, менее резким. Звук движущегося по улице Киркевейен

транспорта доносился сюда отдаленным шумом. «Нанна. Нанна», — снова произносит он имя, которое после встречи, состоявшейся несколько часов назад, успел повторить бесчисленное количество раз. Нанна. Чем она сейчас занимается? Где она?

Каждую новую женщину, с которой Пол начинает встречаться, он сравнивает с одной из героинь маминых книг: Сандрой из «Русалок», Терезой с черными как смоль волосами до пояса или с румяной Гюдрюн из «Рассказов о хуторянках». Он делает это неосознанно. Нанна у него слилась с образом Ханны, одной из героинь последней серии маминых книг, хрупкой светловолосой девушкой, похожей на эльфа, с узким носом, «который придавал ей изысканный, почти аристократичный вид», как написано на одной из первых страниц. Фантазия Пола наделила Нанну узким носом Ханны, но на самом деле у Нанны далеко не узкий нос, в действительности он довольно широкий. Но Пол никогда не узнает об этом и всегда будет продолжать думать о Нанне как о женщине с узким, «почти аристократичным» носом.

— Держи, Пол, — сказала мама, возвращаясь в гостиную. Она протянула сыну дымящуюся

кружку чая. — А где наши кокосовые булочки?

— Спасибо, — ответил Пол. — Прости. Я забыл про них. Они, наверное, сломались.

Он подвинулся ближе к краю дивана, вытянул ноги и достал кокосовые булочки из кармана пиджака. Мама взяла теплые, полурастаявшие, покрытые шоколадом булочки. Она покачала головой и улыбнулась, извлекая их из целлофана. Потом поделила их, как обычно: одну отдала Полу, а две оставила себе.

— Теперь рассказывай, — сказала она и посмотрела на Пола. — Нет, погоди немного. Хочу, чтобы, когда ты начнешь, у меня во рту был вкус шоколада. В моей жизни шоколад и любовь неразрывно связаны.

— Ее… ее зовут Нанна.

— И?

— Она работает вместе со мной.

— И?

— У нее узкие ладони и очень светлые волосы.

— Ага. Может, приведешь ее в следующий раз?

— Да! Нет. Не знаю. Я с ней почти не разговаривал. Я пока только… поздоровался с ней. Один раз. На работе. Сегодня. В 13.04.

— И теперь ты ее любишь.

— Да.

— Дорогой Пол. Это похоже на бульварный роман.

— Знаю, мама. Знаю.

— Но это похоже на *хороший* роман, например на роман, написанный Паулеттой Рос.

— О да, — согласился Пол. — Это хороший роман. Я знаю, что он хороший. Счастливый конец, и все такое.

Пол был вскормлен сказками. В детстве его каждый день кормили двумя вещами, в которые мама всегда верила и продолжает верить: рыбьим жиром и фантазией. Первое ему подносилось на столовой ложке (на серебряной ложке, с выгравированными тремя козликами Брюсе) до чистки зубов, второе — на краю кровати после чистки зубов. Первое — отвратительно неизменное из вечера в вечер, второе — каждый раз непредсказуемое и интересное. Так продолжалось до тех пор, пока в один прекрасный день Пол не отказался пить рыбий жир и не заявил, что стал слишком большим для сказок. Но мамины истории все равно не оставляли его, они присутствовали в их разговорах, в рассказах о папе, в маминых книгах. (А когда Полу исполнилось тридцать, он, не сказав об этом маме, начал принимать рыбий жир в капсулах.)

Мама с сыном разговаривают часами. Они литрами пьют чай, жасминовый чай, который сам по себе сладковат и пахнет духами. Но мама тем не менее кладет в каждую чашку невероятные три чайные ложки с горкой сахара, а сын каждый раз комментирует это чудовищное количество.

Сегодня они говорили о Нанне, конечно, о ней. Трудно представить, что можно беседовать так долго о девушке, о которой они почти ничего не знали. Но ведь и о Феликсе после двух часов под заснеженной елкой можно было сказать не слишком много, а Марен Бентсен написала о нем больше восьмидесяти книг.

Мама придвинулась ближе к сыну. Они склонились друг к другу, очень оживленно разговаривали громкими голосами, жестикулировали, много смеялись. Челка Пола упала ему на лоб, и мама с трудом удержалась от желания осторожно убрать ее.

Эти два рыжеволосых человека одновременно похожи и не похожи. Волосы мамы рыжие, но блеклые. У Пола, возможно, потому, что он унаследовал рыжину как со стороны отца, так и со стороны матери, волосы темно-рыжие, коричневатые. Кожа мамы, вне зависимости от времени года, такая, как у большинства рыжих:

тонкая, почти прозрачная, с бледными янтарными веснушками. Южный тип кожи Пола быстро загорает и сохраняет золотистый оттенок до середины зимы. Сейчас шел сентябрь, и Пол все еще был загорелым. Большой треугольный нос Пола может считаться генетическим приветом от Феликса, потому что у мамы нос маленький, с тупым и удивительно мягким кончиком. Пол иногда берет маму за кончик носа и ласково покручивает его, если она скажет что-то, что ему не по вкусу. А вот глаза у них одинаковые: темные и веселые. Они блестят, когда мама с сыном смотрят друг на друга, и отражаются в глазах собеседника.

Коридор в ее квартире прекрасно освещен, светильники — три штуки — снабжены небольшими металлическими абажурами, отражающими свет сильных ламп, которые горят всегда, круглые сутки, независимо от того, дома она или нет. В длинной комнате находится гардеробный шкаф и больше ничего, нет даже зеркала. Стены здесь имеют жемчужно-серый цвет, такого же цвета стены в гостиной, маленькой кухне и спальне. Все стены выкрашены в одинаковый серый цвет, и только ванная выложена квадратными белыми плитками. Она купила эту квартиру пятнадцать

лет назад. Все осталось точно таким же, каким было, когда она сюда въехала. Она не делала ремонта, не стремилась наложить на обстановку отпечаток своей личности. Мебель в квартире простая, функциональная, крайне немногочисленная. Здесь всегда порядок и чистота. В шкафах низкими стопками с острыми углами разложены полотенца, постельное белье и одежда. В спальне находятся огромные книжные полки, где книги, выстроенные аккуратными рядами, расставлены по темам, а затем по алфавиту внутри каждой темы. Картин почти нет. Нет ни растений, ни декоративных подушек и безделушек, вообще ничего лишнего за исключением двух бросающихся в глаза вещей. Над диваном висят три довольно большие стеклянные коробки с насекомыми, разделенные на маленькие отделения, в каждом из которых находится по одному насекомому. Жуки, пчелы, бабочки, гусеницы. Самая маленькая из трех коробок — подарок дочери от отца, а две большие не так давно куплены за границей.

На стене в гостиной висят одна над другой четыре полки, каждая длиною почти пять метров, шириной 30 сантиметров. Они тянутся от одной стены до другой. Полки выкрашены в серый цвет такого же оттенка, что и стены. На

них стоят туфли, для каждой пары выделено 25 сантиметров, что дает возможность разместить 20 пар на полке, итого 80 пар на четырех полках. Туфли расставлены по цвету: черные занимают всю нижнюю полку, над ними стоят серые, серебристые и синие, выше — зеленые и бирюзовые, а на верхней полке — золотые, желтые, оранжевые и красные. Почти у всех туфель высокие каблуки: каблуки-катушки, шпильки, каблуки-запятые, квадратные или клиновидные. Здесь есть сандалии, лодочки и босоножки из гладкой кожи, замши, мягкой овечьей кожи, лакированные, шелковые, бархатные, хлопчатобумажные. Здесь даже имеется пара туфель из прозрачного твердого пластика, которые выглядят как две стеклянные туфельки Золушки (они стоят на второй снизу полке рядом с серебряными сандалиями).

Все эти туфли тридцать шестого размера, и только некоторые пары с очень узкой колодкой тридцать шестого с половиной. Ножки их хозяйки на удивление маленькие, с округлыми ступнями и высоким подъемом и очень хорошо выглядят в туфлях на каблуках. Как-то раз, когда на ней были красные туфли, ее любовник, этнограф, сказал, что ее ножки похожи на ноги

дьявола, чем очень ее развеселил. Многие пары обуви куплены за границей во время ее редких отпусков или поездок на конференции.

Эдит Ринкель очень гордится своей коллекцией обуви, да, она обожает свои туфли, каждую пару. Она нередко сидит в гостиной и любуется ими, включив подсветку. Иногда, проходясь вдоль полок, она берет одну туфлю, гладит ее почти с любовью и ставит обратно, совершенно прямо и точно на то же место, где она стояла. В отличие от многих других коллекционеров, она никогда не переставляет предметы своего собрания. Для этого нет никаких причин. Она создала прекрасно функционирующую систему. Книги располагаются по алфавиту, туфли — по цвету. Оптимальные условия классификации для каждой из категорий. Насекомые под стеклом в рамочке тоже рассортированы по видам, хотя это и не ее рук дело.

Туфли передвигаются только в тех случаях, когда она покупает новую пару обуви. Тогда приходится сдвигать весь ряд, чтобы не нарушить цветовую гамму. Весь последний год, покупая новую пару, она убирала одну из старых, и в шкафу в спальне скопилось несколько пар, которые ей хотелось бы иметь в гостиной. Надо было по-

звонить столяру и заказать еще одну полку. Она долго откладывала это, потому что установка новой полки повлечет за собой необходимость снять все туфли и упаковать их, чтобы в них не насыпалась стружка и не впитался запах краски. И снова расставить всю коллекцию по полкам она сможет не раньше, чем через несколько дней. На это обязательно потребуется время, а у нее сейчас так много работы. Хотя, с другой стороны, важно вновь привести коллекцию обуви в порядок.

Эдит Ринкель испытывает большую радость не только от созерцания своих туфель, но и от процесса выбора обуви, в которой ей предстоит выйти из дома. Каждое утро после душа, надев нижнее белье, она идет в гостиную и выбирает пару обуви (в зимнее время года до университета и обратно она ходит в сапогах, а выбранные туфли носит с собой в специальной сетке), а остальную одежду подбирает в зависимости от цвета, материала и фасона туфель. На самом деле подобрать одежду не сложно. Одержимость Эдит Ринкель ограничивается работой и обувью.

В отношении одежды она совсем не экстравагантна. У нее не много нарядов, но все они отличного качества и хорошо сидят. У нее есть несколько практичных костюмов с узкими

юбками и короткими пиджаками темных нейтральных цветов (черный, серый, коричневый, темно-синий), брюки и свитера с высоким горлом таких же цветов и блузки, всегда безупречно белые и отглаженные. И только летом, случается, она носит более яркие платья. У нее не много сумок, но обычно вместе с сеткой для обуви она несет с собой только папку для документов из черной свиной кожи.

В этот вторник Эдит Ринкель стояла в гостиной в лифчике и трусиках, держа в руках чашку с кофе, и внимательно изучала свою коллекцию. Она подошла ближе, скользнула рукой по полке с бирюзовыми и зелеными туфлями, немного помедлила, остановившись у факультетско-синих с серебряными тонкими каблуками, потом взяла в руки любимую в последние годы пару: Сальваторе Феррагамо, изумрудно-зеленый шелк, не очень высокие каблуки, очень устойчивые. Но она отставила их и выбрала на верхней полке абрикосового цвета лодочки с ремешком от Балли. Подержала их в руках, вытянула руку, посмотрела на них, прищурившись, кивнула и, напевая, надела, после чего прошла в спальню и достала из шкафа черный костюм из тонкой шерсти. Когда через десять минут она шла на остановку

Адамстюен, чтобы сесть на трамвай и доехать до Блиндерна, то с удовлетворением поглядывала на свои ноги. В папке для документов лежали кое-какие бумаги, над которыми она корпела прошлым вечером. Она собиралась продолжить эту работу и знала, что засидится в своем кабинете допоздна. Она была рада.

На следующий после визита к маме день Пол пришел на работу рано. Полный ожиданий, уверенный в себе, он направился пружинящей походкой к кабинету Нанны, но остановился, не дойдя до него: не хватило смелости. Его шаги замерли, руки опустились вдоль тела, он был парализован осознанием значения поступка, который собирался совершить. Он медлил, он хотел отсрочить неотвратимое, хотел еще несколько секунд подождать, прежде чем сделать шаг, который изменит его жизнь. Внезапно дверь кабинета Нанны открылась, и из нее вышел мужчина с русыми волосами и ухоженной бородкой. Пол услышал ясный голос Нанны, которая благодарила мужчину; тот, в свою очередь, попрощался — по-шведски — и проследовал мимо Пола к лифтам.

Пол взглянул на часы, в девять пятнадцать он должен был присутствовать на заседании. Он

решил пожить обычной жизнью, жизнью, которая ему так нравится, еще один день. Завтра он зайдет в кабинет к Нанне. Завтра начнется его новая жизнь.

Он преподает не очень много, поскольку занимает должность научного сотрудника, но утром по средам ведет сдвоенную пару. Завтра после занятий он пойдет прямо к ней в кабинет, без промедления постучит и скажет, что любит ее. «Я люблю тебя», — скажет он.

На заседании, бесконечном и бессмысленном, посвященном принципам закупки книг для библиотеки, Пол размышлял над глаголом «любить». С тех пор как он увидел Нанну, ему было очевидно, что этот глагол лучше всего подходит для описания его чувств. Неписаные правила, принятые в норвежском языковом сообществе, гласят, что слово «любить» употребляется применительно к длительным отношениям, что мужчина должен на протяжении как минимум четырех-пяти месяцев состоять в отношениях с женщиной, прежде чем он по праву может называть свои чувства этим глаголом. Когда человек находится на первой ступени отношений, когда он с ума сходит от влюбленности, тогда не говорят, что он любит. А стоило бы, размышлял

Пол, в то время как Хольстейн, как всегда, вяло говорил о том, что кафедре следует отказаться от подписки на какой-то журнал. Потому что «любить» — это очень интенсивный глагол, который как раз подходит для описания первой ступени отношений. Для выражения желания, эйфории и всепоглощающего интереса в норвежском языке недостает слова. Нужен новый глагол, думал Пол. Но все, что приходило ему в голову, звучало глупо, искусственно. Пол предпочел бы заставить глагол «любить» означать то, что он хочет. Одновременно с тем, как он решил подвергнуть глагол «любить» лексическому прессу, он осознал, что хочет использовать оба его значения для выражения своих чувств к Нанне, он хотел выразить как навязчивую влюбленность, так и более глубокую любовь, ту, для возникновения которой обычно необходимо несколько месяцев («он любит ее»). Любить. Я люблю тебя. Он лишь однажды говорил это женщине. Да, один раз Карин Х. — длинноногой архитекторше, с которой он встречался почти год. Да, Карин Х. Как-то вечером она сидела у него на коленях, долго смотрела на него, а потом закрыла глаза и сказала, что любит. Взволнованный, но обеспокоенный, он взял ее костлявые ладошки в свои руки, поцеловал ее

в губы, улыбнулся, но понял, что этого недостаточно. В конце концов он сказал это. «Я люблю тебя… ужасно», — произнес он, потому что не мог удержаться, он просто должен был добавить для усиления это наречие «ужасно», которое, как это ни смешно, смазало все предложение. Карин Х. уткнулась носом ему в шею и оставила его в покое. Через пару недель он порвал с ней.

Хольстейн, у которого всегда находятся добавления к последнему выступлению, говорил своим тягучим жеманным голосом что-то насчет значения скандинавских университетских изданий. Пол вытянул под столом длинные ноги. До окончания заседания осталось всего четверть часа.

Пол понимал, что любит Нанну в обоих смыслах слова и ему придется рассказать ей об этом. А еще он хотел заняться с ней любовью.

Вообще-то Пол хороший преподаватель, но в эту среду он был просто в ударе, почти в экзальтации. Нанна! Всего через два часа он скажет Нанне, что любит ее. Он ходил по аудитории, размахивая руками. Он был дерзок, весел и предельно четок. В учебном материале он находил такие параллели и связи, о которых раньше и не подозревал. Внезапно ему вспоминались анекдоты, ярко иллюстрирующие сегодняшнюю

тему. Студенты слушали как зачарованные. Он заставлял их смеяться и подталкивал к постановке своевременных и умных вопросов, мобилизуя все их знания.

В перерыв он выходил вместе с ними, стоял перед зданием футлинга в лучах сентябрьского солнца, горячо обсуждая что-то со студентами, флиртуя с самыми симпатичными девушками, веселя всех. Пол заметил полную мрачную студентку, стоящую поодаль от основной группы, улыбнулся ей, стал шутить, и ему удалось рассмешить ее. Он знал, что неподражаем и непобедим. «Нанна», — думал он. «Нанна!» — произносил он про себя ее имя с большим восклицательным знаком в конце.

На последней паре студенты выполняли задание, которое Пол написал на доске, а он ходил по аудитории и помогал тем, кому это было нужно. Наиболее красивые, а потому самоуверенные девушки, требовали внимания к себе, они требовали его с блестящей непосредственностью, поднимая вверх худые руки и отводя их назад таким образом, что очертания их грудей становились намного отчетливей. Другие сосредоточенно склонялись над тетрадями, тихо переговариваясь с соседом или соседкой. Пол прогуливался по

аудитории, нагибался к студентам, интересовался, как идут дела, пару раз возвращался к доске и давал краткие пояснения для всех. Все это время он думал о Нанне.

В это утро в аудитории 64ФЛ не одного Пола одолевали страстные мечтания. Ученый Пол Бентсен и студент Александр Плейн думали каждый о своей женщине. Само по себе это неудивительно (и конечно, больше чем двое из находящихся в аудитории мужчин думали о женщинах), но дело в том, что эти двое думали о сотрудницах кафедры, о двух сотрудницах футлинга. Пол был преисполнен уверенности в себе и рвался открыть свои чувства, а Александр ушел в себя и размышлял, поглощенный беспокойным желанием, о женщине и о ситуации, в которой оказался. Он сидел за последним столом у окна.

Александру около двадцати пяти, у него до сих пор по-детски круглые щеки, и он по-мальчишески неуклюж. Его нежная и гладкая кожа напоминает розовато-белый марципан, на подбородке — несколько прыщей.

Он никогда особо не интересовался языками или теоретическими изысканиями, он оказался на кафедре футуристической лингвистики в основном потому, что не поступил на факуль-

тет информационных технологий, куда хотел попасть изначально. Александр попробовал сконцентрироваться на задании, которое Бентсен написал на доске, но не смог сосредоточиться: он думал о том, что случится после занятия. Бентсен пустился в очередные морфологические разъяснения, которых Александр не понимал и уже даже не пытался понять. До конца пары оставалось всего несколько минут. Он страшился того, что близилось, у него на лбу выступил холодный пот, но в следующую секунду он уже радовался до возбуждения. Увлеченный скабрезными, но робкими фантазиями, Александр, однако, успел заметить, что Бентсен сегодня более пылок, чем на двух предыдущих занятиях.

Но Пол не заметил отсутствующего взгляда Александра и не догадался о том, что его член начал твердеть, Александру же было совершенно неинтересно, почему Бентсен сегодня так воодушевлен.

Сразу после пары, держа под мышкой заметки, с испачканными мелом пальцами правой руки, Пол решительно направился к кабинету Нанны. У него был предлог зайти к ней: он прочитал в электронной библиотеке кафедры, что Нанна Клев взяла библию футуристической лингви-

стики «Необходимость языка для современного общества», а ему крайне необходимо было заглянуть в эту книгу, чтобы кое-что уточнить. Он постучал в дверь и оказался в ее кабинете.

Наверное, Пол на пару секунд лишился сознания, потому что следующее, что он помнит, это то, что сидел на стуле для посетителей и смотрел на нее. На ее милое светлое лицо цвета парного молока с медом. Они обсуждали свои проекты. Он пришел в себя на середине собственного рассказа о развитии морфологии глаголов. Нанна смотрела на него не отрываясь, кивала, и кажется, она была в восторге от того, что он вещал.

— Я слышал, твоя диссертация была очень хорошо принята, — сказал Пол через некоторое время.

— Уфф, я сейчас покраснею, — ответила Нанна и спрятала лицо в ладони. Пол не видел, как она краснела, но это казалось ему очаровательным. Может, он был и не прав (и это его даже немного беспокоило), но ему нравился тот факт, что способные девушки-лингвисты могут краснеть.

Он снова стал смотреть на нее. Она поднесла чашку ко рту, вытянула губы и дунула на горячий чай. О, как бы он хотел быть чаем в чашке Нанны!

Нанна рассказала, что ей, помимо всего прочего, поручили небольшой проект о будущей локализации фонем, но она не знает, с чего начать. У Пола имелись только элементарные познания в фонологии, но он объяснял ей основные принципы своего собственного морфологического исследования. «Я покажу тебе, как я составил алгоритм, — сказал Пол. — Я помогу тебе». «Я буду носить тебя на руках всю жизнь», — думал он. А Нанна смотрела на него, и белки ее глаз чуть порозовели, как внутренняя поверхность экзотической ракушки.

В дверь постучали, и прежде чем Нанна успела как-то отреагировать, в помещение ворвалась Эдит Ринкель и кабинет сразу уменьшился в размерах. Ринкель сказала, что до сих пор не получила тезисов фонологического проекта Нанны, которые та обещала написать. Можно получить их сейчас? Сию минуту?

Нанна ответила, но не мгновенно (и от этого восхищение Пола только выросло), что обязательно сделает это, но что еще не успела разобрать все свои бумаги. Она улыбалась и уверенно, но в то же время мягко смотрела на Ринкель снизу вверх. Та хмурилась. Потом Ринкель кивнула и пошла к выходу, но остановилась в дверях. Она взглянула

прямо на Пола. Светлые глаза начальницы не отрываясь смотрели в глаза Пола, и он немедленно поднялся. «Я еще зайду», — сказал он, извиняясь. Он едва не забыл свои конспекты, вспомнил о них в последний миг, развернулся на пороге и взял бумаги, лежащие на краю стола Нанны.

Через секунду он бок о бок с Ринкель шел по коридору. Пол ждал, что она что-нибудь скажет, но она молчала. «Хорошо, что Нанна Клев начала у нас работать, говорят, она очень способная», — произнес он, когда они поднимались по лестнице. Ринкель посмотрела на него и улыбнулась, но ничего не ответила.

В своем кабинете Пол сел на стул, выглянул в окно и проводил взглядом группу студентов, медленно идущих через Исследовательский парк к металлическому мосту, ведущему в Блиндерн. Потом он поднес свои конспекты к носу, сделал глубокий вдох, но не уловил аромата Нанны, не почувствовал нежного запаха, которым, по его мнению, она должна обладать. Он почувствовал только запах бумаги и очень слабый, но отчетливый запах гниющих яблок. Черт! То, что польстило ему (потому что взгляд Ринкель нельзя было истолковать иначе, чем ревность), начинало раздражать, поскольку эта женщина

обладала огромной властью над ним, и из-за этого он вел себя как подросток.

Пока пол сидел в своем кабинете и нюхал бумагу, тщетно пытаясь почуять запах Нанны, Александр стоял перед дверью профессора Ринкель и не осмеливался постучать. Мимо прошли двое мужчин и посмотрели на него долгим взглядом, который показался Александру злым и жадным до пикантных новостей. Это заставило его поднять руку и постучать. Из кабинета раздался голос: «Войдите», он открыл дверь и быстро вошел в кабинет. Когда он закрывал дверь, ему показалось, что из коридора доносится смех. «Запри», — приказала Эдит Ринкель, и Александр немедленно повиновался.

Она сидела за письменным столом, склонившись над книгой, палец скользил по строчкам, он видел ее профиль. Из окна на нее падал свет. Он заметил волосы над ее верхней губой, нет, не волосы, но множество темных пушинок, как на плоде киви. Ему это нравилось. Она повернулась к нему, и усики стали совершенно невидимыми, как ни приглядывайся. Он сомневался, не показалось ли ему это. Ведь Эдит Ринкель — само совершенство. Волосы уложены очень аккуратно с прямым как стрела пробором. А если

приблизиться к стрелкам на ее брюках, то можно порезаться. Ногти у нее заостренные, довольно длинные, без лака, ровные и блестящие. Но вот он заметил: кожа вокруг ее глаз смуглая, как бывает только у темноволосых людей, и в этом цвете есть что-то сексуальное, такое сексуальное, что она стала казаться менее пугающей, может быть, более человечной. И очень привлекательной.

Но он продолжал стоять около дверей, руки его безвольно болтались вдоль тела, а между ног колотился страх. Эдит Ринкель поднялась, закрыла занавески и подошла к нему. Она начала раздевать его, нетерпеливо и беспорядочно, как ребенок, сдирающий обертку с рождественского подарка, но это единственное, что в ней было от ребенка. Потому что ребенком был он, а она — взрослая. Она возвышалась над ним, хотя он значительно превосходил ее ростом. Он пытался обнять ее, но она выскальзывала, продолжая его раздевать. Александр протянул руку, чтобы расстегнуть ее блузку, но она отмахнулась. Только когда он стоял перед ней полностью обнаженным, она медленно начала снимать с себя одежду, вылезла из персиково-черных туфель, осторожно отставила их в сторону и позволила студенту обнять себя.

Они занимались быстрым ненасытным сексом на толстом персидском ковре. Ни для одного из них это не стало сексуальным откровением, но оба более или менее были удовлетворены.

— На какие курсы ты записался в этом семестре? — спросила Ринкель потом, уже одевшись. Она сидела за столом, выпрямив спину, и на лице ее не было ни тени того наслаждения, которое она, несмотря ни на что, недавно испытала.

— ФУТЛИНГ 1100, — ответил Александр. Он лежал на спине на ковре, обнаженный, с руками под головой, демонстрируя уверенность в себе и больше не испытывая никакого страха.

— Так, экзамена нет, только реферат. Я позабочусь… — начала Ринкель, но остановилась. — Ты придешь в пятницу?

— Еще бы не прийти, — ухмыльнулся Александр. — Да, как минимум дважды.

Но Ринкель не улыбнулась, только почти незаметно подняла брови, отвела от него глаза и начала перебирать стопку бумаг.

Александр полежал еще какое-то время. Ринкель, казалось, была полностью поглощена работой. Внезапно Александр, вытянувшийся голышом на ковре, почувствовал себя идиотом. Он начал стыдиться собственных желаний и

сексуального аппетита. Она — пожилая женщина. Она в два раза старше него! Полная пожилая профессорша. Он поднялся и стал одеваться, не произнося ни слова. «Пятница», — повторила Ринкель с вопросительной интонацией, не поднимая глаз. Он отрицательно покачал головой и ощутил себя еще более смешным, потому что понял, что ему очень хочется прийти. «Да», — произнес он.

Если бы он не был так поглощен осознанием собственной глупости, он бы заметил, что Ринкель и не думала читать лежавшие перед ней бумаги, она просто бесцельно перебирала их. Он открыл дверь и покинул ее, полный стыда и злости, в страхе, что кто-нибудь может его заметить. И он знал, что вернется.

Когда в четверг Пол Бентсен, переполненный надеждами и ожиданиями, пришел в Блиндерн, он узнал, что Нанна уехала на семинар в Стокгольм.

— Да, она уехала вчера вечером, — сказал Гуннар Вик, немного сутулый симпатичный синтаксист, обожающий галстуки с фигурным рисунком и яркие рубашки. — А что?

— Да нет, ничего, — ответил Пол и захлопнул за собой дверь с таким грохотом, что Гуннар Вик

вздрогнул.

Ее не будет целую неделю. Нанна. Она снилась ему ночами, а днем он все время думал о ней. Голова его была почти полностью занята Нанной, до такой степени, что он плохо спал (чего никогда не случалось раньше), потерял аппетит (тоже новый феномен в жизни Пола), и даже не открывал таблицы сильных глаголов в «Excel».

Случалось, он просыпался среди ночи и со стыдом и одновременно со смехом осознавал, что его сны о Нанне ужасно напоминают сцены из маминых романов. Он видел неясные картины, в которых спасал одетую в красивые платья Нанну от одного несчастья за другим, и они, тесно обнявшись, танцевали на цветущем лугу. Он придавал подушке форму пирамиды, поворачивался и клал на нее голову, злился на себя и поругивал маму, благодаря которой он видел такие немужские сны. Черт тебя подери, дорогая мама!

Лежа на спине, он пытался вообразить каждую часть тела Нанны. Он начинал сверху, представляя себе ее прекрасные волосы с завитушками на затылке. Потом мягкие губы, шею, грудь (сначала он думал, что ее соски большие и коричневые, но потом решил, что они скорее всего маленькие и розовые и расположены высоко), талию,

бедра. Полные бедра, широкий таз. Нет, нет, что за ерунда? Нанна маленькая, и бедра у нее как у подростка! Он снова закрывал глаза: ее половая щель (строго говоря, когда Пол лежал в кровати, в его голове вертелось не совсем это слово, но то слово, которое он выбрал, было семантическим эквивалентом слова «щель») влажная и узкая и пахнет летом. Он вкушал лето, впитывая в себя ее запах. Через несколько минут после этого он засыпал с обмякшим членом в руке, он был удовлетворен, но знал, что это состояние долго не продлится, что вожделение еще не раз вернется. Последнее, что приходило ему в голову перед тем, как он проваливался в сон, это то, что Нанна будет очень много значить для него. В этом Пол был прав: Нанна оставит глубокий след в его жизни.

Днем, когда он не спал (хотя из-за бессонницы в этот период он постоянно находился в полудреме), он пытался вести себя рационально (что было нелегко из-за перепроизводства дофамина и эндорфина), но мысли о светлой золотистой копне волос Нанны постоянно всплывали в его мозгу.

«Мне всегда нравились светлые волосы», — успевал подумать он, прежде чем его разум выступал с возражениями: Полу всегда нрави-

лись именно те особенности женской внешности, которыми обладала его нынешняя возлюбленная. Когда он влюбился в Карин Х., ему казалось, что черные волосы, как у нее, были самыми прекрасными на земле. Когда он встретил Сири, он все время гладил ее гладкие коричнево-золотистые волосы, которые, как он сказал, были самыми красивыми из всех виденных им, именно того оттенка коричневого, который был его любимым цветом.

Однажды, когда Пол сказал это Мортену, тот рассмеялся ему прямо в лицо и твердо заявил, что Пол уже говорил это раньше. Каждый раз, когда у Пола появлялась новая девушка, он рано или поздно начинал использовать превосходную степень.

— Ты говоришь это каждый раз, Пол!

— Ну и?

— «Самые красивые/прекрасные/волшебные/чудесные волосы из всех виденных мной», — процитировал Мортен.

— Да, но…

— «Это мой самый любимый цвет». И так ты говоришь каждый раз. Каждый раз.

— Да, да.

— А у тебя были девушки с волосами всех цве-

тов спектра.

Мортен был прав. Пол на самом деле такой. С его точки зрения, тот факт, что у Бенедикт был двухместный «БМВ», делал ее привлекательной утонченной женщиной. Точно так же выбор машины Будиль позволил заключить, что Будиль именно такая, какой и должна быть: приземленная Будиль, разъезжающая повсюду на пятнадцатилетней «тойоте». Полу нравились маленькие заостренные груди, когда такие были у его возлюбленной. Он предпочитал стройных, похожих на борзых женщин, когда у него были отношения с одной из них, но уже в следующем месяце после очередного знакомства он начинал восторгаться рубенсовскими формами.

«Ты всегда был таким», — сказал Пол сам себе, но все же, несмотря на это, не мог достучаться до собственного рассудка, будучи совершенно уверенным в том, что чувство, которое он испытывал к Нанне, было уникальным, никогда ранее не испытанным. Светлые волосы, тонкие ладони с отпечатками кромки стола, которые появились после того, как она положила на нее руки, предварительно отставив от себя чашку. Груди под свитером, круглые, как сдобные булочки. Да, да, Пол часто восторгался женщинами и всегда вслух

выражал свое восхищение.

Но тем не менее никогда в жизни Пол не был так влюблен в женщину, как в Нанну Клев, — по крайней мере, так ему казалось сейчас.

Ближе к концу недели Пол позвонил Мортену и рассказал ему о Нанне. И как только у Мортена прошел первый приступ хохота, они стали разговаривать о Нанне. Он избегал упоминания о ее волосах, несмотря на то что ему хотелось рассказать Мортену, как красиво они блестят.

Он набирал ее имя во всех поисковых системах, которые ему удалось найти в Интернете, открывал каждую ссылку, читал все, что мог найти о ней. Он вспомнил, что однажды пробежал ее статью в «Норвежском лингвистическом журнале», нашел тот журнал и внимательно перечитал.

Нанна. Полу было необходимо беспрерывно произносить ее имя. Он чувствовал, как язык прижимается к альвеолам, когда он произносит «н», и как потом, когда он произносит гласный звук, напряжение языка ослабевает, а потом весь процесс повторяется вновь: на-на. Ему нравилось, что ее имя заканчивается открытым слогом, что после того, как оно произнесено, рот остается полуоткрытым, ему нравятся повторяющиеся слоги. На. На. Есть в этом имени что-то истинно

женское, что-то напоминающее о первых звуках, которые произносят дети во всем мире: *ма-ма, да-да, на-на.*

В те дни, когда Нанна была в Стокгольме, он испытывал острую потребность в том, чтобы услышать, как другие произносят ее имя, разговаривают о ней, он хотел, чтобы весь мир узнал ее. Он заводил разговоры о новой стипендиатке во время ланча, он упоминал ее диссертацию на занятиях со студентами, он спрашивал о ней в канцелярии, делая вид, будто не знает, что она уехала.

Однажды, когда он направлялся в корпус имени Георга Свердрупа,[36] то наткнулся на новоиспеченную пенсионерку Гюдрюн Гюттормсен. Так же как и многие другие университетские пенсионеры, Гюдрюн Гюттормсен, кажется, не собиралась оставлять университет. Она привыкла каждый день где-то около десяти приезжать в Блиндерн и проводить там целый день, болтая в коридорах и попивая кофе с коллегами, и так будет продолжаться на протяжении многих лет.

Гюттормсен была одним из редакторов Толкового словаря норвежского языка, она приступила

[36] Примечания: 36

Георг Свердруп (1770–1850) — норвежский филолог, профессор, основатель первой норвежской университетской библиотеки.

к работе сразу после окончания учебы на кафедре скандинавских языков в середине шестидесятых и трудилась вплоть до прошлого года. До выхода на пенсию она успела отредактировать все статьи на букву К (начала со слова «кабак» и закончила словом «кыш»), а кроме того, опубликовать статью почти на тридцать страниц «О сослагательном наклонении глагола „казаться“ в диалекте Западного Телемарка». Обычно Пол ограничивался кивком Гюттормсен, но сегодня остановился.

— Вы читали последний номер журнала «Лингвистические ценности будущего»? — спросил Пол.

— Нет, — ответила вышедшая на пенсию редактор словаря, и тон ее говорил, что она читает только публикации, названия которых состоят из двух слов: «Видение и предание», «Язык и память», «Слово и понимание», «День и время» — и ничего более.

— Там напечатана интересная статья Нанны Клев. Вы слышали о ней?

— Нет, — ответила пенсионерка, и ее язык выскользнул изо рта и увлажнил губы.

— Нет? — спросил Пол, неотрывно глядя на рот женщины.

Гюдрюн Гюттормсен друзья и коллеги называют еще Гюдрюн Змеиное Жало, потому что у нее удивительный язык — кончик его раздвоен, как у гадюки. Говорят, что когда она была маленькой, то поранилась косой, и еще говорят, что она отказалась написать словарную статью про слово «коса», когда до него дошла очередь.

— Нет, — снова сказала Гюттормсен.

— Нанна Клев, — повторил Пол, кивнул Гюттормсен и продолжил свой путь в библиотеку. — Нанна! — он повернулся и еще раз выкрикнул ее имя.

У фонтана он заметил Свена Аалбуэ-Йоргенсена, но даже желание Пола говорить о Нанне не заставило его остановиться и перекинуться парой слов с Аалбуэ-Йоргенсеном. Аалбуэ-Йоргенсен — преподаватель из Дании, он работает на кафедре скандинавских языков и литературы, обучает студентов датскому. К сожалению, он не пользуется большой популярностью ни среди коллег, ни среди студентов. Он чувствует себя выше норвежцев, всегда носит бабочку, запонки и ослепительно-белые рубашки. Если бы его жену вынудили говорить, она могла бы рассказать, с какой щепетильностью он относится к своим рубашкам и как легко впадает в ярость. А еще она

могла бы поведать, что Аалбуэ-Йоргенсен любит играть, что он ненавидит проигрывать, что его интеллектуальный снобизм доходит до того, что, невзирая на свой страх оказаться хуже других, он делает вид, будто не может ответить на вопросы самой простой категории сложности в программе «Кто хочет стать миллионером?» (Какой поп-дуэт прославился хитом «Yes sir, I can boogie»? Кто исполняет роль директора гостиницы в сериале «Отель „Цезарь“»?).

В университете Аалбуэ-Йоргенсен известен прежде всего тем, что постоянно навязывается в соавторы научных статей. Он не из тех, кому легко отказать. «Хотите, я это прочитаю?» — предлагает он, и коллеги, особенно молодые, кивают и неохотно протягивают ему свою статью, которую через несколько дней получают обратно с некоторыми исправлениями и ничего не значащими комментариями и с фамилией Аалбуэ-Йоргенсен на первом месте среди авторов. (В международных журналах сочетание «аа»[37] — это всего лишь два «а», и ничего другого, а следовательно, стоит в самом начале алфавита, что несколько утешает скандинавских ученых, всю

[37] Примечания: 37

В норвежском языке буква å, которая часто пишется как «аа», является последней буквой алфавита.

жизнь замыкавших алфавитные списки авторов. Существует исследование, утверждающее, что человеку, фамилия которого начинается на одну из первых букв алфавита, делать академическую карьеру легче, потому что его фамилия чаще будет стоять первой в списке авторов статей, а следовательно, на него будут чаще ссылаться. Пол испытал это утверждение на себе: у него есть несколько работ, написанных в соавторстве с другими учеными, и на них всегда ссылаются как на статьи Бентсена).

Опубликуйся или умри. Требования ужесточились. Одним все прекрасно удается, другие, чтобы удовлетворить этим требованиям, используют неблаговидные методы, а третьи вообще бросают всякие попытки опубликоваться. Гюдрюн Гюттормсен, опубликовавшая всего одну научную статью за всю свою профессиональную карьеру в Блиндерне, находится на одном конце шкалы, на другом мы можем разместить Эдит Ринкель, а Гуннар Вик и Свен Аалбуэ-Йоргенсен (даже включая все статьи, в которых он числится соавтором) расположатся где-то посередине.

Эдит Ринкель отличается такой большой научной производительностью, что, несмотря на свою великолепную память, однажды на дне

ящика стола нашла копию статьи, которую, как ей показалось, раньше не читала. Она начала читать, в кои-то веки ей понравился автор, она с энтузиазмом стала писать на полях восторженные комментарии («да! точно!»), но через пару страниц сообразила, что это одна из ее собственных статей, написанных несколько лет назад.

Нанна возвращается из Стокгольма! Пол рывком сел в кровати в состоянии полного восторга. Он бросился в душ, тщательно побрился и надел рубашку, которая, как он знал, ему идет. Выпил кофе и проглотил бутерброд, но не стал читать газету. Через четверть часа после пробуждения он уже запер за собой входную дверь. Он собрался и вышел из дома так быстро, как способен только влюбленный мужчина.

Не отдавая себе отчета в том, что еще нет восьми (а значит, оставался еще как минимум час до того времени, когда обычно сотрудники появляются на работе), Пол направился прямо в кабинет к Нанне, постучал в дверь и пригласил ее пообедать в кафетерии. Поскольку он практически не понимал, сколько сейчас времени, то совершенно не удивился, что она в такую рань уже была на месте. Он даже не стал здороваться и произносить обычные вводные фразы, а про-

сто выпалил свое приглашение. Она удивленно подняла на него глаза, он улыбнулся ей широкой улыбкой, от которой женщины обычно падали к нему в объятия, как перезревшие яблоки.

Они договорились встретиться в кафетерии в двенадцать. Когда Пол пришел (в кои-то веки вовремя), она уже стояла у прилавка с чашкой зеленого чая и салатом в руках. Пол выбрал себе еду и пошел впереди нее к столу в дальнем углу помещения: он не хотел, чтобы к ним за столик подсел Паульсен или еще кто-нибудь из коллег.

И вот они сидят друг напротив друга за овальным столом. Нанна мелкими глотками пьет чай, Пол держит в руках кружку с кофе и, улыбаясь, смотрит на нее, ничего не говоря. Но ему кажется, что это не страшно. Чашка с кофе греет его руку, через окна в потолке на светлые волосы Нанны падают лучи сентябрьского солнышка, двери на террасу на крыше распахнуты, там за одним из столиков сидят его коллеги — приверженцы функциональной грамматики, одетые в толстые куртки, и даже несмотря на то, что Пол не слышит их разговора, по их жестикуляции он понимает, что они беседуют о своем предмете.

Он откусывает большие куски от своей булочки, почти не жует, глотает, не давая себе времени

почувствовать, какова же она на вкус, но если бы кто-нибудь спросил его, он бы ответил, что никогда прежде не ел булочки вкуснее.

Пол мог бы часами сидеть вот так и смотреть на Нанну восторженными глазами, но посчитал, что надо бы что-нибудь сказать, кроме того, он хотел услышать ее голос, поэтому спросил, как идет работа над ее проектом. Нанна ответила, что со времени их последнего разговора она не много успела сделать, потому что уезжала.

— Ах да, я слышал, — проговорил Пол.

Нанна поднесла вилку с салатом ко рту, взяла маленький кусочек и стала почти незаметно пережевывать его.

— Ты ведь была в Копенгагене? — спросил Пол, прикидываясь неосведомленным.

— Нет, в Стокгольме, — сказала Нанна.

Они поболтали о Стокгольме, о Старом городе, о конференции и об общих знакомых из Стокгольмского университета. Возникла пауза. Пол поинтересовался, знакома ли она с исследователем языка средств массовой информации по имени Стаффан, с которым Пол недавно встречался на конференции в Амстердаме. Нет, Нанна с ним не знакома. И снова воцарилась тишина.

Пол допил кофе и хотел было уже сходить за до-

бавкой, но заметил, как Нанна нервно ерзает на стуле, и испугался, что если сейчас уйдет, то она закончит обед до того, как он успеет сказать, что любит ее. Она казалась обеспокоенной, готовой сорваться с места. Она поменяла положение ног и бросила взгляд на часы. Пол машинально сделал то же самое: прошло уже пятнадцать минут.

В тот же момент в кафетерии появилась Ринкель. Заплатив за еду, она стояла какое-то время у кассы с чашкой кофе в руках и осматривала помещение. Затем она прошла мимо стола, за которым сидели Нанна с Полом, но не поздоровалась с ними, просто скользнула по ним взглядом своих светлых глаз и, стуча каблуками, проследовала дальше и села за столик на двоих в том же конце зала. В воздухе остался запах горячего кофе и намек на запах ее духов. Пол почувствовал, что начинает злиться. Черт бы подрал эту женщину! Нанна ничего не говорила, но что-то в ее взгляде, в выражении лица дало Полу понять, что именно сейчас, именно в эту минуту у него есть возможность высказать то, о чем он думает. Он помедлил несколько секунд, а потом несмело произнес:

— Она весьма…

— Да, — тут же ответила Нанна.

— Холодная рыба, — продолжил Пол и, ободр-

ренный оживлением Нанны и желая произвести на нее впечатление, добавил: — Oderint dum metuant.

— Что? — переспросила Нанна.

— Это означает: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись». Так любил повторять Калигула, — объяснил он, одновременно осознавая, что предает Ринкель, что ему совершенно не стоило говорить подобных вещей.

Но Нанна захихикала, словно ребенок, услышавший, как его ровесник произнес запретное слово, одно из тех ужасных слов, которые все знают, но которые, по словам взрослых, нельзя произносить. Пол восхищенно слушал смех Нанны, он с облегчением отметил, что все признаки беспокойства, все признаки, указывавшие на то, что Нанна хочет уйти, исчезают, и он стал рассказывать еще что-то о Ринкель, о том, как ее не любят на кафедре, а Нанна кивала и говорила, что Ринкель не слишком хорошо умеет подстраиваться. Пол поведал ей, что, по слухам, Ринкель практически вынудила молодую стипендиатку отказаться от должности еще до того, как та закончила диссертацию. Нанна, потупив глаза, подтвердила, что слышала то же самое: последовательное игнорирование, обделение

должностью, когда стипендиатка выставила свою кандидатуру на выборы в правление (а речь идет об органе, куда совсем непросто заманить людей), ни одного кивка, ни одной кроны для поездок на конференции. В конце концов та просто уволилась. Судя по коридорным сплетням, она просто не смогла больше выносить такое обхождение со стороны Ринкель.

Пол покачал головой и немного повернулся, чтобы увидеть Ринкель, сидящую с прямой спиной за одним из столиков у окна, и внезапно чувство стыда вытеснило радость от перемывания косточек. Ему показалось, что Нанна испытывает то же самое, а потому они оставили эту тему, но обмен несколькими фразами о Ринкель установил между ними доверительные отношения и показал, что они нашли союзника друг в друге.

Как-то само собой получилось, что они начали говорить тише, почти шепотом, о кумовстве и тайных отношениях в университете, о гнусных процедурах приема на работу, о дружбе и совместных обедах как критериях при распределении средств на проекты и поездки. Они вспоминали о том, как это было раньше, когда бюджеты кафедр необходимо было полностью

израсходовать до истечения бюджетного года, о машинах с мебелью, наполненных никому особо не нужными книжными полками и диванами, выстраивавшихся в декабре в очередь вдоль улицы Согнсвейен.

Пол рассказывал о безумных бланках, которые постоянно надо заполнять, обо всех отчетах, которые надо писать, несмотря на то что их никто никогда не читает. Они грустно смеялись при мысли об архивных шкафах, до отказа забитых аккуратно заполненными, никем не читанными бланками и отчетами, и их одинаково злило то, что это отнимает массу времени от научной работы. Они были на удивление едины во мнениях и оценках. («Вы нашли общий язык», — сказала мама, когда Пол рассказал ей об этом обеде в следующий понедельник). Вдохновленные поддержкой друг друга, они углубились в беседу.

Нанна понизила голос так, что ее почти невозможно было расслышать. До нее дошли слухи, что Ринкель чересчур интересуется молоденькими студентами. И прежде чем Пол успел отреагировать, Нанна неохотно сказала, что не хочет сплетничать о Ринкель, которой несколько лет назад грозило увольнение за сексуальные отношения с одним из ее студентов.

— Что? — спросил Пол и выпрямился. — Ты это серьезно?

— Я не знаю, — сказала Нанна тихо, — но я это слышала от людей, которым доверяю. Ты же помнишь, мы с Эдит Ринкель работали в одном университете в США.

— Да, в Чикагском университете, — автоматически произнес Пол. Он был поражен. Ему стало тошно. Он вспомнил о разговоре, который состоялся у них с Ринкель в поезде по дороге в аэропорт Гардемуэн, и не мог поверить в то, что говорила Нанна. И вместе с тем он чувствовал, что все встало на свои места: студент в ее кабинете, слишком светлые глаза, взгляд волчицы.

— Дело спустили на тормозах. Сегодня про это почти никто не помнит. Я слышала, что те, кто принимал ее на работу незадолго до случившегося, защитили ее, когда все раскрылось. Не думаю, что много людей было в курсе. Но за столько лет наверняка у нее был не один студент. О боже! Ты так побледнел, Пол. Мне не стоило рассказывать....

— Да нет, я рад, — ответил Пол, протянул руку и похлопал по ее кисти, словно поддержка и утешение нужны были ей.

— Ты хорошо ее знаешь?

— Нет, совсем нет, — сказал Пол. — У меня с ней ничего общего. Просто это было так… неожиданно.

— Ну, такое встречается не так уж редко, — сказала Нанна.

— Нет, — произнес Пол. — Нередко.

Они довольно долго сидели в тишине, но на этот раз не было никаких признаков того, что Нанна собирается уйти. Казалось, ее беспокойство исчезло бесследно.

Слухов и сплетен в университете полно. Говорят, он просил о повышении, но не получил. Защита превратилась в скандал, диссертацию нельзя было допускать. Он целый день сидит и раскладывает на компьютере пасьянс. Она такой плохой преподаватель, что студенты бегут из аудиторий.

Дети на днях рождения любят играть в «испорченный телефон». Большинство из нас неоднократно играло в эту игру. Один что-то шепчет, быстро, на выдохе на ухо соседу, который, в свою очередь, шепчет следующему то, что, *по его мнению,* он услышал, и так продолжается дальше по цепочке, пока не дойдет до последнего игрока, который гордо вслух произносит, что услышал.

Все радуются, когда первоначальное слово

превращается в нечто неузнаваемое, или, во всяком случае, сильно видоизмененное. Дети разгорячены, они смеются, их желудки наполнены сладкими пирожными и пузырящимся лимонадом. Они неправильно понимают, они намеренно слышат не то, что сказано, они шепчут нечетко, прикрываясь маленькими ладошками с крошками торта под ногтями. Им хочется, чтобы первоначальное слово исказилось, превратилось во что-то щекотливое, неприличное, скандальное.

Слухи — это «испорченный телефон» для взрослых. Два человека поговорили на праздновании Рождества — скажут, что они любовники. Женщина танцует в обнимку сначала с одним мужчиной, а потом с другим, и всем сразу становится ясно, что финансирование своих проектов и продвижение по службе она зарабатывает в постели. Про того несчастного, у которого во время первой лекции на нервной почве начался тик, шепотом расскажут, что его, скорченного от судорог, увезли на скорой помощи. Пол Бентсен не заслуживает своего места — как он его получил? Да наверное, между ним и Паульсеном что-то есть. И потом еще эта высокомерная Эдит Ринкель, постоянно клеящая молоденьких

студентов.

Но этим утром в большом кабинете двадцатипятилетний студент Александр Плейн действительно делал все что мог, чтобы удовлетворить сексуальный аппетит профессора Эдит Ринкель. Ему пришлось плотно сжать рот, он прокусил себе нижнюю губу, боясь издать громкий звук или испустить сладострастный вой.

«В кабинете хорошая звукоизоляция», — сообщила Эдит позже, когда он застегивал брюки. Это никак не было связано с ее предыдущими рассказами об узорах на крыльях бабочек-крапивниц, которые ему показались интересными. Но последнее замечание ему не понравилось, и он не сразу понял почему: у него появилась уверенность в том, что офисная любовь и расчет децибеллов производимых при этом звуков ей были не в новинку. Кроме того, это означало, что Эдит не наслаждалась его любовным искусством, поскольку смогла заметить, что он сдерживался. Он и раньше боялся, что не справится, что покажется ей недостаточно мужественным, что она сочтет его недостаточно опытным и умелым любовником.

Эдит Ринкель поняла, что Александр сдержал сексуальный крик, но она не замечала неуверен-

ности своего юного воздыхателя. Но даже если бы она заметила ее, то вряд ли сказала бы ему, что он хороший любовник. Эдит Ринкель любит иметь преимущество перед другими.

Мужчина лет пятидесяти приблизился, беззвучно шаркая ногами, к столику в кафетерии, за которым все еще сидели Нанна и Пол. Он довольно полный, поверх рубашки у него сине-белая вязаная кофта, а вокруг ширинки — концентрические грязные круги. На нем очки, настолько утрированно несовременные, что если бы они сидели на носу у стройной двадцатилетней девушки, их посчитали бы модными. С большим энтузиазмом он плюхнул свою чашку кофе на их столик, наклонился к Полу и восторженно произнес, переходя *in mediae res,*[38] что свойственно таким далеким от жизни филологам:

— Я больше не провожу категоризацию по языкам. Я перешел к тематическому подходу. Э-э-э, другими словами, к семантическим полям. Например, пушные звери, слова для обозначения рыб и других морских зверей.

— Ах вот как? — произнес Пол, слегка откидываясь на стуле. Его голова все еще была занята

---

[38] Примечания: 38
Прямо к делу *(лат.).*

мыслями о молодых любовниках Ринкель, но вот уголки его губ напряглись, а глаза сузились, словно он вот-вот расхохочется. И с какой стати он должен беспокоиться по поводу сексуальных предпочтений Ринкель?

— Сейчас я занимаюсь темой еды. Хотите приведу несколько примеров?

— Ну, — начал Пол и кивнул Нанне, которая поднесла чашку ко рту и малюсенькими глотками пила чай, наверное уже совсем остывший.

— По-итальянски это может называться *figa* или *fica*, что означает «фига». По-голландски *prium*, то есть… э-э-э…

— Слива, — сказал Пол, с беспокойством поглядывая на Нанну.

— Да, точно. Немцы тоже говорят и «фига», и «слива», — продолжал странный человек. Он щурился от яркого света в кафетерии через свои толстенные очки. Кожа его была бела как мел, как у зверя, всю жизнь прятавшегося в темноте под камнями. Он облизнулся.

— В испанском — «манго», во французском — «вишня». В турецком существует длинный список фруктов и овощей: артишок, или *enginar*; арбуз — *karpuz*, каштан — эээ…. да, *kestane.*

— Послушайте, давайте поговорим об этом

позже, — попросил Пол.

— Э-э-э, да, — ответил собеседник, и у него изо рта вытекла тонкая струйка слюны. — На фарерском можно сказать «фрикаделька».

Он взял свою кружку. Из кармана его рубашки, выглядывающей из-под кофты, торчал сверток с бутербродами. Он повернулся к Нанне и Полу толстым помятым задом и широкой спиной и направился к группе людей, среди которых была Гюдрюн Змеиный Язык. Они сидели за большим столом почти в центре зала. Отойдя на пять-шесть метров от столика Пола и Нанны, он обернулся и громко произнес:

— Финны говорят *piirakka,* то есть «пирог». Если бы вы увидели финский пирог, вы бы поняли почему. Хе, Пол?

Он засмеялся, вытер рот рукавом и побрел дальше.

— Господи, кто это был? — спросила Нанна, не отводя взгляда от странного человека.

— Один из скандинавистов, — весело объяснил Пол. — Он редко выходит за стены своей кафедры. Он сидит в корпусе Хенрика Вергеланна, в его старой части, в самом конце самого темного коридора. Ты там бывала?

— Нет, только на верхних этажах, где сидят

лингвисты. Я вообще никогда не сталкивалась со скандинавистами.

— Не знаю уж почему, но вон за тем столиком их целая толпа, — сказал Пол, кивая в сторону стола, за которым устроился бледный толстый скандинавист. — Может быть, они просто пришли к нам на экскурсию. Захотели посмотреть, как живем мы, футлингвисты.

— М-м-м, — произнесла Нанна. — А что это за фрукты и овощи вы тут обсуждали?

— Это… — Пол помедлил, оценивающе посмотрел на Нанну, но все же решил рискнуть и ответил коротко: — Компаративная пиздология. Или назовем это эротолингвистикой.

— Прости?

— Извини за грубый юмор, но этот человек последние десять лет занимается изучением названий женских половых органов.

— Да ты что? И все это было…?

— Вот именно. В середине девяностых годов он начал с норвежских диалектных выражений, но не захотел завершать проект и год за годом записывает его в свой годовой отчет. И он до сих пор еще ничего не опубликовал, насколько я знаю. Последнее, что я слышал, это что он приступил к арабским выражениям, а теперь вот перешел

к семантическим категориям. В последний раз он связывался со мной несколько лет назад, поскольку считал меня экспертом в этой области, как он выразился по телефону.

— Ничего себе, — сказала Нанна, сделав вид, что удивлена.

— …потому что я работал немного над непристойными руническими надписями, ну знаешь, над этими рунными палочками, великое множество которых нашли во время раскопок у набережной в Бергене. В них много сексуальных словечек, доложу я тебе.

— Не думала, что ты интересуешься историей языка.

— Интересуюсь. Латынь, древнегреческий, древненорвежский и праскандинавский.

Он рассказал о своей диссертации и пообещал подарить Нанне экземпляр «Между Сциллой и Харибдой: морфосинтаксическое погружение в латинском и древненорвежском языках» с автографом в обмен на экземпляр ее диссертации. Он был оживлен и очарователен, его волосы спадали на лоб, когда он цитировал своих оппонентов и имитировал немецкий акцент главного из них. Но он не мог избавиться от мыслей о Ринкель, несмотря на то что присутствие Нанны и разговор

со скандинавистом в вязаной кофте значительно улучшили ему настроение. Но сейчас он хотел завершить обед. Не то чтобы чувства Пола к Нанне ослабли или он понял, что все-таки не любит ее — совсем нет. Просто ему требовалось время для размышлений, для того, чтобы побыть наедине с собой, поэтому он при первой возможности заявил, что им, наверное, пора уже возвращаться к своим письменным столам. «Сделать что-нибудь полезное для общества», — сказал Пол, и они оба тихо засмеялись над этой забавной фразой, относя подносы к окошку моечной, расположенному рядом с выходом из кафетерия.

Они спустились на эскалаторе в холл и поднялись по лестнице в кабинет Нанны на втором этаже. Отделения кафедры футуристической лингвистики располагаются в таком порядке, в каком, в соответствии с различными теориями, обычно располагают компоненты языка. На втором этаже находится отдел футуристической фонологии, поскольку звуки можно считать самыми мелкими элементами языка. Это основополагающий уровень. Этажом выше обитают морфологи — те, кто изучает изменения слов. Это средний уровень. Четвертый этаж заняли синтаксисты, потому что синтаксис изучает, как слова

соединяются в словосочетания и предложения. Отделения прагматики и технического обеспечения размещаются на самом верху, за кафетерием и залами заседаний. Административные офисы находятся на первом и пятом этажах.

На стенах второго этажа развешаны красивые яркие акварели, созданные на основе осциллограмм и спектрограмм, демонстрирующих произношение гласных и согласных. Какой-то высокооплачиваемый художник получил эти фонетические выкладки и представил свое видение. Пол согнул свое длинное тело, чтобы прочитать надпись на маленькой белой табличке под первой картиной: «Тщетно тщится щука ущемить леща (звук „щ“)». По всему коридору на потолке через равное расстояние установлены звуковые души. Они работают так: когда кто-то приближается, сенсор это регистрирует, и звуковой душ запускает аудиозапись. Сотрудники отделения постепенно выработали иммунитет к этим записям и больше их не замечают. Но Пол, который раньше нечасто заходил на этаж к фонологам, и Нанна, которая здесь почти не бывала, поскольку поступила на работу всего неделю назад, с удовольствием приняли звуковой душ.

Пол посчитал, что неспешная прогулка по ко-

ридору будет достойным завершением их обеда. И они стали останавливаться под каждым душем и слушать. Первый выплеснул на них будущее западных диалектов, лирические видения Эйвинда Римебрэйда о том, каков будет язык в Норвегии в 2480 году:

Слип РОБОТ нет, не должен.

Но САМТАЙМЗ вижу странный силли сон.

Соу, он такой: я лив на астероид,

И, типа, сотня гуманоидов со мной.

И флаинг прочь из Солнечной системы,

Прощаемся с Луной, такая тема.

Они улыбнулись друг другу. На переносице Нанны появилась поперечная морщинка. Следующий душ говорил по-французски, гулкий мягкий голос произнес: *«La terre est bleue comme une orange»,*[39] и после небольшой паузы предложение повторилось.

— Прекрасно, — сказал Пол. Нанна кивнула в ответ. — Это из Элюара, — добавил он.

— А я даже поняла, что это значит, — произнесла она.

---

[39] Примечания: 39
Земля синяя, как апельсин *(фр.).*

— Как я погляжу, среди вас, фонологов, полно франкофилов и франкофонов, — заметил Пол под следующим душем. Они стояли очень близко друг к другу и ждали, когда на них польются французские слова: «La pensée est comme une néblueuse où rien n'est nécessairement délimité». — Потому что это Соссюр, — сказал Пол, и ему настолько нравилось стоять, почти прижимаясь к стройному телу Нанны и объяснять ей разные вещи, что он оборвал себя на полуслове: ведь вряд ли нужно было объяснять Нанне, что швейцарец Фердинанд де Соссюр считается основателем европейского структурализма. Вместо этого он спросил, можно ли ему перевести предложение. Нанна кивнула.

— «Мысль подобна звездной туманности, где нет обязательных границ».

— Великолепно, — сказала Нанна, широко распахнув чистые глаза. — Я знаю, что имеет в виду Соссюр: только когда мысль облачается в слова, она становится четкой.

— М-м-м-м. Мысли в общем-то не существует, пока она не вербализована, — проговорил Пол и изучающе оглядел ее.

Хотя голова его была наполнена густым звездным туманом, Пол уже давно облек свое томление, свою любовь и свое вожделение в слова:

он любил Нанну. Пол вдруг вспомнил, что еще не сказал Нанне об этом. Но сейчас он слишком устал, ему казалось, что теперь не время выкладывать все свои самые глубокие чувства, и он не произнес того, что собирался ей сказать. Он довольствовался мыслями об этих трех словах, о трех магических словах. Он шел дальше по коридору совсем рядом с ней.

— Спасибо за прекрасный обед, — проговорила Нанна официальным тоном. Они уже дошли до ее кабинета, приняв по дороге еще три звуковых душа (один был японским хайку, второй представлял все гласные звуки сюннмёрского диалекта, прочитанные в ритме рэпа, а третий — кисло-сладкое стихотворение Свердрупа «Кошмар грамматиста», которое Пол однажды поздним холодным вечером прочитает на доске для заметок над столом Ринкель). Какое-то время они молча стояли у двери кабинета.

— Мы ведь еще как-нибудь пообедаем вместе? — спросил Пол.

— Да, — ответила Нанна. — Я хочу узнать больше о древненорвежской филологии.

— Завтра?

— Почему бы нет.

Уверенный в себе, чуть ли не насвистывая,

Пол поднялся по лестнице в свой кабинет. Нанна. Это красивейшее из всех женских имен, это исключительное двусложное имя собственное: На-на. Он гордо цокал языком. Скоро она будет принадлежать ему. То, что она использует древненорвежскую филологию как предлог еще раз встретиться с ним, было очаровательным, совершенно прозрачным, а потому неотразимым намеком. Мысль о том, что Нанна действительно интересуется древненорвежским, не приходила ему в голову. А вот то, что она интересуется им, казалось само собой разумеющимся. Он мог смело признаться в своих чувствах и уже мечтал о том, как сделает это. Завтра.

В тот день в окна кабинета Пола ярко светило солнце. Он только что прочитал электронное письмо от Лоне, полное игривых замечаний совсем в ее стиле. Он представил ее такой, какой она была в тот раз, на семинаре в Орхусе, ее руки, обнимавшие его, груди, ходившие вверх-вниз, каплю пота, упавшую с кончика ее носа на его лицо, сильный запах наслаждающейся женщины. И он представил ее в кровати в гостиничном номере в Амстердаме: длинные загорелые ноги, лоб, наморщившийся перед тем, как она застонала.

Эти картины пробудили в нем желание, ко-

торое молниеносно промчалось по нервным окончаниям из мозга вниз, к пенису, но тут же отступило, приведя лишь к быстрому приливу крови к этому участку тела, и к тому, что его ответ Лоне получился еще более игривым, чем ее сообщение. Кроме того, он начал письмо принятой между ними шуткой, такой пошлой, что он не мог бы поделиться ею даже с Мортеном, но которую лингвисты Лоне и Пол находят забавной: предложение, включающее придуманное ими выражение «совершить втолкновение».

Он был полон энергии, немного обеспокоен и все еще ощущал чреслами неудовлетворенное желание. Он быстро читал статьи — сперва диахроническое описание сильных глаголов во фризском, затем статью о том, как те, для кого бенгальский язык не является родным, перенимают английские определения (которая, кстати, не имела ни малейшего отношения ни к нынешним исследованиям Пола, ни к первоначальной сфере его интересов, но статья была хорошо написана, и Пол увлекся, да так, что не заметил, как дочитал до конца).

Он пребывал в приподнятом настроении, но под его оживленностью и энергичностью скрывалось глухое чувство неприязни, какое иногда

возникает сразу после пробуждения от сна: человек еще не помнит, что случилось накануне, но знает, что что-то не так. Пол совершенно не собирался анализировать источник этого чувства, зато хотел сохранить приподнятое настроение. Он был влюблен. Он любил Нанну. И он даже не знал толком, поцеловал ли Ринкель в Амстердаме.

Уже на следующий день после разговора в кафетерии он получил подтверждение сплетням, которые слышала Нанна. Он просто остановил в коридоре Гуннара Вика и спросил его напрямую. Пол выбрал именно его, потому что Гуннар Вик был не тем человеком, который собирает коридорные сплетни, Полу было трудно представить, что Гуннар Вик может интересоваться чем-то кроме лингвистики, двух своих маленьких дочек и жены — именно в такой последовательности. Гуннар Вик удивленно взглянул на Пола, поправил галстук, на котором были изображены обнимающиеся Минни-Маус и Микки-Маус.

— Да, — сказал он по-деловому, — я это слышал. Но я очень уважаю ее за научные достижения и проницательный ум, — добавил он.

Пол кивнул и тут же вздрогнул от многозначительного покашливания слева от себя. Он не

заметил, что в коридоре находился и Ханс Хольстейн, который теперь подошел и встал рядом с ними. Он втиснул свое тяжелое тело между Полом и Гуннаром Виком, непроизвольно расступившимися в стороны.

— Я не мог не подойти, — начал Хольстейн, одной рукой поглаживая выступающий живот, а другой поправляя шейный платок.

Первым побуждением Пола было уйти, но он остался, сконцентрировав взгляд на диснеевской парочке (продолжавшей горячо обниматься на галстуке Вика), чтобы выслушать Хольстейна, остался скорее из любопытства, чем из вежливости.

— Да что вы, неужели не знали? — сказал Хольстейн Полу, и его обычно вялый голос задрожал от злорадного желания поделиться пикантной информацией. — Наша дорогая Эдит всегда питала слабость к молоденьким студентам. Ну и скандал вышел, доложу я вам. — Хольстейн причмокивал от возбуждения и долго тянул последнее «а» в слове «скандал», чтобы подчеркнуть его величину: — Настоящий сканда-а-л.

Пол больше не желал слушать, он взглянул на обоих собеседников, коротко кивнул Вику и пошел по коридору к своему кабинету.

Едва он успел сесть, как в дверь постучали. «Если это Ханс Хольстейн, я ударю его», — подумал Пол, после чего резким голосом разрешил войти. Но в кабинет вошел не толстый злобный доцент, а Нанна.

Злость Пола мгновенно исчезла, и слабое неприятное ощущение, которое он испытывал целый день, почти утонуло в пучине любви. Пол указал на стул для посетителей, она села, положила ногу на ногу и улыбнулась ему.

— Я хочу обсудить с тобой один проект, — сказала она и опустила глаза. Только теперь Пол заметил, что в руках у нее папка, которую она крепко прижимает к себе, словно осторожная мать первенца. — Хочешь послушать? У тебя есть время? — спросила Нанна. — И желание, — добавила она.

Пол ответил совершенно искренне, что желание у него есть. Он старался сделать свой ответ двузначно-эротичным и остроумным, но Нанна была серьезна.

Пол быстро проговорил, что он, естественно, с большим удовольствием выслушает ее и что ему безумно интересно. Нанна кивнула и начала рассказывать. Первые полминуты или около того Полу казалось, что речь идет о фонологическом

проекте, для завершения которого ее и взяли на работу. И несмотря на заявление Пола, что ему интересно, и в определенном смысле так оно и было, он больше внимания обращал на движения ее губ, он изучал форму ее рта и кивал, он смотрел на ее грудь, выступающую под мягкой вязаной кофтой, и снова кивал. Но постепенно он осознал, что на самом деле она говорит не о фонологическом проекте кафедры футуристической лингвистики.

— Я так долго работала над этим, — сказала Нанна, потупив взгляд. — А теперь вот осталось совсем недолго… э-э…

— До чего? — произнес Пол, ожидая продолжения.

— …совсем недолго до прорыва. Я думаю… да, я знаю, что это звучит глупо, — продолжала Нанна.

— Давай, — отвечал Пол. — О чем ты думаешь?

— Я думаю… Я думаю, что этот проект просто-напросто может… ну… изменить мир.

— Ого, — удивился Пол. Это прозвучало недоверчиво и высокомерно.

— Из-изменить мир, совсем немного. Да, всего в одной области…

Нанна умолкла, но продолжила после обод-

ряющего кивка Пола. Она была уверена в себе и смущена, убедительна и скромна, когда доверительно рассказывала Полу о своем открытии, которое, возможно, совершит революцию в области языковых технологий. Все больше смущаясь, она говорила, что начала работать над этим, еще будучи студенткой, что она трудилась над проектом годами, в свободное от диссертации время, а теперь посвящает ему время, свободное от работы.

Она говорила неуверенно, казалось, что она тщательно подбирает нужные слова, что боится ошибиться, что ее скромность не позволяет сделать эту речь настолько значительной, как того заслуживает ее содержание. Она потратила на это исследование много вечеров, у нее было много бессонных ночей. Нанна собиралась вычислить общее ядро всех существующих языков. Произнося эти слова, она выпрямила спину и повысила голос. Пол закивал. Над этим, естественно, лингвисты работали десятилетиями, создавая различные теории, они представляли разнообразные модели и постепенно достигли кое-каких результатов.

Большинство людей справедливо полагают, что вьетнамский, норвежский и суахили очень

сильно отличаются друг от друга. Языковеды знают также, что язык видоизменяется, но языки подвержены изменениям лишь в определенных рамках. На самом деле возможности изменений весьма ограничены. Лингвистам об этом известно, но пока им не удалось с точностью установить, где заканчиваются изменения и наступает неизменность, то есть что именно определяет основополагающую структуру языка.

И вот в один прекрасный сентябрьский день Нанна сидит в кабинете Пола и говорит, что открыла это, или, во всяком случае, вот-вот опишет универсальные принципы, лежащие в основе всех языков, в мельчайших подробностях.

— И кроме того, — продолжала Нанна.

— Да?

— Все указывает на то, что я докопалась до церебрального коррелята. Или же до некоего нейробиологического субстрата, и я говорю об очень четких связях между аспектами языка и их локализацией в мозге.

— Все указывает на это, — повторил Пол и склонился к ней. — А ты… ты так много знаешь о мозге, что можешь утверждать подобное? Или это твоя рабочая гипотеза?

— Нет, нет. Сама я не так много знаю об этом, —

ответила Нанна. — Но я связалась с одним нейролингвистом из Стокгольмского университета, и он помог мне с измерениями ФМР.

— А что это?

— Функциональный магнитный резонанс, — говорит Нанна. — Это такая методика изображения мозговой активности. И еще он помог мне ввести мои данные в программу, симулирующую мозговую активность, и…

— И?

— Он настроен оптимистично. Похоже, найти точное соответствие между церебральными локализациями и языковыми структурами можно. До мельчайших деталей.

— Ну, это обрадует часть лингвистов, — сухо произнес Пол, — потому что это будет не меньше чем сенсация.

— Но еще я думаю, — продолжила Нанна и снова остановилась. — Еще я думаю, что у этого проекта могут быть… как бы это сказать… экономические последствия.

— Какие же? Ты имеешь в виду языковые технологии? — снова спросил Пол, и в тот же миг, как он задал этот вопрос, он уже нашел на него ответ: автоматическая переводческая программа. Конечно!

— Да, я имею в виду, что если у меня все заработает… существует, конечно, масса оговорок, и у меня еще не все расставлено по местам, но у проекта есть… большой, да, огромный коммерческий потенциал. Я думаю, что он сможет лечь в основу компьютерной программы, полностью отрегулировав которую, можно будет…

— Переводить, да?

— Да, точно.

— Переводить тексты с любого и на любой язык мира. Вот так просто, — сказал Пол.

— Да, вот так просто. Это заполнит пустоту, пропасть, лежащую сегодня между лингвистической теорией и переводческими технологиями, — говорила Нанна прерывающимся голосом.

Ее волосы такие светлые, глаза такие круглые и выразительные. Губы необычайно полные, такие, что, когда она серьезна, как сейчас, кажется, что она сложила их для поцелуя. Пол всегда будет пребывать в заблуждении, что у Нанны узкий нос. На самом деле нос у нее довольно широкий и по-восточному плоский: если от него провести две вертикальные линии вниз к подбородку, то уголки ее рта, не растянутого в улыбке, будут находиться на одной линии с крыльями носа.

Пол задумался.

— Для меня это слишком важный проект, — сказала Нанна, извиняясь, и Полу показалось, что она вот-вот расплачется. — Я так долго работала над этим, а теперь есть надежда, что мой труд наконец может принести результаты.

Пол смотрел на нее, на ее глаза, на милый носик, на ее рот, на губы, что словно застыли в постоянном полупоцелуе. Она подняла на него глаза, потом снова опустила их и призналась, что не говорила о проекте никому, кроме того шведского нейролингвиста, с которым советовалась по поводу «этих мозговых штучек», как она выразилась («Очаровательно небрежно», — подумал Пол).

Ключ к разгадке, полагала Нанна, находится в прошлом, а Пол так много знает и о древненорвежском, и о праскандинавском, и о древнегреческом, и о латыни.

— И еще дело в том… — Она снова умолкла, долго молчала, покашливала, и только потом договорила: — Кажется, между нами что-то происходит, и мне хочется… поделиться с тобой этим. И я хочу, чтобы у меня был партнер для охоты. Для охоты на последние кусочки мозаики. Я застряла.

— Можно посмотреть? — спросил Пол, по-

казывая на папку, которую она по-прежнему прижимала к себе. Нанна кивнула и, немного помедлив, протянула ее Полу.

— Я с удовольствием буду с тобой работать, Нанна, — проговорил Пол.

— Спасибо, — произнесла Нанна. — Спасибо.

— И как называется твое детище?

— Я назвала его «РЕВ 21», — ответила Нанна.

— Красивое название. А что оно означает?

— «Революция двадцать первого века».

— Мне всегда нравились амбициозные названия, — смеясь, сказал Пол. — Так что же, мы собираемся совершить революцию в лингвистике? Или как минимум в языковых технологиях?

— Да, — серьезно ответила Нанна. — Надеюсь, это останется между нами?

— Конечно, — произнес Пол. Он больше не смеялся, он наклонился вперед и пожал ее протянутую руку. — Кстати, я люблю тебя, Нанна.

В то время как Нанна и Пол заключали пакт большого научного значения, в кабинете напротив два человека тесно переплетали свои тела. Александр прижимался к Ринкель, лежащей на животе на персидском ковре в профессорском кабинете. В ту же секунду, когда Александр эякулировал, Пол в своем офисе (в два раза меньшем,

чем офис Ринкель) провозгласил, что любит Нанну.

Большой белый зад Эдит Ринкель дрожал, как желе. Ее груди были тяжелее, чем у девушек, с которыми Александр набирался сексуального опыта, но такие же круглые и приятные на ощупь — их так хорошо было гладить, брать в руку, крепко сжимать. Возраст уже начал размягчать ее тело, но этот процесс зашел еще не слишком далеко, кожа не отвисла, просто жесткие линии сменились милыми округлостями.

С приятной усталостью в теле Александр повернулся на спину и лег на персидский ковер. В этот раз ему было так хорошо, как никогда прежде, и, может быть, поэтому казалось унизительным, что она сидит с чувством превосходства, такая отстраненная, полностью пришедшая в себя после того, что еще переполняло его тело.

Ринкель уже оделась, когда раздался стук в дверь, три коротких удара, и Александр вздрогнул и начал натягивать джинсы. «Не забудь трусы», — жестами показала Ринкель и бросила ему белье, которое в процессе раздевания оказалось на столе. Обоих развеселила комичность ситуации, а Ринкель поняла, что сейчас больше похожа на мать Александра, чем на его любовницу (это ей

казалось скорее смешным, чем трагичным), и они беззвучно засмеялись.

Александр полностью оделся, но не уходил, и Ринкель не предприняла никаких попыток выяснить, кто стучал. Атмосфера в кабинете стала более непринужденной, лишенной духа соперничества, и создавалось впечатление, что в одежде они стали ближе друг другу. Он сел на диван и похлопал по сиденью рядом с собой. Ринкель немного помедлила, но потом поднялась и присоединилась к нему. Сначала они почти не говорили, просто сидели рядом в полутемном запертом кабинете. Иногда из коридора раздавались шаги, но в двери больше никто не стучал. Звонил телефон, но Ринкель продолжала сидеть спокойно.

Они обсуждали вопросы лингвистики, неуверенно и скованно, как два незнакомца, вежливо беседующие на официальном приеме. Ринкель расспрашивала о его учебе, и Александр отвечал, что ему все надоело еще до начала семестра. Ринкель кивала, смотрела на него, и вместо того, чтобы рассказать, как много интересного включает в себя его расписание (а она именно так и считала), она поведала ему о проекте, на который возлагает много надежд, об исследовании, над

которым работает в настоящее время.

Александр внимательно слушал; большую часть того, что она говорила, он до конца не понимал, но ему нравился пыл, с которым она говорила, нравилось то, что она рассказывала про язык пчел: рабочие пчелы покачивают брюшком и таким образом сообщают улью, где находится нектар, в каком направлении и на каком расстоянии. Александр улыбался.

Потом они умолкли, но это было не то неловкое молчание, что возникает между собеседниками на официальном приеме. Они смотрели друг на друга, и каждый догадывался, о чем думает другой. Оба были немного удивлены, потому что ни один из них не искал и не надеялся найти собеседника.

— У меня три старших брата, — сказал Александр. — Каждую неделю, кажется по четвергам, на парковку по соседству от нашего дома приезжала машина с мороженым. И каждый раз я, конечно, надеялся купить мороженое.

— Да, — произнесла Ринкель, — и что, тебе не доставалось?

— Нет, потому что мои братья говорили, что когда мороженщик звонит в колокольчик, это означает, что он распродал все мороженое.

Ринкель улыбнулась:

— И ты верил?

— А у *тебя* нет братьев? — спросил Александр.

— У меня две сестры, — ответила Ринкель.

— И как они?

— Они всегда были… ангелами. Маленькими и миленькими ангелами в отглаженной одежде. Белой.

— Они что, всегда носили белое?

— Да, и до сих пор носят. Они всегда одеты в белое. Даже когда на них темно-синие, ярко-красные или черные как ночь платья. Я их почти не вижу, в последний раз мы встречались на похоронах отца.

Александр понимающе кивнул.

Они сидели лицом к лицу, немного склонившись друг к другу, иногда Александр клал голову ей на плечо, а она время от времени скользила в его объятия. Обеденное время давно прошло, и кола, принесенная Александром, и бутерброды из ящика стола Ринкель не утолили особенно их жажду и голод, поэтому они встали, и Александр против воли открыл двери в мир и выскользнул из кабинета.

Важнее всего для Пола было то, что ему удалось сказать Нанне о своей любви. Только сейчас,

через три часа после того, как он это сделал, он сообразил, что понятия не имеет о том, какие чувства она испытывает к нему. Нанна ничего не ответила, только выслушала слова Пола. «Кстати, я тебя люблю», — сказал он, а она торжественно заулыбалась, через некоторое время поднялась и вышла из кабинета.

Пол направлялся к корпусу Хенрика Вергеланна, два верхних этажа которого оккупировала кафедра лингвистики. Он шел, как всегда, быстро, и пошел еще быстрее, когда на середине газона между улицей Проблемвейен и входом в корпус Хенрика Вергеланна заметил, как из здания выходит Арильд Крегер и идет по узкой диагональной тропинке навстречу Полу. Крегер — сухощавый лысоватый преподаватель, озлобленный после многолетнего безрадостного существования в Университете Осло и почти полностью уничтоженный травлей со стороны коллег, длившейся последние два года.

Кабинет Крегера всегда располагался в глубине второго этажа, где обосновались исследователи диалектов кафедры скандинавских языков и литературы и где гораздо чаще звучит новонорвежский и гораздо хуже относятся к букмолу, чем где бы то ни было в стране. Кабинет Крегера

находится между офисами двух сестер-профессоров из Телемарка, одна из которых занимается диалектологией, а вторая — лексикографией. Женщины вывесили на двери своих кабинетов маленькие квадратные листочки со строфами из стихотворения Аслауг Во и борются за введение средне-южнонорвежской языковой нормы, разработанной Арне Гарборгом[40] и Расмусом Флу[41] в 1901 году. Говорят, что, еще до того, как Крегер стал изгоем, обе соседки каждый день напоминали ему, что ни его изящная, приближенная к существующей норме речь, ни его немецкая фамилия с идеологической точки зрения не очень вписываются в их коридор. Ему было нелегко, и вдобавок он значительно осложнил себе жизнь во время знаменитого ужина в Северной Англии.

Пол не испытывал никакого желания разговаривать с Крегером. Ему удавалось избегать его после конференции в Ньюкасле, состоявшейся два года назад, где Крегер устроил переполох во время заключительного ужина.

---

[40] Примечания: 40

Арне Гарборг (1851–1924) — знаменитый норвежский писатель и мыслитель.

[41] Примечания: 41

Расмус Флу (1851–1905) — норвежский издатель, пропагандист новонорвежского языка.

Ужин, после которого от Крегера все отвернулись, проходил в ресторане третьесортной гостиницы. В помещении с коврами на полах, искусственными пальмами и коричневыми стенами под палисандровое дерево были расставлены круглые пластиковые столы, наполовину прикрытые белыми бумажными скатертями. Каждый стол был рассчитан на шесть человек. Ничто не предвещало скандала.

Пол сидел с Крегером и еще двумя норвежцами: бородатым диалектологом из Университета Тромсё и скромной, но невероятно красивой девушкой, фонологом из Бергенского университета. Оставшиеся два места за столом занимали два филолога из английского университета — организаторы конференции. Крегер сидел, склонив голову над бокалом вина, и низко расположенные светильники отражались в его гладкой макушке. То, что осталось от его волос, свисало за ушами серо-коричневыми патлами. Неограниченное количество алкоголя было необычным для подобных мероприятий, и Крегер быстро опьянел.

Спокойно съели закуску (безвкусный коктейль из креветок), но когда подали горячее, Крегер стал выступать с резкими выпадами в адрес двух англичан. Те были похожи друг на друга: одеты в

костюмы и узорчатые галстуки, бледные и дружелюбные, как и большинство англичан. Разговоры за столом до этого момента крутились вокруг конференции, Джека Миллза (который, естественно, участвовал и в этом мероприятии и должен был выступить с заключительным докладом утром следующего дня), вокруг стейка из ягненка — все сошлись во мнении, что он был вкусным, хотя на самом деле он был сухим — и вокруг местных девушек, одетых празднично, но очень легко; которых норвежцы наблюдали перед ужином. Норвежцы выразили изумление и сострадание (особенно женщина-фонолог из Бергена), а также неприкрытое восхищение (особенно мужчина-диалектолог из Тромсё) этими девушками. Была пятница, пасмурная октябрьская пятница, а девушки стояли без верхней одежды, в коротких платьицах с открытыми плечами, в тончайших колготках и босоножках на шпильках. Quite normal here,[42] заверили англичане.

Крегер почти ничего не говорил ни о стейке, ни о посиневших от холода руках девушек из Ньюкасла, но вот когда за столом на пару минут воцарилась тишина, он внезапно спросил, могут

---

[42] Примечания: 42
Вполне нормально для этих мест *(англ.)*.

ли англичане спокойно спать по ночам, зная, что английский — самый распространенный язык в мире. Он спросил это шутливым тоном, но замечание прозвучало довольно агрессивно.

Англичанин, сидевший рядом с Крегером, член организационного комитета конференции, четыре дня носился как угорелый и не скрывал своей радости по поводу ее скорого завершения. Он положил свою руку на рукав Крегера, рассмеялся и сказал, что единственное, что способно лишить его сна, это мысль о том, что во время завтрашнего выступления Миллза сломается видеопушка. Все, кроме Крегера, сочувственно посмеялись.

— А вот от чего я мечусь ночью по кровати, — сказал второй англичанин, — это от угрозы, что Ньюкасл погрузится на дно морское.

Пол сказал что-то по поводу смены тренера и покупок игроков в премьер-лиге. Крегер посмотрел на него с неудовольствием.

— Неужели вас не мучают угрызения совести оттого, что английский переходит все границы дозволенного и вытесняет маленькие языки? — вновь спросил Крегер громким недоверчиво-агрессивным голосом.

Нет, англичане не испытывали ничего подобного. Постоянное сокращение количества языков

в мире — это грустное явление, но совесть их не мучила. Они улыбались, покачивая головами, и один из них сказал, что на самом деле не английский вытесняет небольшие языки, в первую очередь вина лежит на более крупных местных языках.

Крегер пропустил это замечание мимо ушей и снова спросил, на этот раз еще громче и с плохо скрытой яростью, не горчит ли у англичан во рту оттого, что англоязычная культура внезапно стала синонимом глобальной культуры. Культурный империализм! Некоторые участники конференции, сидевшие за соседними столами, повернулись, чтобы посмотреть на Крегера, говорившего резко и пронзительно.

— Да, но за это вообще-то должны отвечать американцы, а не мы, — сказал сосед Крегера.

За столом наступила полная тишина. Вилки стучали о фарфор, а жевать стейк из ягненка стало тяжело, как никогда.

— Shame on you,[43] — громко сказал Крегер и очертил указательным пальцем весь зал.

То, что случилось потом, долгое время пересказывалось за столиками в обеденное время во

---

[43] Примечания: 43
Позор вам *(англ.)*.

всех норвежских университетах. Да, эта история вышла за пределы филологической среды и стала достоянием обществоведов, которые, конечно, не до конца поняли ее глубину, потом она пересекла государственную границу и пересказывалась за столиками кафетерия Университета Гётеборга, где случившееся рассматривали как еще одно доказательство мании величия норвежцев.

Никто до конца не верил услышанному. Если бы Пол сам не присутствовал при этом, то, возможно, он тоже посчитал бы всю историю полной ерундой. Потому что Крегер тут же выскочил на середину помещения. Стало совсем тихо, внимание всего зала было приковано к нему, сидящие по шестеро за столиками люди уставились на сухопарого человека. Его волосы, слишком длинные, убранные за уши, возможно, для того, чтобы компенсировать недостаток волос на макушке, медленно поднялись, словно мужской половой орган при сильном возбуждении. Они поднимались рывками, но все выше и выше, встали почти перпендикулярно голове, серо-коричневые пряди, которые оказались длиной десять-двенадцать сантиметров, поднялись дыбом за ушами Крегера. Они могли бы показаться комичными, этакими качающимися радиоантеннами, но

вместе с экстатической злобой Крегера это производило жуткое впечатление. Сумасшедший северный лингвистический демон с горящими глазами.

Он подошел к ближайшему столику, наклонился, схватил бокал Джека Миллза (его собственный был пуст), повернулся к публике и поднял тост. Пьяный финн поднял свой бокал и поддержал его тост, других звуков в зале не раздавалось. Крегер допил вино из бокала Миллза.

— Shame on you, — повторил он с угрозой в голосе.

Фонолог из Бергена закрыла глаза.

— Всемирным языком должен был стать норвежский, — прокричал Крегер, и его слова отдались эхом. — Если бы Харальд Суровый[44] выиграл битву при Стамфорд-Бридже в 1066 году, мы бы правили Англией и мы бы тогда…

— Уфф, — сказал Пол.

— Спокойно, — произнес бородач из Тромсё.

Крегер поднял правую руку и сблизил указательный и большой пальцы так, что между ними осталось расстояние в несколько миллиметров.

— Вот столечко нам не хватило, — кричал

---

[44] Примечания: 44

Харальд III Суровый (1015–1066) — король Норвегии, погибший при попытке завоевать английский трон в битве при Стамфорд-Бридже.

Крегер. — Мы должны были победить! — Он развернулся на каблуках и указал на англичанина из организационного комитета: — Как прокомментируете?

— Ну что же, э-э-э-э-э, — начал англичанин. — Ну да, смешное замечание, — сказал он, глядя на волосы Крегера, сложившиеся в два рога. Бледный англичанин, пребывая в страхе, засмеялся вымученным смехом.

— Да, подумайте об этом, чванливые американцы и британцы, — сказал Крегер и покинул ресторан.

После этого Пол увидел его только в аэропорту Гардемуэн следующим вечером: Крегер стоял и ждал багаж, его лицо имело бледно-зеленый цвет, а волосы свисали сосульками. Полу стало очень жалко Крегера. Надо было бы поговорить с ним. Он спросил себя, был ли он сам способен совершить то, что сделал Крегер. В этом Пол был совсем не уверен. И когда Крегер проплелся мимо со своим чемоданом, Пол на всякий случай отступил на шаг назад и повернулся к коллегам.

Невероятно, говорили люди за столиками в университетских кафетериях, он стоял и орал на Миллза? На Джека Миллза? Выпил его вино? Он действительно сказал про битву при Стамфорд-

Бридже? И разве Крегер не сторонник языковой нормы?

Пол и Крегер никогда не работали на одной кафедре, и со времени поездки в Ньюкасл Пол видел его всего пару раз в книжном магазине и в очереди в кафе «Фредерикке». Ему удавалось избегать Крегера, и он решил сделать это и сейчас.

Когда Крегер приблизился, Пол посмотрел прямо на него, кивнул и прибавил шаг. Крегер остановился посреди тропы, сердечно, но заискивающе поприветствовал Пола и спросил, как обстоят дела у них на футлинге.

— Нормально, — сказал Пол, не останавливаясь. — Все хорошо, — произнес он и наполовину отвернулся от Крегера, как раз вовремя, чтобы не заметить затравленного выражения в глазах преподавателя. — Послушай, у меня мало… — пробормотал Пол и прошел мимо.

Репутация Крегера была запятнана навсегда, дьявольские рога никогда не исчезнут из памяти его коллег. Раньше люди были к нему равнодушны, теперь же его встречают издевательской тишиной и едва слышными комментариями. (Единственный человек, кто до сих пор хочет публиковаться вместе с Крегером, это Свен Аалбуэ-Йоргенсен.)

Проходя мимо несчастного человека, Пол уже не в первый раз подумал, что поступок Крегера был совершенно безобидным. Но в этом Пол никогда не признавался никому, кроме себя, потому что Крегер не играл никакой роли в жизни Пола, и хотя Пол умеет быть мужественным, ради малознакомого человека он не будет делать себя мишенью для потенциального презрения и насмешек со стороны коллег.

Заглушив голос своей нечистой совести, Пол почти дошел до пристроенного к корпусу Хенрика Вергеланна входа. Раньше, когда Пол был студентом, кафедра лингвистики располагалась на одиннадцатом этаже корпуса Нильса Трешова, а корпус Хенрика Вергеланна (в то время он был на два этажа ниже) занимали скандинависты. С того момента, как Пол окончил университет, и до его поступления на работу на футлинг, факультет претерпел пять реорганизаций, во время которых разные кафедры объединялись и разъединялись всеми возможными и невозможными способами.

Перед входом в корпус Хенрика Вергеланна стояли два профессора, мужчина и женщина. Мужчина — специалист по тихоокеанским языкам, на нем твидовый пиджак с перхотью на

плечах, он говорит на шестнадцати языках, и на всех с характерным акцентом уроженца городка Ол долины Халлингдал. Женщина — исследовательница творчества Ибсена, на ней серая туника из батика, ее любят и студенты, и сотрудники университета. Оба профессора потягивали трубки, смотрели куда-то вверх и рассеянно кивали Полу.

Некоторое непродолжительное время лингвисты и скандинависты были объединены под крышей одной большой кафедры (кафедры скандинавских и лингвистических исследований). Это было сделано по приказу декана, одержимого идеей реорганизовать факультет. Он был слеп и глух к возражавшим, которые говорили, что кафедра оказалась поставленной с ног на голову, к тому же она была реорганизована всего пару лет назад, и ее до сих пор трясло от последствий всеобъемлющей количественной реформы. Объединенная кафедра затрещала по швам с первого дня своего существования. Это произошло не только потому, что заведующий кафедрой был властолюбивым и наивным (неудачное сочетание, которое привело к тому, что многие научные сотрудники пренебрегли приличиями и перешли на работу на другие кафедры, а один даже уво-

лился), но и потому, что между скандинавистами и лингвистами существует принципиальная разница.

Лингвисты презирают скандинавистов, занимающихся языком, а литературоведы презирают скандинавистов, занимающихся литературой. Те и другие знают, что именно они обладают теоретическими знаниями о Языке и Литературе соответственно, именно они обладают широким международным кругозором и могут оторвать взгляд от привычного и домашнего. Литературоведы и лингвисты — это настоящие исследователи, теоретики, ученые мужи и дамы. Скандинависты же — это практики, те, кто знают немного о Гамсуне или о диалекте Сетесдала, но не способны увидеть более обобщенную картину, не способны поднять частное и национальное на высокий общечеловеческий теоретический уровень.

Втайне скандинависты разделяют такое мнение о себе (хотя никогда бы в этом не признались), и это способствует поддержанию постоянного равновесия в отношениях между лингвистами и скандинавистами. Потому что студентов учат скандинависты, это они вносят безусловно полезный вклад в общественную жизнь, обучая

будущих учителей например. (В среде лингвистов тоже существует своя табель о рангах. Синтаксисты среди лингвистов это как кардиологи среди врачей, они стоят выше всех на языковедческой иерархической лестнице. Но, в отличие от статуса кардиолога, статус синтаксистов, к сожалению, известен только в узком профессиональном кругу. «Минуточку, я сейчас сверюсь с учебником грамматики» звучит не так сильно, как «Мы теряем его, дайте скальпель». Да и вообще, значение лингвистов общество сильно недооценивает. Лингвисты знают об этом. Некоторые из них с энтузиазмом отстаивают свой предмет, другие стыдятся, но большинство чувствуют себя оскорбленными. Синтаксисты относятся в основном к последней категории.)

Кафедра скандинавистики в память о временах бывшей объединенной кафедры располагается сейчас на четырех первых этажах корпуса Хенрика Вергеланна, в то время как кафедра лингвистики занимает два последних этажа того же здания.

Несмотря на то что Полу надо было на самый последний этаж, где находится читальный зал и библиотека кафедры лингвистики, он из принципа, или скорее по старой привычке, поднимался

пешком. Он довольно быстро достиг по лестнице пятого этажа, чувствуя, что не вынесет встречи с еще одним скандинавистом. Проходя мимо второго, третьего и четвертого этажей, он мельком заглянул в темные коридоры без окон. Кажется, что за последние 30–40 лет здесь ничего не изменилось: те же грязно-желтые стены, мебель, светильники, сотрудники.

Когда Пол дошел до пятого этажа и оказался во владениях лингвистов, здесь все стало намного светлее. Два верхних этажа были пристроены к корпусу Хенрика Вергеланна в 1990-х годах, но дело не только в том, что эта часть здания новее, что стены выкрашены в белый цвет, а помещения освещены по-современному ярко; дело в том, что сотрудники этой кафедры другие, они моложе, они одеты в более современную одежду, и у них горят глаза.

Но хотя Пол и не был в настроении встречаться с другими скандинавистами после столкновения с Крегером, это не означает, что ему неприятна вся их братия. Пол предпочел бы маленькую каморку в темном коридоре своему модному кабинету на футлинге. И каморка эта вполне могла бы находиться на кафедре скандинавистики, но больше всего Полу хотелось бы сидеть

на шестом этаже корпуса Нильса Трешова, на кафедре классических и мертвых языков. Большинство из доживших до наших дней филологов старой школы, которые не считают всякую теорию неоспоримой, которые находят само собой разумеющимся знание латыни, древнегреческого и хотя бы немного санскрита, которые владеют множеством существующих языков, обретаются здесь. Пол Бентсен испытывает глубочайшее уважение к этим людям и восхищается ими, и фактически стыдится собственной принадлежности к другой команде, представители которой в большинстве своем из иностранных языков говорят по-английски и помнят из школы немного немецких слов или выучили в поездках несколько фраз по-испански.

В читальном зале на шестом этаже корпуса Хенрика Вергеланна стояла тишина. На большей части столов лежали открытые блокноты, ручки и распечатанные пачки печенья. На спинке стула висела куртка с капюшоном. На подоконнике осталась полупустая бутылка газированного напитка. К столу в одном из самых мрачных углов зала была прислонена трость со светлым набалдашником, а на поверхности стола лежала толстая пачка машинописных листов. Должно

быть, это один из столов, выделенных для кафедральных пенсионеров в качестве благодарности за годы жизни, проведенные в Университете Осло.

В читальном зале находился всего один человек — светловолосая девушка, наверняка соискательница степени магистра. Она спала, положив голову на руки, за столом около дверей.

Пол уселся на самый дальний ряд столов, на максимальном расстоянии от девушки, рядом с окном. Он открыл папку, которую ему дала Нанна, разложил листы веером и стал вдыхать их запах, скользить по ним руками, после чего снова сложил стопкой. Он все еще беспокоился, что не сможет продемонстрировать того энтузиазма, которого от него ожидала Нанна. Он посмотрел на книжные шкафы, расставленные вдоль стен, и, как и надеялся, испытал чувство глубокого удовлетворения от вида знакомых книжных корешков. Целую полку занимали толстые тома в синих обложках, это старые подборки журнала «Язык» (сейчас университет подписывается на электронную версию, сотрудники просматривают ее и распечатывают интересующие их статьи), ниже в разделе журналов стояли два тома студенческого издания «Язык сегодня!!», редактором

которого Пол был в студенческие годы. Рядом он увидел оранжевый корешок книги о морфологии Джоана Байби и серые — синтаксического исследования в трех томах Хегемана и Ледрупа.

Он нашел и свою собственную диссертацию, оба издания. Слева стояло университетское, то, по которому он защищался. А рядом — исправленное и дополненное, выпущенное настоящим издательством, серьезным, академическим (хоть и норвежским). Над этой книгой он работал почти пять лет. Первые три года Пол был стипендиатом и занимался только ею, после этого два семестра работал преподавателем-почасовиком и научной работе посвящал вторую половину дня. После защиты он почти год трудился над доработкой диссертации (замещая учителя в своей бывшей школе — старые здания, кипы тетрадей, краснеющие выпускницы с подведенными глазами и подростковым жирком). Он ужасно хотел напечатать ее в настоящем издательстве, а не в университетском, потому что это пригодилось бы для его резюме.

Один из однокашников Пола работал редактором в издательстве. Пол долго не решался, но потом все-таки позвонил ему. Минут десять они поболтали о студенческих годах, а потом Пол вы-

сказал свою просьбу. Его однокашник, только что принятый на работу в издательство, искал новый материал и боялся спугнуть потенциального автора, поэтому посчитал, что, может быть, из этого что-нибудь и получится, хотя издательство больше не делало ставку на элитарных авторов. Но было бы хорошо, если бы Пол сначала провел небольшое маркетинговое исследование. «Маркетинговое исследование», — повторил Пол: новоиспеченный доктор филологических наук живо представил себе, что потребуется, чтобы сделать такое исследование достоверным. «Да нет же, — объяснил редактор, — просто поспрашивай в разных вузах и университетах, не захотят ли они включить твою книгу в список обязательной литературы». Пол должен был представить приблизительные расчеты продаж, прежде чем редактор примет его рукопись к рассмотрению.

Через пару дней Пол встретил, причем совершенно случайно, одну из своих бывших коллег-стипендиаток, которая так и не написала диссертацию и теперь работала преподавателем в одном вузе. Они разговорились, Пол сделал комплимент ее платью (которое ему на самом деле нравилось — ткань спадала складками, зрительно увеличивая слишком худые бедра).

Выяснилось, что, к сожалению, преподавательница обучает более молодых студентов, чем надеялся Пол.

Но когда через четверть часа Пол прощался с вузовской работницей, он улыбнулся, несмотря на то, что ладони его покрылись потом. Она улыбнулась ему в ответ, и Пол понял, *что именно* ему следует сказать, и когда надо *непременно* взять ее за локоть, и как долго не отпускать ее руку.

Издательство получило требуемое письмо через два дня. Из него следовало, что преподавательница вуза прочитала диссертацию Пола (да, она ей, так сказать, полюбилась) и что в книжном варианте она могла бы войти в список обязательной литературы по курсу «Введение в языкознание» (в вузах страны давно ждали подобную книгу). Этот курс каждый семестр слушает как минимум пятьдесят студентов (и вполне вероятно, в ближайшем будущем он станет еще более популярным). Редактор посчитал, что этот «крик о помощи», как он выразился, может сработать. Таким образом, мечта Пола воплотилась в жизнь. Следующей весной его диссертация была издана отдельной книгой.

Пол рассматривал свою книгу каждый день, первое время он испытывал при этом пьяня-

щее чувство гордости, но на удивление скоро стал относиться к ней с равнодушием, а иногда даже с легкими угрызениями совести. Потому что книга «Между Сциллой и Харибдой: морфосинтаксическое погружение в латинском и древненорвежском языках» продавалась гораздо хуже, чем предусматривали и без того скромные расчеты старательного редактора.

Пол оторвал взгляд от книг и стал осматривать помещение. Несмотря на то что читальный зал кафедры лингвистики располагается не в том здании, где он был во время учебы Пола, он словно вернулся домой. Здесь все безопасно и знакомо, но точно так же, как при возвращении в дом детства после длительного отсутствия, все казалось Полу немного меньше размером, немного иным, не таким сверкающим, как раньше. У него не было никакой очевидной причины явиться сюда, в этом старомодном читальном зале не было ничего такого, чего он не мог бы найти на футлинге. И все-таки читать рукопись Нанны он пришел именно сюда (и к счастью, его старый электронный ключ не дезактивировали).

Пол все еще оттягивал этот момент, его рука покоилась на папке. Вид из окна был тот же, что он помнил со студенческих лет, только перспектива

немного иная, поскольку сейчас он находился пятью этажами ниже. Он видел кафедру метеорологии и район Холменколлен, где прекрасные ели окружают трамплин, возвышающийся слева белой буквой J, он отыскал взглядом телебашню Триваннсторне, сделал глубокий вдох и приступил к чтению.

Пол читал не останавливаясь, перелистывая правой рукой страницы рукописи. Через сорок пять минут он перевернул последний лист, выпрямился и сложил руки за головой. «Да!» — произнес он не очень громко, но все же разбудил девушку, сидящую у входных дверей. Она подняла голову и стала виновато потирать глаза.

Пол всем сердцем хотел верить Нанне, когда сегодня днем та рассказывала ему, насколько важен ее проект и какое значение он будет иметь. Но он почему-то сомневался. Прочитанное очень ему понравилось, и поэтому Пол был немного удивлен, что даже сейчас испытывает некое недоверие. Он снова придвинул к себе рукопись, пролистал ее, перечитал предложение здесь, абзац там. Проект полностью соответствовал его собственным представлениям относительно того, какой должна быть лингвистика: это описание гармонии языка. Выявление связей,

изначально скрытых в видимом хаосе сведений, но постепенно проступающих наружу. Это грандиозно. Это формулы природы, узоры языка, всегда присутствовавшие в нем, но скрытые от людей до тех пор, пока наука не обнаружила их. Истинная сущность языка, его выявленная квинтэссенция, переведенная в математические формулы и синтаксические схемы.

Хороший лингвист всегда хороший математик. И именно математические закономерности в проекте Нанны нравились Полу больше всего, он был в восторге от них, его бросало то в жар, то в холод, он почти стонал от удовольствия, сидя в читальном зале кафедры лингвистики на шестом этаже корпуса Хенрика Вергеланна.

Именно об этом он думал в первые пьянящие минуты. Очевидные коммерческие возможности проекта еще не дошли до его рассудка, несмотря на то что Нанна о них говорила. (Это происходило не потому, что Пол — добросердечный идеалист или далекий от реальности эстет, это происходило прежде всего потому, что Пол совершенно не привык думать о языковых исследованиях как о средстве заработка.)

Он вновь перечитал резюме на первой странице, и вновь его переполнил восторг от красоты

прочитанного. Кажется, только что он постиг глубинные истины, саму сущность языка. Он пребывал в восхищении, чего с ним давно не было, но он узнал это чувство, он испытывал его в студенческие годы и в то время, когда был стипендиатом. Это восхищение тем, как красиво соткан мир, это одержимость сродни той, какая охватила его позже, когда он обнаружил связи, которые раньше никто не видел и о которых он с восхищением написал сначала в дипломной работе, а потом и в диссертации. Радость открытия.

Он тотчас вспомнил, почему именно языкознанию, и ничему другому, решил посвятить свою жизнь и почему больше всего на свете он хотел стать научным сотрудником в исследовательском учреждении.

Пол всецело отдавал себе отчет в том, что проект Нанны очень близок к завершению, как сошедшийся пасьянс, ей не хватало последних двух-трех карт. И он найдет эти карты и поможет Нанне поместить их на правильное место. Они вдвоем завоюют мир. «PEB 21» — на самом деле революционный проект. Пол Бентсен был рад, что Нанна доверилась ему. Он будет в этом участвовать.

— Можешь даже ничего не говорить, — про-

изнес Мортен, когда Пол позвонил ему, чтобы отменить вечернюю встречу, — я уже по твоему голосу понял, что речь идет о неотразимой Нанне.

— Ты прав и не прав, — начал Пол, но, услышав раскатистый смех Мортена на другом конце провода, решил не вдаваться в объяснения. Это не имело никакого значения. Пол был счастлив, он пребывал в профессиональном опьянении, и этого Мортен не способен понять, а у Пола в данную секунду не было сил все это ему объяснить.

Мортен значит очень много для Пола, Пол по-настоящему его любит. Они вместе выросли, учились в одном классе с первого по последний год в школе. Они играли в футбол на поле Фриггфельте и воровали яблоки в саду Уллевол-Хавебю. Мальчишками они сидели на диванах в своих комнатах и детально планировали будущие сексуальные похождения. Они с Мортеном вместе выкурили первую пачку «Принс, Майлд», вместе ездили на языковые курсы, а потом путешествовали по Европе. Пол и Мортен вместе окончили школу, затем один семестр вместе изучали математику, после чего их пути разошлись и Мортен решил получить инженерно-техническое образование, а Пол стал изучать языкознание. Они

вместе играют в сквош, говорят обо всем на свете и регулярно встречаются. Иногда они дрались и ссорились, но во всем важном всегда поддерживали друг друга. Мортен был рядом с ним до, во время и после Того происшествия. Он был рядом с Полом, когда тот предал свою возлюбленную Туне. Он был рядом, когда все обнаружилось и роль Пола в случившемся стала очевидна, когда Пол справедливо предстал в образе труса, совершенно несамостоятельной личности, озабоченной признанием со стороны других больше, чем чувствами к той, которую любил. Но Мортен был рядом. Он был рядом с Полом и тогда, когда тот не мог ничего сказать ни в свою защиту, ни в свое оправдание.

Мортен играет большую роль в жизни Пола, гораздо большую, чем многие другие герои этого повествования, например Паульсен или Ханс Хольстейн, но в *этой* истории о Поле Бентсене Мортен играет только второстепенную роль. Главные роли отданы другим.

Пол захлопнул свой мобильник, прервав разговор с Мортеном, и вернулся в читальный зал.

Светловолосая студентка окончательно проснулась и сосредоточенно склонилась над книгой. Волосы ее были заплетены в две косички, пробор

сзади неровен, а шея, проглядывающая между косичками, по-юношески тонка. Проходя мимо, Пол увидел, что она читает бессмертные «Синтаксические структуры» Хомского, написанные в 1957 году. Подумать только, они до сих пор в списке обязательной литературы! У Пола появилось желание сказать девушке что-нибудь, поцеловать в шею немного повыше большого позвонка, разделяющего шейный и грудной отделы позвоночника. Он испытал прилив доброты ко всему человечеству, в особенности к своим коллегам-лингвистам, а к этому нежному угловатому экземпляру — ужасную нежность и чувство сопричастности. Но Пол всего лишь улыбнулся спине студентки, а потом снова уселся за стол, на котором лежала папка с бумагами, папка с проектом Нанны.

Ему пришло в голову, что, возможно, не стоило оставлять бумаги без присмотра, несмотря на то что он отсутствовал всего минуту и все время находился у дверей зала. Впервые в жизни он участвовал в научном проекте, который мог стать бомбой, это было непривычно и немного пугало. Пол, как и большинство языковедов, привык заниматься исследованиями, которые представляют интерес для маленькой горстки

людей, в крайнем случае — для двух десятков.

Он открыл папку и еще раз бегло просмотрел бумаги. Открытия очевидны, аргументация убедительна, рукопись выдержана в безупречном, нейтральном до прозрачности, бесстрастном научном стиле. Это любимый стиль Пола, вне зависимости от того, написана ли работа по-норвежски, по-шведски, по-датски, по-французски, по-немецки или по-английски (эта рукопись была на английском языке).

Как и говорила Нанна, основная работа уже проделана. Совсем немного осталось до полного завершения проекта, до начала следующей фазы, когда будет необходимо привлечь серьезных лингвотехнологов для создания базового варианта универсальной переводческой программы.

Основное местоположение именной фразы относительно адъективной и глагольной определено, и открытая Нанной модель полностью подтверждается данными, собранными на основе материала 194 языков, изучения детской речи (взято с базы данных *CHILDES*, где исследуются 24 разных языка), на материале базы данных *Xenolingua*, где анализируются транскрипции попыток иностранцев говорить на изучаемом иностранном языке (53 родных языка, 13 изу-

чаемых).

Но проблема заключается в том, где и как расположить глагольную фразу, вот какой карты Нанне не хватает для завершения пасьянса. Пол сидел, сжав руками голову. Черт! Глагольная фраза, не хватает ГФ. Нанна сказала, что, по ее мнению, ключ должен быть в языках прошлого, правда, признала, что это всего лишь догадка, что совсем не обязательно дело в этом. Он размышлял над собственными работами по истории языка, но не нашел ничего, что могло бы ему помочь.

На улице начало темнеть, в окне теперь был виден только силуэт трамплина, а телебашню уже вообще невозможно было разглядеть. Студентка вытянула тонкую костлявую шею, захлопнула книгу, встала и ушла, и Пол остался в читальном зале один.

Когда он впоследствии думал о той осени, он вспоминал вечер в читальном зале, потому что ему суждено было стать первым в длинной череде похожих вечеров. Вечеров, что он провел в одиночестве, склонившись над бумагами, одержимый мыслью отыскать последние кусочки мозаики.

Уже совсем стемнело, и тут Полу вспомнился камень Странде стейнен. Точно, Странде стейнен!

Знаменитая каменная плита с руническими надписями была найдена в начале 1990-х годов у городка Станге в районе Хедмаркена. Ее в последнюю секунду спас бдительный инженер индийского происхождения. Это случилось дождливым июньским днем во время строительства нового торгового центра. До сих пор никому не удалось расшифровать надписи на плите, хотя это пытались сделать все рунологи страны (числом шесть человек) и несколько иностранных экспертов. Надписи на камне относятся к древнескандинавскому периоду, до появления синкопы, поэтому слова на нем длинные и многие из них совершенно неизвестны.

Пол недолго работал с надписями на камне Страндестейнен. Он никогда не был рунологом, только, так сказать, рунологом-любителем, причем в прямом смысле слова (ведь слово «любитель» происходит от слова «любить», так что любитель — это тот, кто любит, как он однажды при случае объяснил Мортену). Но он был молод, обладал хорошими познаниями в истории скандинавских языков, верой в себя и жаждой открытий. Кроме того, он был знаком с одним рунологом из Блиндерна, который с большим неудовольствием и мелкими ругательствами

предоставил ему доступ к надписям и фотографиям. Однако Пол сумел так очаровать его, что в один прекрасный день он взял его с собой посмотреть на сам камень.

Но время шло, никто не приблизился к разгадке надписей, и Пол оставил попытки разгадать тайну Страндестейнена, уступив здравому смыслу и избавившись от страсти. Когда был объявлен конкурс на должность на кафедре футуристической лингвистики и Пол — довольно неожиданно — получил ее, он закрыл дверь в историко-языковую часть своей жизни, став лингвистом-футурологом.

Многие не признают того факта, что случайности в большой степени определяют нашу судьбу. Люди хотят верить в то, что они удачливы в делах, потому что заслужили это. Они радуются, когда все идет по плану, ведь это происходит потому, что все отлично спланировано. Но в действительности так бывает редко. Пол получил должность научного сотрудника кафедры футуристической лингвистики по чистой случайности — из-за внутренних разногласий, старинного соперничества и вечного злорадного желания людей затоптать ближнего. Компетентный комитет поставил Пола Бентсена вторым номером в

списке кандидатов, но руководство кафедры пересмотрело решение компетентного комитета и предложило работу Полу. Дело в том, что бойкая на язык представительница руководства кафедры поддержала кандидатуру Пола Бентсена. По давно ею самой забытой причине эта дама (которая совершенно никоим образом не участвует в нашей истории, поэтому нет необходимости называть ее имя) не переваривала отставного профессора Стейнара Билюнда и теперь выплеснула свое отвращение и жажду мести на внучку профессора, Линн Билюнд, которая стояла первым номером в списке на замещение вакантной должности. Красноречивой даме, действовавшей из неблаговидных побуждений, удалось убедить руководство в том, что курс педагогики, который Пол начал посещать, но еще не прослушал, имеет гораздо большее значение, чем познания Линн Билюнд в области футуристической лингвистики. И Пол, к своему удивлению, стал счастливым победителем. Пребывая в замешательстве, Пол Бентсен дал себе обещание никогда больше не заниматься историей языка, а стать серьезным футлингвистом. Но в академическом мире обещания даются так же легко, как и нарушаются, и теперь ему вновь требовались знания из исто-

рии языка. Теперь Пол мог воспользоваться ими для того, чтобы разрешить загадку и завоевать Нанну.

В последний раз он обращался к надписям на камне Страндестейнен очень давно, но его рука совершенно спокойно вывела несколько рун (руны Ис, Тир и Фе) на задней стороне листа из папки Нанны. Затем он быстро нарисовал несколько черточек и стрелочек и какие-то рудиментарные синтаксические деревья. Он внимательно изучил их, обвел в кружок одни руны и жирно подчеркнул другие. Ему показалось, что на бумаге вырисовывается определенная модель. У него еще не было ответа, но он уже как будто знал, что найдет для Нанны одну из недостающих карт. Он никогда не расшифрует эту загадочную надпись, но он может использовать все, что в его силах, чтобы определить место глагола для проекта Нанны. Она была права в своих догадках: ответ на этот вопрос лежит в прошлом. У Нанны хорошая интуиция. Хорошие ученые наделены хорошей интуицией. Он справится, ему просто надо немного времени.

На улице совсем стемнело. Он замерз. Он чувствовал себя озябшим, голодным и счастливым, но в обратном порядке, если перечислять ощу-

щения по степени значимости. И он выбежал из библиотеки.

Пол галопом мчался по лужайке к Исследовательскому парку и кафедре футуристической лингвистики. Он должен поговорить с Нанной, он обнимет ее, будет ее любить, или, по крайней мере, еще раз скажет, что любит ее; она ответит, что любит его (может быть, еще слишком рано, но так будет, обязательно будет), он скажет, что ее проект гениален, скажет, что поможет ей и что ему кажется, он найдет последние кусочки мозаики. Он не мог обосновать собственную уверенность по этому поводу, но знал, что решение близко, что он его почти разглядел, что оно ускользнуло в последний миг, но он снова его увидит.

Тут Пол вспомнил, что уже очень поздно, и вероятность того, что Нанна до сих пор сидит в своем кабинете, ничтожно мала. Но он не остановился, он хотел как минимум ступить на территорию Нанны. И хотя повелительницы Нанналандии не было на месте, он хотел заскочить к ней этим вечером. Но Пол очень надеялся, что она там и ждет его.

Огромные стеклянные двери были закрыты, но с шумом раздвинулись после того, как он вставил

в замок свой электронный ключ и набрал код. Вестибюль утопал во мраке. Аквариум и стена цитат были отключены, эскалаторы неподвижны. Он взбежал по лестнице на второй этаж к фонологам, его шаги эхом отозвались в пустом коридоре, светильники на потолке не горели, свет давали только несколько настенных ламп, и он вздрогнул, проходя под первым звуковым душем, излившим, как обычно, свое послание ему на голову. Казалось, что в кабинетах никого нет, но когда он дошел до офиса Нанны, то увидел свет в стеклянных квадратиках над дверью и сбоку от нее. Пол не удивился, что она на месте, он знал это, как знал и то, что поможет ей довести до конца проект. Он постучал, она отозвалась, и вот он уже стоял в светлом теплом кабинете.

— Это потрясающе, — сказал он, тяжело дыша, и слова его показались такими малозначительными. Он должен был бы прокричать их под аккомпанемент фанфар, осыпать ее конфетти, и себя тоже.

— Я знаю, — ответила Нанна.

— И я уверен, что смогу помочь тебе.

Она приподнялась и снова опустилась на кресло, улыбнулась ему и попросила рассказать подробнее. Он пытался донести до нее некото-

рые из мыслей, которые пришли ему в голову в читальном зале корпуса Хенрика Вергеланна, те короткие вспышки о глагольных фразах, что промелькнули у него в мозгу. Нанна сочла, что он формулирует свои мысли непростительно путано и почти непонятно, а он сконфуженно засмеялся и процитировал Тегнера («Туманно высказанное плохо продумано»), а затем Горация («Brevis esse labōro, obscurūs fio»[45]), а под конец — Соссюра (слова которого Пол снова слышал в коридоре меньше чем минуту назад).

Нанна смотрела на него, почти не моргая.

— Я верю в тебя, — проговорила она, — я верю, что у нас все получится.

И вдруг — Пол даже не понял, как это произошло — она оказалась рядом с ним, и вот они уже стояли, прижавшись друг к другу. Пол обнимал ее, она была намного ниже, он склонялся к ее голове, не видя лица, прижатого к его груди, потому что волосы Нанны прикрыли ей щеку и глаза. Он вдыхал запах, стараясь уловить присущий только ей аромат, который так давно мечтал отыскать, но чувствовал только запах средств для ухода за волосами. Нанна пахла парикмахерской

---

[45] Примечания: 45

Стараюсь быть кратким — делаюсь непонятным *(лат.)*.

— чудесно, но безлично. В какое-то мгновение он испытал разочарование по этому поводу (и держа в объятиях Нанну, начал думать об одной из своих любимых тем, которую они всегда обсуждают с Мортеном после нескольких кружек пива: современные женщины слишком часто и слишком тщательно моются), но вот Нанна прижалась к нему всем телом, повернула голову и подняла лицо, и единственное, о чем Пол теперь думал, это о том, что он ее хочет, что он страстно желает прижать ее к себе еще плотнее, засунуть язык глубоко в ее рот, сорвать с нее одежду, положить ее на письменный стол и пригласить в путешествие в те места, где никому нет дела до «РЕВ 21». Он нежно смотрел на нее. Пол видел многие женские лица в таком ракурсе и знал, что не ошибается, когда увидел в ее глазах желание. Он уже предвкушал, как ее губы коснутся его губ, а ее язык дотронется до его языка, но Нанна вдруг вырвалась, постояла несколько секунд, глядя на него, а потом села обратно в свое кресло, закинула ногу в нейлоновом чулке на другую и сообщила Полу, что у нее есть мужчина.

— Так что мы не можем, — сказала она. — Его зовут Кристиан, — добавила Нанна. — Кристиан с буквы «К».

Пол ничего не ответил, ему нечего было сказать. Но когда она предложила выпить по бокалу вина в «Кафе Абеля» у трамвайного кольца, он с радостью согласился. По дороге через Блиндерн они разговаривали внешне совершенно непринужденно, и Пол галантно придержал перед ней дверь, когда они дошли до кафе.

«Кафе Абеля» — не слишком крутое заведение. Сразу понятно, что его владельцы не стали попусту расходовать деньги на дизайнера по интерьерам (а если и стали, то наняли дизайнера, золотые годы которого пришлись на 1980-е). Кафе, честно говоря, абсолютно старомодное. Бесформенная сосновая мебель, стены и текстиль темно-красного, ярко-синего и зеленого цветов. Этот стиль скорее должен прийтись по душе сотрудникам университета, а не хорошо разбирающимся в модных тенденциях студентам. Но несмотря на то, что еда здесь соответствует интерьеру, сюда часто ходят как студенты, так и преподаватели.

Нанна заказала бокал белого вина, а Пол пиво. Темнокожий мужчина, которого Пол всегда считал одним из владельцев кафе, принес к их столу напитки и вазочку с орешками, которую никто из них не заказывал.

Нанна отпила вина и покачала головой в ответ на вопрос Пола, хочет ли она орешков. Пол за один присест выпил половину своей кружки, а когда начал есть орешки, понял, что сильно проголодался. Он с бешеной скоростью допил свое пиво и в тот же миг успокоился. Он все еще находился в оцепенении от известия, что у Нанны есть мужчина. Мысль об этом не потрясла его, и он одновременно стыдился и веселился из-за собственной близорукости и самодовольства. Он представлял себе, что Нанна живет в маленькой квартирке одна, что по вечерам она лежит под мягким бежевым пледом и смотрит телевизор, а оказалось, что она проводит вечера (и ночи) с мужчиной по имени Кристиан.

Но Полу даже не приходило в голову отказаться от мечтаний о себе и Нанне, он по-прежнему был уверен в том, что они созданы друг для друга (сперва он мысленно употребил выражение «словно созданы друг для друга», но оно показалось ему слишком слабым, поэтому он предпочел убрать из него сравнительный союз: «созданы друг для друга»), но понял, что завоевание Нанны может занять больше времени, чем он рассчитывал.

Пол уважал ее за нежелание поцеловаться с

ним, он пришел к выводу, что это понравилось ему больше, чем если бы она позволила себя поцеловать. Нанна сидела прямо напротив за столиком в кафе. Он восхищался ее нежеланием поцеловаться. Он сказал ей об этом. Нанна улыбнулась и ответила, что поступила так не только из соображений морали.

— Знаешь, я ведь не ангел.

— Нет, ты ангел, — сказал Пол.

Нанна призналась, что думала больше о сплетнях в стенах кафедры. Для нее важно, чтобы ни у кого не возникло никаких подозрений по поводу отношений, связывающих ее с Полом. Ради Кристиана.

— Я не хочу делать его рогоносцем, — проговорила она и засмущалась, когда произнесла это немного старомодное слово.

Нет, нет, конечно, Пол все понимает.

— Но это и ради меня тоже, — продолжала она. — Ты понимаешь, Кристиан бывает таким…

Предложение повисло в воздухе. Пол не хотел вызывать ее на откровенность, не сейчас, и ни о чем не стал расспрашивать.

Вместо этого они начинали болтать о Блиндерне, о легендарных сотрудниках других кафедр (о литературоведе, написавшем в рабочее время

бестселлер и заработавшем на нем ми пионы; о языковеде, дочь которого — знаменитость и постоянно мелькает на телевидении; о философе, имеющем дурную привычку жениться на своих студентках) и других факультетов (о турбореактивном профессоре социальной антропологии, о скандалисте с факультета политологии, о милом живчике-астрономе), но больше всего они обсуждали своих ближайших коллег, сотрудников своей кафедры.

Они говорили об изменениях, произошедших за последние годы. Уже давно никто не разговаривает о том, как лучше обучать студентов, давать им знания и увлечь предметом, заявил Пол. «М-м-м», — протянула Нанна, и Пол подумал, что он слишком морализирует. Он сказал:

— Вообще-то я хотел поговорить о наборе учебных баллов, а не о студентах, но все время вспоминаю новую начальницу администрации. Она постоянно называет студентов клиентами и обожает слово «гиперактивный».

Нанна захохотала, и после того как она выпила полтора бокала вина, а Пол три пива, он пребывал почти в таком же настроении, в каком был несколько дней назад, во время обеда с Нанной в кафетерии. Он испытывал некоторую нелов-

кость, но на самом деле очень радовался оттого, что мог открыто обсуждать с Нанной коллег и университетскую жизнь. И если бы он не был настолько влюблен, то наверняка заметил бы, что и Нанне понравился этот разговор. Да, потому что Нанна любит сплетни почти так же, как любит их Пол.

— Ты, наверное, знаешь, что на кафедре объявлен конкурс на замещение должности, — спросил он. Нанна кивнула. Требования к кандидатам, обнародованные на этой неделе, живо обсуждались в коридорах и вызвали умеренные протесты, которые достигли ушей заведующего Паульсена и других руководителей кафедры. Дело в том, что Риисби, удивительно талантливый морфолог, проработав много лет профессором в Оксфорде, по семейным обстоятельствам (муж-англичанин бросил ее ради няни-тайки) вернулась в Норвегию. Риисби заинтересовалась этой должностью, которую собирались ввести уже больше двух лет, но только сейчас решились. В то же время Риисби была заклятым врагом Паульсена (говорят, она осмелилась задать Паульсену несколько критических вопросов после его скандально плохого выступления на конференции около десяти лет назад, задолго до того, как он стал заведующим,

в то время когда он был еще доцентом, обладавшим амбициями, плохо соотносившимися с его научными способностями).

— *Fortūna favet fatuis,* — процитировал Пол.

— Месть сладка? — попыталась угадать Нанна.

— Почти, — ответил Пол. — Судьба благоприятствует глупцам.

Паульсен и руководство кафедры сформулировали требования к кандидатам таким образом, что Риисби не могла претендовать на место. То есть ей, конечно, никто не мешал подать заявление, но она не могла быть признана достаточно компетентной. В первоначальном перечне требований значилось, что кандидат должен иметь опыт работы профессором в области футуристической морфологии, но в окончательную версию, опубликованную в газетах «Афтенпостен» и «Дагбладет» и выложенную в Интернете, например на сайте Норвежского журнала объявлений, к слову «морфологии» была добавлена приставка «фоно-», таким образом, Риисби исключалась из числа соискателей, поскольку никогда не публиковала работ фономорфологического характера.

— Невероятно, — сказала Нанна.

— Вот так это делается, — рассудительно заметил Пол. — По словам Ханса Хольстейна, Паульсен

якобы заявил: «Я знаю, что Риисби ищет работу, я знаю, что наша кафедра остро нуждается в ее знаниях, я знаю, что она потрясающе талантлива — и я не желаю видеть ее здесь».

Нанна засмеялась. Пол сказал, что вообще-то не очень верит этим рассказам, потому что существуют же границы бесстыдства даже для заведующих кафедрами.

— Разве? — спросила Нанна. Пол настаивал: он не сомневался в правдивости случившегося, но не верил, что Паульсен мог произнести такое вслух. Теперь руководство, естественно, заявляло, что кафедре необходим специалист по фономорфологии, хотя все знали, что это не соответствует действительности и ранее принятым руководством решениям. Нанна сокрушенно покачала головой.

Они продолжили разговор об использовании людей в своих целях и бесцеремонности, о научных руководителях, которые из зависти и ревности мешают пробиваться слишком способным стипендиатам. Они говорили о краже чужих идей и результатов (Пол почувствовал маленький укол страха, когда Нанна завела речь об этом, и дал себе обещание больше никогда не выпускать ее папку из поля зрения). Нанна прошептала,

что слышала об одном сотруднике футлинга, который однажды украл часть магистерской работы и опубликовал ее под своим именем. Это произошло не так давно, в прошлом году.

— Да, к сожалению, такие вещи случаются нередко, — сказал Пол, размышляя, может ли он осмелиться положить свою руку на руку Нанны.

— Да, нередко, — сказала Нанна и вытянула губы. — Но это совершенно недопустимо. Это случилось, когда мы вместе были в США. Может быть, у нее даже были отношения со студентом, которого она обокрала?

— О ком ты говоришь? — спросил Пол, хотя он уже знал ответ, и рука его тяжело легла на руку Нанны.

На возвышении в аудитории 3-го корпуса Софуса Бюгге стояла женщина лет двадцати с небольшим. Декан гуманитарного факультета только что представил ее как Силье, креативного директора рекламного агентства «2Жирафа». Ей было поручено сформулировать систему ценностей гуманитарного факультета. В этот понедельник она должна была представить результаты четырехмесячной работы агентства над этим заказом. Приглашены были все заведующие кафедрами, их заместители, начальники администраций и

руководители отделений. Эдит Ринкель сидела в середине ряда в центре аудитории.

Силье поклонилась и заняла место за кафедрой, после чего, подчеркивая каждое движение, стала нажимать на клавиши своего ноутбука. В тот же момент на экране возникла эмблема Университета Осло, круглая печать с изображением играющего на лире Аполлона, заключенная в синюю рамку, в рамку цвета символики гуманитарного факультета. Силье заложила короткие волосы за уши, поправила очки и сказала, что ее зовут Силье, она окончила Норвежский институт креатива, она очень рада, что агентство «2Жирафа» получило такой интересный заказ, и сейчас она снова нажмет на клавишу.

Аполлона сменили два стилизованных жирафа, повернувших друг к другу головы, и оранжевая надпись под ними «2Жирафа».

— Очень рада, — повторила Силье, и на экране позади нее два жирафа начали топать копытами и кланяться. — Нашей отправной точкой, — сказала Силье, — стал имидж Университета Осло, который вам, конечно, знаком.

Жирафы исчезли, и на экране появилось описание имиджа университета, состоящее из пяти пунктов; некоторые слова были выделены жир-

ным шрифтом:

— Исследовательское учреждение высокого **международного** уровня

— **Привлекательное** для обучения заведение, соответствующее стандартам лучших европейских университетов

— **Открытый** и **инициативный** партнер для научных и других организаций на национальном и международном уровне

— Организация, продвигающая **гибкий, креативный** и **качественный** подход ко всем вопросам

— Место, где **интересно** студентам, ученым и другим сотрудникам университета.

Это был долгий процесс, — продолжала Силье. — Мы решили сделать упор на то, что гуманитарный факультет — это часть образовательной деятельности университета. Мы обсуждали огромное количество ценностей, таких как *направленность в будущее, обновление, честность, уважение, равноценность, мужество, рвение, инновации, своеобразие.*

По мере того как она произносила эти слова, они выплывали на экране то справа, то слева.

Но, — произнесла Силье, и экран тут же опустел, — самым важным для «2Жирафов» было то, чтобы представить гуманитарный факультет как единое целое.

Слова «единое целое» замелькали красным цветом на экране.

— Вместе с тем, — продолжала Силье, — мы должны не забывать и о многообразии.

В ту же секунду слово «многообразие» возникло под «единым целым», мигая зелеными буквами. Силье помолчала, экран опустел, и она продолжила:

— «2Жирафа» выбрало следующие шесть ценностей: *инновации, терпимость, изменения, своеобразие, новое качество и научные традиции.*

Эти слова были написаны черными буквами на белом фоне.

— Как вы, конечно, заметили, — сказала Силье и улыбнулась заученной шутливой улыбкой, — два слова начинаются на «и», два на «н», одна на «с» и одно на «т». — Она снова нажала на клавишу, и слова расположились парами по алфавиту, так что получилось следующее:

Изменения
Инновации

Научные традиции
Новое качество
Своеобразие
Терпимость

— Это ценности гуманитарного факультета. — Силье повернулась и взглянула на большой экран. — И эти ценности являются составной частью самого смысла существования факультета, идеи о том, что такое гуманитарный факультет и какую роль он играет в современном обществе.

Буквы всех слов быстро одна за другой стали исчезать с экрана так, что оставались только первые, после чего они переместились и на экране показалось:

И
С
Т
И
Н
Н
ый

— Истинный, — сказала Силье, — вот основная ценность гуманитарного факультета. Гуманитарный факультет должен быть *истинным*

факультетом.

Собравшиеся вяло зааплодировали. Только декан и заведующие двух крупнейших кафедр, которые участвовали в процессе, хлопали изо всех сил еще долго после того, как все остальные затихли.

Эдит Ринкель поднялась и стала пробираться к выходу. Все сидящие между ней и проходом были вынуждены встать. Потом Ринкель медленно прошла между рядами скамеек. У дверей она обернулась, внимательно посмотрела на Силье, продолжавшую стоять за кафедрой (на этот раз на фоне кланяющихся жирафов, вокруг которых фейерверком разлеталось слово «истинный»), обвела взглядом аудиторию, открыла дверь, вышла и захлопнула ее за собой. Она не была похожа на даму, которой, к сожалению, пришлось покинуть презентацию раньше времени из-за крайне важных дел. Она не была похожа на скромницу, внезапно почувствовавшую дурноту. Никто из собравшихся в зале не расценил поступок Ринкель иначе как демонстрацию. Как и было задумано.

По понедельникам Пол обычно навещает маму, но в этот понедельник в начале октября он весь день провел дома, даже не одеваясь, так и бродил целый день в футболке и трусах. Он через силу

прочитал пару статей, о которых ему предстояло рассказывать на лекции в среду, но не смог заставить себя написать подробный план лекции, просто сложил статьи и листочек с пометками в папку и успокоил свою совесть тем, что у него достаточно опыта, чтобы прочитать хорошую лекцию без конспекта.

В последние дни Пол пребывал в удивительно расслабленном, подавленном состоянии, что для него неестественно. Две ночи подряд ему снилось То происшествие, Туне, ее лицо в момент, когда она поняла, что стукачом был он. Он просыпался очень рано, вновь переживая все, что испытывал тогда: страх, когда никто, даже мама, не верил ему, и стыд за содеянное. Предательство. Он предал Туне, в которую был до смерти влюблен, а мама и отчим предали его своим недоверием. И одуряющее, сладкое чувство избранности, того, что тебя предпочли всем другим, — ведь именно к нему обратились предводители мальчишеской банды, которыми он восхищался. И чувство униженности, когда он понял, что сделал.

Проснувшись утром в тот понедельник, он понял, что не сможет пойти в Блиндерн. Он решил поработать дома — этой возможностью часто пользуются научные сотрудники («проводить на-

учные изыскания за пределами кафедры» — так звучит формулировка из кафедральных правил).

Пол посмотрел утреннее шоу по телевизору, чего никогда раньше не делал, после чего просмотрел четвертую серию американского сериала о подростках, от которого у него разболелась голова. Он выпил кофе, съел йогурт, включил радио (канал «Культура», естественно), но тут же выключил.

И целый день через короткие промежутки времени он проверял свой почтовый ящик, раз десять. Он получил информацию о выступлениях приглашенных лекторов, защитах на других кафедрах, приглашения на конференции, напоминания о сроках подачи тезисов выступлений на конференциях, письмо от Лоне, которое он перечитал несколько раз и тихо посмеялся, плохой анекдот про блондинок от Мортена (Пол моментально представил себе широкую, восхищенную, хищную улыбку друга), предложение написать статью для юбилейного сборника, несколько напоминаний о сроках подачи отчетов от руководства, письмо из редакции «Журнала футуристической лингвистики» с сообщением, что его статья «Возможное развитие гласных в норвежских городских диалектах» будет направ-

лена в экспертную комиссию.

От Нанны писем не было. Вообще-то она никогда не писала ему и, если бы хотела поговорить с ним и не обнаружила его на рабочем месте, то, естественно, позвонила бы.

В последние недели они с Нанной проводили довольно много времени вместе («Но мы должны, как я говорила, быть сдержанными, я не вынесу, если пойдут слухи», — сказала Нанна), и он ни секунды не сомневался, что между ними что-то произойдет, так же как не сомневался в том, что скоро соберет последние сведения для ее проекта и что камень Страндестейнен поможет ему в этом. Но тем не менее в последнее время он пребывал в странном настроении, в каком-то апатичном пассивном беспокойстве; когда он не был погружен в «РЕВ 21», то просто бесцельно ходил кругами. А в проект он действительно ушел с головой. Вечер за вечером Пол просиживал, склонившись над бумагами Нанны, своими заметками и толстыми пыльными книгами из университетской библиотеки. Но сегодня у него ничего не получалось.

В обеденное время он чуть было не рванул в Исследовательский парк, на кафедру, в кафетерий, к Нанне, но остался дома, у него не хватило

сил, не захотел, не смог. Он лег на диван, но когда через несколько часов мама позвонила с вопросом, скоро ли он придет, Пол, к собственному удивлению и радости, ответил утвердительно: «Конечно, мама, я уже стою в дверях. Я буду через десять минут». Он захлопнул мобильник, быстро побрился, принял душ, оделся и нанес на влажные волосы гель «Нивея».

Воздух на улице прохладный, чистый, его так приятно вдыхать. Только что наступил октябрь, и трава вокруг церкви Вестре-Акер все еще зеленая, но уже не свежая, поблекшая, мертвая. На могиле бабушки и дедушки вкопаны в землю два горшочка с вереском с сухими лиловыми верхушками. Пол пронесся мимо в своем обычном темпе, но снова начал слабо ощущать апатию и удрученность, мучившие его все утро.

По дороге он стал размышлять о причинах своего подавленного настроения и замедлил шаг, когда спускался с холма на улицу Киркевейен. Возможно, его печалил вид увядающих растений, напоминающих о годовом цикле, что, в свою очередь, наводило на мысли о стареющей маме и о том, что и сам он уже не юн. Но, пожалуй, нет, его мучило не это.

Он снова прибавил шаг, чтобы успеть перейти

улицу на зеленый свет. Неужели дело в том, что у Нанны есть мужчина? — спрашивал он сам себя, входя в магазин на бензоколонке, улыбаясь продавщице и платя за три кокосовые булочки, ожидающие его на прилавке, но выходя из магазина, он пришел к выводу, что и не это его беспокоит. Приятель Нанны, по крайней мере до того времени, как Пол с ним познакомится, остается абстрактной теоретической величиной. А на лиц, являющихся абстрактными теоретическими величинами, он не может обращать внимания, особенно в делах любовных. Такие величины имеют значение на его письменном столе, в докладах, в науке, но в отношениях с Нанной они ничего не значат, уверял себя Пол. И он снова пошел очень быстро, длинными пружинящими шагами, энергично и чуть ли не весело размахивая руками.

Вот он уже около маминого подъезда, и все следы уныния исчезли, когда он вставил ключ в замок знакомой обшарпанной двери. Она всегда была выкрашена в синий цвет, подумал он, но в его детстве ее запирали только на ночь (ведь правление жилищного кооператива решило держать дверь на замке всего около десяти лет назад).

Пол входил в эти двери еще до своего рождения. Потом он беспомощным свертком лежал в маминых руках, позже сидел у нее на руках, когда она толкала дверь бедром. Он тяжело взбирался по лестнице, невыносимо долго скользя маленькой ладошкой по перилам, пока мама терпеливо ждала. Перила лестницы сделаны из темного блестящего дерева, а решетка — из железа. Из этого же материала отлиты острые набалдашники, украшающие лестничные пролеты на каждом этаже, и у него засосало под ложечкой при их виде. Ступеньки из пестрого черно-белого терразита, как и всегда, казались похожими на копченую колбасу.

Пол помнит, как стоял рядом с мамой, державшей в руках кучу мешков из гастронома на углу, тянулся к щеколде на синей двери и гордо отпирал ее для них обоих. Он приходил домой из школы с ранцем за спиной, один, вместе с Мортеном, а потом с многочисленными девушками. Он напивался вусмерть, блевал рядом с синей дверью, полз, воняя, вверх по лестнице, надеясь, что мама не проснется (она всегда просыпалась, но никогда его не ругала). В день Того происшествия, в тот день, когда все обнаружилось, он стоял перед этой дверью, рядом с замочной

скважиной краска была вспучена, он помнит свою руку на ручке двери, но понятия не имеет, ни как попал сюда, ни как потом поднялся по лестнице к маме.

Пол удивился, что думает о Том происшествии, но не испытывает ни отвращения, ни стыда, только тоску по тому, что находится за этой синей дверью. Вот он стоит, взрослый человек, занимающий ответственную должность, с ключом в руке, он уже вставил ключ в замочную скважину, но еще не повернул его, и его переполняет радость. Затем Пол повернул ключ, опустил ручку вниз и толкнул дверь. Поднимаясь по лестнице, он пытался понять происхождение этой радости, но не смог, как не смог определить причину ранее испытанной подавленности. Нанна, проект, мама. Может быть, все дело просто в желании посидеть в ее пыльной гостиной и поболтать о Нанне. Сейчас он уже многое может рассказать. Это интересно всем мамам — включая его собственную, романтически настроенную:

Она на год младше него, выросла в Хамаре, в доме на две семьи у собора, ее мама — учитель, папа — ревизор. Она говорит на распространенном в тех местах восточнонорвежском языке, но при необходимости может перейти на хедмарк-

ский диалект. От сильного волнения она обычно начинает заикаться. Ее брат только что закончил обучение и стал дантистом, он живет с девушкой, но детей у них пока нет. Основной специальностью Нанны является лингвистика, она также изучала немецкий и английский. Она училась в Тронхейме и снимала квартиру вместе с подружкой из Хамара. После школы, до отъезда на север, год проучилась в Высшей народной школе района Румерике по специальности «драматическая актриса». С восьми лет она поет в хоре. Не любит ходить на лыжах, но хорошо плавает. Она наверняка потрясающе выглядит в купальнике с мокрыми волосами и жемчужинками воды на плечах. О да, он хочет поговорить о Нанне. Но сначала он расскажет маме о проекте. До сих пор это было как-то некстати, но сейчас, сегодня время пришло.

Он начал говорить сразу, как только вошел в квартиру и обнял маму. Он тараторил так быстро, что его история получилась бессвязной, он перескакивал с одного на другое и слишком углубился в предмет. Мама усадила его на диван, и он получил столько внимания, сколько ему требовалось, она говорила с сыном, глядя на него сверху вниз, терпеливо, как мамы говорят с взволнованными

детьми. Она снисходительно успокаивала его, но вместе с тем проявляла любопытство. Ну да, ей очень хотелось послушать, но было понятно, что рассказ ребенка гораздо важнее и интереснее самому ребенку, чем ей, взрослой.

— Успокойся, Пол. Подожди, я принесу чайник. Ты ведь не забыл кокосовые булочки? Вот я уже и пришла.

С чашкой чая в руках и булочкой перед собой на столе, в компании спокойно кивающей напротив мамы он начал сначала:

— Это грандиозно, понимаешь. Необычайно интересный проект, и на нем можно хорошо заработать. Мы… она открыла каркас всех языков.

— Каркас?

— Ну не в прямом смысле, конечно. Считай это метафорой. Если ты с чем хорошо знакома, мама, так это с метафорами.

— На самом деле мне лучше известны клише.

— Ну мама. Попытайся понять! Нанна открыла основополагающую структуру всех языков.

— Я пытаюсь понять, Пол. Но не могу. Что ты имеешь в виду?

— Слушай меня, мама, — сказал Пол, делая ударение на каждом слове в попытке говорить медленно и четко. — Нанна годами работала над

этим проектом. Ты понимаешь?

— Да, *это* понять нетрудно.

— И ее проект совершенно… изумительный.

— Ну, все, что связано с этой дамой, изумительно.

— Правильно. Нанна углубилась в недра грамматики и достигла самого дна. И она вывела… как бы это сказать… некую формулу, описывающую общие черты всех человеческих языков.

— Ага, и что эта формула собой представляет? Не забывай, что мне надо выдавать информацию по чайной ложке, мальчик мой.

— Ты же знаешь, что, как бы языки ни различались между собой, у них есть множество общих черт.

— Ах вот как.

— Например, во всех языках есть гласные и согласные.

— Конечно.

— И хотя в разных языках наличествуют очень отличные друг от друга гласные и согласные, тот факт, что во всех языках есть и те и другие звуки, является общей чертой.

— Хорошо, это я понимаю. Хочешь еще чаю? А что еще у них общего?

— Да многое. Нет, спасибо. Хотя да. Добавь ки-

пяточку. Ну, например, за несколькими возможными исключениями, во всех языках существует система личных местоимений.

— Первое лицо…

— Правильно, это тот или те, кто говорит.

— Второе лицо…

— Это тот или те, к кому обращается говорящий.

— И третье лицо.

— …это тот или те, о ком говорят. Молодец, мама. Ты заработала три очка.

— Ну, я же все-таки кандидат наук. А еще есть общие черты?

— Да, их множество. Ты и сама это знаешь, просто не задумывалась об этом. Вот возьмем еще одну вещь. У каждого слова есть выразительная сторона — это то, что видится или слышится, и содержательная сторона — это его значение.

— Об этом говорил Фердинанд де Соссюр.

— Мама, я в восторге.

— Ты же знаешь, у меня особое отношение к швейцарским мужчинам.

Пол пропустил это замечание мимо ушей и настойчиво продолжил свое повествование:

— Все языки объединяет то, что связь между выражением и содержанием случайна. Произ-

вольна, как говорил Соссюр.

— Хм. Ну ладно. Наверное, я это забыла. И что это означает — связь случайна?

— Что не требуется, чтобы выразительная сторона слова была каким-то образом похожа на то, что это слово обозначает. Слово «кошка» выглядит совсем не как кошка, у него нет хвоста и шерсти, и по звучанию оно не похоже на кошку, оно не мурлычет и не мяукает.

— Спасибо, спасибо, это я знаю.

— Хорошо, тогда ты понимаешь, что связь случайна. Ничего в комбинации звуков к-о-ш-к-а не указывает на то, что это слово должно обозначать именно это животное.

— Нет, конечно.

— Вот! И одно и то же содержание имеет различное выражение в разных языках. *Cat, chat, Katze, felis…*

— Ладно. Значит, Нанна работала над этим?

— Нет, нет, я просто пытаюсь выдавать информацию по чайной ложке, как ты и просила. Это предыстория. Я просто привел тебе несколько примеров того, что языки похожи, несмотря на то что на первый взгляд они совершенно отличны.

— Хорошо. Тогда что же она сделала? В чем заключается ее открытие?

— Ей удалось в какой-то степени обнаружить общие грамматические принципы, на которых строятся все языки.

— Ах вот как. Каркас. Или формула, о которой ты говорил?

— Точно. Формула построения предложений. Подумай о членах предложения, мама! Подлежащее, сказуемое, дополнение.

— Ладно, я думаю о членах предложения. Здесь тоже есть что-то общее?

— Да, есть. Хотя очевидно, что и в этом языки разнятся.

— Ну, это я знаю.

— Мама. Ты сама просила выдавать тебе информацию по чайной ложке, а теперь обижаешься на это.

— Прости.

— В турецком и праскандинавском на первом месте обычно стоит подлежащее, а на втором дополнение, после этого сказуемое. В классическом арабском и кельтском идет сначала сказуемое, потом подлежащее, потом дополнение.

— А в норвежском подлежащее, сказуемое, дополнение?

— Да.

— Например «Пол любит Нанну»?

— Правильно, мама. Ты во многом совершенно права. Но это различия, лежащие на поверхности. Однако если мы углубимся, то обнаружим, что в своей основе языки похожи. И именно над этими грамматическими характеристиками и работала Нанна. Над структурой предложений и фраз.

— Фраз?

— Или назови это иначе. Последовательность прилагательных и существительных, например. «Черная кошка», то есть прилагательное плюс существительное, или *chat noir*, то есть существительное плюс прилагательное.

— Ага. Но разве это еще не сделано? Тем американцем? Тем, что сильно критиковал американскую внешнюю политику? Кстати, ты стал просто одержим кошками.

— Хомский. Да, можно так сказать. Мы… она основывается в большой степени на работах Хомского. Но его теория — это грубый набросок по сравнению с тем, что требуется для нашего проекта. А самая большая разница в том, что мы будем использовать свое открытие. Мы сможем заработать на этом, мама!

— Еще чаю? Мне сложно усвоить все чайные ложки, Пол.

— Да, но ты ведь уже понимаешь, что это за

проект?

— Да, понимаю.

— Тогда я заканчиваю. Вопросы есть?

— Еще чаю?

— Спасибо, да. Еще вопросы?

— И это все? Я имею в виду проект?

— Нет, в нем еще много всего. Другие вопросы?

— Ты что-то говорил о деньгах?

— Да, на этом можно заработать. Много денег.

— Хм. Тогда мы не закончили. Я вскипячу еще воды. Мы уже опустошили этот чайник. — Мама встала (с трудом, заметил Пол, и у него перед глазами тут же возникли два горшка с увядшим вереском на могилах бабушки и дедушки), взяла чайник и попросила Пола пойти с ней на кухню и рассказать поподробнее про деньги. Пол пошел за ней и рассказал, что открытия, совершенные Нанной, будут использованы для создания переводческой программы. Огромная, всеобъемлющая переводческая программа, с которой переводчики смогут работать на компьютере.

— Ты понимаешь, мама, что когда все грамматические рамки на месте, то в дополнение к ним, в принципе, требуются всего только двуязычные словари.

— Так что если я захочу перевести «Русалок» на

испанский…

— Ну, до этого мы пока не дошли. В нашей формуле не хватает пары элементов, а потом лингвотехнологи и компьютерщики должны создать саму программу. Но путь от того места, в котором мы находимся сейчас, до того, как мы сможем предоставить формулу для создания компьютерной программы, недолог. Такая программа уже существует для двуязычных электронных словарей. Во всяком случае, для крупных языков. То есть можно сказать, что с переводом отдельных слов компьютер уже справляется, но вот перевести предложения с удовлетворительным результатом пока не удавалось. При помощи нашего проекта это станет возможным. У тебя же есть Интернет, мама. Зайди, например, на www.babelfish.com и узнаешь, как это все работает на сегодняшний день.

— То есть все так просто?

— Нет. Конечно нет. В принципе. А чайник уже закипел.

Пол чувствовал себя замечательно, ему было тепло и уютно сидеть на мамином серо-синем бархатном диване, в позе, требующей много места, а потому ужасно мужественной. Он рассказывал о проекте Нанны и несколько раз принимался

говорить о нем как о «нашем» проекте. Он так и думал, «РЕВ 21» был теперь и его проектом. Они с мамой обсудили трагически закончившуюся попытку создания в городе Воссе компании «Норвежские языковые технологии», предпринятую несколько лет назад. Все миллионы (как государственные, так и иные) испарились, когда компания обанкротилась.

Они обсудили проблемы, которые могут возникнуть у программ-переводчиков, Пол упомянул грамматические ловушки, а мама вспомнила о разнице культур, о том, что тексты отличаются друг от друга не только словами. Они поговорили о том, сделает ли компьютеризированный перевод профессию переводчика ненужной и, соответственно, всех переводчиков безработными, но Пол заверил маму, что компетентная рабочая сила будет нужна всегда — как для разработки подобных программ, так и для обеспечения качества полученного результата. Ему понравился их разговор. Мама хорошо разбиралась в вопросе и была умна, несмотря на то что ничего не знала об информационных технологиях — строго говоря, Пол тоже не знал, просто в силу того, что был на двадцать пять лет моложе мамы, он вообще знал неизмеримо больше.

Он не мог подробно объяснить, как Нанна и шведский нейролингвист пришли к выводу, что между грамматическими структурами и областями мозга есть связь (хотя с чисто лингвистической точки зрения именно это было самым важным, революционным в проекте). Он рассказывал об этом, объясняя только то, что сам сумел понять. Он тихонько постучал указательным и средним пальцем за левым ухом мамы и сказал, что там, внутри, в центре Брока, находятся предлоги, а здесь, чуть выше, прилагательные. Мама рассмеялась, когда он сообщил ей, что, по всей видимости, при использовании прошедшего времени глаголов активизируется передняя височная доля левого полушария мозга, а также наружная капсула конечного мозга и что у нее, живущей прошлым, височная доля должна быть так сильно развита, что скоро вырвется из черепа.

Он умолчал о месте сказуемого, знал, что не сможет этого как следует объяснить ни ей, ни себе самому, поэтому просто сказал, что для полноты картины им не хватает нескольких кусочков, которые он ищет и которые найдет для Нанны. Он произнес это с такой уверенностью в голосе, что убедил не только маму, но и себя самого. Скоро!

Скоро все будет сделано.

Их разговор плавно перешел к Нанне. Вообще-то они и так все время говорили о ней, но до сих пор не напрямую. Пол хвалил ее ум, работоспособность, красоту.

— Надеюсь, ты меня скоро с ней познакомишь, — сказала мама, уверенная, что у ее сына возникли отношения с Нанной. (Она посчитала, что это так, потому что не знала ни одного случая, когда Пол с восторгом рассказывал бы о женщине, был в нее влюблен и не добился бы ее.)

— Конечно, — ответил Пол, и ему ни на секунду не пришло в голову, что он был не в том положении, когда мог бы пригласить Нанну домой, чтобы познакомить со своей матерью.

— Ты останешься пообедать? — спросила мама.

— С удовольствием, — ответил Пол. Он не хотел уходить, к тому же кокосовые булочки уже давным-давно были съедены.

— Может быть, прочитаешь пока это? — сказала мама и протянула Полу тонкую стопку листов. Пол отметил про себя, что мама пригласила его на обед неслучайно, видимо, это было частью тщательно продуманного плана.

— Это что… начало новой книги? — спросил

Пол, и несмотря на то что мамины книги очень нравятся ему, в данную минуту он был не в настроении читать про сахарные плантации и пылкую любовь.

— Угу. Прочитай, — проговорила мама и быстро скрылась на кухне. У мамы Пола имеются вышитый писательский халат и достаточно развитая уверенность в себе, но, как и большинство писателей, она волнуется, когда другие оценивают ее труд, особенно если дает кому-то почитать написанное в первый раз.

Пол не удержался от вздоха, но, побуждаемый чувством долга, приступил к чтению тонкой маминой рукописи, состоящей всего из двух десятков страниц.

Новая книга мамы начиналась с того, что героиня въезжает в старый дом, она получила место гувернантки в семье доктора, живущего в маленьком городке. Как только молодая женщина с необычайно прекрасными волосами (каштанового цвета) и удивительно большими глазами (цвета морской волны) распаковала свой чемодан и села на кровать в своей комнате, у нее появилось чувство, что она уже бывала в этом доме, и «неприятный холодок пополз у нее по спине». Ну, это не так уж оригинально, но

все равно недурно, заметил Пол, которого начал увлекать романтический сюжет.

Читая рукопись, Пол вспомнил историю, которую мама рассказывала ему, когда он был маленьким. Мама назвала ее «Дом, который уснул», и Полу она казалась ужасно захватывающей. Он быстро дочитал текст до конца, и чем дольше читал, тем больше занимала его судьба героини. Нетрудно понять, как мама стала миллионершей, напротив, это совершенно ясно — она обладает настоящим писательским талантом.

— Окончание я дам тебе потом, — проговорила мама. Она стояла в дверях и смотрела на него, Полу стало интересно, давно ли она так стоит.

— Слушай, я вспомнил тот рассказ о маленьком белом домике, который уснул, — сказал Пол. — Мне, кстати, понравилось. Еще одна сильная женщина.

— С каштановыми волосами, — уточнила мама. — Тебе-то больше нравятся пшеничные. Цвета спелой пшеницы.

— Да, хотя у Нанны волосы светлее.

— Ах вот как.

— Но мне понравилось, — повторил Пол.

— Хорошо. Я потом дам тебе почитать дальше. Значит, ты помнишь «Дом, который уснул»?

— А он у тебя сохранился? — спросил Пол.

— Наверняка. В ящике секретера в будуаре Паулетты.

Она кивнула Полу, улыбнулась понимающе и снисходительно, словно знала о Поле нечто, чего он сам о себе не знает. Пол подумал, что это настоящая материнская улыбка. Мама быстро вернулась, улыбаясь так же загадочно, но еще шире, и протянула сыну пожелтевшую переплетенную рукопись, отпечатанную на машинке, с детским рисунком на первой странице. И он вспомнил, какой красивой казалась ему эта история, и то, что однажды она перестала ему нравиться.

— Спасибо, — сказал он и взял рукопись в руки робко, но с интересом.

«Дом, который уснул» — было напечатано сверху с пробелами между буквами. На рисунке под названием был изображен белый дом с дверью и двумя окнами, расположенными таким образом, что дверь казалась ртом, а два окна — глазами (Пол автоматически, почти против своей воли отметил, что это правильный образ, поскольку норвежское слово *vindu,* окно, происходит от древненорвежского *vindauga,* то есть глазница, через которую дует ветер). «Марен Бентсен», —

прочитал Пол имя матери, написанное внизу страницы, и снова стал разглядывать рисунок, который он сам нарисовал больше двадцати пяти лет назад, пока до него не дошло, что рукопись подписана не Паулеттой Рос.

Впервые в жизни Пол видел настоящее имя мамы на рукописи, и это произвело на него сильное впечатление. Он так хотел, чтобы она попробовала себя в других жанрах. Нет, он не презирал ее произведения, но ему казалось, что это пойдет ей на пользу. Если бы Пол Бентсен сейчас узнал, что однажды увидит мамино настоящее имя на книге, он бы очень обрадовался. Но пока он об этом и не догадывался, он мог только надеяться, что такое произойдет, и он надеялся. Пол перечитал заглавие и мамино имя, после чего с любопытством и беспокойством перешел к тексту рассказа.

Слова были ему очень знакомы, и в то же время новы, он ведь никогда не читал их, раньше он их только слушал:

Жил да был дом. Он стоял посреди поляны в темном лесу. Домик был маленьким и белым, окна его дружелюбно подмигивали, а дверь часто стояла открытой.

В доме жили мама, папа и мальчик.

«Да, конечно, — подумал Пол, — так и было: мама, я и папа. Она не изменяет себе. Она всегда пишет о нем».

Каждый вечер мама закрывала дверь и выключала свет, а мальчик задергивал шторы. Потом мама, папа и мальчик ложились в свои кровати, зевали, поворачивались на бок и засыпали. Дом тоже зевал, только этого никто не слышал. Утром семья вставала, мама открывала дверь, папа накрывал на стол, а мальчик раскрывал шторы. Они завтракали, болтая и смеясь, а дом распахивал окно в гостиной и тоже хохотал. «Надо смазать петли», — говорила мама и продолжала рассказывать папе и мальчику веселую историю. После завтрака мама с папой уходили на работу, а мальчик в школу. Дом был один целый день и, когда люди уходили, он скучал по своей семье и с нетерпением ждал того момента, когда ближе к вечеру мама, папа и мальчик вернутся домой.

Пол, как и раньше, сочувствовал дому — бедному одинокому домику. Когда в детстве мама читала ему этот рассказ, Пол был уже достаточно большим, чтобы понимать, что дома в действительности не существует, что он только плод маминой фантазии. Но он искренне сочувствовал и такое же сострадание испытывал к другим неодушевленным предметам. Выброшенная обертка от шоколадки. Носок, потерявший своего брата-близнеца. Пронзительная жалость внезапно охватывала его. Когда мама выбросила старую алюминиевую кастрюлю, у которой отвалились обе ручки, он чуть не задохнулся от рыданий, настолько горьким было зрелище безрукой кастрюли в мусорном мешке — милого горшочка, служившего верой и правдой, варившего для них картошку и гороховый суп.

Однажды, когда мама, папа и мальчик ушли, дом настолько отчаянно затосковал, что решил пройтись немного и поискать своих жильцов. Он осторожно приподнял один угол, и фундамент громко затрещал. Но дом уже принял решение, поэтому он тянул и тянул, пока угол не высвободился. Потом он припод-

нял другой угол, и снова стало ужасно больно, но дом высвободил и его. Третий и четвертый углы тоже выдернулись из фундамента, несмотря на то что дом до самой трубы пронзала боль. Теперь домик стоял непрочно. Но он не мог тронуться с места, потому что никак не понимал, что ему делать и куда идти.

Вечером семья собралась за столом в кухне, чтобы поиграть в карты. Все что-то напевали, мама с мальчиком смеялись над папой, потому что он злился, когда проигрывал.

«Это я злился, когда проигрывал, — думал Пол, — я всегда хотел быть лучшим! Не думаю, что понимал эту аллюзию, когда мама читала мне рассказ». Пол украдкой взглянул на нее: она уселась в кресло напротив.

На улице дул ветер и шел дождь. Стены дома издали вздох, но семья играла в «Вытяни восьмерку», и никто ничего не слышал. Дом снова вздохнул, на этот раз намного громче, так что стены громко заскрипели. «Только послушайте, какой ветер», — сказал папа. И тогда дом начал

плакать, потому что ему было невыносимо грустно. Он сам не знал, почему ему было так грустно. Слезы текли по стеклам. «Какая противная погода», — сказал мальчик и плотнее укутался в вязаную кофту.

— Он уже в духовке, — внезапно сказала мама.

— Что?

— Обед, — объяснила она, встала с кресла и уселась на диван.

— Да, точно, — рассеянно проговорил Пол и перелистнул страницу.

— Возьми его с собой, — предложила мама. — Дочитаешь дома. Мне сегодня снилось То происшествие.

— Правда? — удивился Пол. — Мне тоже. Оно мне снится время от времени. — Он послушно положил рассказ в свою папку, набитую статьями об автоматических программах-переводчиках.

Какое-то время они сидели молча, но оба думали о том забавном факте, что случай из юношеских лет Пола, который они всегда называют Тем происшествием, сильно повлиял как на жизнь Пола Бентсена, так и на жизнь Марен Бентсен. Оба понимали, что во время Того происшествия

Пол пострадал несправедливо. Конечно, Туне была первой большой любовью Пола, его первой девушкой, и он предал ее самым грубым образом, но тем не менее. Самым ужасным, кстати, было то, что мама ему не поверила, что она подумала, будто Пол согрешил намного серьезнее, чем на самом деле. Он был трусливым доносчиком, тщеславным предателем, но насильником он не был. И Пол совсем не хотел, чтобы Туне стала жертвой. Просто он не подумал о последствиях.

Будь на месте Пола другой, он, возможно, быстро преодолел бы последствия Того происшествия, однако для Пола все закончилось неуверенностью в себе, хамелеонством и фонетической гиперконвергенцией, а для мамы — разводом. Но так происходит гораздо чаще, чем мы думаем: весьма незначительные события определяют нашу судьбу. То, в какой момент жизни случаются такие вещи и как они взаимосвязаны с другими ее обстоятельствами — вот те факторы, которые наполняют маленькие эпизоды огромным значением, в то время как большие и важные события проходят незамеченными.

У Эдит Ринкель это был кувшин с соком, отбрасывавший рубиновую тень на плед. У Пола это было предательство, которое он совершил,

разболтав подростковой «банде из Тосена», в восьмидесятые орудовавшей на западе Осло, что у Туне были деньги, много денег, и хранила она их в шкатулке в своей комнате. Члены банды были старше, сильнее и круче него, и он месяцами стремился завоевать их признание. Это было так избито (словно сюжет из книги для подростков), так глупо, так, честно говоря, банально, что почти полностью его уничтожило.

Но само То происшествие стало скорее эпилогом, оно случилось после того, как парни из банды ограбили и чуть не изнасиловали Туне.

— Ты не хотел вставать с кровати, не хотел говорить, — произнесла наконец мама.

— Нет, — ответил Пол тихо. — Я хотел умереть. Мне никто не верил.

— Мортен верил тебе.

— Да, Мортен верил.

— А я предала тебя, Пол.

— Да, мама. Но потом же ты мне поверила.

— Да, когда ты наконец начал разговаривать.

— Но на самом деле предателем-то был я. Неудивительно, что вы поверили, что я…

— …с Туне, да… мы поверили в это, — сказала мама.

Они говорили об этом сотни раз, они вновь и

вновь обсуждали То происшествие, и каждый раз их разговор прерывался в одном и том же месте. Они останавливались, не выключая двигателя, потом медленно поднимались в гору, но на середине склона мотор глох. Но каждый раз они преодолевали эту заминку и двигались дальше:

— А как же Йене? — спросил Пол, который до сих пор винил себя в мамином разводе.

— Да все нормально. Не могла же я жить с ним, раз он не…

— Но разве ты не скучала по мужскому вниманию все эти годы?

— …раз он не захотел тебе поверить. Даже когда я попыталась объяснить ему…

— Мама!

Здесь их разговор, как обычно, прервался. Пол думал о Йенсе, а мама — о Феликсе.

— А у Туне сейчас все хорошо, — уверенно сказала мама после непродолжительного молчания.

— Да, у нее все хорошо. Я слышал, она работает директором детского сада, — продолжил Пол, как всегда.

— Ага.

— У нее двое детей, — сообщил Пол, хотя знал, что маме это известно.

— Ага, — снова произнесла мама, на этот раз

шутливо-многозначительно, выражая совершенно однозначное и очевидное желание стать бабушкой. — Может быть, вы с Нанной…

— Ну мама!

— У Мортена ведь есть малыш Сондре. Я уверена, что стала бы прекрасной бабушкой.

— Мама!

Но Пол был не слишком возмущен. Он и сам не раз думал об этом: они с Нанной в роли родителей малыша с элегантным узким носиком Нанны и маленькими теплыми ручонками. Малыш, который будет расти с мамой и папой. С папой, который будет брать его на футбол, с папой, который может утешить и подуть на царапину, с папой, который всегда рядом.

— Да, да, — говорила мама. — У Туне по крайней мере все хорошо.

— Да, все хорошо.

— И у тебя все хорошо, Пол.

— Да, мама, — подтвердил Пол. — У меня все хорошо.

И так всегда заканчиваются их с мамой разговоры о Том происшествии. У Пола действительно все хорошо. Все у него просто прекрасно. Но где-то в самой глубине души он всегда испытывает угрызения совести. Это не адские беспредельные

муки, это не ужасная боль в животе. Нет, это только намек, почти незаметная, но никогда не проходящая неприязнь к самому себе. То происшествие поколебало представления Пола о самом себе. Ему необходимо работать над собой. Он способен на скверные поступки. Пол Бентсен испытывает мягкое, но неотпускающее чувство стыда.

Он ходит по земле и знает, что однажды повел себя коварно и подло, был эгоцентричным, самодовольным и самовлюбленным. Однажды он стал лжецом и предателем. Ему присуще вероломство. То происшествие заставило Пола Бентсена контролировать себя, чтобы плохие стороны его натуры вновь не одержали верх над хорошими.

Ничего более ужасного после Того происшествия он в своей жизни не совершил. Но время от времени неприглядные черты его характера прорываются наружу, и он идет у них на поводу. Как-то раз он подобрал распечатку статьи из стопки у общего принтера в приемной, виновато огляделся, положил бумаги в папку и потом использовал эту статью в своей лекции. В студенческие годы, когда еще не было Интернета, он написал передовицу в «Язык сегодня!!», которая была переводом одной немецкой статьи, и даже

не сослался на ее автора. Кроме того, Пол прекрасно знает, что был не самым лучшим кандидатом на место, которое занимает на кафедре. Может быть, ему надо было отказаться в пользу Линн Билюнд?

Да, Полу Бентсену знаком сладкий вкус обмана. Но раз уж мир все равно желает быть обманутым — *mundus vult decipi, ergo decipiātur.*[46]

В кафетерии было многолюдно. В этот октябрьский день здесь собрались многие сотрудники кафедры футуристической лингвистики. На столах стояли тонкие блюда из серебристого пластика с большими белыми марципановыми тортами, рядом с ними — блюда крендельков с яблоками и миндалем, кофейники, зеленые бутылочки с игристым вином и полуторалитровые бутылки с яблочным лимонадом «Мозель» для тех, кто по какой-то причине предпочитает употреблять в рабочее время безалкогольные напитки.

Заведующий кафедрой Фред Паульсен был в синем зимнем костюме и белой рубашке. Он повязал галстук, что случается крайне редко. Вот он постучал ложкой по своей кофейной чашке и

---

[46] Примечания: 46
Мир желает быть обманутым, пусть же он будет обманут *(лат.).*

пригласил всех к столу.

— Здесь каждый найдет что-нибудь по своему вкусу, — обводя взглядом кафетерий, сказал он, довольный, как щедрый король, устраивающий праздник для своих подданных. Он сел, но как только все положили себе торт и крендели, а два консультанта разлили шампанское и открыли бутылки с лимонадом и послали их по кругу, снова поднялся. — Я хотел бы процитировать одно стихотворение, — сказал он, и собравшиеся, как обычно, издали коллективный вздох, который и на этот раз не дошел до ушей Паульсена. Он всегда читает стихи на подобных мероприятиях и всегда одного и того же автора (малоизвестной личности по имени Лассе Греверюд), а слушателям всегда одинаково трудно понять, какое отношение содержание стихотворения имеет к празднику. Но чтением стихов он решает две задачи: заполняет время (не так-то просто быть заведующим кафедрой и каждый раз писать новые речи) и доказывает, что является культурным человеком — ведь он читает поэзию и знаком с Греверюдом (и каждый раз он не забывает упомянуть, что лирик Греверюд — его близкий друг). После декламации он берет паузу, предоставляя всем возможность составить

собственное субъективное мнение о том, каким образом прочитанное связано с повесткой дня.

Паузы для Паульсена имеют большое значение. Годы его учебы и начало академической карьеры пришлись на семидесятые, когда появились новые направления в языкознании, когда иллюстрированные лингвистические анализы, грамматика текстов и стипендиаты в джинсовых куртках потеснили древненорвежский, историю языка и почтенных профессоров с накладными волосами и галстуками-бабочками. Тогда новоиспеченная университетская преподавательница с длинными волосами на прямой пробор, одетая в белую легкую футболку (на ней было написано «Нет ядерному оружию», а под ней не было лифчика) вела семинары по марксистской фонологии. Тогда лингвосоциологи не просто описывали различия в речи разных социальных групп, но и пытались устранить эти различия, прояснить соотношение сил и дать всем одинаковый язык. Тогда диалектология прежде всего не учила студентов тому, что такое изоглосса[47] и границы диалектов, а приучала с гордостью говорить на своем диалекте. Тогда молодые, одетые в джин-

[47] Примечания: 47

Линия на лингвистической карте, обозначающая границы распространения какого-либо языкового явления.

совые костюмы преподаватели истории языка делали основной упор на то, как датчане угнетали норвежцев, что в те времена именовалось изнасилованием культуры.

Окруженный кипящей в Блиндерне жизнью, обновлением науки, политической активностью и бурной общественной деятельностью, Паульсен — сам полный энтузиазма — написал свою магистерскую работу. Она отличалась незаурядностью. Работа называлась «Молчание» и была посвящена тишине в текстах, то есть пробелам и паузам.

Однокашники стали называть его Паузен, и если честно, то эта шутка казалась ему плоской. Вскоре после того, как диссертация была написана, а он начал сдавать выпускные экзамены, официальные инстанции, то есть новообразованный Норвежский языковой совет (наследник Норвежского комитета по языку), разрешили ставить после точки один пробел вместо двух. Это возмутило Паульсена, и он даже обратился в редакцию студенческой газеты «Университас». Всего один пробел означает меньше пауз, меньше тишины в текстах, утверждал молодой Паульсен так яростно, что на эту тему в «Университас» была написана большая статья, что, в свою очередь,

привело к появлению маленькой заметки в газете «Афтенпостен». Откликом на нее стал призыв к поддержке Паульсена, напечатанный на машинке (естественно, с двумя пробелами после всех точек) одним преподавателем-пенсионером.

Другими словами, можно смело утверждать, что Паульсен *умеет* пользоваться паузами и молчанием. Именно поэтому он с профессиональной многозначительностью и спокойствием, которое могут дать только собственные научные изыскания, позволил строкам стихотворения раствориться в тишине, которой так не хватает в нашей суетной жизни.

Только после того, как публика стала проявлять беспокойство, он продолжил свою речь.

— Дорогая Эдит, — произнес Паульсен. Теперь он был больше похож не на короля, а на проповедника: лицо его приняло торжественное, церемониальное, мягкое, человеколюбивое выражение, а в голосе появилась слабовыраженная елейность. Он снова замолчал и взглянул на Эдит Ринкель. Именинница сидела, выпрямив спину, и смотрела в окно на террасу. Она была в сером костюме, на маленьких красивых ножках — красные туфли на высоких каблуках с тонкими ремешками вокруг лодыжек, украшен-

ные маленькими блестящими камушками. Это подарок Эдит на день рождения от Эдит. Когда она повернула голову, черные как смоль волосы рассыпались по ее плечам. Она смотрела в направлении Паульсена, не поднимая лица, ее взгляд был прикован к пустому стулу за ним, так что Паульсену стало вполне понятно: не так-то просто быть именинником, когда в твою честь произносятся речи, когда ты становишься объектом внимания всей кафедры.

— Ты достигла вехи в пятьдесят лет, — продолжил Паульсен после долгой паузы. — И кто бы, глядя на тебя, мог такое сказать? Мне кажется, ты ничуть не изменилась с момента нашего знакомства на кафедре классических и мертвых языков целую человеческую жизнь — или, точнее, целую женскую жизнь — назад. (Пауза, чтобы публика при желании могла посмеяться.) Ты всегда прекрасно проводила и прекрасно проводишь и научные исследования. Твоя докторская диссертация «Диахроническое исследование предлогов в западногерманских языках» стала классикой лингвистической науки. (Пауза.) А твои исследования последних лет о словообразовании в футуристической перспективе вызвали большой интерес среди футлингвистов как в Норвегии,

так и за рубежом. Ты пользуешься большим научным авторитетом, твои высокие гуманитарные идеалы, твой ясный ум и знание человеческой натуры вызывают у всех нас (короткая пауза) глубокое уважение. И несмотря на то, что ты чрезвычайно занятая женщина, ведущая большую международную работу и исполняющая управленческие функции на кафедре, ты всегда сохраняла контакт (пауза) со студентами. (Долгая пауза.) Поздравляем с днем рождения, дорогая Эдит! Поднимем же бокалы за нашу дорогую коллегу!

«Ну и речь», — скажет Пол Нанне вечером. «Да, полный кошмар, — ответит Нанна. — Но юбилярше, кажется, понравилось», — добавит она тихо, и Пол заметит, что в голосе ее слышится насмешка. Многие иронично поднимали брови после выступления Паульсена: Эдит Ринкель — не слишком популярная личность на кафедре.

— Ваше здоровье, — зазвучало за столами, как только Паульсен закончил речь. Начальница администрации и заместитель заведующего (которые, как все знают, состоят в отношениях друг с другом), преподнесли ей букет и синее керамическое блюдо с выдавленным на дне изображением Аполлона — эмблемой Университета Осло. Эдит

Ринкель подняла бокал и встала. Она не произносила речей, просто-напросто сказала «Спасибо», серьезно, но дружелюбно, обвела взглядом помещение, кивнула и села.

В углу кафетерия, у выхода на террасу, сидели Пол, Гуннар Вик и еще четверо-пятеро синтаксистов. Нанна сидела за столом с фонологами в противоположном углу, рядом с салатным баром и стойкой с бутербродами и горячими закусками.

Эдит Ринкель, Пол Бентсен и Нанна Клев являли собой вершины треугольника. Никто не замечал этой геометрической фигуры, но она возникала снова и снова, когда эти трое обменивались взглядами. Пол посматривал на светлую голову Нанны, Эдит бросала взгляд на Пола, Нанна улыбалась Полу, Эдит бесстыдно пялилась на Нанну, Нанна задирала подбородок и смотрела на нее. Пол не мог не обратить внимания на то, какие у Эдит блестящие и темные волосы. Через несколько месяцев имя одного из этих троих будет у всех на устах, не только у людей, собравшихся в этом помещении, но и у большинства представителей академической Норвегии. Как минимум один из трех падет и больше никогда не поднимется.

На столе перед Эдит Ринкель лежало блюдо. Аполлона часто изображают в тоге и с лирой. Он сын Зевса и Лето, его сестра-близнец — Артемида, богиня охоты. Сам Аполлон — бог света и чистоты, покровитель наук и искусств. Эдит Ринкель смотрела на своего соседа, заведующего кафедрой Паульсена, над которым тридцать лет назад посмеивались, окрестив его Паузеном. Свет и чистота, подумала она, и первый раз за этот день, когда ей исполнилось пятьдесят, улыбнулась. Паульсен просунул указательный палец между двумя пуговицами на рубашке и громко почесывал свой живот. «Еще торта?» — спросил он, вероятно, в попытке проявить учтивость. Она снова перевела взгляд на на нежного юношу в старинных одеждах, эмблему университета, потом подняла глаза на раскрасневшееся лицо Паульсена, снова улыбнулась, ответила «спасибо, да», после чего продолжила беседовать с ним об ушедших временах, об их старой кафедре, о финансировании, об учебных баллах и текучке студентов, о градации университетов, об анализе результативности затрат. О родителях и очевидных недостатках так называемой системы набора баллов в научных публикациях. О необходимости привести в соответствие с требованиями рынка

учебную программу и научные исследования.

Но думала она об Александре, именно им она мысленно наслаждалась, его юношеской нетерпеливостью, влажными приоткрытыми губами, языком за фарфорово-белыми зубами, гладким безупречным телом. Профессор Эдит Ринкель еще не знала, что скоро возьмет с собой молодого любовника в долгое путешествие на другой конец земли.

Александр шел на встречу со своим товарищем, изучающим русский язык. Тот обычно обитал в читальном зале славистов на десятом этаже корпуса Нильса Трешова. Александр пригласил Эдит на ужин по случаю дня ее рождения, но она только улыбнулась и покачала головой. Он пробовал уговорить ее, но это не принесло результата, поэтому Александр смирился и решил поискать своего друга-русиста и пойти с ним куда-нибудь в паб. Во всяком случае Александр не собирался сидеть в общежитии в тот вечер, когда Эдит исполнилось пятьдесят.

Когда он вышел из лифта, то обратил внимание, что обстановка у славистов была совсем не такой, как на кафедре футуристической лингвистики. И дело не в том, что это здание намного старше и темнее великолепного футлинга: на этаже ца-

рила унылая атмосфера, которая, как казалось Александру, совершенно не зависела ни от архитектурных деталей, ни от возраста постройки, ни от освещения. Говорят, что сотрудники этой кафедры часто разговаривают сами с собой и редко друг с другом. В общей гостиной всегда стоит тишина, даже когда в обеденное время она заполняется людьми в темных костюмах. Они крепко держат свои чашки с жидким горьким кофе и молчат.

Александр открыл стеклянную дверь, ведущую от лифтов в коридор. На кафедре этот коридор называют коридором Мести.

Прямо за стеклянными дверьми располагаются кабинеты преподавателей боснийского-сербского-хорватского. Раньше сербохорватское отделение было небольшим, язык преподавал всего один человек, и иногда для обучения начинающих привлекался ассистент, которому платили очень мало. После последних событий на Балканах количество студентов на этом отделении увеличилось в несколько раз. Языковая ситуация изменилась, и поскольку сербохорватский прекратил свое существование, то и отделение было закрыто. На новом боснийско-сербско-хорватском (в алфавитном порядке) отделении теперь

работает по одному преподавателю каждого из языков, а также несколько ассистентов. Однако отношения между преподавателями не намного лучше отношений между жителями Балкан во время кризиса. Преподаватель боснийского языка не разговаривает с профессором, преподающим хорватский язык, культуру и литературу, а профессор хорватской филологии не разговаривает с преподавательницей сербского, которая, в свою очередь, отказывается общаться с ними обоими. Они снисходят до того, что кивают друг другу, случайно столкнувшись в коридоре, но все остальное общение происходит при помощи желтых бумажек, клеящихся на двери кабинетов.

(Еще хуже дело обстоит на кафедре коммуникаций, потому что там *никто* из сотрудников больше не разговаривает друг с другом. Таким же забавным парадоксом является то, что сотрудники отделения практической педагогики педагогического факультета, без сомнения, являются худшими преподавателями Блиндерна.)

Напротив читального зала находится кабинет профессора русской филологии. Ему очень нравятся быстрые автомобили, и он испытывает страсть к развевающимся плащам. Но чтобы никто не сомневался в его славянофильстве, он

носит шапку-ушанку из медвежьего меха. В соседнем кабинете сидит профессор, преподающий русскую литературу; он часто носит лакированные ботинки (которые обычно надевают к смокингу) и дорогие шляпы. Эти два профессора за последние двадцать лет даже не поздоровались друг с другом. Говорят, они рассорились во время рождественского праздника, но неясно, по какой причине. Кто-то утверждает, что они не сошлись во мнениях об этимологии одного церковнославянского существительного, а другие считают, что они не поделили одну русскую красавицу.

Своим названием коридор Мести обязан истории с эксклюзивными итальянскими головными уборами, в которой принял участие профессор литературы. По слухам, в восьмидесятые годы, когда профессор литературы только-только начинал преподавать, у него случился роман со студенткой. Студентка была практически его ровесницей, она много лет трудилась над своей дипломной работой о романе Булгакова «Мастер и Маргарита» и никак не могла ее закончить. Когда она обнаружила, что новый преподаватель написал пару статей как раз об этом романе, она тут же перешла к нему от своего престарелого научного руководителя. Очень скоро между

студенткой и руководителем вспыхнул страстный роман. Преподаватель недавно женился, поэтому их любовные встречи происходили в его кабинете, где они пили русское шампанское и занимались сексом, чаще всего после работы, но если желание и жажда становились нестерпимыми, то и в дневное время.

Студентка была уверена, что она в прямом смысле слова находится в надежных руках. Да, лежа под преподавателем в пыльном кабинете, она уже надеялась получить самую высокую отметку за дипломную работу, то есть «отлично». В ее глазах появился блеск.

Однако диплом оценили на «удовлетворительно». Тройки и даже четверки за диплом были редкостью для этой кафедры, и студентка подумала, что, должно быть, произошла какая-то ошибка, потому что ее научный руководитель был членом комиссии. Рыдая, она постучала в двери его кабинета, а когда ей никто не ответил, открыла дверь полученным от него ключом, который втайне от других целовала и считала символом его любви и гарантией блестящего академического будущего (надо заметить, что в ее довольно трезвых фантазиях она мечтала лишь о степени доктора наук и диссертации, которая

получила бы высокую оценку).

Когда преподаватель вернулся с заседания кафедры, он застал свою студентку и любовницу в отчаянии валяющейся по ковру. И все-таки она улыбнулась ему, по-прежнему пребывая в уверенности, что он уладит это досадное недоразумение.

Однако довольно скоро выяснилось, что никакого недоразумения не было. Преподаватель объяснил, что ее диплом не тянет на лучшую оценку. Она хотела знать, выступил ли он в ее защиту, пытался ли указать другим на сильные стороны ее работы. Он покачал головой. Диплом не был лучше того, во что его оценили, поэтому он ничего не сказал. Скорее как раз наоборот, показалось студентке. Он протянул к ней руки, чтобы обнять. Да, он, так сказать, несколько возбудился, увидев ее такой, и почувствовал, что хочет ее утешить. Но она отпрянула, плюнула ему в лицо и ушла.

Больше он никогда ее не видел. Конечно, сейчас легко обвинить преподавателя в наивности, в том, что он не догадался, что жаркий роман между ним и студенткой имел какое-то отношение к ее дипломной работе, что каждый раз, когда он входил в нее, она считала, что теперь ее оценка

увеличится еще на одну десятую балла.

Студентка сдала экзамены и больше ни разу не постучала в его дверь, преподаватель тосковал по ней, но потом понял, что, принимая во внимание его семейное положение, все устроилось лучшим образом.

На этом история могла бы закончиться. И десятый этаж корпуса Нильса Трешова не получил бы названия коридора Мести, если бы не три обстоятельства, совпавших по времени. Цепь случайностей началась с того, что однажды студентка, уже немного успокоившись после неудачи с дипломом, надела тот самый пиджак, который был на ней в злосчастный день и который с тех пор она не носила. В кармане пиджака она обнаружила блестящий ключ, который в счастливые времена получила от преподавателя. Вечером того же дня она открыла старый номер журнала «Космополитен» и стала листать его без особого интереса, скользя взглядом по нарядам прошлогодних коллекций и инструкциям по удалению волос в зоне бикини, пока не наткнулась на статью под названием «Как не огорчаться, если тебя бросил любовник». И наконец, одна из подружек рассказала ей, что преподаватель только что отбыл вместе с женой

в отпуск на остров Гран-Канария в запоздалое свадебное путешествие, которое одновременно стало компенсацией за то, что он много работал и нередко был вынужден проводить вечера в университете.

Благодаря этим трем обстоятельствам (ключ, журнальная статья и отсутствие преподавателя в городе) в мозгу студентки возник план, от которого ее глаза вновь заблестели.

Через несколько часов она уже входила в стеклянные двери десятого этажа. Девушка остановилась и прислушалась, после чего зашла в кабинет преподавателя. Из кармана она достала восемь маленьких бумажных пакетов и положила их на письменный стол. В третьем ящике стола, как она и рассчитывала, лежала бутылка «Советского шампанского». Она сняла с горлышка фольгу и так осторожно вынула пробку, что бутылка издала лишь слабый огорченный вздох. Девушка поднесла бутылку к губам и отпила несколько глотков, после чего направилась с ней в женский туалет и вылила остатки в раковину. Посмотрев на бурлящий поток, исчезающий в стоке, она почувствовала себя значительно лучше. Потом она наполнила бутылку водой, вернулась в кабинет и начала поливать ковролин. Ей пришлось

совершить еще два похода за водой, только тогда она осталась довольна. Студентка немного постояла, держа в руках восемь маленьких пакетиков, а потом разорвала первый и высыпала его содержимое на пол. Маленькие коричневые точечки рассредоточились по влажному синему ковролину.

Девушка тщательно ухаживала за своими грядками: приходила каждый день и поливала растения, и коричневые семена кресса превратились в светлые росточки, которые прекрасно росли, и в тот день, когда преподаватель вернулся из поездки на юг и открыл дверь своего кабинета, чтобы закончить статью о Льве Толстом, ковролин превратился в пышный зеленый луг. На письменном столе стояла пустая бутылка из-под шампанского, из горлышка которой торчал ключ.

Буйную растительность и причины ее появления было невозможно скрыть от коллег, и какой-то шутник придумал название коридор Мести, а вскоре и название, и история стали достоянием всего факультета. Преподаватель закончил статью о Толстом, написал книгу о женских образах в белорусской лирике и еще одну о Солженицыне. Во время следующей поездки на

юг, на семинар о постмодернизме, который проходил в Норвежском институте в Риме, он купил свою первую шляпу. Позже он стал профессором. И больше никогда не изменял своей жене, разве что иногда в мыслях, но кто этого не делает?

Но сегодня, в день рождения Эдит Ринкель, Александра не занимала история коридора Мести. Его друга не оказалось в читальном зале. Там, где он обычно работал, лежали сложенные книги, лампа была выключена, а стул аккуратно придвинут к столу. Александр ощутил растущее беспокойство. Он решил спуститься пешком, а не ехать на лифте. Узкая лестница в этом здании вьется пологой спиралью. У него начала кружиться голова, но он бежал вниз и даже не думал о том, чтобы воспользоваться лифтом. Потому что, сосредоточившись на головокружении, Александр мог заглушить беспокойство.

Александр почти всегда испытывает беспокойство и ненавидит это. Беспокойство разрастается у него в животе и заставляет метаться от одного занятия к другому в бесконечной погоне за покоем, гармонией и удовлетворенностью. Дюжина учебных курсов на одном факультете, семестр на другом. От баскетбола к альпинизму, от футбола к сноуборду. Он начал и не довел до конца множе-

ство дел. Тусовки, девочки, немного алкоголя. Он, запыхавшись, несется по жизни, он никогда не бывает счастлив дольше нескольких минут, хотя и не ощущает себя несчастным. С Эдит он всегда чувствует себя хорошо, испытывая вожделенный покой. Он наслаждается ее глубоким голосом, большим теплым телом.

Александр не какая-нибудь бездарность. Несмотря на то что до сих пор его нельзя было назвать образцовым студентом и пока он получал всего лишь хорошие (в редких случаях удовлетворительные) оценки на экзаменах, он, естественно, понимает, что в отношениях с ним Эдит реализует материнский инстинкт. Но для него это не имеет значения. Александр миновал четвертый этаж, где обитают романисты, и в его голове возник образ матери: цветастое летнее платье, ноги на столе, журнал в руках. Она улыбается ему, но он не улыбается ей в ответ. Не потому, что у них плохие отношения, просто она для него больше ничего не значит, она ему безразлична. В последний раз он видел ее несколько лет назад.

Третий этаж, второй этаж, и вот он уже внизу. Внезапно ему пришло в голову, что его мать на год младше Эдит. Это обстоятельство имеет для юноши такое же загадочное значение, как и от-

крытия, совершаемые всеми в середине жизни, когда в один прекрасный день человек может сказать: «Сейчас мне столько же лет, сколько было отцу, когда я пошел в школу», или «больше, чем маме, когда она заболела», и не поверить в то, что это правда. Время идет, а человек его не замечает.

Черные плитки на полу в вестибюле были грязные и мокрые. Из двери, которую постоянно открывали и закрывали студенты и сотрудники, несло холодом. С зонтов и мокрых курток капала вода. Александр направился в кафе «У Нильса», расположенное в глубине вестибюля, захватив со стойки газету «Университас», купил кофе и вафлю и уселся за круглый столик. Он решил послать Эдит сообщение или позвонить. Может быть, она передумает. Он откусил вафлю, с оптимизмом посмотрел на начинку и достал телефон.

Эдит Ринкель всегда пребывает в ровном настроении. Она живет той жизнью, которую сама выбрала и создала. Она любит университет, или, вернее сказать, *теоретически* она любит университет, на практике же она любит некоторые стороны университетской жизни и мирится с остальными. Ей нравится идея об университете как таковом, в лучшем своем смысле, о таком,

каким он, по ее мнению, был бы всегда, лишь бы ей дали возможность остаться одной в кабинете и заняться научной работой.

Да, Эдит Ринкель пребывает в ровном, хорошем настроении, за которым скрывается раздражительность, вырывающаяся наружу, когда она вынуждена общаться с теми, кого не может уважать.

Каждый день она приходит в кабинет между девятью и десятью утра и уходит спустя приблизительно десять часов. Обедает она чаще всего перед монитором компьютера за своим письменным столом, а не в кафетерии, ужинает почти всегда во «Фредерикке», иногда в компании коллег, но чувствует себя превосходно и в компании какой-нибудь статьи, разложенной рядом с тарелкой. Один день похож на другой, будь то будни или праздники, если только Эдит не находится на конференции или, что случается крайне редко, в отпуске.

Она нечасто общается с другими людьми; свою собственную семью, маму и двух сестер, она видит редко и никогда по ним не скучает. Она не порвала с ними, потому что разрыв предполагает всплеск эмоций и сильное проявление чувств, а к ним она никаких чувств не испытывает. Они

встречаются от силы раз в году, одаривая друг друга вежливым безразличием. Но у нее есть книги, туфли и, чаще всего, любовник. Кроме того, у нее есть подруга. Очень хорошая подруга. Время от времени Эдит Ринкель уходит с работы пораньше, чтобы вместе с Ритой Эноксен-Ли сходить в кино или в театр или поужинать в хорошем ресторане. Эдит Ринкель дружит с Ритой Эноксен-Ли с первого класса школы района Виндерен, куда они пришли сорок три года назад.

«Сегодня пятьдесят лет с того дня, когда я родилась, — думала Эдит Ринкель. — Я наверняка прожила больше половины отпущенного мне времени. Два часа назад исполнилось ровно пятьдесят лет с того дня, когда мама родила меня», — думала Эдит Ринкель. Мысль о том, что женщина, с которой у нее никогда не было близких отношений (за исключением, естественно, чисто физических уз, которые в этой связи лучше всего символизирует пуповина), исторгла ее тело из своего влагалища, не внушала ей отвращения. Но она удивляла ее и казалась более далекой и менее значимой, чем самые абстрактные морфосинтаксические теории.

«Когда мама была в том возрасте, что я сейчас, мне было двадцать три, — размышляла Эдит

Ринкель, — и она казалась мне старой дамой. Старой дамой, не сумевшей пожить той жизнью, о которой она мечтала, и поэтому переставшей мечтать».

Думая обо всем этом, Эдит Ринкель стояла перед зеркалом в ванной и чистила зубы. Она помыла щетку и положила ее на место, посмотрела на свое лицо. Эдит совсем не свойственно самолюбование. И дело не в том, что она не занимается собственной внешностью, просто она относится к ней прежде всего с прагматизмом: ей важно выглядеть привлекательно, чтобы заполучить тех любовников, которые ей нравятся, чтобы как можно дольше иметь возможность выбирать самой.

На двери спальни бывшие хозяева установили зеркало, Эдит подошла к нему и стала осматривать свое обнаженное тело внимательным критическим взглядом, пытаясь оценить его настолько объективно, насколько это вообще возможно по отношению к собственному телу. Она автоматически втянула живот, потом расслабила мышцы и выпятила его. Повернулась к зеркалу боком и стала разглядывать себя с этой стороны, ощупывая жировую складку на бедре, похлопывая себя по заду, так что он начал колы-

хаться и трястись, распространяя волны вниз по ляжкам. Она вспомнила о ягодицах Александра, безупречной формы, белых, упругих и гладких, как фарфоровые чашки, в одну из которых она только что выплюнула пену от зубной пасты.

Она подняла руками груди и поднесла их ко рту, провела языком по соскам, отчего те тут же отвердели. Ей нравилось то, что она видела, и нравилось то, что чувствовала. Ее тело будет сохранять форму еще несколько лет, продлевая период, когда она не просит, а требует, когда она является выбирающим субъектом, а не выбираемым объектом. Александр. При мысли о нем ее тело охватила сладкая истома. Но ей скоро придется прекратить отношения с ним. Эдит Ринкель совсем не хотелось, чтобы он увлекся ею в каком-то другом смысле, кроме эротического. Она беспокоилась о его благополучии. Она была совершенно уверена в том, что Александр, как и другие любовники, легко заменим: можно его удалить, стереть, вычеркнуть, после чего завладеть другим мужчиной, точно так же, как кубик в языковых играх Витгенштейна можно заменить другим кубиком того же номинала.

Эдит Ринкель наклонилась и надела красные туфли, которые сбросила перед тем, как пойти

в ванную, снова выпрямилась и продолжила осмотр. Она долго стояла перед зеркалом, немного пошатываясь. Красное вино, выпитое за ужином, наложилось на игристое, которое подавали днем в кафетерии. Ей нравится вкус вина, но не опьянение. Быть пьяной значит потерять контроль. Но в данный момент легкое опьянение было кстати, алкоголь укрыл миролюбивым мягким одеялом равнодушие и то раздражение, которое Эдит ощущала весь день. С того момента, как она встала утром с постели, до настоящего времени, когда она готова была лечь спать, это ощущение грозило вырваться наружу. Но сейчас, когда она была пьяна, Эдит приветливо кивнула собственному отражению, чувствуя себя одновременно соблазнительницей и соблазненной: красивые ноги, сделала она вывод, потом осторожно сняла туфли, поставила их на место на полке в гостиной, выключила свет (кроме трех светильников в коридоре) и легла в постель. День ее рождения заканчивался меньше чем через четверть часа. Но Эдит Ринкель не могла заснуть, она лежала и перебирала в голове события минувшего дня.

Празднование на кафедре было таким, как и ожидалось, вот только речь Паульсена превзошла ее опасения. Эдит Ринкель знакома с ним со

студенческих лет, и периодически она отмечает, что с годами таланта у него не прибавляется. К счастью, она была избавлена от юбилейного сборника, ведь обычно юбилейные сборники выпускаются не раньше, чем к шестидесятилетию — в университете пятидесятилетние считаются молодыми.

После празднования в кафетерии она вернулась в свой кабинет, но у нее не было желания заниматься научными изысканиями, ей не хотелось ничего писать, даже несмотря на то, что проект, над которым она работала в настоящее время — и который ради шутки мысленно называла Проектом-мечтой — лежал на столе и ждал ее. Но Проект-мечта не вызвал у нее интереса. Она долго сидела, ничего не делая, а потом открыла электронную почту и вежливо, но не слишком душевно ответила на немногочисленные поздравления от коллег с других кафедр и из других университетов.

Студентка, способная светловолосая девушка, одна из фавориток Эдит Ринкель, постучала, просунулась в дверь и спросила, можно ли задать вопрос, но Эдит ответила весьма недружелюбно, даже сурово, что занята. И вот она сидела, скрестив руки, и смотрела в окно, убеждая себя в

том, что это пустая трата времени, ценнейшего времени (ведь ей исполнилось пятьдесят!), которое можно было бы употребить на что-нибудь другое. Она убрала в сумку статью о падежах, твердо намереваясь пообедать во «Фредерикке» в ее обществе (прием пищи необходим и полезен), и заверила себя, что не может работать, вероятно, из-за того, что выпила вина, а закусила всего лишь кусочком торта.

Но когда она вошла во «Фредерикке» — гораздо раньше обычного — она передумала, несмотря на то что уже давно решила пообедать сегодня именно здесь, в ребяческой попытке представить, что этот день ничем не отличается от других и не заслуживает никакой суматохи. (Александр пригласил ее поужинать, но она отшутилась и даже не ответила на его последнее сообщение. Рита тоже приглашала ее поужинать, но она давно отказалась, и теперь считала, что будет неприличным позвонить ей сейчас и принять приглашение. Она уверяла себя, что не хочет звонить Рите вовсе не потому, что такой звонок неизбежно раскрыл бы ее нынешнее состояние, а потому, что полагала, будто у Риты уже есть планы на этот вечер, ведь у нее столько дел: работа, муж, ребенок, а недавно она стала бабушкой.

Мысль о том, чтобы позвонить Александру, она гнала от себя постоянно, будучи не в силах избавиться от нее окончательно.)

Не Рита и точно не Александр, не «Фредерикке», не кабинет. Она решила пойти домой. Она пойдет пешком и пройдет весь путь в красных туфлях.

Когда она увидела административный корпус, то по старой привычке запрокинула голову. Там, на крыше двенадцатиэтажного здания, стоял юноша в белых одеждах. Она часто видела его в ясные дни, такие как сегодня. Аполлон возвышается над царством, которое обрел совершенно неожиданно в середине XIX века и которое с того времени значительно увеличилось. С крыши административного корпуса взирает он на кирпичные здания, заглядывает в окна, где сотрудники учреждения, которое он призван оберегать, наушничают, поносят друг друга и возводят напраслину в отчетах, вырывают статьи друг у друга из рук, занимаются сексом на письменных столах, сверкая обручальными кольцами, сидят в своих кабинетах, заперев двери, виновато оглядываются и вымарывают кое-какие результаты, заменяя их другими, более соответствующими рабочим гипотезам. Аполлон поеживается и отворачивает прекрасное андрогинное лицо. Эдит

Ринкель попыталась поприветствовать его, стоящего на посту, но сегодня он не хотел смотреть в ее сторону.

Эдит Ринкель пошла дальше, с трудно скрываемым раздражением бросила взгляд на корпус Георга Свердрюпа, на новую Университетскую библиотеку, которая, по ее мнению, обошлась в слишком большую сумму. Она улыбнулась группе своих бывших студентов, они выдували сигаретный дым на скульптуру Арнольда Хаукеланда[48] «Воздух» и оживленно разговаривали (наверное, о какой-нибудь полной ерунде, подумала Ринкель).

Ее каблучки стучали по узкой мощеной дорожке у студенческого детского сада имени Эйлерта Сюндта,[49] и когда она ступила на асфальт улицы Молтке Му, звук изменился, стал тише. Здесь находится Детская гостиная Блиндерна, самый большой детский сад для детей сотрудников.

Эдит Ринкель никому не подарила жизнь, и ей никогда, за исключением нескольких секунд, не

---

[48] Примечания: 48

Арнольд Хаукеланд (1920–1983) — норвежский скульптор-абстракционист.

[49] Примечания: 49

Эйлерт Люнд Сюндт (1817–1875) — норвежский обществовед и культуролог, считается основоположником норвежской социологии.

хотелось иметь ребенка. Она рада, что у нее нет детей, но это не означает, что она их не любит. Эдит Ринкель ценит детей, только бы они не были слишком близко, потому что это означает ответственность и потерю контроля над собственным временем. Она любит детей по той же причине, по которой любит животных и насекомых. Ей нравится наблюдать за ними, но прежде всего она испытывает к ним сочувствие. Оставленные взрослыми, они такие беспомощные.

Эдит Ринкель еще в детстве начала жалеть животных, это случилось после наблюдений за отцом, отрывающим крылышки у мух и других летающих насекомых. Потом она стала жалеть и других животных, всех животных и птиц. Со ртом, набитым гусиным паштетом, отец рассказывал своему выводку о том, как гусей насильно через воронку кормят зерном и мышьяком, чтобы их печень стала как можно более жирной. Однажды, когда он повел своих девочек в цирк, он рассказал им, как цирковых медведей учат танцевать. Конечно, он делал это исключительно в педагогических целях. Он говорил оживленно, не упуская ни одной мельчайшей детали. Медведя, закованного в цепи, ставят на металлический щит, а под щитом разводят костер. Щит, на кото-

ром стоит медведь, раскаляется, и тот вынужден поднимать лапы, чтобы не спалить подушечки. И все это время звучит громкая музыка, девочки! Поэтому когда мишка потом слышит ту же музыку, он машинально начинает поднимать лапы! Хитро придумано, да? Обе ее сестры заплакали и попросились домой. После похода в цирк Эдит стала жалеть и детей тоже.

Обычно она поглядывает на детей в этих двух детских садах по дороге домой и умиляется при виде разрумянившихся щечек, комичных маленьких ручек, растрепавшихся косичек. Но сегодня при взгляде на эту безудержную суматоху она испытывала только злость, ее раздражали маленькие человечки в фиолетовых, зеленых, синих и желтых комбинезонах. Эдит Ринкель не хотела задумываться о том, что никуда не исчезающее раздражение каким-то образом связано с тем, что в этот день ей исполнилось полвека.

Она ускорила шаг, каблуки ее красных туфель громко стучали по тротуару, но по привычке она наблюдала за детсадовскими детьми. Мальчик с сопливым носом и с таким же самоуверенным выражением лица, как у Паульсена, пытался заставить другого малыша принести что-то и погонял его хворостиной. Рядом с ним трое детей

дрались за ведерко, тянули его за ручку, пока та не оторвалась. Еще один ребенок бил другого по голове игрушечной машинкой.

Многие воспитанники Детских гостиных Блиндерна когда-нибудь сами станут работать в университете. Хорошо, что они могут поупражняться в борьбе за место под солнцем, злобно подумала Эдит Ринкель и бросила последний взгляд на будущих преподавателей, бьющихся за разломанное ведро. Но вот Эдит Ринкель миновала детский сад и вышла на улицу Нильса Хенрика Абеля. Она находилась в нескольких сотнях метров от дома, в котором живет Пол, но этого Эдит Ринкель пока не знала.

Когда она дошла до района Адамстюэн, то заглянула в мясной магазин (один из последних хороших мясных магазинов в городе) и выбрала большой антрекот, потом перешла улицу и в турецкой овощной лавке купила свежую зеленую спаржу и банку консервированных артишоков.

Дома она спокойно поела, сидя на диване, держа тарелку на коленях и наслаждаясь видом полок с туфлями. Один из ее бывших любовников, профессор сравнительного индоевропейского языкознания, сказал при виде этих обувных полок: «Хорошо, что я не знаток литературы. Ты же

знакома с тем чудаком, который для толкования произведений всегда использует метод Фрейда. Так много туфель, так много полостей — и только одно разумное толкование! Радуйся, Эдит, что я всего лишь грязный языковед!» Эдит вспомнила об этом и засмеялась.

Он, кстати, был одним из немногих людей, кто побывал у нее дома. Она сделала для него исключение, потому что он один воспитывал двух сыновей-подростков и у него дома были неблагоприятные условия для интимных свиданий. Но вообще Эдит Ринкель не любит гостей.

Ужин был вкусным (Александру бы понравилось, он так любит отбивные), она открыла к нему бутылку красного вина. Эдит Ринкель никогда не была прекрасным поваром, но пожарить мясо и спаржу и открыть банку консервов — не такое уж большое искусство. Ее нетрудно удовлетворить в кулинарном отношении, она всегда ела почти любую пищу с большим аппетитом, включая ежедневные обеды во «Фредерикке»: откусывала большие куски, тщательно пережевывала, наслаждалась вкусом и проглатывала. И сейчас она съела мясо и почти опустошила бутылку вина.

Потом она помыла и вытерла немногочисленную посуду (одну вилку, один нож, одну тарелку,

один бокал, сковородку, лопатку, кофейную чашку, оставшуюся от завтрака). У Эдит Ринкель есть посудомоечная машина, но она предпочитает мыть посуду вручную. Она использует так мало посуды и приборов, что если складывать их в машину, то приходится ждать несколько дней, когда она заполнится хотя бы наполовину. Когда она однажды рассказала об этом Рите, то заметила во взгляде подруги тень сочувствия, и поняла, что Рита считает посудомоечную машину, которую невозможно заполнить даже наполовину, символом одиночества Эдит.

Но Эдит попыталась объяснить Рите, что любит мыть посуду. Ей нравится погружать руки в теплую мыльную воду, а потом скользить пальцами по чистой, теплой, немного липкой поверхности свежевымытой посуды.

Помыв посуду, она села на диван, немного почитала, открыла подарок от Александра и большой сверток от Риты, допила вино, достала коробочку бельгийских шоколадных трюфелей (марки «Годива», подарок от бывших коллег по кафедре классических и мертвых языков) и красиво выложила их на синее керамическое блюдо, подаренное сотрудниками нынешней кафедры.

В пакете от Александра оказалось красивое

издание «Секретов улья». Она улыбнулась: ей очень понравился этот подарок, даже несмотря на то, что такая книга уже есть в ее библиотеке. Будучи любительницей пчел, Эдит раздобыла ее сразу же, как только книга вышла, но Александру она об этом никогда не расскажет.

От Риты она получила смешные тапочки с невероятно толстым мехом, в черно-желтую полоску. Сначала Эдит решила, что это две пчелы, или, вернее, два шмеля, но потом обнаружила на тапочках две розовые усатые мордочки. Эти тапки были так непохожи на элегантную обувь Эдит, и потому очень ей понравились. Эдит надела их и почувствовала тепло, она вертела ногами и улыбалась.

Она наслаждалась чтением обзорной статьи о различии и схожести разных видов шмелей *(Bombus terrestris, Bombus lucorum, Bombus lapidarius, Bombus pascuorum, Bombus hortorum, Bombus pratorum)*[50] и ела шоколадные трюфели — отправляла конфету целиком в рот и медленно рассасывала, пока та не растает. Когда она взяла четвертый трюфель, на дне блюда показалось лицо Аполлона.

---

[50] Примечания: 50

Земляной шмель, норовой шмель, каменный шмель, полевой шмель, садовый шмель, луговой шмель *(лат.)*.

В третий раз за этот день она подумала о молодом греческом боге. У родителей на камине в гостиной стоял бюст Аполлона; Эдит знала, что этот бюст привезли из дома, где выросла мама, и поставили на камин после смерти бабушки. (А вот чего Эдит не знала, так это того, что все детство мама слышала, что это бюст Психеи, и она именно так и назвала его в последний раз в тот день, когда он был установлен на камине. «Психея? Да это же Аполлон», — сказал ее муж грубо и надменно.)

Эдит всегда завороженно смотрела, как мама чистит бюст. Это была целая церемония, которую три маленькие сестры всегда ждали с нетерпением. Аполлона чистили булкой, свежей булкой. На кухне мама отрезала горбушку от батона, доставала из него мякоть и несла в маленькой корзиночке в гостиную. Потом она несколько раз прокатывала шарики из булки по бюсту, а шесть девчоночьих глаз внимательно наблюдали за всем этим, потому что чем больше становилась куча использованной посеревшей булки, тем белее делался Аполлон. А в конце процедуры Эдит с сестрами ели на кухне корку от батона с вареньем. Воробьям же, залетавшим в кормушку семьи Ринкель, доставалась булка, испачканная

пылью греческих мифов.

Эдит положила в рот четвертый трюфель, провела рукой по блестящей обложке книги, подаренной Александром, и задумалась над тем, куда мог подеваться бюст Аполлона из дома ее детства. Вероятно, он находится у одной из сестер. Конечно, она задалась этим вопросом не из сентиментальности. Она размышляла над тем, где находится бюст, сидя на диване в день своего пятидесятилетия, и это происходило исключительно потому, что являлось естественным звеном в цепи ее рассуждений: вид Аполлона на дне керамического блюда навел ее на мысли о бюсте Аполлона из ее детства (который на самом деле был Психеей), что, в свою очередь, породило вопрос о том, где сейчас находится этот бюст. Нет, сентиментальность не относится к преобладающим чертам характера Эдит Ринкель, и если бы она узнала, что бюст, наполовину разбитый, валяется в подвальной кладовке ее младшей сестры, она восприняла бы это совершенно спокойно. Если бы, конечно, узнала об этом в любой другой день.

В половине двенадцатого она отправилась в ванную, разделась, умылась, почистила зубы. Без двадцати двенадцать она стояла перед зеркалом в

красных туфлях. Без пятнадцати двенадцать она лежала в постели, и никто не смог бы сказать, что день ее рождения прошел неудовлетворительно, да, на самом деле он прошел в точности так, как она и надеялась: это был достойный и сдержанный праздник. Эдит была довольна. Она устала. Хорошо бы поспать, сказала она себе, закрыла глаза и понадеялась, что в ту же минуту заснет.

С улицы раздался грохот тележки разносчика газет, и только после того как все стихло, Эдит погрузилась наконец в сон. На ее тумбочке лежал подарок, который понравился ей больше других. «Секреты улья», книга, которая у нее уже есть.

Восход солнца в это утро был ослепителен, облака над нарком Санкт-Хансхауген светились желтым и красным, они образовали длинные горизонтальные полосы, похожие на строчки в тетради. Но Эдит этого не видела, как не видела и того, как солнце освещало обложку книги, которую Александр так тщательно выбирал ей в подарок.

— Тебе нравится этот мальчик, Эдит? — спросила Рита Эноксен-Ли однажды вечером вскоре после дня рождения Эдит. Они сидели в библиотечном баре отеля «Бристоль» и пили мартини бьянко. Эдит только что в присущей ей прямой

манере рассказала об Александре.

— Да, — ответила Эдит.

— Я имею в виду, — сказала Рита, — ты предпочитаешь молодых?

— Нет, мне нравятся молодые мужчины, мужчины моего возраста и мужчины старше меня. Возраст не имеет значения. Это как еда. Соленое или сладкое? Люди спрашивают: «Тебе нравится сладкое или соленое?»

— Сладкое, — тут же ответила Рита.

— Да, точно. Как будто я этого не знала! Но для меня этот вопрос звучит абсурдно. Мне нравится и то и другое. И нравится одинаково. Я хочу и соли, и сахара. Но понятно, что…

— Что понятно?

— Его тело. Его молодое тело. Оно так красиво! А линия бедер, Рита! Длинные крепкие мускулы. И такая гладкая кожа. У него на теле почти нет волос, только несколько кустиков под мышками.

— Так сколько ему лет?

— Ну-ему-двадцать-с-чем-то.

— Ах вот как, двадцать с чем-то, — поддразнила ее Рита, подняв брови.

— Двадцать пять.

— Ну что тебе сказать. Я… рада за тебя, Эдит.

— Он так молод, что говорит «прикольно» и

«жесть».

— Ага, и как же профессор Ринкель на это реагирует?

— Я замечаю это, Рита. Я замечаю это. К счастью, я никогда не была нормативистом.

— Не думаю, что смогла бы заниматься сексом с молоденьким мальчиком, — сказала Рита.

— Это потому, что ты не пробовала, — ответила Ринкель.

— Возможно, — признала Рита. — А кто-нибудь знает о тебе и Александре?

— Нет, пока нет, — ответила Эдит. — Еще мне нравится с ним разговаривать. Этот парень совсем не глуп.

— А как у тебя дела на работе?

— Я обожаю свою работу.

— И что? — спросила Рита. — Мне кажется, ты чего-то недоговариваешь.

— По кафедре ходят слухи, — перебила ее Эдит. Кажется, она ждала возможности обсудить эту тему. — Слухи обо мне. Говорят, я что-то украла.

— Какой бред!

— Да, но все равно это довольно неприятно, — сказала Эдит, посмеиваясь, словно пытаясь приуменьшить значение происходящего. Рита достаточно хорошо ее знала, чтобы понять, сколь-

ко боли скрывалось за этими словами.

— И что же, по их мнению, ты украла? — спросила она и коснулась пальцами рукава темно-синего шерстяного костюма Эдит.

Эдит подняла бокал с мартини, вгляделась в прозрачную жидкость, покачала бокал так, что кусочки льда ударились о стенки. Пианист с обширным репертуаром, напомаженным париком и профессиональной улыбкой и в ослепительно-белой рубашке посмотрел на них и стал наигрывать быструю веселую мелодию. Эдит бросила короткий взгляд в его сторону, поднесла бокал к губам и допила свой напиток, после чего облизала нижнюю губу и осторожно поставила бокал на барную стойку. Потом наконец она подняла глаза на Риту и ответила легким и воздушным, как сахарная вата, голосом:

— Части диплома, в Чикаго.

— Боже мой.

— Ты не все обо мне знаешь, Рита.

— Нет, — ответила Рита тихо. — Может, и не знаю. Но я знаю достаточно, чтобы понимать, что это полная чушь.

— Да, — произнесла Эдит, не глядя на нее.

— Это все зависть, — начала Рита. — Ты так действуешь на людей. Ты слишком красивая и

слишком умная. И всегда была такой. А люди подобного не выносят.

— Как, и ты тоже? — спросила Эдит, и на этот раз в ее голосе не было никакого вымученного веселья, только спокойствие.

— Да ладно тебе! Я уже давно избавилась от зависти. У меня она переросла в восхищение. К тому же я люблю тебя, и ты это знаешь.

Человеческая зависть может разжигать войны и уничтожать государства, ревность приводит к принятию глупейших решений. С другой стороны, люди, обуреваемые завистью и ревностью, способны создать восхитительные произведения искусства и ценные научные труды. Все представители рода человеческого, скажем прямо, время от времени испытывают зависть, и всем знаком сладкий ядовитый вкус ревности. Только очень немногие никогда не испытывали ни ревности, ни зависти. Эдит Ринкель принадлежит к этому бесконечно малому числу.

Зависть — это проявление эгоцентризма, когда человек настолько озабочен собственной персоной и собственным положением, что не желает успеха другим. Зависть — это следствие себялюбия, но полное отсутствие зависти у Эдит Ринкель является следствием эгоцентризма, поскольку

отсутствие интереса к другим ведет к отсутствию зависти. Эдит Ринкель — самодостаточный человек. (С другой стороны, Эдит Ринкель амбициозна, и многие назвали бы ее высокомерной. Смесь амбициозности и высокомерия не делает человека приятным, в результате такого человека часто считают завистником или ревнивцем.)

Несмотря на то что Эдит Ринкель не завистлива и не ревнива, она часто вызывает зависть и ревность у других, как справедливо отметила ее подруга Рита Эноксен-Ли. Эдит, возможно, простили бы профессиональное превосходство, если бы она не была красивой. Но она всегда ходит с гордо поднятой головой, и всем понятно, что на самом деле ей не интересно мнение других. Она, по крайней мере внешне, неуязвима.

Ее школьным подругам не нравились ни ее толстые черные косы до пояса, ни сочинения, написанные без единой ошибки. Но особенно их раздражал ее непонимающий взгляд, совершенно непонимающий взгляд, который они расценивали как демонстрацию превосходства. Тот взгляд, которым она одаривала их, когда с нею не делились девчоночьими секретами или когда ее наказывали, оставляя на последнем месте на уроках физкультуры. Эдит не переживала,

все это время у нее не было ощущения, что одноклассницы не хотят с ней общаться. У нее своих дел было полно.

И еще у нее была подруга Рита, дочка директора, жившая в продуваемом всеми ветрами доме, выкрашенном в желтый цвет, всегда носившая легкую одежду, отчего ее шершавые руки покрывались гусиной кожей (дочка директора, которая почти закончила юридический факультет, но, вызвав гневное сочувствие семьи, стала работать учителем труда). Рита Эноксен и Эдит Ринкель подружились в первом классе, еще осенью, и учительница называла их «неразлучными» и «не разлей вода». Эти два выражения нравились Эдит, их приятно было выговаривать, к тому же они были для нее новыми.

Рита понимала, что они с Эдит очень разные люди, и призналась, когда они были уже достаточно взрослыми, что первое время до смерти боялась Эдит и единственной причиной, по которой она напросилась к Эдит в гости, была возможность посмотреть на ее отца, а может быть, даже поговорить с ним. «На папу? — недоверчиво переспросила Эдит. — Но почему?» Рита улыбнулась и рассказала, что однажды ее отец указал на отца Эдит и назвал его начальником

экспедиторского управления, и в его голосе Рите померещился оттенок чего-то, что она не смогла определить. Уважение? Восхищение? Зависть?

«Ах вот как», — сказала Эдит, заинтересовавшись. Смех Риты подогрел ее нетерпение и слегка рассердил ее. Но Рита невозмутимо продолжала в том же темпе, что и начала.

Рита, сердце которой готово было выпрыгнуть из груди, подошла на школьном дворе к рослой Эдит, к Эдит, которая все могла и все знала. Рита, обхватив руками свои плечи, спросила, не могли бы они поиграть вместе и подружиться. «Да», — ответила Эдит, застигнутая врасплох прямотой девочки.

Любопытство придавало Рите сил, ей ужасно хотелось встретиться с человеком, руководившим экспедициями, опасными экспедициями к Северному полюсу, а может, в Австралию или Новую Гвинею.

Они смеялись над этой историей много раз, и сейчас, сидя на табуретах в Библиотечном баре отеля «Бристоль» и попивая сладкий мартини, смеялись снова. «Собачья упряжка», — сказала одна из них. «Тропический шлем», — подхватила вторая, и обе они покатывались от смеха, потому что несоответствие между начальником экспе-

диторского управления Министерства юстиции Ринкелем и романтическими представлениями о нем, сложившимися у Риты, было невероятно смешным.

После второго бокала мартини Рита Эноксен-Ли и Эдит Ринкель заказали бутылку белого вина, большую часть которой выпьет Рита. Рита спросила, хочет ли Эдит продолжить разговор об Александре. Та не хотела. Рита предложила обсудить проблемы, возникшие у Эдит на работе. Но и от этого Эдит отказалась. Рита повторила, что любит Эдит, что бы та ни совершила, и, как всегда в этой стадии опьянения, начала говорить о своем брате, о Лео. Эдит привыкла к гнусавым благодарностям Риты, но предпочла бы их не слышать. Она охотно беседовала о брате Риты, но спокойно могла бы обойтись без сентиментальности, которая возрастала соразмерно уровню алкоголя в организме Риты.

На самом деле она любила брата Риты, в отличие от собственных сестер, к которым всегда была равнодушна. Лео же просто боготворил Эдит. Он появился на свет через три года после Эдит и Риты в семье, которая на протяжении многих лет мечтала о мальчике, о великолепном маленьком наследном принце, который продолжил бы се-

мейные традиции: Эноксен и сын. Он родился с зародышевой оболочкой на голове, похожей на синюю блестящую шапку. «Раз уж он родился в рубашке, значит, будет счастливым!» — успела сказать акушерка, прежде чем заметила, что глаза у ребенка косят, а в их уголках образовались складки. Оказалось, что Лео родился не только с околоплодным пузырем на голове, но и с лишней парой хромосом в придачу.

Малыш Лео Эноксен. Родители приняли его с откровенным разочарованием и с любовью, которая была сильнее обиды на то, что такое случилось именно с ними. Рита стыдилась своего брата и пыталась спрятать его от красивой и умной подруги Эдит. Но Эдит полюбила его с первого взгляда, и каким-то таинственным образом ей удалось внушить Рите гордость за брата. Однако Лео умер молодым, как и большинство его сестер и братьев по несчастью.

— Они живут недолго. Они слишком хороши для этого мира, — поведала Эдит Ритина мама, задыхаясь от слез. Они стояли вместе с Ритой у лестницы в Западном крематории. Эдит было холодно, а Рита вообще казалась замороженной. Церемония только что закончилась, и одетые в темное люди собирались группами, многие уже

начали двигаться в сторону парковки.

— Истинная правда, госпожа Эноксен, — ответила Эдит. — Может быть, они — лучшие из нас.

— Ну, как сказать, — запротестовала мама Лео, но осеклась.

Но это другая история, которой не место в рассказе об Эдит Ринкель, Поле Бентсене и Нанне Клев. И, как заметила сама Эдит, Рита не все знала о ней, а меньше всего она знала, естественно, о ее академической жизни.

Они сидели в кафе в огромном Кингз-парке, который располагается возвышенности, поэтому из кафе виден весь город до реки Суон. Он пил пиво, она — кофе. Между ними на столе стояла полупустая креманка с мороженым, из нее в разные стороны торчали две ложки с длинными ручками (и Александр никак не мог избавиться от мысли о разведенных женских бедрах). Мороженое было подано очень красиво: шарики с разными вкусами, свежие ягоды, тягучий шоколадный соус. Они просидели здесь долго, отдыхая после многочасовой прогулки по ботаническому саду. Она рассказывала ему о пчелах, шмелях и прекрасных бабочках. Они разговаривали о своем детстве. Эдит поведала об отце и сестрах. Александр рассказал Эдит о матери столько, сколько

до сих пор не рассказывал никому. И вновь они оба, не говоря об этом прямо, удивились, как легко им беседовать друг с другом, как часто мысли их совпадают.

— Все не так уж плохо, — произнес Александр, поглаживая ее руку. Она не ответила. — Я теперь всегда буду держаться женщин, обладающих властью, — добавил он, пытаясь сгладить напряжение, возникшее между ними в последние минуты.

Над ними летали разноцветные попугаи, полчища маленьких розовых и зеленых попугаев. Казалось нереальным, что птицы, которые в их стране сидят по одной в клетках, здесь летали огромными стаями прямо над головами и усаживались на деревья или телефонные провода. Он сказал ей об этом. Она улыбнулась.

Эдит Ринкель смотрела на почти белые пальцы, ласкающие ее руку. Они были словно высечены из мрамора и могли бы принадлежать статуе юного греческого бога. И она сама могла бы принадлежать Аполлону. Его вены были похожи на туманные синие реки, текущие под безупречно гладкой кожей. Ее собственные вены вздувались на внутренней стороне предплечья, кожу, более темную и грубую, чем у него, покрывали бесчис-

ленные пигментные пятна, большие и маленькие родинки. Эдит отметила разницу между ними, не испытывая ни стыда, ни стеснения.

— Пойдут слухи, — сказала она, может, в ответ на его шутливую ремарку о женщинах, обладающих властью, а может, и просто так. В любом случае было понятно, что ей нравилась его ласка.

Когда он встал, чтобы пойти в туалет, она проводила его взглядом и, любуясь им, почувствовала укол печали: прекрасное тело Александра с годами изменится. Потучнеет ли оно, обрастет ли жиром, станет ли похожим на бочку, превратится ли Александр со временем в подобие Паульсена или Хольстейна. Боже упаси! А может случиться и так, что его тело высохнет и Александр станет одним из тех сухощавых пожилых мужчин с тонкой пигментированной кожей, о которых говорят «кожа да кости». Она грустила о бренности его красоты, отказываясь понять, что жалеет и о своем увядании, да еще о том, что ей не суждено увидеть ожидающих его изменений.

Он вернулся, и, когда садился за столик, на его лицо упали светлые волосы. Он откинул их назад и протянул пахнущую мылом руку к ее руке. Она дала ему правую, он начал вычерчивать указа-

тельным пальцем круги на ладони Эдит, глядя ей в лицо проницательным взглядом, беспомощными и упрямыми синими глазами. Его рука скользила по ее ладони, описывая большие и малые окружности, пробиралась сквозь ее пальцы, пощипывая кожу между средним и безымянным, ногти щекотали мясистый участок у большого пальца. Он такой красный, такой белый, такой красивый, такой восхитительный, как один из ангелов Боттичелли, а у нее на правой ладони расположены миллионы нервных окончаний, наверняка напрямую связанных с половыми органами, поэтому, когда он ласкал ее ладонь, ей казалось, что его палец осторожно потирает ее клитор. Эдит подумала: «Если он сейчас же не прекратит, я кончу прямо сейчас, здесь, за столиком в кафе, на глазах у всех этих людей». Она сказала:

— Давай рассчитаемся.

Через полчаса они, усталые и потные, лежали в гостиничной кровати в посткоитальном молчании.

— Ты знаешь, что мед с древнейших времен использовался в качестве лекарства? — спросила она.

— М-м-м, — ответил Александр.

— Для лечения послеоперационных швов и незаживающих ожогов…

— Уф. А ведь все было так романтично.

— …мед эффективнее антибиотиков, — невозмутимо продолжала она.

— А ты знаешь, как называется то, что находится у вас, женщин, между ног?

— Представь себе, знаю. И не одно слово. Я же лингвист.

— «Незаживающая рана».

— Уф. А ведь все было так романтично, — передразнила его Эдит. — На чем я остановилась? Мед — лучшее средство от злющих бактерий. Вот я и подошла к самому интересному.

— Да?

— Наиболее эффективным лечебным средством оказался мед пчел, добывающих свой нектар из…

— Умираю от любопытства.

— Австралийских чайных деревьев.

— Ух ты.

— Ты знаешь, что из чайного дерева добывают антибактериальное масло?

— Медовая моя, у нас медовый месяц, прекрати разговоры о бактериях, будь так добра. Лучше перевернись.

Эдит, благодарная этому юноше за его сексуальную выносливость, послушно легла на живот и повернулась большим задом к Александру, который моментально завоевал белую круглую гору…

Все это случилось в Перте на западном побережье Австралии, во время крупного конгресса студентов и преподавателей, проходящем под эгидой ЕС. Конгресс был посвящен педагогическим проблемам в гуманитарных науках. Норвегию представляли один студент и один преподаватель из каждого крупного вуза. Университет Осло отправил преподавателя Эдит Ринкель. Было бы естественным, если бы на конгресс отправилась доцент Бенте Брант с кафедры педагогики и школьного развития, которая как раз работала над проблемами педагогики для взрослых, написала об этом диссертацию и недавно выпустила книгу на эту тему. Но декан гуманитарного факультета выбрал Эдит Ринкель, и ни шушуканье в коридорах, ни тактично сформулированная жалоба не смогли изменить этого решения.

Эдит Ринкель никогда не волновали проблемы педагогики или благополучия студентов, и уж совершенно точно она никогда ими не занималась. Ее взгляды отличаются почти средневековым

консерватизмом: университет — это место для учебы, самое важное — иметь преподавательский состав, который прекрасно разбирается в своем предмете и способен обучать, основываясь на глубоких исследованиях. Понимают студенты преподавателя или не понимают — это их проблема, не ее. Эдит Ринкель читает старомодные лекции, кристально четкие и ясные и абсолютно не предполагающие участия в них студентов. Семинары, на которых студенты должны высказывать собственные мысли, она считает потраченным впустую временем.

В самый последний день августа декан и Эдит Ринкель встретились на обеде по случаю защиты докторской диссертации. Молодая женщина, чьим научным руководителем была Ринкель, защитилась, и в респектабельных помещениях Академии наук на улице Драмменсвейен был организован торжественный обед.

После обеда (где в качестве основного блюда подавали говяжью шею, что великолепно соответствовало духу этих залов) декан и Эдит вышли на балкон. Было еще по-летнему тепло, и во фьорде виднелись многочисленные лодки. Коллеги рассматривали белые треугольники парусов и болтали о минувших днях, как это обычно

происходит, когда люди знакомы многие годы и нечасто встречаются в настоящее время.

Быть может, она была особенно пленительной в этот вечер, и это объясняет, почему разговор с деканом принял именно такой оборот. На ней были нефритово-зеленые туфли, дизайн которых был создан в 60-е годы Роже Вивье. Эдит купила их в эксклюзивном винтажном бутике в Париже на левом берегу Сены в конце 90-х. В ушах у нее сверкали золотые сережки с нефритом, которые Эдит Ринкель получила в подарок от одного из бывших любовников. Она редко носит украшения, делая исключение только для кольца с бриллиантом, преподнесенным ей Ритой Энок-сен-Ли по совершенно определенному поводу, но эти серьги были тщательно подобраны к зеленым туфлям (именно эти туфли тот самый любовник предпочитал видеть на ножках Эдит).

И несмотря на то, что с тем мужчиной она расталась уже несколько лет назад, зеленые туфли и нефритовые серьги она по-прежнему носила. И вот Эдит с деканом беседовали о минувших днях, об общих знакомых, об однокашниках, ставших преподавателями, госслужащими или сотрудниками одного из семи норвежских университетов или других вузов.

Потом, после паузы, декан проговорил что-то насчет того, как хорошо сегодня вечером должно быть на фьорде, затем они обменялись парой фраз о погоде, о только что завершившемся летнем отпуске, и выяснилось, что Эдит Ринкель в этом году нигде не отдыхала. Тогда декан решил немедленно предпринять что-нибудь, чтобы исправить положение. Было ли вызвано это решение видом красивых маленьких ножек в зеленых туфлях, выпитым вином или просто альтруизмом, знал только сам декан. Он выразил свое сочувствие.

— Не надо меня жалеть. В Блиндерне так хорошо летом, — запротестовала Эдит Ринкель. — Студентов нет, коллег почти нет.

— Да, да, — проговорил декан, глядя на нее так же, как однажды в 70-е годы февральским вечером на вечеринке в общежитии Блиндерна.

— У меня все прекрасно, — повторила Эдит, оценив его заботу. В желании мужчин заниматься ее проблемами и *защищать* ее есть что-то наивно-трогательное. И она отметила про себя, что декан, вероятно, хочет повторить то, что произошло между ними на старом скрипучем диване почти тридцать лет назад. Эта мысль ей понравилась.

— Как насчет поездки в Австралию? — внезап-

но спросил он.

— Что ты имеешь в виду?

— Там будет какая-то конференция, вернее, конгресс. В ноябре.

— Ага, и что за конгресс?

— Да что-то такое дидактически-студенческое. Какая разница? Университет должен послать представителя, которого выберет гуманитарный факультет, гуманитарный факультет — это я, и я выбираю тебя. Сейчас.

Эдит Ринкель посмотрела на ухоженный сад, на сверкающий фьорд и подумала, какая промозглая погода стоит обычно в Осло в ноябре и о том, как прекрасно должно быть в ноябре в Австралии, после чего улыбнулась и склонила голову так, что закачались сережки.

— Хорошо, — сказала она, — я согласна, выбирай меня.

В тот же миг Эдит Ринкель пожалела, что согласилась. Она знала, что такое решение будет трудно отстоять. Это аморально, это называется воспользоваться своими связями. С другой стороны, она столько лет служит своему университету, почти не пользуясь отпуском. И если она поедет, то никому не навредит.

Она еще раз поблагодарила декана, не давая

обещаний, которые, как она знала, он хотел бы услышать. Она ничего не сказала о том, чего он хотел больше всего. «Твое время еще придет», — подумала Эдит Ринкель, незаметно облизывая губы, потому что у декана была ухоженная борода, и он был в хорошей форме, а то, что они испытали на диване в тот раз много-много лет назад, было удовлетворительным во всех отношениях.

Эдит никогда не бывала в Австралии. Она с радостью думала о поездке. Получив в середине сентября коричневый конверт для внутренней корреспонденции с материалами о конгрессе, она обнаружила, что гуманитарный факультет Университета Осло должен был отправить на конгресс не только научного сотрудника, но и студента. С одобрения декана она выбрала студента Александра Плейна (к счастью, оказалось, что он, хотя и с большой неохотой, замещал члена студенческого совета кафедры футуристической лингвистики), и 31 октября Эдит Ринкель и Александр Плейн отправились в Перт, штат Западная Австралия. Они летели из Осло в Сингапур рейсом авиакомпании «SAS» и далее на самолете «Quantas» в единственный крупный город на западном побережье Австралии.

Эдит и Александр сошлись во мнении, что конгресс был великолепен. Это было их твердое убеждение. Однажды они даже зашли в огромный выставочный зал, где проходили мероприятия конгресса. Взяли какие-то брошюры, побеседовали со шведскими педагогами, стоящими у своего стенда, встретились с представителями Университета Хедмарка, послушали зануднейший доклад о вспомогательных педагогических средствах, который очень тихо читал какой-то британец, сопровождая свое выступление демонстрацией на большом экране тезисов, написанных слишком мелкими буквами. «Опять *транспаранты,* как же без них», — прошептал Александр, засовывая руку под льняной блейзер Эдит и поглаживая ее. Они встали и вышли, не дослушав до конца зануду-англичанина.

На улице, на солнце, они хохотали, как дети. Решили поехать на корабле на остров Роттнест, расположенный у соседнего с Пертом городка Фримантла, на остров, который в обязательном порядке посещают все туристы, отдыхающие в Западной Австралии. На корабле было полно немцев, азиатов, американцев, встретились даже несколько датских литературоведов, которые тоже прогуливали конгресс.

На острове запрещено пользоваться личными автомобилями, и они взяли напрокат велосипеды. Под палящим белым солнцем они катались по гравийным дорожкам, останавливались у пустынной бухты, занимались любовью на песке, купались, сохли и ехали дальше, поскрипывая седлами.

У кафе на паромной пристани Эдит и Александр заказали ассорти из морепродуктов — омаров, устриц, зеленых мидий, креветок-богомолов. Александр счел, что креветки-богомолы выглядят неаппетитно и похожи на маленьких насекомых, выползающих на свет, если поднять камень.

— Мокрицы! — с энтузиазмом произнесла Эдит. — А ты знаешь, что мокрицы — это не насекомые, это маленькие ракообразные, приспособившиеся к жизни на суше. — Эдит поблагодарила Александра и сказала, что теперь, когда Александр указал на сходство креветок-богомолов с *Porcellio scaber*,[51] они кажутся ей особенно вкусными.

Затем они стали разговаривать о грамматической категории рода, возможно оттого, что Александр оговорился и спросил, хочет ли Эдит

---

[51] Примечания: 51
Мокрица обыкновенная *(лат.)*.

съесть *одного* из его устриц.

— В аборигенском языке диирбалу…

— В языке этих мест?

— Да, но это вымирающий язык, — объяснила Эдит.

— Как жаль, — произнес Александр, и лицо его стало серьезным.

— Слушай же! В диирбалу существует четыре рода: существительные, обозначающие лиц мужского пола и всех животных, относятся к первому роду. Существительные, обозначающие лиц женского пола, а также относящиеся к воде, огню и войне, относятся ко второму роду.

— Так.

— Третий род объединяет существительные, обозначающие некоторые фрукты и овощи. Все остальные слова относятся к четвертому роду. Существительные, обозначающие виды рыб, относятся, таким образом, к первому роду. Но обрати внимание: хищные виды рыб относятся ко второму роду — вместе с женщинами, огнем и другими опасными вещами. Ты понимаешь? Ну разве это не забавно?

— Да, я понимаю. И да, это забавно, — ответил Александр и поднял свой бокал. — За опасных женщин!

— Тебе скучно, когда я об этом рассказываю? — спросила Эдит.

— Совсем нет, — возразил Александр. — Это очень, очень сексуально.

Настроение у Эдит было великолепное, Александр не видел ее такой раньше. От сдержанности, присущей Эдит в обычной жизни, не осталось и следа. (А сама она не замечала и тени раздражительности, прячущейся, как правило, под другими чувствами и ищущей повода вырваться наружу.)

Она отодвинула от себя тарелку с панцирями ракообразных и пустыми раковинами от устриц, наклонилась к нему, взяла за руку и рассказала, что впервые люди стали разводить медоносных пчел, *Apis mellifera,* в Азии больше 6000 лет назад.

Александр улыбнулся. В последние месяцы он узнал довольно много о языках, но еще больше о насекомых. Его стареющая прекрасная любовница поучала его, информировала, преподавала, но не показывала своего превосходства. Она прекрасно знала, что их отношения нельзя назвать равноправными, а он понимал, что ее тяга к поучению подчеркивает их разницу в интеллекте.

Это не было проблемой для Александра, ему нравился ее ум, он восхищался ее знаниями и

обожал ее остроумие в той же степени, что и мягкую кожу на внутренней стороне ее бедер.

В то же время Александр не был уверен, что друзья смогли бы его понять, поэтому никто из них не знал о его отношениях с Эдит. Но она была так красива, и звуки ее голоса наполняли его покоем.

Сейчас она рассказывала, что пчеломатка выделяет запахи, которые позволяют ей управлять другими, именно они наделяют ее властью, например заставляют рабочих пчел сдерживать инстинкт размножения. Все рабочие пчелы — дочери пчеломатки. Еще существуют трутни, пчелы мужского пола, с большими телами, но без жала. Так что трутни не могут защищаться, объясняла Эдит. Пчеломатка может спариваться с десятком трутней, и она начинает делать это, будучи всего нескольких дней от роду.

Александр кивнул и поднял брови так, словно насторожился. Пчеломатка может откладывать до 2000 яиц в день и живет до шести лет, увлеченно продолжала Эдит, но внезапно умолкла, отпустила его руку и выпрямила спину.

— Сколько тебе лет, Александр?

— Ты прекрасно знаешь.

— Двадцать четыре.

— Двадцать пять!

— Хорошо. Двадцать пять. А сколько лет мне?

— Эдит.

— Сколько мне лет?

— Тебе пятьдесят лет и восемнадцать дней. И ты прекрасна.

— Так дальше продолжаться не может.

— Разве ты не думаешь, что у нас…

— Да, я думаю, что у нас все хорошо. У нас все слишком хорошо. Поэтому так дальше продолжаться не может.

— Да нет же.

— Может быть, здесь, на маленьком австралийском острове, но не дома.

— Нет, Эдит, нет.

Levis est labor omnis amanti. Да, это так: для влюбленного человека любой труд легок, — но он делал это не только ради нее. Может быть, он еще не отдавал себе в этом отчета, но радость от решения научных задач была сильнее, чем радость завоевания Нанны. Конечно, Пол начал заниматься проектом потому, что влюбился в Нанну, это послужило катализатором: ему хотелось понравиться ей, хотелось, чтобы она заметила его. Но после того как он погрузился в работу, после того как возобновил исследование надписей на

камне Страндестейнен, Нанна потеряла для него первостепенное значение. Им руководили собственные находки, маленькие ниточки, которые он нащупывал во время изысканий. Настоящим наслаждением для Пола служила научная работа, радость исследователя заставляла его двигаться дальше.

Кроме того, Пол мечтал об аплодисментах. В университете вокруг исследований не происходит никакой шумихи, не существует никаких обычаев чествования сотрудников со стороны начальства, да и вообще не принято интересоваться тем, какие научные изыскания проводятся в соседнем кабинете. А Пол стремился к признанию, к похлопыванию по плечу, к поощрению в виде нескольких дружеских слов. И даже больше: он был бы не против повышения зарплаты, если уж на то пошло. И он бы не отказался от предоставления ему постоянной работы и кабинета побольше (хотя такие кабинеты предназначены для профессуры, но как только он получит постоянную работу, он может попросить и о повышении). Чем больше он работал над «PEB 21», тем более заманчивыми казались перспективы обретения известности, пусть и в ограниченном кругу лингвистов и лингвотехнологов.

И пока Пол сидел и решал головоломки, складывал один кирпичик на другой, пытался найти решение, создать целостную картину, он словно возвращался в детство. Вот семилетним мальчиком он сидит за обеденным столом, напротив него — мама, перед ней лежит стопка бумаг (вероятно, рукопись). Ноги Пола не достают до пола, и он обвивает их вокруг ножек стула, рот открыт от сосредоточенности. Он строит карточный домик. Каждый раз, когда ему удается поставить домиком две карты, он привлекает мамино внимание: «Смотри, мама!» Мама смотрит и ободряюще улыбается. Выстроив первый ряд карт, он ставит две сверху и приступает к строительству нового этажа. Каждой паре карт, которая стоит и не обрушивает соседние, требуется мамино одобрение. «Смотри, что получилось, мама». Мамино терпение бесконечно, она отрывает взгляд от своих бумаг, кивает, улыбается, хвалит сына. «Смотри, мама!» Когда непрочные стройматериалы подводят его и одна карта обрушивает соседние или когда падает вся постройка, он замолкает, высовывает язык, украдкой бросает на маму взгляды, но она проявляет деликатность, в такие моменты полностью погружаясь в свою рукопись, и Пол думает, что она не видела, какому унижению он

подвергся. Но вот домик уже реконструирован. «Смотри, мама! Смотри, что получилось!»

В последнее время он подолгу засиживался на работе, твердо уверенный в том, что Нанна работает над теми же проблемами этажом ниже. Он видел, что и в кабинете Ринкель горит свет, но не стучался к ней. Однажды, когда он проходил мимо ее дверей, ему почудилось, что он уловил пьянящий аромат, ее запах. Пол остановился, принюхиваясь большим красивым носом, ему показалось, что он ощутил запах сексуального возбуждения, и в следующую секунду он уже оказался в противоположном конце коридора. Спускаясь по лестнице на этаж к Нанне, он прислушивался к себе, говорил, что у глупости должны быть границы. Смешно думать, что она сидит в своем кресле и источает в его честь эротические запахи. Скорее всего, она сосредоточенно работает, что и ему следовало бы делать, и мысли ее наверняка так же четки, как синтаксические анализы, а вот он погрузился в грязные фантазии.

Когда Пол стучал в дверь Нанны, то отметил про себя, что уже много недель даже не разговаривал с Ринкель и какое-то время вообще о ней не думал. Потому что за этой дверью находилась

девушка его мечты. За письменным столом сидела Нанна, она выглядела усталой, под ее глазами наметились слабые синие тени. Он спросил, как идут дела, достигла ли она чего-нибудь, она сказала, что трудится без продыху, но нисколько не продвинулась, и он взял ее за руку, холодную и такую маленькую, что она почти исчезла в его ладони, и почувствовал себя большим надежным защитником.

«Мы справимся», — проговорил он и пожал ее руку, но не нашел отклика, ее рука безжизненно покоилась в его, и он вспомнил Кристиана с буквы «К» и отпустил ее руку, не из нерасположенности или неприязни, а из уважения к ней. Но, отпуская ее руку, он успел нежно провести по ней пальцами. Она подняла на него взгляд покрасневших глаз. У нее были такие волосы, какие бывают у девочек летом. Бедная Нанна, мы скоро справимся.

Он звонил маме практически через день, чтобы удостовериться, что у нее все в порядке. Он забросил Мортена и маму самым постыдным образом, но предупредил их, что в ближайшие недели у него будет чрезвычайное положение. Он сказал «недели», а не «месяцы», потому что всегда был и всегда будет неисправимым оптимистом, и эта

черта окажется очень полезной в ближайшем будущем (потому что скоро в жизни Пола начнется период, который в дальнейшем он станет называть «самое тяжелое время в моей жизни»).

Днем Пол исполнял свои обязанности научного сотрудника кафедры: он вел занятия, но тратил минимум усилий на их подготовку, он отвечал на электронные письма, делал необходимые звонки, а с сильными глаголами работал ровно столько, сколько положено.

Между тем наступила осень, за стенами кафедры все поблекло, с деревьев в Исследовательском парке опадала листва, и в один прекрасный день, когда Пол сидел и смотрел в окно своего кабинета, пошел первый снег. Времена года сменяли друг друга, как и всегда, и университетская жизнь шла своим чередом. Семестр подходил к концу, студенты выяснили, какие книги из списка обязательной литературы они не успели прочитать, и сидели на жестких стульях в читальных залах до глубокого вечера. Преподаватели лихорадочно повторяли тезисы своих последних лекций и выходили из аудиторий, светясь от счастья, потому что семестр близится к завершению и им не придется преподавать до следующего года, но вместе с тем они боялись, что их студенты

сдадут экзамены хуже, чем студенты, находившиеся под крылом других преподавателей. Они усаживались за письменные столы и составляли экзаменационные задания, с которыми, они были уверены, справятся их студенты.

В конце ноября университет преображается. Читальные и спортивные залы, а также аудитории для семинаров превращаются в экзаменационные кабинеты. С неизбежностью, с какой заяц меняет шкуру на белую, а озера Согнсванн и Маридалсванн покрываются льдом, появляются дежурные: улыбчивые, доброжелательные, жаждущие общения пенсионеры, с удовольствием болтающие со студентами, сопровождая их из аудитории в туалет. Одни из них двигаются так медленно, словно ходят на деревянной ноге или на протезах, и может быть, в некоторых случаях так оно и есть, и даже те студенты, которым срочно требуется пописать, не смеют на это пожаловаться, потому что дежурные напоминают им собственных бабушек и дедушек, которых им вечно некогда навестить.

Преподаватели прохаживаются между рядами парт, наклоняются к студентам, спрашивают, все ли у них в порядке, интересуются, понятны ли задания. Большинство студентов кивают и

отмахиваются от них, прекрасно зная, что преподаватели не могут им подсказать. Другие задают вопросы из экзаменационных заданий и агрессивной мимикой требуют ответа, третьи едва слышным шепотом докладывают обо всей диспозиции и сообщают все, о чем они думали с того момента, как несколько часов назад прочитали задание.

После завершающего успокоительного обхода преподаватели собираются во «Фредерикке», где, сидя за столиком, заверяют друг друга, что в этом году экзаменационные задания были особенно интересными, всеми доступными средствами стараются успокоить друг друга и приободрить перед испытаниями, предстоящими в ближайшем будущем.

Уже на следующий день они забирают толстые пачки экзаменационных работ в канцелярии кафедры и несут эту тяжелую ношу в свои кабинеты, где и читают ответы студентов, длинные и короткие, написанные каллиграфическим почерком или неразборчивыми каракулями.

На обложке работы, как и на каждой странице, вместо фамилии студента стоит номер. Ответы анонимны, что гарантирует объективную оценку знаний, но в стопке каждого преподавателя име-

ются работы, которые легко идентифицировать по особому почерку, немыслимой орфографии или по пристрастию к отдельным словам: вот это тот, что все время так приятно улыбается с первого ряда, его надо наградить оценкой «хорошо», хотя его работа на эту оценку не тянет. А вот это написала нахальная веснушчатая девчонка, которая все время задает наглые вопросы — теперь можно поставить ее на место. Она ведь заслужила «удовлетворительно»?

Тридцать три, или семьдесят четыре, или сто восемь экзаменационных ответов, ни о чем не говорящих, скучных ответов. Преподаватели склоняются над конкретными доказательствами того, какие знания студенты усвоили за прошедший семестр — хм, разве я непонятно это объяснил? Неужели мне не удалось раскрыть и эту тему? Ответы студентов — это мерило собственных педагогических способностей, хотя немало преподавателей пребывают в уверенности, что и в этом семестре многие по разным причинам не посещали их лекции.

Студенты спят в узких кроватях в общежитиях. Они должны проспаться после празднования сдачи экзамена, отоспаться после напряженной ноябрьской подготовки к сессии и поспать, чтобы

забыть о предстоящем устном экзамене.

В июне и декабре в университете происходят одни и те же события: хлопоты по выставлению оценок, проверка оценок перед их обнародованием, устный экзамен, студенческие восторги, студенческие слезы, подача апелляций, заполнение экзаменационных протоколов. После чего наступают наконец долгожданные летние или рождественские каникулы, как пустые скобки между прошедшим и новым семестром.

В этом году у Пола было необычное Рождество. Он работал над «РЕВ 21», и даже в свободное от исследований время мысли о проекте не отпускали его. Но он думал и о Нанне.

Уже в середине декабря он начал размышлять над тем, что купить ей в подарок. Он привык делать подарки своим подругам, но обычно он совершает такие покупки в канун праздника, и на это у него уходит всего несколько минут. Пол всегда идет в один и тот же магазин (все равно редко когда одна и та же женщина получает от него подарок два года подряд) — в магазин нижнего белья в одном из тихих переулков неподалеку от улицы Киркевейен. Это маленький магазинчик со стенами коньячного цвета, на двух из них развешано женское белье пастельных

цветов. Там всегда работают две плоскогрудые старые девы, они переминаются с ноги на ногу за старомодным прилавком с множеством разных ящичков, где бюстгальтеры разложены по размерам бюстов, а трусы — по размерам бедер. Пол, конечно, не знаком с этой хитроумной системой, он просто произвольно показывает на один из комплектов, висящих на стене, а две услужливые продавщицы подбирают размеры, ориентируясь на формы, которые Пол довольно условно рисует в воздухе. «Да, вот здесь ее тело узкое, но у нее большие…» — говорит Пол, изображая возбужденного рождественскими покупками расчетливого и практичного человека. Дамы с пониманием кивают, улыбаются и делают для него все, что в их силах, но всегда кладут в упаковку талон на обмен покупки. В этом магазине продается только дорогое белье, в основном французских и итальянских производителей.

За несколько дней до Рождества одна из продавщиц говорит другой: «Скоро придет тот молодой рыжеволосый мужчина!» — «Да, не позднее, чем завтра», — отвечает вторая, после чего они начинают выжидательно поглядывать на входные двери. И Пол год за годом приходит в их пыльный магазинчик.

В январе, как правило, та, что была избранницей Пола в этом году, появляется в магазине, чтобы поменять подарок на комплект нужного размера. «Это тоже всегда интересно», — говорит продавщица, проводив подругу Пола. «Да, у него действительно хороший вкус», — вздыхает вторая.

Но не может же он подарить нижнее белье Нанне (как в таком случае отреагирует этот Кристиан?), и в этом году две дамы не дождутся своего любимого клиента. Пол потратил много времени, чтобы выбрать Нанне подходящий подарок, он рыскал по магазинам, консультировался с Мортеном и в конце концов в маленьком ювелирном магазине у здания суда купил нитку нежно-розового речного жемчуга с подвеской из белого золота в форме маленькой книжки. Он положил подарок в ее почтовую ячейку в канцелярии, а на следующий день обнаружил в своей плоский сверток.

Все остальное в это Рождество осталось неизменным: конечно, ребрышки с чудесными шкварками, изысканно-бледные сардельки из свиного фарша, прелестные сосиски и круглые свиные котлетки, приготовленные Марен Бентсен из продуктов, купленных в ее любимом

мясном магазине, в том же самом, куда Эдит Ринкель заходит за едой, когда изредка готовит дома. Пол всегда заведует овощами: он готовит салат из красной капусты (с яблочным пюре и лимонным соком вместо уксуса), чистит миндалевидный картофель и делает традиционный рождественский салат семьи Бентсен с апельсинами, цикорием и черносливом. Десерт — это тоже результат сотрудничества матери с сыном: она готовит рисовый крем, а он приносит вишневый соус (купленный в магазине).

Мама ходит на рождественскую службу в церковь Вестре-Акер, Пол встречает ее по окончании богослужения, они спускаются к могилам дедушки и бабушки и зажигают на них свечи, и Пол всегда удивляется тому, что этот момент кажется ему необычайно трогательным. Почти на всех могилах горят факелы или свечи в пластмассовых подставках. Небольшие группы людей, которые наверняка мерзнут и мечтают поскорее попасть домой в украшенные гостиные, к вкусной горячей еде и подаркам, стоят у могил, счищают с них снег и думают о тех, кто спит в промерзшей земле. Кладбище, мимо которого Пол ходит почти каждый понедельник и на которое обычно посматривает с уважением, внезапно наводит

его на мысли о бренности жизни и о любви человеческой.

Рождественский вечер прошел как обычно: мать и сын вкусно поели, обменялись подарками. Пол открыл подарок Нанны (это был один из самых популярных романов минувшей осени), мама распечатала подарки подруг. Потом они разожгли камин и, глядя, как синие и зеленые огоньки пламени охватывают упаковочную бумагу, пили портвейн, разговаривали, но постепенно беседа сошла на нет, они включили телевизор и стали рассматривать празднично одетых ведущих, которые изо всех сил старались излучать радость.

Но Пол думал о Нанне — не о ее теле, не сейчас, и не о Кристиане, а о «РЕВ 21». Проект не отпускал его, несмотря на съеденные ребрышки, каминный огонь и мамино рождественское настроение.

Во время рождественских каникул Пол с Мортеном совершили несколько лыжных прогулок, учтиво поприветствовав ель, под которой, как говорят, был зачат Пол, хотя не знали точно, о какой именно ели идет речь (Марен показывала как минимум четыре разных дерева).

Все это время Мор ген провел без сына, Сондре

должны были привезти к нему только в новогодний вечер. Сондре в феврале исполнялось два года, и не было еще ни одной ночи, чтобы он не просыпался.

— Хорошо, наверное, провести Рождество без детских криков? — спросил Пол.

— Я бы хотел, чтобы в Рождество он был со мной, — сказал Мортен, и больше они не говорили об этом.

В кафетерии гостиницы «Кобберхаугхитта» они ели котлеты из оленины. Мортен что-то рассказывал, он выглядел очень оживленным, и Пол начал подозревать, что он хочет сообщить ему что-то очень важное, по крайней мере просто важное, но все равно не мог сосредоточиться на словах друга. Мортен замолк, выжидающе посмотрел на Пола и, поскольку тот по-прежнему молчал, широко улыбнулся, обнажая солидные щели между верхними зубами, и сказал, что влюбленность Пола нетрудно заметить. Пол не отрицал — ведь он же был влюблен! — но не мог объяснить Мортену, что в данную минуту он был глух и невосприимчив не потому, что думал о Нанне, а потому, что размышлял над недописанной переводческой программой.

Это произошло в один из морозных январских

дней. В коридорах кафедры было довольно тихо. Все сотрудники находились на семинаре о путях развития кафедры футуристической лингвистики «Куда лежит путь футлинга?». Средний возраст участников семинара составлял приблизительно шестьдесят лет, и уже не один год никому из них в голову не приходили свежие мысли. Но Пол, Нанна и другие сотрудники моложе сорока лет занимали временные должности, и поэтому их на семинар не пригласили.

Так вот, это случилось в холодный январский день. Внезапно он *увидел* это: увидел место глагольной фразы, увидел всю формулу целиком. Ему все стало понятно, схема четко вырисовывалась, так четко, словно была написана толстым фломастером на лежащих перед ним листах бумаги: глагольная фраза должна располагаться после именной фразы, но на один уровень выше, как в языках программирования. Как же они не подумали об уровнях раньше! Сейчас, когда он видел всю формулу, это было так очевидно, что удивляло только, как это они до сих пор не додумались до этого.

Он поспешил записать формулу, пока не упустил мысль, как это уже однажды случилось с ним несколько месяцев назад в читальном зале

корпуса Хенрика Вергеланна. Как же она была красива! Как проста, как логична. Он горел желанием поделиться с кем-нибудь, его распирало от гордости, но не только за себя и Нанну, его распирало от гордости за свой предмет.

Он вышел в коридор. В кабинете Ринкель свет был выключен, она, конечно, была на семинаре, да и все равно он не смог бы рассказать ей о своем открытии. Поэтому он понесся по лестницам к Нанне, перелетая через ступеньки, находясь больше в воздухе, чем на твердой поверхности, но на втором этаже было совершенно пусто, ее не было в кабинете, несмотря на то что в нем горел свет. Ее не было в туалете. Не вполне отдавая себе отчет в том, что делает, Пол сунулся даже в женский туалет. Но там никого не было.

В какой-то миг он начал ненавидеть Нанну за то, что ее нет на месте, когда она ему нужна. Ему пришло в голову, что судьба его наказывает, высшие силы мстят ему от имени всех тех, кому приходилось ждать его все эти годы. От имени всех девушек и женщин, которые, прибегая на свидание, стояли, поглядывая на часы, и мерзли. От имени студентов, к которым он опаздывал на занятия. От имени Мортена, на встречи с которым он столько раз являлся с опозданием.

От имени мамы, ждавшей его у кухонного окна, постоянно разогревая обед. Он поклялся взять себя в руки, обещал самому себе, что подобное не повторится.

Потом Пол позвонил маме, но она не ответила. Он находился на грани отчаяния — так велика была его радость и потребность поделиться своим удивительным открытием. Мортен в этом случае не мог выступить хорошим слушателем, поскольку знал о предмете исследования слишком мало. Пол подарил маме мобильный телефон на Рождество в прошлом году, но она все время забывала включать его. Но он все равно набрал ее номер, хотя и не удивился, что мобильный отключен. И хотя он знал: шансы на то, что мама его когда-нибудь услышит, минимальны, — он оставил сообщение на автоответчике.

Так он и стоял, оцепенев от разочарования, но испытывая вместе с тем невиданную доселе радость. Нанна! Где же Нанна?! Пол замирал от негодования, но дрожал от удовольствия. Он глубоко вдохнул своим большим носом и стал медленно подниматься по лестнице к себе в кабинет.

Часть III

Жизнь — это то, из чего сделаны мечты.

Свободный пересказ Уильяма Шекспира

Ты никого из нас не замечал.
Твое лицо состарил лунный свет.
А я покинула привычный свой причал
С тем, кто был слеп.

Ингер Хагеруп. Из стихотворения «Дальше»

— Тебе у-удалось, Пол. Я знала… я знала, что ты справишься, — говорила Нанна, нет, *ликовала* Нанна, заикаясь от восхищения. Она была счастлива, как Пол и надеялся, и он совершенно забыл о том, что последние десять минут мучился горьким разочарованием, а несколько секунд почти ненавидел ее. Она была в канцелярии, ходила за почтой.

Они столкнулись на лестнице, она шла вниз,

а он вверх. Пол потащил Нанну в ее кабинет и перед тем, как все ей рассказать, плотно закрыл дверь. И теперь она ликовала. Она даже хлопала в ладоши, как маленькая. Так обычно выражает восторг его мама, и это сходство между ними трогало Пола до глубины души.

— С помощью рун… э-э… рунической надписи мы… ты!.. создал формулу, и… и мы обнаружили такую же закономерность в детской речи, в речи говорящих на иностранном языке, при… при афазии… в пче… пчи… подчи… и, наконец, в этой рунической надписи, — продолжала Нанна, возбужденная и счастливая, речь ее стала совершенно бессвязной, а по щекам потекли слезы. — Спа-спасибо, Пол! Б-большое спасибо.

— О, я… это такая мелочь, — произнес Пол, не понимая, что говорит. Поскольку речь шла совсем не о мелочи. — Вот мы и закончили, — подвел итог Пол, глядя на нее сверху вниз. — Как ты сказала? В подчи…?

— Теперь все связано вместе, Пол. Ты обнаружил связь! В подчиненных предложениях. Я неправильно выразилась? — спросила Нанна, сбитая с толку. Она вытерла глаза, размазав по щеке тушь, с наигранным ужасом посмотрела на черные частички, оставшиеся на руке, суну-

ла указательный палец в рот и стерла мокрым пальцем остатки косметики. — Я наверняка оговорилась. Я только хотела сказать… хотела… Спасибо! Спасибо, Пол!

Она засмеялась. Он тоже. Неудивительно, что Нанна заговаривается, что сказанное в момент, подобный этому, кажется бессвязным, но так странно, что она говорит «подчиненные предложения», а не «придаточные предложения», успел подумать Пол. Это как если бы химик сказал «марганцовка», а не «перманганат калия». Нанна подошла еще ближе, почти вплотную к нему, и он почувствовал прикосновение ее тела. Все мысли о проекте, о компьютерных языках, о рунических надписях и придаточных предложениях вылетели как у него из головы, так и из кабинета. Здесь остались только тела. Два тела, прижавшихся друг к другу. Она смотрела снизу вверх, рот ее был полуоткрыт, а глаза прикрыты. Он наклонился и прильнул к ее губам, нашел ее язык, на удивление гладкий и холодный.

— Я не должна… — произнесла она и отступила на шаг. Черт бы побрал этого Кристиана с буквы «К»! Рот Пола был похож на влажную открытую рану посреди лица. Внезапно он с болью понял, что не знает, куда девать руки. Он сложил их за

спиной, как придурковатый констебль во время патрулирования улиц, и стал покачиваться с пятки на носок, с пятки на носок, размышляя, приобрела ли уже его кожа такой же голубой цвет, в какой выкрашены стены (на самом деле он чувствовал себя не столько неуверенным, сколько покорным, но все равно несколько минут ему не удавалось прогнать такие мысли).

— Садись, — сказала Нанна, указывая на стул для посетителей. Сама она села в офисное кресло, и ее письменный стол разделил их, как баррикада. — Давай поговорим о деле, — произнесла она шутливо, испытывая облегчение оттого, что они могут побеседовать о чем-то конкретном, нейтральном и безопасном, и баррикада между его и ее телом сделалась еще выше.

Пол пожирал ее глазами, единственное, чего он хотел, это почувствовать, как к нему прижимается ее хрупкое тело. Вместе с тем он восхищался ее самообладанием. Как он и ожидал, она учащенно дышала, а щеки ее раскраснелись. Нет, для нее это не прошло бесследно, и несмотря на то, что она отстранилась, он чувствовал себя победителем, ему казалось, что он взял реванш.

— Кроме тебя и моего шведского помощника об этом никто не знает, — произнесла Нанна.

Пол прекрасно понимал, что она говорит о проекте, но со злорадством, о котором в ту же секунду пожалел, прислушался к повисшим в воздухе двусмысленным словам. «Об этом».

— О проекте, — добавила Нанна, поскольку Пол ничего не ответил. Щеки ее раскраснелись еще больше.

— Да, я понял, — сказал он быстро, полным раскаяния и сожаления голосом. — И я это знаю.

— Да.

— Я об этом рассказывал только маме, — добавил Пол.

— Своей маме?

Ему показалось, что в голосе Нанны прозвучало неодобрение, но, возможно, он ошибся, оттого что чувствовал себя немного виноватым. Уже не раз женщины намекали Полу на то, что у него слишком тесные отношения с мамой, но Нанна ничего подобного не произнесла, а наоборот, улыбнулась.

— Ничего страшного, — сказала она. — Но, — добавила она, — я хочу держать все в тайне до последней секунды.

— Да, — произнес Пол, слегка замешкавшись. Что она подразумевает под «последней секундой»? Она уже наступила, осталось только кое-что

дописать, а потом придать работе окончательный блеск. — Но она уже наступила.

— Да, — подтвердила Нанна. — Благодаря тебе.

— Ну как сказать. Еще кое-что предстоит сделать, — сказал Пол, противореча самому себе: ему внезапно захотелось подчеркнуть, что они еще не все доделали. Он хочет еще поработать с ней. Он с удовольствием провел бы с ней всю жизнь!

— Да, кое-что осталось, — произнесла она таким мягким и тихим голосом, что он вынужден был наклониться ближе к ней, чтобы расслышать каждое слово. Нанна хотела устроить презентацию, пышную презентацию. — Я считаю, что мы с нашим проектом этого заслуживаем, — пояснила она.

На самом деле Пол был согласен с ней целиком и полностью. Он бы с удовольствием представил проект под барабанную дробь, он страстно желал этого. Разве не так он рисовал себе это в мечтах, сидя долгими вечерами в своем кабинете? И может быть, по этой причине или из-за свежего воспоминания о ее теле он ответил сдержанно, с умеренным восторгом. Он медлил, обдумывал идею, словно она была совершенно нова для него.

— Ну что же, — сказал он. — Да, да, принимая

во внимание, насколько важным и выгодным может стать этот проект, признаю, что в этом есть смысл… Кстати, ты узнала, как насчет твоих…

— ..наших…

— Хорошо, наших юридических прав?

— Да, узнала, — ответила Нанна. — Я предлагаю основать акционерное общество.

— Да?

— Да, но прибыль от подобного проекта все равно достанется нам как частным лицам.

— Да?

— Это не кафедральный проект, и мы не занимались им в рабочее время.

— А если и занимались, то совсем чуть-чуть.

— Да, точно. Слушай, Пол. Меня мучают угрызения совести.

«Мы же только целовались», — подумал Пол, но, естественно, ничего не сказал вслух, и не его дело протестовать против таких высказываний и успокаивать ее нечистую совесть, уверяя, что они *почти* не согрешили.

Нанна сделала паузу, провела по лицу руками, посмотрела в пол. Светлый свитер из бежевой овечьей шерсти плотно облегал ее фигуру.

— Мы должны поговорить о… нас.

— Да, должны.

— Но не сейчас, — быстро добавила она. — Позже.

— Хорошо.

— И я не испытываю угрызений совести по поводу того, что мы потратили несколько часов рабочего времени на наш проект, — продолжала Нанна, произнося предложение с легкой вопросительной интонацией, словно спрашивая, согласен ли он с этим. Пол понимал, что она не может спокойно относиться к их открытию, несмотря на то что, по крайней мере, в его случае, речь шла всего о нескольких часах. Ему нравилась ее порядочность, она шла ей гораздо больше кажущегося неестественным целомудрия. Пол знал, что она хочет его так же сильно, как и он хочет ее. Но сейчас они говорят не об этом. Нанна сказала: позже.

— У меня накопились десятки часов переработки, хотя я работаю здесь всего год, — сказал Пол, успокаивая ее. — Не думай об этом! Лучше подумай о бездельниках, ежегодно тратящих массу времени на совершенно бесполезные исследования, и хорошо, если вообще на исследования. Черт возьми, Нанна. Вспомни нашего друга пиздолога из корпуса Хенрика Вергеланна. «РЕВ 21» — это великий, это, это… грандиозный проект,

слава о нем еще долгие годы не стихнет в наших кругах. Это проект, который на самом деле чего-то стоит. Руководство кафедры будет гордиться тем, что он создан ее сотрудниками.

Хм. Нет. Да.

Пол ехидно напомнил ей о том, что у нее на удивление хорошие отношения с заведующим кафедрой Паульсеном. Он чувствовал себя уязвленным из-за того, что был отвергнут, а также до сих пор не мог простить ей отсутствия в кабинете в тот момент, когда он примчался рассказать о прорыве. Однако Нанна не услышала ядовитого подтекста в его словах. Все презирают дурака Паульсена, добродушного, безобидного старого дурака. Чудаковатого клоуна с красной круглой блямбой на носу, с влажными ладонями и пошлыми шуточками преимущественно скабрезного характера. Она, к счастью, не могла знать, что пару дней назад Пол приревновал ее к заведующему кафедрой, когда увидел их вдвоем мило беседующими за столиком в кафетерии. Вид жирного грушеобразного тела Паульсена рядом с изящным юным телом Нанны болью отозвался в душе Пола, а мысль о сальных анекдотах, которые он наверняка ей рассказывал, заставила корчиться в конвульсиях. Поскольку Паульсен

никогда не был ему равным соперником, Пола удивила собственная ревность. Но он ревновал.

Пол, как и большинство людей, время от времени испытывает и ревность, и зависть. Но он не патологически ревнив или завистлив, ни в коем случае, и у него хватает ума обуздывать свои эмоции. Например, он до сих пор помнит, как его однокашник получил стипендию, а на его проекте написали «достойно поддержки», а денег не дали. Когда через год ему удалось протащить свое заявление через все инстанции и стать-таки стипендиатом, он, в припадке самоиронии и уничижительного самоанализа, наклеил на свою дверь прямо под табличкой, которой он так гордился («Пол Бентсен, университетский стипендиат»), листок с цитатой из Гора Видала:[52]«Всякий раз, когда удача улыбается моему другу, что-то во мне умирает». Этот листочек провисел недолго. Когда Мортен в первый раз зашел к нему, то сорвал бумажку и скомкал ее. «Ты же хочешь произвести хорошее впечатление?» Пол кивнул. Мортену не стоило спрашивать. Потому что все, кто знаком с Полом, знают, что он всегда хочет произвести хорошее впечатление. «Не луч-

[52] Примечания: 52

Юджин Лютер Гор Видал (р. 1925) — классик американской литературы второй половины XX века.

шая реклама для тебя, — сказал Мортен, сжимая в руках листок». — «Это была шутка», — объяснил Пол. «Это слишком похоже на правду, чтобы быть смешным», — сказал Мортен и швырнул скомканный листок в коридор кафедры лингвистики.

— Нам сейчас очень важно поддерживать хорошие отношения с Паульсеном, — неожиданно заявила Нанна, и Пол вздрогнул.

— Да, естественно, — сказал он. — Естественно, важно.

— Может, ты чуть-чуть ревнуешь?

— Не-е, — ответил Пол.

— Он, конечно, чрезвычайно неаппетитная особь мужеского пола, — произнесла Нанна и от отвращения скривила свой сладкий ротик.

— Да уж, — интеллигентно подтвердил Пол.

— Но важно, чтобы он был на нашей стороне, когда мы будем готовы к презентации.

— Если, — прервал ее Пол и снова почувствовал себя хозяином ситуации.

— Что «если»?

— Я просто поддразниваю тебя. Думаю, у нас будет презентация, Нанна.

Обсуждая презентацию, Нанна по-детски оживилась.

— Может быть, мы могли бы устроить ее в

кафетерии, — предлагала она. — Или снять зал Академии наук. — Потом она долго болтала о цветочных украшениях, канапе и шампанском, после чего произнесла то, над чем, кажется, долго думала: — Я хочу, чтобы мы оба стояли там бок о бок, рассказывая обо всем, чего достигли вместе.

Полу понравилось то, что она сказала, ему это очень понравилось, ему это настолько понравилось, что он больше не хотел об этом говорить. Он должен был помусолить эти слова во рту («бок о бок»), почувствовать их на вкус («мы»), переварить их («мы оба»).

— Пойдем! — неожиданно сказал он. — Пойдем в другое место.

Нанна не ответила, хихикнула, но послушно стала одеваться. Пол подал ей пальто. У нее было пальто синего цвета с меховым воротником, и оно, как это ни удивительно, шло ей так же, как шла порядочность несколько минут назад.

— Куда мы идем? — поинтересовалась Нанна. Пол не ответил. Он взял ее за руку, и они побежали по лестнице на первый этаж, оттуда — в Исследовательский парк, и он чувствовал себя мальчишкой, который несется по улице рядом со своим лучшим другом. Они пошли шагом, только выскочив из здания.

Пол и Нанна быстро шагали по улице Блиндернвейен, перешли через мост над трамвайными путями и двинулись в сторону района Майорстюэн. На дворе стоял самый холодный месяц года. На улице Апалвейен Пол поймал такси.

— Садись, — приказал он, стараясь сгладить употребление императива шутливой интонацией. В эти игры он играть умеет.

— Куда мы едем? — спросила Нанна и без всякой дальнейшей помощи с его стороны приняла пассивную роль несведущей. Прекрасно, она тоже знает эту игру.

— Будем праздновать, — ответил Пол и попросил таксиста отвезти их в недавно открывшийся ресторан «Ел-ем-съем» на улице Богстадвейен. Несколько дней назад Пол слышал, как Мортен расхваливал их кухню, и взял ресторан на заметку как из-за названия, так и из-за гастропанегирических излияний Мортена. Пол мгновенно проникся доверием к ресторану, название которого представляет собой глагольную парадигму.

Полный ожиданий, он решительно распахнул дверь в ресторан и пропустил Нанну вперед, но, зайдя в помещение, понял, что ошибся. Здесь слишком светло, столики стоят слишком близко друг к другу, здесь слишком шумно, слишком

много смеха. Он хотел, чтобы Нанна принадлежала только ему. Он развернулся в дверях, потянул за собой Нанну, вышел на улицу и остановил не успевшее уехать такси.

— И куда же мы теперь? — спросила Нанна, и в ее голосе послышалось легкое раздражение.

— Мы же собрались праздновать, — ответил он настолько уверенно, насколько может говорить мужчина, покоривший множество женских сердец. Они сели в машину. — Пожалуйста, поезжайте вперед по улице, — сказал Пол таксисту, и когда они приблизились к ресторану «Дели де Лука», он попросил водителя остановиться, а Нанну — подождать в машине, сам же забежал внутрь, замер на несколько секунд, после чего бросился к стойке и стал заказывать разную пасту. Он вдруг почувствовал, что ужасно голоден и мог бы съесть быка. Порцию этого, порцию того, пару порций вот этого — он произвольно указывал на дымящиеся блюда. Одну с томатным соусом, одну с белым и кусочками ветчины, вот это, похожее на песто, и одну с тунцом и кукурузой.

Пол в нетерпении наблюдал за продавщицей, наполняющей один контейнер за другим, затем подошел к стойке с мороженым, выбрал несколько самых ярких видов итальянского мороженого

(фисташки, малина, манго) и заказал по три-четыре порции каждого. В последнюю секунду он схватил четыре кокосовые булочки — гораздо крупнее тех, что они обычно едят с мамой. Эти булочки были просто огромными, как четыре башни, запорошенные снегом. Пол положил их поверх всех контейнеров. Заплатив за покупки, он с двумя огромными мешками вернулся к такси, которое стояло передними колесами на тротуаре, двигатель работал.

— Ой, — сказала Нанна. — Ты проголодался, Пол?

— Очень, — ответил он, — очень. На улицу Нильса Хенрика Абеля, пожалуйста.

— А как, собственно, начался этот проект? — спросил Пол, положив руку на спинку сиденья за ее плечами. — Я имею в виду, как тебе в голову пришла эта идея?

Нанна хихикнула, глядя в окно, а потом ответила:

— Это случилось несколько лет назад. Когда я еще жила дома. Мы собрались сделать ремонт в ванной.

— Да ты что? — удивился Пол. От нее пахло чем-то мятно-сладким.

— Пришел водопроводчик и взломал старый

пол, а когда я вернулась домой из университета, он как раз закончил монтировать теплопровод: уложил его кольцами и петлями и собирался залить.

— И что?

— В тот момент я это и увидела.

— Что увидела?

— Рисунок, схема нашей формулы, он был в этих шлангах, запутанный, но упорядоченный рисунок.

— Это правда?

— М-м-м.

— Серьезно?

— Почти. Во всяком случае, неплохая история.

Они громко засмеялись, возбужденные успехом и друг другом. Когда машина повернула на улицу Киркевейен, рука Пола упала со спинки сиденья на плечи Нанны. Зимним вечером такси похоже на теплый мыльный пузырь, изолированный от остального мира. В нем тесно, поэтому сидеть приходится очень близко друг к другу. В нем темно, поэтому никто не видит, что человек делает, даже сам человек. Зимним вечером в такси между двумя людьми может произойти такое, чего не случилось бы в другом месте. Еще не доехав до района Мариенлист, они поцеловались, а после

поворота на улицу Согнсвейен, поцеловались еще раз, долго и крепко.

Пол отпер дверь, вошел первым, отшвырнул кроссовки, стоявшие посреди прихожей, пошел дальше, убрал футболку с дивана в гостиной и молочный пакет со стола. «Минутку», — сказал он и побежал в подвал, чтобы положить в морозилку подтаявший лед, и попутно захватил оттуда самое лучшее вино, какое у него было, «Сассикайя 1995».

Оно пролежало там более трех лет. Это очень дорогое вино, подарок Мортена на тридцатилетие Пола, а Мортен знает толк в винах. По его указанию Пол спрятал бутылку для особого случая. («И запомни, — сказал тогда Мортен, — каждая цыпочка, прости, дамочка, которую ты затаскиваешь домой на бокальчик вина, это не „особый случай“».) Но сейчас был именно такой случай: они с Нанной будут отмечать завершение проекта; то, что они доработали его вместе, разгадали лингвистическую загадку, это почти научный подвиг, и они достигли результатов, которые, вполне вероятно, смогут принести солидный доход. Кроме того, он три раза поцеловал Нанну, а теперь она здесь, в его доме. Тот самый особый случай. Даже вечный скептик Мортен

признал бы это.

Пол оставил вино на кухне «подышать», и, напевая, перелил его в графин — продолжая следовать строгим инструкциям Мортена, — взял пару тарелок и приборов и пакет с едой, брошенный в прихожей.

Когда он вошел в гостиную, то увидел, что Нанна сидит посередине дивана, положив ногу на ногу и раскинув руки. Женщина на светлом арбузно-красном диване похожа на четкий, почти белый крест на алом. Хорошо, подумал Пол. Красивые, уверенные в себе девушки должны садиться посередине мягкого дивана. С застенчивыми девушками, предпочитающими устраиваться на неудобных стульях, так много проблем, думал Пол, забыв, что пару лет назад посчитал Аину совершенно неотразимой именно потому, что она села на жесткий деревянный стул, и что сегодня днем он мысленно воспевал скромность Нанны.

— Я хочу пригласить Хомского, — произнес крест на красном диване.

— Ого, — сказал Пол, накрывая журнальный столик. — Хотя почему бы и нет? Худшее, что может произойти, это то, что Ноам откажется.

— Это же такое великое дело. Ну, то, до чего мы додумались. Представь, что будет, если он

приедет.

— Мы можем провести для него экскурсию по четвертому этажу кафедры и показать бесцветные зеленые идеи, парящие под потолком. Паульсен может поработать гидом. Ему понравится.

— Кому из них?

— По крайней мере, Паульсену.

— В любом случае мы пригласим всех сотрудников Центра выдающихся исследований из Тромсё, и министра науки и образования, и….

— …и представителей крупных компьютерных фирм. Пожалуйста, угощайся! Ты видишь, еды хватит на всех!

Пол уже понял, что немного увлекся мыслями об успехе и ликующих народных массах, но Нанна в своих мечтах зашла гораздо дальше. Пол не осуждал ее. Совсем нет. Нет, из-за этого его уважение к ней не стало меньше, напротив, он ее прекрасно понимал и восхищался тем, что она, в отличие от него, даже не стыдится подобных мыслей. Для нее день презентации — это бриллиант в короне, она много думала об этом событии, мечтала о нем, стремилась к нему в тяжелые рабочие дни и долгие вечера, не приносившие результатов. Он осознал, что истинным жела-

нием Нанны является обнародование проекта. Но было и кое-что другое, а именно желание получить признание. Это тешило ее тщеславие. Поскольку подобные мысли посещали и его, он великодушно простил ей все фантазии по поводу великого дня. Конечно, он простит! Но речь идет не просто о презентации. Речь идет о деньгах. Речь идет о постоянной работе, о приглашениях на конференции, о солидных субсидиях на новые проекты.

Пол расставил по столику блюда из «Дели де Лука». Этого ужина было бы достаточно, чтобы накормить полдюжины голодных филологов, а здесь присутствовал только один. Еда почти совсем остыла, но тем не менее была очень вкусной. Он ел быстро и наслаждался пищей. Нанна ела мало (Пол испытывал от этого разочарование, хотя и не понимал почему).

— А лучше всего, — внезапно произнесла Нанна, — то, что мы сможем продемонстрировать, что являемся успешным авторским коллективом. Авторской парой, — уточнила она, делая ударение на слове «пара».

— За это надо выпить, — сказал Пол. (Ужин им пришлось запивать водой и остатками вина из картонной коробки, поскольку Полу даже в го-

лову не пришло ослушаться строгих инструкций Мортена по поводу того, чтобы дать вину «подышать» и перелить его в кувшин. Он не имел ни малейшего понятия, как означенные операции могут повлиять на вкус напитка, однако делал все так, как обещал, поскольку очень уважал Мортена и знал, что тот спросит, в точности ли Пол выполнил его указания.)

Сначала он наполнил ее бокал, потом свой. Вино было невероятно вкусным, как и обещал Мортен, они выпили за «РЕВ 21», за самих себя, за будущие проекты. И за авторскую *пару.*

Они решили пригласить толстосумов-инвесторов, все правительство, всех, кто имеет вес в компьютерной области в ЕС. *Sic itur ad astra!*[53] Они были уверены, что Хомский приедет, и Джек Миллз тоже, а может, и Соссюр, несмотря на то что умер около ста лет назад.

Заливаясь смехом, они высчитывали, сколько миллионов заработают на «РЕВ 21».

— Черт, за таким количеством миллионов трудно уследить! — воскликнул Пол и достал логарифмическую линейку.

Линейку ему подарил отец Мортена, препода-

---

[53] Примечания: 53
Таков путь к звездам! *(лат.)*

вавший точные науки. Этот пожилой человек предпочитал логарифмическую линейку калькулятору. Однажды Мортен с Полом искали мел и нашли в кармане его пиджака линейку. Они сидели на диване и болтали о футболе, при этом Пол внимательно изучал инструмент. Никогда раньше он не видел ничего подобного: белая пластмассовая полоска, похожая на обычную линейку, но с большим количеством рядов цифр, красных и черных, написанных разными шрифтами. И еще на линейке была прозрачная плоская пластина с окошком, которую можно двигать в разные стороны. Пол и Мортен только что перешли в старшие классы школы района Мариенлист. Пол, который уже на протяжении многих лет слыл математическим гением, очень быстро понял, как работает этот инструмент. Отец Мортена не обрадовался тому, что мальчики рылись у него в карманах, но догадливость Пола произвела на него сильное впечатление, поэтому на Рождество отец Мортена подарил ему логарифмическую линейку. С тех пор она всегда лежит у Пола во внутреннем кармане. Она незаменима как для вычислений, так и для покорения девушек.

Пол и Нанна были расслаблены и смешливы.

У Нанны раскраснелись щеки, как при высокой температуре.

— Мы непобедимы, мы — суперлингвисты, — объявил Пол, отбросил логарифмическую линейку так, что она проехала по столу, затем встал с кресла и сел рядом с Нанной. Они подняли еще один бокал, чокнулись, причем слишком сильно, и Нанна безудержно захохотала. Потом она встретилась взглядом с Полом, и оба стали серьезными.

Пол взял у нее из рук бокал и поставил на стол рядом со своим, поцеловал ее и завалил на спину.

Полураздетая Нанна сидела на арбузно-красном диване и тихо плакала.

— Мы не должны были этого делать, Пол. Я очень этого хотела, но… я не должна была. Мне так плохо, — сказала она, и слеза скатилась по ее щеке.

Пол вновь обратил внимание на то, что у Нанны очень светлые волосы, совсем как у маленькой девочки в середине лета, а покрасневшие глаза блестят. Он натянул брюки, застегнул ширинку, чувствуя себя брутальным самцом, накинувшимся на нее, добившимся ее силой. И теперь он беспомощно смотрел на Нанну, рассеянно

похлопывая ее по шее, хотел сесть рядом с ней, но передумал и уселся в одно из кресел.

— Ты хочешь поговорить? — спросил он осторожно. Пол хотел, чтобы она объяснилась, и больше всего на свете желал поддержать ее. Вместе с тем он испытывал неприязнь, ему было невероятно грустно потому, что им приходилось обсуждать такое именно сейчас, после того как они наконец были близки. Он не испытывал никакого любопытства, в данную секунду ему хотелось замести личную жизнь Нанны под ковер и оставить там до следующего раза, обнять ее и снова поцеловать. Черт бы побрал этого Кристиана с буквы «К».

— Вообще-то между мной и Кристианом все кончено.

— Вообще-то?

— Да. Из-за тебя. Но он не хочет переезжать, а я не решаюсь…

— Что ты не решаешься?

— Не решаюсь торопить его. Он может… сильно…

— Сильно что?

— Нет… ничего.

— Что сильно, Нанна?

— Кристиана очень легко разозлить.

Пол тут же придвинулся к ней, она медленно рассказывала, и он чувствовал растущую ярость по отношению к Кристиану за то, что тот делает с Нанной, за то, что он вообще существует. С другой стороны, Пол не знал, что сказать ей: что обычно говорит мужчина женщине, живущей с другим мужчиной, который, возможно, ее обижает — ведь она именно это имела в виду? Он не решился спросить. Наступила тишина.

— Теперь твоя очередь, — наконец произнесла она, и голос ее снова повеселел.

— Ах вот как, — ответил Пол, застигнутый врасплох.

— Да, теперь ты можешь рассказать немного о себе, я больше не могу говорить о своих унижениях, — последнее слово она произнесла с гримасой, чтобы он понял, какое оно сильное, хотя оба они знали, что оно самое подходящее в этом случае.

— Тогда я расскажу тебе о маме, — сказал он после небольшой паузы. Он сидел очень близко к Нанне, наматывая один из ее светлых локонов на палец, но ее волосы были такими короткими, что локон постоянно соскальзывал, и Пол наматывал его снова и снова. Он почувствовал мягкий и приятный аромат искусственных цветов.

— Мне наверняка было не больше пяти лет.

Мы с мамой ехали в трамвае в центр, мы сели на пересечении улиц Согнсвейен и Киркевейен, и мне разрешили купить у кондуктора билеты. Я попросил у него полтора билета — мама обычно говорила «один и половинку», но я, конечно, не хотел быть «половинкой»! Мне обещали купить пирожное в кондитерской Халворсена, и я пребывал в состоянии, которое можно назвать «бесконечно прекрасным настроением». Я смотрел в окно, мама сидела рядом, мы ехали по улице Тересе и недалеко от стадиона «Бишлетт» увидели встречный синий трамвай. Тот трамвай был одновременно ужасным и прекрасным. И мне кажется, именно после этого я начал напевать, а через некоторое время запел громко и четко, высоким мальчишеским голосом. Поначалу, скорее всего, я не отдавал себе отчета в том, что делаю, но потом увидел, что мама смотрит на меня и улыбается. Потом я заметил, что мама кивает и улыбается другим пассажирам, улыбавшимся ей в ответ и поглядывавшим на меня. Я сообразил, что обычно люди не распевают во весь голос в общественном транспорте и что всем показалось замечательным, что я, маленький непосредственный мальчик, ничего не знал об этих правилах. И внезапно у меня на душе стало

скверно, я почувствовал себя полным придурком. И все-таки продолжал петь до самой нашей остановки на площади Хольберга.

Он замолк, посмотрел на Нанну. И на какой-то краткий миг ему показалось, что она поняла значение этой истории, потому что эта история свидетельствовала о том, что они на самом деле созданы друг для друга.

Он закрыл глаза и протянул к ней ладонь, их пальцы переплелись. Потом он приоткрыл глаза, а она потупила взгляд и вытянула губы для поцелуя, и Пол осознал, что она понятия не имеет, как ответить на его рассказ. Она бормотала, что это была красивая история, она была сама доброжелательность, но голос ее прерывался.

А как она могла понять, к чему он все это рассказывал? Он и сам этого не понимал. Просто он так хорошо помнил тот день.

Было очень тепло, город накрыла сухая жара, окно в трамвае, старомодное, отодвигающееся в сторону, было открыто, в воздухе дрожала асфальтовая пыль. Пол был в старых шортах цвета хаки и новом джемпере, голубом, как небо, он гордился джемпером с того самого момента, как надел его утром. Он помнит светлую кассу кондуктора, звук мелочи, которую получил на сдачу,

и два билета — да, маме дали два не оторванных друг от друга билета. Он помнит, как запах мамы, привычный сладкий запах мамы, смешивался с запахами других пассажиров. Сиденья были обтянуты черной кожей, к которой прилипали его потные ноги, он приподнял ноги и заметил, как кожа растягивается, прежде чем отлепиться от сиденья. Внутри него зародилась мелодия, она росла и крепла и наконец вырвалась изо рта. Он стал напевать, и тело его дрожало от восторга. Он видел собственное нечеткое отражение в окне трамвая, дома и улицы, проплывающие по его лицу, проезжающие по щекам и исчезающие. Машина гудит, встречный трамвай ревет и пролетает мимо, и скоро они с мамой будут есть мороженое. Он пел все громче и громче. Но вот он заметил, что мама смотрит на него, пряча улыбку. Она встретилась взглядом с женщиной с высокой прической, сидящей через проход, их взгляды пересеклись где-то поверх его головы. В то же мгновение он понял, что они улыбаются из-за него, из-за его тонких ножек, прилипших к сиденью, из-за красивого голубого джемпера, и прежде всего из-за его пения. Он хотел остановиться, но не мог, он должен был продолжать петь ради мамы. Он не понимал, почему не может

просто замолчать. Он продолжал прикидываться наивным и беспечным, делая вид, что не замечает направленных на него взглядов. Когда в тот вечер мама пришла пожелать ему спокойной ночи, он дернул ее за волосы.

Он никогда никому не рассказывал о случае в трамвае, это ведь всего лишь незначительный эпизод, но под ним в сознании Пола лежит история о том, как у него появился шрам. Гладкий, цвета топленого молока шрам на внутренней стороне левого бедра. Шрам, увидев который ни одна женщина не может удержаться от комментариев или вопросов. История, которую жаждали услышать все женщины Пола, но ни одна из них так и не услышала. Когда на следующий день в конце длинного разговора о «РЕВ 21», вине и Нанне Мортен поинтересовался, как Нанна спросила о шраме, Пол после минутного размышления должен был признать, что Нанна вообще о нем не спрашивала. Нанна стала первой женщиной, которая занималась с Полом сексом и ничего не сказала о шраме. «Значит, вы поженитесь?» — осведомился Мортен. «Да», — ответил Пол.

— Твое здоровье, — произнесла Нанна после паузы в их разговоре, и это была совершенно уместная реплика, нейтральная, веселая, по-

буждающая к действию. Они подняли бокалы и проделали весь ритуал: заглянули друг другу в глаза, сделали глоток, кивнули друг другу — и отчаянно попытались вернуться к тону, царившему в их разговоре до секса, до короткого рассказа о Кристиане, до истории с пением в трамвае. У них почти получилось.

Когда Нанна и Пол осушили бутылку вина, они договорились, что будут отмечать окончание революционного лингвистического проекта тоже бутылкой «Сассикайа 1995». Каждый раз, когда у них будет подобный повод, они будут пить это вино, проще говоря, это станет традицией.

С некоторым облегчением они констатировали, что вина больше не осталось, что уже поздно, а Нанне надо рано вставать. На следующий день она должна была ехать в Стокгольм на встречу по оценке программы обмена студентами-лингвистами между скандинавскими странами, куда ее командировал Паульсен.

— Я ничего об этом не знаю, но думаю, что Паульсену ужасно не хотелось ехать самому, — сказала Нанна и добавила, что у этой поездки есть и положительные стороны, например, она успеет встретиться со своим нейролингвистом. — Он, естественно, еще не знает, что мы, то есть

ты, сегодня нашел недостающее звено. Я мечтаю увидеть его лицо, когда преподнесу ему завтра готовую формулу. Глагольная фраза как проекция языка программирования! — И она, как и раньше, захлопала в ладоши от восторга и в этот момент стала так похожа на маму, что у Пола ком подступил к горлу.

Они стояли в прихожей, Пол вызвал такси, оно было уже в пути. Нанна надела пальто, Пол взял ее лицо в свои руки и целовал ее веки, снова и снова.

— Прости, — бормотал он.

— Я позабочусь о том, чтобы Кристиан переехал, — сказала она, не открывая глаз.

Несмотря на то что в первый раз Нанна расплакалась, они продолжали заниматься любовью на арбузно-красном диване, как только представлялась возможность. Это происходило не очень часто, но достаточно часто для того, чтобы Пол начал испытывать угрызения совести. Не из-за Кристиана, а из-за того, что Нанне не удавалось скрывать мучений по поводу неверности. Потом они всегда лежали, обнявшись, потные от любви, уставшие и удовлетворенные, и каждый раз Пол целовал ее веки, как тогда, в прихожей. Он решил больше не беспокоить Нанну разговорами о Кри-

стиане. Рано или поздно у нее хватит мужества и сил покончить с ним, а Пол ей в этом поможет.

Как непривычно было видеть Нанну на бархатном сине-сером диване в маминой гостиной. Она чужая здесь. То, что она сидит посреди маминого дивана с уверенностью на лице и улыбкой в глазах — это большая ошибка. Внезапно Пол начал испытывать неудобство и больше не мог смотреть на Нанну.

Мама Пола сбегала в кухню и обратно («Извините за метания», — сказала она и кивнула Нанне), принесла чашки, чайник и блюдо для кокосовых булочек — ради такого случая она решила не выкладывать их просто на стол. На столике из красного дерева много жирных кругов от огромного количества кокосовых булочек, съеденных за долгие годы, и это помимо светлых окружностей от чашек и стаканов. Хотя Пол заранее предупредил, что они придут вдвоем, мама не слишком озаботилась наведением порядка. Стол она, конечно, протерла, но от жирных пятен просто так не избавишься. Клочья ворса мягкими комками лежали вдоль стен, окна были пыльные, повсюду стояли неаккуратные и неустойчивые кипы книг. Но все следы маминого литературно-

го *alter ego*[54] были уничтожены, а дверь в будуар Паулетты заперта.

Нанна с благодарностью согласилась выпить чая, но отказалась от кокосовых булочек. Она сказала, что собирается с подругой в театр, поэтому зашла ненадолго.

— Спасибо, мама, — поблагодарил Пол и взял кокосовую булочку, но он так нервничал, что когда коснулся ее большим и указательным пальцами, то немного не рассчитал силу и шоколадная глазурь расплылась по кончикам его пальцев. Когда десять минут назад мама открыла им дверь и Пол должен был представить ее и Нанну друг другу, он вспотел. Но он говорил правильные слова, улыбался и, наверное, казался таким же, как всегда. Во всяком случае, он был уверен, что Нанна ничего не заметила, но когда они на мгновение остались наедине с мамой, та бросила на него изучающий взгляд. Он взял ее за кончик носа и покрутил его, но эта ласка не произвела обычного магического эффекта: мама не рассмеялась, а продолжала смотреть на него.

— Все хорошо, Пол, — сказала она со снисходительностью в усталом голосе.

---

[54] Примечания: 54
Второе «я» *(лат.).*

Мама, Нанна и Пол сидели вокруг столика из красного дерева, посреди стола стояла старая (и не совсем чистая) хрустальная ваза с тремя каллами, которые Нанна принесла маме. Их простые линии и запах свежести казались чужеродными в маминой беспорядочной, забитой вещами гостиной. Даже Пол, несмотря на отсутствие интереса к цветам и интерьерам и влюбленность в Нанну, видел, что бело-желтые цветы совершенно не сочетаются с бархатным диваном, грудами книг, грязными окнами и сильно пахнущим жасминовым чаем.

Он жевал свою кокосовую булочку. Мама улыбалась, Нанна улыбалась ей в ответ. Вот Нанна наклонилась и положила руку на мамин локоть. Все идет хорошо! Пол почувствовал облегчение. «Кажется, две мои женщины нашли общий язык», — подумал он, испытывая удовольствие от притяжательного местоимения «мои».

Мама расспрашивала о проекте, Нанна восхищалась вкладом Пола в его разработку, а Пол превозносил Нанну до небес. Но вот все закончилось, Нанна встала:

— Простите, что не могу посидеть подольше, но мне надо идти, а то не успею в театр.

Он проводил ее в прихожую, помог надеть

пальто с меховой отделкой, последовал за ней на лестницу и вниз по ступенькам до самых синих входных дверей и там поцеловал ее на прощание. Он поцеловал Нанну в лоб, хотя почувствовал, что мог бы поцеловать и в губы, потому что всегда кажется, что ее рот готов к поцелую, а сейчас и ее глаза не возражали против поцелуя в губы. Он не совсем понимал, выбрал ли лоб Нанны, а не ее губы, из-за маминого присутствия четырьмя этажами выше или же из-за существования Кристиана с буквы «К».

Нанна такого низкого роста, что для того, чтобы поцеловать ее, ему приходится нагибаться. Чтобы оказаться одного с ней роста, он может либо свеситься, как великан с печи, либо согнуть ноги в коленях. Обычно он предпочитает сгибать спину, а не колени, что сделал и сейчас. И вот теперь, выпрямившись после поцелуя, Пол стоял, вытянувшись во весь рост, и смотрел сверху вниз на Нанну, точнее на ее макушку, потому что она склонила голову. Он не мог не заметить, что она осветляет волосы, что у корней волосы на несколько тонов темнее, чем остальная шевелюра, которой он восторгался как в одиночестве, так и в обществе мамы и Мортена. Он не удивился, он полагал, что, вероятно, на свете меньше женщин

с естественным цветом волос, чем крашеных, но тем не менее почувствовал легкое разочарование, словно она его одурачила.

— Мне надо идти, — произнесла она, он открыл перед ней дверь и смотрел ей вслед, пока Нанна не свернула в один из переулков, отходящих от улицы Фагерборггатен.

Запыхавшись, Пол вернулся в квартиру, и, естественно, ему не терпелось узнать мнение мамы о Нанне, о «моей избраннице», как он весело именовал ее.

— Пол, — сказала мама очень серьезно.

— Да?

— Мы должны поговорить об этом.

— Она тебе не понравилась?

— Нет. Она мне не понравилась. — Мама помолчала некоторое время, потянулась за своей чашкой, но больше не могла сдерживаться. Пола прошиб пот, когда ее ладони с громким восторженным звуком вновь и вновь стали ударяться друг о друга: — Она мне не понравилась. Я в нее тоже влюбилась. Она просто феноменальная!

— Да, правда? — сказал он с облегчением.

— Чудесные глаза.

— Да!

— Фантастические волосы.

— Хм-м, — произнес Пол.

— Красивые руки.

— Да, это точно, — подтвердил Пол, довольный, словно создал их сам. — И славный носик.

— Как маленькая кнопка, — сказала мама.

— Да, — ответил Пол. — Такой славный и такой маленький.

— У вас будут красивые дети.

— Ну мама!

— И мне кажется, тебе только на пользу общение с решительной дамой, — произнесла мама.

— Решительная? Нанна?

— Да, она прекрасно знает, чего хочет.

— Да, но мне кажется, что как раз это не самая характерная ее черта.

— Но она на самом деле решительная, Пол. Я уверена.

— Ты словно хочешь намекнуть, что она властолюбива и манипулирует людьми.

— Нет-нет-нет, — запротестовала мама, смеясь, — перестань, пожалуйста!

Пол тоже засмеялся. Сначала он преданно и ласково смеялся над мамой, потому что истолковал ее реакцию как признак ревности и чувства собственничества. Потом он горько смеялся над собой, над своей гиперчувствительностью и

чрезмерной реакцией. Конечно, то, что Нанна понравилась маме, значило для него очень много. Он смеялся и сердился одновременно, потому что очень ждал того момента, когда они с мамой наконец поговорят обо *всех* замечательных качествах Нанны, а мама вместо этого говорила, что та несовершенна. Пол протянул руку, чтобы снова в шутку схватить маму за кончик носа, но передумал. Он устал и больше не мог шутить.

В разговоре мамы и сына возникла пауза, а потом мама внезапно завела речь о Туне, первой возлюбленной Пола, и о Том происшествии. Опять То происшествие. Но возможно, все, что случилось с ним после него, было все время скрыто в глубине его души, возможно, события не могли развиваться иначе? Сейчас мама говорила о Туне и о том, как Нанна напоминает ее.

— Чем это? — спросил Пол. — Они разные как небо и земля.

— Ну-у-у, — протянула мама, — кое в чем они все-таки похожи. Ты относишься к Нанне так же, как относился Туне. Только не предавай Нанну, Пол.

— Все, хватит, перестань, — попросил он.

— Тебе так хочется ей понравиться, — проговорила она. Он не ответил. Естественно, он не хочет

отвечает на такие глупости. — Пол?

Нет ответа.

— Пол?

— Да?

— Ты что? Перестань! Кстати, не хочешь взять с собой несколько страниц книги, над которой я сейчас работаю?

— Это та, про гувернантку?

— Да. Ее зовут Элизабет. А как…. Как тебе понравился «Дом, который уснул»?

— Черт, я забыл про него! — вырвалось у Пола, и поскольку он до сих пор был немного обижен, то произнес это совершенно не стыдясь, не добавляя извинений, как сделал бы при других обстоятельствах. — Но я дочитаю его, как только приду домой. — И мама знала, что он не врет.

Он ушел гораздо раньше, чем планировал, отчасти потому, что был немного растерян из-за предостережения мамы по поводу предательства Нанны, отчасти потому, что ему захотелось пойти домой и дочитать «Дом, который уснул», хотя он и не забыл, как заканчивается этот рассказ. А может быть, он даже дочитал его, просто ему не хотелось снова слышать напоминания о неприятном эпизоде?

Мама дала ему несколько листов рукописи про

зеленоглазую Элизабет, дотянулась и поцеловала его.

— Пол, — прошептала она ему в ухо, и Полу показалось, что у него в голове бушует метель, он повернулся, потому что боялся щекотки, как маленький: — Пол, я думаю, что Нанна… фантастическая. И не верь ничему другому!

Дома, в гостиной, Пол налил себе коньяка, лег на арбузно-красный диван, где занимается любовью с Нанной, и взял рукопись рассказа, написанного мамой больше двадцати пяти лет назад на старой печатной машинке без функции исправления ошибок. Когда она печатала, он, возможно, был в школе или играл вместе с Мортеном на поросших травой холмах около интерната для детей с ограниченными возможностями. А может, спал в своей комнате под плакатами с Кевином Киганом и Реем Клеменсом.[55]

Желтоватые, скрепленные вместе листы лежали в боковом кармане его папки с тех самых пор, как он взял их у мамы в октябре, больше трех месяцев тому назад. Он открыл брошюру на третьей странице и продолжил читать:

---

[55] Примечания: 55

Кевин Киган, Рей Клеменс — знаменитые английские футболисты.

В ту ночь мальчик просыпался несколько раз, ему снилось, что он плывет на корабле по большим волнам.

Он лежал в кровати, когда мама читала ему это вслух, и раскачивался вверх и вниз, словно был героем рассказа.

На следующее утро, когда мама открыла дверь, а мальчик раздвинул шторы, он закричал так громко, а мама замерла так тихо, что папа тут же примчался посмотреть, в чем дело. Все трое стояли, тесно прижавшись друг к другу, и выглядывали на улицу. Они находились не на поляне в темном лесу. Вокруг них сновали гудящие автомобили, бежали люди, зажав под мышкой сумки и папки и покрикивая друг на друга громкими голосами, дрались коты, лаяли собаки, одна из которых даже подбежала к маленькому белому домику, задрала заднюю лапу и описала его угол.

«Ты что, мама!»

А вокруг стояли такие высокие и боль-

шие дома, которых никто в семье раньше не видел. Ни мама, ни папа, ни мальчик — ни даже беленький маленький домик — не знали, что на свете бывают такие высокие и большие дома. Большие дома наклонились и с кислой миной разглядывали маленький белый домик. Дом изумленно моргал своими окнами и был ужасно расстроен.

Весь день мама, папа и мальчик сидели на крылечке перед маленьким белым домом, стоявшим теперь посреди улицы в большом городе. Машинам приходилось объезжать его, и водители гневно грозили кулаками. Когда стало смеркаться, семья ушла обратно в свой дом. Мама закрыла дверь (даже заперла ее), папа выключил свет (но оставил лампу в коридоре на втором этаже), а мальчик плотно-преплотно задвинул шторы. Потом они легли в свои постели, долго ворочались, но в конце концов уснули.

Следующую ночь мальчик тоже спал беспокойно, ему снова снилось, что он плывет на корабле по большим волнам. Но он не просыпался, просто перевора-

чивался на другой бок. Дом скрипел и шевелился, и мальчик открыл глаза раньше обычного, но продолжал лежать в постели до тех пор, пока не начало светать, пока дом не замер на месте и он не услышал, как проснулись мама с папой.

Когда совсем рассвело, мальчик подумал, что родители уже встали. Он зашел к ним. Мама взяла его за левую руку, папа — за правую, и втроем они подошли к окну, раздвинули шторы и выглянули наружу. Теперь семья находилась не в большом шумном городе. За окном было белым-бело. Дом окружал совершенно плоский ландшафт, на улице было тихо и холодно. Бело от снега и холодно от мороза.

Читая это, Пол негодовал. Он помнил, как в этом месте рассказа его мучило любопытство. Ему было *необходимо* знать, что произойдет с маленьким белым домом дальше, и он, конечно, это знал. Пол Бентсен был сыном Марен Бентсен, он вырос на рыбьем жире и сказках. Но, хотя было совершенно понятно, что произойдет дальше, он должен был это знать наверняка. Он помнил,

как нетерпеливо слушал впечатления домика от пребывания на Северном полюсе:

> *Белые медвежата построили снежный лабиринт, тюлени жонглировали снежками, а моржи лежали большой кучей и рассказывали друг другу моржовые сказки. Маленький белый дом дрожал от холода, и слезы его, застывая, превращались в длинные звенящие сосульки, тяжело свисающие с окон и причиняющие им боль. Семья не решилась выйти на улицу. Мама, папа и мальчик сидели, дрожа, в доме, папа положил руку маме на плечи, мама обняла мальчика, а он прижался щекой к папе, так они и грелись.*

Он помнил, какое нетерпение испытывал, когда мама начинала читать ему про третье путешествие домика во сне. И теперь, лежа на арбузно-красном диване двадцать пять лет спустя, он чувствовал, как оно возвращается, одновременно отмечая, что мама была знакома с нарративным принципом тройственности и следовала ему. В этом месте повествования он всегда испытывал гордость, потому что видел мамин рассказ *насквозь*, потому что знал, что

домик скоро отправится в третье путешествие. Он не забыл и чувство удовлетворения, которое охватывало его, когда ожидания оправдывались. Потому что, разумеется, маленький беленький домик снова отправился во сне в путь. На этот раз он оказался в жаркой пустыне, где ни дом, ни семья не обрели счастья. Все это Пол помнил.

Но лучше всего он помнил конец истории. Улыбаясь, мама вошла к нему в комнату. Она держала в руках несколько листов бумаги, это конец рассказа, она только что его дописала. Пол знал, что домик заснет, но это произойдет в последний раз. Потому что теперь домик оказался дома, он вернулся к своему фундаменту, на большую поляну посреди леса, и мама, папа и мальчик поняли, что домик — это часть их семьи. Несмотря на то что Пол был еще совсем маленьким, он испытывал легкое превосходство над мамой, потому что всегда знал, чем закончится рассказ. И ничуть не сомневался, что эта концовка будет внушать спокойствие и уверенность.

Но рассказ закончился не так, как думал Пол. Совсем не так. Иногда рассказы имеют такое свойство. В романах Паулетты Рос царит детерминистский порядок, и поэтому добрый герой и красивая героиня в конце концов обретают друг

друга, а зло получает по заслугам. Но этот рассказ написан не Паулеттой Рос. «Дом, который уснул» написала Марен Бентсен, а Марен Бентсен знает, какой бывает реальная жизнь. В реальной жизни герой лысеет и на нервной почве зарабатывает язву желудка, а героиня в решающий момент не находит в себе сил уйти от мужа, каким бы занудой он ни был. Плохие люди зарабатывают деньги нечестным путем, но никто этого не замечает, поэтому они покупают шикарные яхты и всегда заказывают самое дорогое блюдо из меню. В реальной жизни рыжеволосый герой встречает рыжеволосую героиню, они целуются, он оплодотворяет ее, и больше они никогда не видятся.

Иногда человек уверен в том, как именно должна закончиться та или иная история, но тем не менее в действительности эта история завершается совершенно иначе. И тогда человек думает, что должен был все понять намного раньше. Пол и представить себе не мог, что мамин рассказ о доме, который уснул, получит именно такую концовку. Но, возможно, он должен был это понять. Ведь он жил не в одном из маминых романов, а в реальности, которая далеко не всегда похожа на сказку даже для счастливого мальчика, проживающего в 70-х годах на западе Осло. Да, у него

должно было зародиться подозрение. И может быть, именно потому, что никаких подозрений у него не возникло, он никогда не сможет забыть конец этого рассказа, тревожный конец:

Они снова были дома. Маленький белый домик вновь твердо и непоколебимо стоял на своем фундаменте, а темный лес казался добрым и безопасным. Дом почувствовал, что семья внутри него просыпается. Он счастливо вздохнул, так что стены начали потрескивать, но не слишком громко. Дом слышал, как мальчик бормочет во сне, он чувствовал, как шелестит большое одеяло мамы и папы. Дом радовался так, что почти не мог стоять на месте: скоро мама, папа и маленький мальчик проснутся и увидят, что вернулись домой. Маленький белый домик подпрыгнул от радости, и, как и было запланировано, семья проснулась. И они так приятно щекотали его, сбегая вниз по лестнице.

Когда наступил вечер, дом почувствовал себя ужасно одиноким. Мама, папа и мальчик весь день паковали вещи, рас-

кладывая их по коробкам и чемоданам. Они решили переехать. Они хотели найти себе новый дом. Они больше не могли жить в этом маленьком белом домике. Они хотели найти другой дом, который не трещал бы так страшно, не трясся бы и не бегал туда-сюда. Они хотели жить в спокойном доме.

— Может быть, в доме немного больше этого?

— Да, может быть, — кивнул папа.

— И чтобы в нем было больше окон и веранда?

— Да, звучит неплохо, — сказала мама. — А может, другого цвета?

— Синего! — произнес мальчик.

— Может быть, — ответил папа.

— Это было бы прекрасно, — сказала мама.

Все трое улыбнулись, и любой, кто их увидел бы их — а видел их только маленький белый домик, — догадался бы, что они очень-очень любят друг друга. Папа обнял мальчика, и они отправились в путь. Мама заперла дверь, закрыла глаза и выбросила ключ через левое плечо да-

леко в темный лес. И поспешила вслед за остальными.

И в этот раз его тоже охватило оцепенение, хотя он и знал, чем все закончится. Пол вновь стал разглядывать рисунок на первой странице, нарисованный наверняка им самим. Но у него не осталось совершенно никаких воспоминаний об этом. Он пытался понять, когда рисовал: до того, как узнал концовку рассказа, или после? Невозможно было сказать, поскольку неуклюжие линии детского рисунка хранили свою тайну. На картинке не было людей, но они могли находиться в доме или на работе и в школе. А может быть, они уже покинули дом.

Ему никогда не нравился этот рассказ. Но Пол не понимал, почему он вызывает у него такие сильные эмоции. Скорее всего, думал Пол, его беспокоило, что ожидания не оправдываются. Ему казалось, что его обвели вокруг пальца. Он бережно положил рукопись на книжную полку. Полу хотелось прочитать этот рассказ вслух Нанне, и он решил сделать это в ближайшее время.

Но он никогда этого не сделает. Рукопись пролежит на полке несколько месяцев. Но однажды солнечным весенним днем, когда Пол проснется

от переполняющего его счастья, он будет долго размышлять над маминым рассказом.

Потом он вынул бумаги, которые принес от мамы. Он налил себе еще коньяка и быстро прочитал четыре новые главы о красавице Элизабет с каштановыми волосами и глазами цвета морской волны. Забавно, но на сцене появился неженатый и на удивление хорошо сложенный священник. По крайней мере, в этом случае нетрудно догадаться, чем все закончится, подумал Пол. Он с облегчением улыбнулся, наслаждаясь коньяком и стилем повествования. Поставив бокал с коньяком на грудь, он поигрывал мускулами, отчего оставшаяся в бокале золотистая жидкость ходила волнами. В это же время в будуаре Паулетты его мама, одетая в писательский халат, сидела, склонившись над клавиатурой, и спокойно писала продолжение истории об Элизабет и священнике, пребывая в твердой уверенности, что в последнем томе они соединятся.

Но как только Пол допил коньяк и дочитал пятую, и пока последнюю, главу, ему снова захотелось, чтобы мама, кроме своих романов, начала писать что-то другое, что-нибудь менее предсказуемое, так сказать. «Удиви меня, мама! Попробуй себя в других жанрах!» Надо воодушевлять ее и

дальше. У него всегда это хорошо получалось.

«Мамин рыцарь», — думал Пол и снова видел себя лежащим у подножия лестницы и ее заплаканное лицо, склонившееся над ним: «Мальчик мой, ты жив?»

«Ты — мамин рыцарь», — всегда говорил дедушка. Пол этого не помнит, он вообще не помнит дедушку. Иногда он может вообразить, что помнит его и бабушку, скончавшуюся всего через несколько месяцев после своего супруга от горя, как всегда говорила мама с ее неутолимой страстью к приукрашиванию действительности, к облагораживанию истории, потому что на самом деле бабушка умерла от заворота кишок.

Пол не помнит как следует бабушку и дедушку, но у него есть туманное воспоминание о крошечной щебечущей женщине, поверх кримпленового платья которой всегда был повязан свежий передник, и о мужчине с седоватыми усами, кончики которых толстыми белыми сосульками свисали по обеим сторонам рта. В сознании Пола бабушка ассоциируется с птичкой, в то время как дедушка — с суровым, но веселым моржом. Но это не настоящие воспоминания, это воспоминания, которые он постепенно придумал, наслушавшись рассказов мамы о бабушке и

дедушке и насмотревшись на их фотографии.

Всю жизнь Пол слышал, что он мамин рыцарь. Мама лелеяла эту фразу, ласкала каждое ее слово, сколько он себя помнит. Она гордилась Полом, гордилась тем, что у них такие отношения, и хотела хвастаться своим мальчиком, ведь он этого заслуживал. Одновременно с безграничной материнской любовью и слепым эгоизмом она предъявляла ему требования, возлагала на него ответственность, приписывала роль, которую он должен был играть. Мамин рыцарь. Мамин маленький доблестный рыцарь. Именно так все и началось.

Он скользит по перилам, словно скачет на своем гордом коне на огромной скорости с четвертого этажа до самого низа. Он делает это каждый день, каждый раз, когда они собираются на улицу: в магазин, в парк или на кладбище. «Ты же будешь маминым рыцарем», — это не вопрос, а констатация факта, вопрос, на который существует только один ответ. Она об этом не догадывается, но он немеет от ужаса, находясь в силках маминой гордости и маминых рассказов о милом прозвище, которым его наградил дед. Перила между его ногами узкие и почти острые, они неприятно врезаются в брюки. Скользкие

перила из светло-коричневого дерева спускаются спиралью с верхнего этажа до нижнего, но перед каждой лестничной площадкой на них укреплен металлический набалдашник, удерживающий более толстую балясину, отмечающую переход от лестницы к лестничной площадке, после чего перила продолжают свой светло-коричневый бег вниз. Он должен напрячь мышцы и приподняться всем телом, чтобы проскочить эти набалдашники.

Пол ненавидит кататься по перилам, но он — мамин рыцарь, а мамы думают, что рыцари обожают кататься на головокружительной скорости. И он катается каждый день. До тех пор, пока в один прекрасный день не падает с перил между третьим и вторым этажом и не висит, зацепившись ногой за один из набалдашников, вспоров себе бедро. Потом материя брюк рвется, и он летит полтора этажа вниз. И он почти рад.

Его зашили. Рана в паху затянулась.

Уже в травмпункте мама строго-настрого запретила ему кататься на коне. «Пол, я больше не разрешаю тебе кататься по перилам!» Пол тяжело вздыхает от облегчения, но он уже настолько вжился в свою роль, что упрашивает ее позволить ему делать это, как только заживет рана.

«Ну пожалуйста, мама!»

Он никогда не забудет те несколько секунд бесконечного страха, пока он ждал маминого ответа, или, вернее, маминого отказа («Нет, об этом не может быть и речи, Пол!»), и он навсегда останется связан ее гордостью, негромкие отголоски которой раздались в последних словах. Мамин рыцарь.

Профессор Эдит Ринкель не относится к преподавателям, которых любят студенты. Еще менее популярной, если такое возможно, она считается в качестве научного руководителя. Студенты, которым она нравится, либо совершенно тупы и не понимают, что она считает их идиотами, либо настолько честолюбивы и способны, что умеют извлекать пользу из ее комментариев. И это в их понимании перевешивает неприятные стороны общения с ней. Все остальные, то есть абсолютное большинство, питают к ней отвращение и работают с ней только потому, что попали в число студентов, которым она назначена научным руководителем.

В этот день к ней пришел представитель абсолютного большинства, крупный, вялый, не сильно одаренный парень, который писал диплом о молодежной речи: «Сленгвич — футуристиче-

ско-лингвистический и прагмалингвистический анализ». Он был начисто лишен способности мыслить самостоятельно и не обладал профессиональной интуицией, к тому же злоупотреблял красивыми иностранными словами. Его диплом обещал стать путаным и помпезным пересказом мнений других ученых о феномене молодежной речи.

Они встретились, не скрывая отвращения друг к другу, и только воспитание помогало им не проявлять враждебности открыто. Эдит Ринкель вздохнула и предложила студенту сесть. Кресло для посетителей затрещало, когда молодой человек в него погрузился.

Ринкель *(указывая на абзац).* Не могли бы вы прочитать это вслух?

Студент *(высокомерно).* Вот это?

Ринкель. Да.

Студент *(читает медленно, с удовольствием смакуя красивые слова, прежде чем произнести их вслух).* «Предположительно с уверенностью можно констатировать, что после терминации первичной фазы вербального копирования взрослых осваивающий язык переходит к следующей фазе, при которой ассимилирует вербальные идеалы своих эксклюзивных авторитетов, то есть

ровесников».

Ринкель. Именно. Похвально, что в кои-то веки вам удалось без запинки прочитать такое длинное и сложное предложение.

Студент *(излучая радость).* Спасибо!

Ринкель. А теперь поговорим о содержании этого предложения. Вы пытаетесь сказать, что молодежи гораздо интереснее, как говорят другие молодые люди, а не как говорят их родители, не так ли?

Студент *(неуверенно).* Э-э-э. Да?

Ринкель. Так как?

Студент *(еще неувереннее).* Наверное.

Ринкель. А почему бы вам так и не написать?

Студент *(подавленно).* Это будет звучать так… банально.

Ринкель. А это и есть банально. Пишите хотя бы так, чтобы вам самому было понятно, что вы пытаетесь сказать. Увидимся на следующей неделе в это же время. И пожалуйста, Эрик, не хлопайте дверью.

Студент *(с большей уверенностью в голосе, так как уж это он знает наверняка).* Эйрик.

Ринкель *(подчеркнуто вежливо, почти покорно).* Эйрик. Прошу прощения, Эйрик.

Дверь закрылась осторожно, очень осторожно.

Бездарные и не очень одаренные студенты — это неизбежное зло для университетских преподавателей, и она должна была бы к этому привыкнуть. Но Эдит Ринкель не понимала, почему чувствует себя такой уставшей.

Вокруг было совершенно тихо, за окнами кабинета легкие снежинки падали и ложились белым покрывалом на холмы. Была середина самого короткого месяца года. Эдит удрученно откинулась на спинку кресла, обитую зеленой шерстью и обрамленную пластиком, и почувствовала себя старой, опустошенной, измотанной. Эдит Ринкель сидела точно так же много раз, ощущая острое давление пластика под лопатками и усталость во всем теле. Деревянные стулья в читальных залах имеют такие же жесткие неудобные спинки. И внезапно на нее нахлынула печаль, оттого что она провела свои молодые годы на жестких библиотечных стульях, просиживая на них по пятьдесят-шестьдесят часов в неделю на протяжении многих лет, в то время как настоящая жизнь бурлила где-то в другом месте за стенами читальных залов.

Она встала и собралась уходить. Она уже поужинала и теперь могла взять домой последнюю часть своего главного проекта, сесть на диван и

насладиться видом обувных полок.

Ей только что установили новую полку для двадцати дополнительных пар туфель. Накануне она немного переставила свою коллекцию, поместив на полки пять пар, стоявших до этого в спальне, и две пары, которые купила в Перте с Александром. Цветовой порядок на полках был нарушен, и ей не нравилось, что красные, оранжевые, золотистые и желтые туфли теперь были разбросаны по двум с половиной полкам. Это выглядело неряшливо, и разглядывание полок не приносило ей умиротворения, на которое она надеялась, и облегчения, к которому стремилась.

Эдит Ринкель быстро шагала домой. Может быть, она будет чувствовать себя лучше, если переставит туфли по-другому? Но сначала ей хотелось отдохнуть. Насладиться уютом. Расслабиться. Отключиться. Это не самые употребительные слова в лексиконе Эдит Ринкель, но именно этого ей сейчас хотелось.

Она уселась на диван, на столе уже стояли кофе и конфеты, рядом с ней лежали тщательно отобранные материалы для чтения. Прямо перед ней стояла чашка дымящегося кофе цвета ночи, немного правее чашки — открытая коробка конфет «Антон Берг». Конфеты имели форму

маленьких бутылочек и были наполнены разными алкогольными напитками. Рядом на диване лежала распечатка последней главы проекта, над которым она работала, последний номер журнала Норвежского общества пчеловодов и статья из ПНБ (Публичной научной библиотеки) «Биология», распечатанная из Интернета.

Эдит Ринкель уверяла себя, что сейчас насладится от души. Она сделала глоток кофе, откусила горлышко шоколадной бутылочки с виски, оставила на десерт последнюю главу проекта и приступила к чтению статьи из ПНБ, написанной группой немецких ученых, которая называлась «Одометрия медовой пчелы». В статье рассказывалось об эксперименте, в ходе которого пчел заставляли летать по коротким узким туннелям. На стенах этих туннелей ученые разместили различные визуальные объекты. Когда пчелы вернулись в улей, они вели себя так, словно пролетели очень большое расстояние. Поэтому очевидно, что визуальные впечатления сыграли с ними злую шутку. Результаты этого эксперимента служат доказательством гипотезы о том, что пчелы определяют расстояние на основании визуальных впечатлений, полученных во время полета. Эдит Ринкель кивнула. Это известные

вещи, то же самое происходит, если заставить пчелу лететь над водой: по возвращении домой она будет вести себя как ни в чем не бывало, в отличие от пчелы, преодолевшей точно такой же путь, но над землей. Эдит отпила кофе и развернула еще одну конфету, на этот раз с ликером «Гран Марнье». Она положила бутылочку целиком в рот и рассасывала ее, продолжая листать журнал общества пчеловодов. Распечатку главы из проекта она оставила напоследок.

Всего чуть больше трех месяцев назад они лежали на горячем желтом песке австралийского пляжа, солнце светило так ярко, что резало глаза; а лишь месяц назад она с хохотом бегала от Александра по квартире, после того как шлепнула его за то, что он посмеялся над ней, когда она сказала «милости прошу» («Эдит, ни один человек моложе девяноста лет так не говорит!») и «второй завтрак» вместо «ланч» («как говорят все нормальные люди»). Восемь дней назад он прислал ей жалостливую эсэмэску. Она не ответила. С тех пор он не подавал признаков жизни.

Эдит Ринкель прагматична до цинизма. Она не бессердечная, просто рассудительная, здравомыслящая и реалистично смотрит на жизнь. Если Рита еще некоторое время после того, как смени-

ла фамилию на Эноксен-Ли, верила в Большую Любовь и Одного-Единственного, у Эдит подобных мыслей не было никогда. Она не позволяла себе романтических заблуждений. Даже в тот миг, когда она преклонила колени перед алтарем, стоя рядом с Бьернаром, за несколько секунд до этого ставшего ее супругом, когда она поймала его взгляд, когда священник коснулся ее волос, она уже знала, что ее чувства к мужу не будут длиться вечно. Она сама себя презирала за то, что допустила подобные мысли в такой момент: стоя на коленях перед алтарем и обмениваясь влюбленными взглядами со свежеиспеченным мужем (Эдит была влюблена в Бьернара, просто, к сожалению, она слишком хорошо знала себя). Она презирала себя за подобные мысли и за то, что так хорошо себя знала. И ей не хотелось никого ранить. Когда она сказала Бьернару, что хочет развестись, что она просто-напросто не годится для супружеской жизни, что та жизнь, которой ей хотелось бы жить, нисколько не похожа на ту жизнь, которую она ведет рядом с ним, он воспринял ее слова очень болезненно. Это так сильно повлияло на нее, что больше семестра она не могла нормально работать.

В связи с этим у профессора Эдит Ринкель

существуют очень строгие критерии выбора любовников. Наиважнейшим является внешняя привлекательность: мужчина должен пробуждать в ней желание, или, скорее, удовлетворять ее похоть. Но ее любовник не должен находиться в таких жизненных обстоятельствах, при которых мог бы влюбиться в нее. Ее не интересуют никакие другие чувства, кроме сексуальных. Далее, неплохо, если любовник будет хорошим собеседником, хотя поговорить она может и с коллегами или с Ритой. Гораздо важнее, чтобы он не был слишком умным — от таких иногда трудно избавиться. Она ищет простодушных.

Профессор социологии был великолепен во многих отношениях, и их связь продлилась почти два года. Он был немного старше ее, но все еще привлекателен. Он был женат, но не испытывал никаких угрызений совести. Он был достаточно умен, чтобы вести занимательные беседы (больше всего ему хотелось бы разговаривать о столярных работах в домашних условиях или о теории социальных полей Бурдье, в соответствии с которой он распределял знакомых в зависимости от уровня общего развития или материального благосостояния). И в то же время он был немного ограниченным, что позволяло ей

водить его за нос все то время, что они были вместе. Он был достаточно наивен, чтобы поверить ей и перестать к ней приходить, после того как она извиняющимся голосом сообщила, что их отношения необходимо завершить по какой-то сомнительной причине, теперь уже забытой.

На коленях у Эдит Ринкель лежал журнал общества пчеловодов. На ее руках остались следы загара после путешествия в Австралию. Тоска по бывшим любовникам совершенно противоречит ее принципам и жизненным правилам. «Моя пчелиная королева» — так Александр называл Эдит все время пребывания в Австралии. Она должна радоваться, что все случилось так, как случилось. И он тоже. Естественно, они не смогли бы общаться так же после возвращения домой. Все эти взгляды, перешептывания, вопросы ее коллег с намеками и подтекстом, прямые вопросы его сокурсников.

«Моя пчелиная королева», — говорил он и целовал ее в лоб, в губы, в живот, повсюду. Для Эдит это было всего лишь свидетельством его молодости и неопытности. У нее не хватило духу рассказать ему: пчелиная королева действительно спаривается с десятью-двенадцатью трутнями, будучи всего нескольких дней от роду, они ухаживают

за ней и домогаются ее. Но все это происходит совсем недолго, и впоследствии она уже больше никогда ни с кем не спаривается.

Сегодня было ровно три недели с того дня, как она объявила ему о том, что между ними все кончено. Ничего личного, сказала она. Он наскучил ей, сказала она. Иначе было нельзя.

Эдит открыла журнал и пробежала взглядом последнюю статью, но не понимала, что читает. Она надеялась, что у Риты найдется время встретиться с ней в ближайшие дни.

Была уже почти половина одиннадцатого, полная тьма стояла несколько часов. День был напряженным, Пол отбыл повинность на трех бессмысленных встречах, а в промежутках между ними заставлял себя работать над сильными глаголами. Он пообедал в «Кафе Абеля» с парой знакомых с кафедры британских и американских исследований, с которыми обычно встречался пару раз в неделю, чтобы выпить кофе в кафе «У Нильса» или в модном кафе-баре на первом этаже в корпусе Фредерикке, или пообедать во «Фредерикке» или в «Кафе Абеля».

С их последнего разговора прошло много времени, поэтому, съев по пите с курицей, они еще долго сидели и болтали.

За соседним столиком расположились пять женщин, которые громко клевали друг друга весь обед. Пол и два его товарища поздоровались с ними, но никто не выразил желания сесть рядом, даже несмотря на то, что единственная из них молодая женщина была темноволосой, красивой и хорошо танцевала. Женщины представляли собой научный штат кафедры социальной лингвистики, известной хроническими внутренними конфликтами. Кафедра социальной лингвистики небольшая, там преподают и исследуют три темы: норвежский как иностранный, язык жестов и устный перевод. На кафедре учатся преимущественно представительницы женского пола, и пятеро научных сотрудников — тоже женщины. Все они, за исключением темноволосой 32-летней стипендиатки, уже миновали менопаузу. Дамы постоянно враждуют друг с другом. На протяжении многих лет они спорят об определении основных понятий (глухие, тугоухие, иностранные рабочие, иммигранты, иностранцы). Отношения на кафедре особенно обострились после того, как одна из сотрудниц решила начать научный проект, основанный на следующей гипотезе: обучение в школе слишком большого количества детей, для которых

государственный язык является неродным, не способствует как развитию этих детей, так и развитию детей, для которых государственный язык является родным, то есть норвежских детей. Проект, естественно, был остановлен.

— Это негативное исследование, которое не нужно нашей кафедре, — объяснил заведующий.

— Но это всего лишь гипотеза, разве мы не должны выяснить, соответствует ли она действительности? — протестовала та, что предложила проект.

— Об этом не может быть и речи, — повторил заведующий. — Это опасный в политическом отношении проект. Люди могут подумать, что мы против иностранцев… я имею в виду, против тех, для кого норвежский является неродным.

— Да я совершенно не против иммигрантов!

— Хватит упрямиться! Что если бы вы оказались правы? Мы можем заниматься только исследованиями, подтверждающими тезис, что те, для кого норвежский является неродным, представляют собой важный ресурс для нашего общества.

— Да, но…

— Нет, — заключил заведующий, который также был председателем научного совета ка-

федры. — Мы не можем исследовать что попало, в работе должна быть преемственность. Так происходит везде. Некоторые результаты нежелательны. Изучайте что-нибудь другое!

Что дамы обсуждали за обедом в «Кафе Абеля», Пол и его товарищи не поняли, но все закончилось тем, что одна из них убежала в слезах, другая побежала за ней, а трое остались сидеть.

После обеда Пол поспешил обратно к себе в кабинет, где до позднего вечера сидел, склонившись над клавиатурой компьютера. Надо было сделать еще очень многое для того, чтобы вынести проект Нанны на суд публики, намного больше, чем Пол и Нанна могли себе представить, когда несколько недель назад определили местоположение глагольной фразы.

Пол взял на себя описание последних открытий и редактирование работы с тем, чтобы их произведение (почти 150 страниц) выглядело солидным, целостным и безукоризненным. Полу это нравилось, его всегда очень привлекала подобная работа — полировка и нанесение чеканки на заготовку после того, как кузнец закончит свое дело. Но, конечно, несколько дней придется просидеть в кабинете допоздна.

Он зевнул и ощутил легкую головную боль. Ему

хотелось пойти домой, налить себе большую порцию коньяка, посмотреть ответный матч между «Реал Мадрид» и «Барселоной» по каналу «Спорт Плюс», а потом лечь спать.

Сразу же наступило теплое чувство облегчения, по телу разлилась долгожданная истома, и головная боль утихла. Но внезапно Пол вспомнил, что сегодня вторник, а значит, следующим утром он ведет занятие. Черт! Голова моментально начала болеть с удвоенной силой, он судорожно стал искать учебный план на этот семестр и выяснил, что уже несколько раз читал лекции по теме завтрашнего занятия. Поддерживая голову руками, он запустил в компьютере программу поиска, чтобы найти нужный конспект, и стал недовольно поглядывать на маленькую ищейку, появившуюся в углу экрана. Ищейка поводила носом, а после того, как через полминуты нужный документ был найден, начала восторженно вилять хвостом. (Интересно, почему требуется так много времени, чтобы прочесать крайне ограниченное количество файлов, находящихся в памяти компьютера, в то время как поиск информации по всем миллионам уголков и закоулков Интернета занимает меньше секунды?)

Пол быстро пробежал глазами конспект лек-

ции на экране и решил ничего не делать и просто использовать его в том виде, в каком он есть. Он послал текст на печать, надел пальто, выключил свет, запер кабинет (бросил взгляд на дверь Ринкель; света в ее офисе не было, она, должно быть, уже ушла) и поднялся по лестнице на пятый этаж, чтобы забрать распечатку из общего принтера, стоявшего в канцелярии.

Уже поздно, очень поздно, и в здании наверняка нет никого, кроме него. Вокруг темно и тихо, и Полу не по себе. У него скверно на душе, как у вора, крадущегося во мраке по своим темным делишкам, в то время как все остальные сидят по домам и укладывают спать детей, похлопывая их по пухлым щечкам. Нет, он, скорее, ощущает себя далеким от жизни пропыленным парнем, который сидит, уткнувшись носом в книги, вместо того чтобы уткнуться им в женщину или вдыхать прохладный высокогорный воздух. Но уже в следующее мгновение Пол чувствует себя героем, академическим полярником, пробирающимся вперед, и пока другие тупеют, сидя перед телевизорами, он достигает цели, а его цель — горные вершины науки.

В таком настроении он отпер дверь канцелярии, проверил свой почтовый ящик, где нашел

лишь старый номер университетской газеты «Унифорум». Он оставил газету на месте и пошел в комнату, где стоит принтер. На столе рядом с принтером лежали распечатки, которые еще не забрали его коллеги, — документы, которые сотрудники кафедры в течение дня посылали на печать, но забыли забрать. Нетрудно было увидеть, кто нагрешил, потому что на каждом листе были указаны инициалы. Гуннар Вик, синтаксист с очевидным пристрастием к галстукам с героями Диснея, особенно недисциплинирован. Кто-то однажды подсчитал, что за год в канцелярии скопилось такое количество распечаток с инициалами ГуВи, которое соответствует количеству деревьев, растущих на одной четверти равнины Нордмарка. Несмотря то что это было явное преувеличение, Гуннар Вик стал дисциплинированнее, и сейчас Пол не увидел на столе ни одной его распечатки.

Он протянул правую руку, чтобы взять семь-восемь страниц, которые лягут в основу завтрашней лекции, но замер на полпути, потому что там, на столе, посреди неразобранных распечаток, лежала пара листов с текстом, который в настоящее время он знал лучше всего остального. Что они, черт возьми, здесь делают? Нанна никогда

не распечатывает бумаги по проекту на общем кафедральном принтере, у нее в кабинете есть собственный маленький чернильный принтер. Пол взял листки и увидел, что они помечены инициалами профессора Ринкель. ЭдРи.

Пол просмотрел бумаги на столе в поисках других распечаток из их проекта, но больше ничего не обнаружил и, прихватив собственные листы и две страницы Ринкель, сбежал вниз по лестнице и снова заперся в кабинете. Он упал на стул для посетителей, сердце его бешено колотилось. Бумаги соскользнули на пол и перемешались: его собственный невинный конспект с инициалами ПоБе, и страницы проекта, которые по какой-то причине помечены ЭдРи и распечатаны на огромном лазерном принтере, установленном в канцелярии.

Он все еще не мог четко сформулировать свои мысли, но уже догадался, что произошло. Или это всего лишь плод его разгулявшейся фантазии? Можно ли найти иное объяснение случившемуся? Мог ли, например, принтер поменять инициалы НаКл на инициалы ЭдРи? Пол не слишком много знал о компьютерных сетях и о том, как работают принтеры, но должен был признать, что такое объяснение не слишком

правдоподобно. Да и Нанна всегда очень следит за тем, чтобы никогда не отправлять ничего, связанного с их проектом, на другие принтеры. Именно поэтому у нее в кабинете имеется свой (ей пришлось выпрашивать этот принтер, но не слишком долго, потому что Паульсен питает к ней трогательную слабость).

Могла ли Нанна *попросить* Ринкель прочитать эти бумаги? На какое-то время Пол остановился на таком объяснении, но ему все же пришлось отказаться от него. Они с Нанной договорились, что все связанное с проектом «РЕВ 21» останется в тайне до самой презентации. Нанна очень ревностно заботилась о том, чтобы никто ничего не пронюхал. Она признавала, что, наверное, это ребячество с ее стороны, но хотела добиться эффекта неожиданности, хотела увидеть, как от удивления и восторга у всех расширятся глаза и откроются рты. Она ждала, что после того, как мир узнает об их исследовании и о том, что они с Полом — пара, на них обрушатся слава и почести. Это она повторяла неоднократно. К тому же она очень беспокоилась о том, что кто-то из ученых узнает о «РЕВ 21», потому что по коридорам кафедры шныряет слишком много неудовлетворенных личностей. Нет, Нанна никому бы ничего

не показала, не предупредив его, и уж точно не стала бы советоваться с Ринкель.

Пол наклонился, поднял с пола два листа бумаги и внимательно прочитал то, что было на них написано. Текст частично совпадал с двумя соответствующими страницами документа, над которым он работал сегодня вечером. Эти листы — начало главы о детской речи, и хотя он узнал написанное — большинство предложений в двух версиях были абсолютно идентичны — разница все-таки была, здесь присутствовали выводы и тенденции, о которых сам он и не думал.

Пол немного помедлил, но все же позвонил Нанне на мобильный. Никто не ответил. Он решил, что ситуация форс-мажорная, и позвонил ей на домашний телефон, номер которого знал наизусть, хотя никогда раньше им не пользовался. Нанна моментально взяла трубку.

— У нас проблема, — произнес Пол и рассказал о том, что обнаружил. Он говорил спокойно и старался не выдать своих мыслей по поводу того, что же на самом деле произошло. Нанна помолчала и ответила:

— Это она.

— Ты так думаешь?

— Да. Не нахожу другого объяснения.

— Хорошо, но как?

— Не знаю. Наверное, она была в моем кабинете. Или в твоем, раз уж на то пошло.

— Но…

— Я не знаю, Пол. Но как еще такое могло случиться? Ты знаешь, за ней это и раньше водилось. В последний раз я слышала разговоры об этом на прошлой неделе.

— Да.

— О том дипломе, откуда она украла несколько частей.

— Да, я понял, — сказал Пол. — Я понял, что ты имела в виду.

— Боже мой, она ни перед чем не остановится! Это подсудное дело.

— Да, но мы пока не знаем…

— Это так… ужасно. Я так разозлилась, просто закипаю от ярости, — говорила Нанна, и голос ее дрожал от возмущения.

— Я понимаю. Я тоже зол. Но что нам делать?

Нанна считала, что не остается ничего другого, как вломиться в кабинет Эдит Ринкель и попытаться найти остальные бумаги.

— Мы все равно ни в чем не можем обвинить ее, не имея доказательств, — сказала она. — Ведь у случившегося *может* быть другое объяснение.

Пол поделился своим предположением о том, что принтер в канцелярии заклинило и инициалы перепутались. Нанна задумалась, но потом спокойно заметила, что никогда не распечатывала документы по проекту на том принтере.

— Но, — добавила она с надеждой в голосе, — что-то подобное могло произойти. Ведь это может оказаться… недоразумением?

— Да, — прошептал Пол. — Да, — повторил он после небольшой паузы. Он еще никогда в жизни ничего не желал так сильно, как сейчас ему хотелось, чтобы они с Нанной ошиблись в своих подозрениях.

Они сошлись во мнении, что откладывать нечего: Пол должен вломиться в кабинет Ринкель прямо сейчас. Это надо сделать немедленно! Если он найдет другие бумаги, у них будут доказательства.

— А если я ничего не найду, то начнем с того места, — проговорил Пол, и в этом возбужденном состоянии отметил, что употребил модное англонорвежское выражение «начнем с того места», которое в обычных обстоятельствах никогда бы не произнес.

Вломиться к ней — это действительно разумное решение. Все в Поле восстало против этого, но

у него не было возражений, не было протестов, которые он мог обосновать. Находясь в этой абсурдной ситуации, он согласился, что это здравое предложение. Сам он не в состоянии был мыслить логически.

— Ты справишься, Пол?

— Да, — заверил он. — Да, с этим я справлюсь. — Естественно, он справится с возложенным на него поручением. Он должен. Ради Нанны. Ради проекта. Ради себя самого.

Пол выскользнул из кабинета, снова ощущая себя преступником, и на этот раз у него были для этого основания. Он прислушался. На стенах освещенного желтоватым светом коридора поблескивали картины желто-золотистых тонов. Не было слышно ни звука. Пол был уверен, что он в здании один, по крайней мере на этом этаже. Он подошел к двери Ринкель, постучал, приложил к ней ухо. Ничего. Дверь относительно тонкая, но он понятия не имел, как ее вскрыть. Взлом дверей не входит в список предметов, которые преподают филологам, не говоря уже о докторах наук, и в его жизни не было событий, благодаря которым он мог бы приобрести такие навыки. Он нажал на ручку, пытаясь открыть дверь цивилизованным способом, потом пнул ее, хотя и не мог заставить

себя ударить изо всех сил, но тем не менее дверь откликнулась громким звуком, который долго вибрировал у него в ушах. От этого сердце Пола вновь начало колотиться с бешеной скоростью. Так не пойдет. Он не справится.

Не вполне отдавая себе отчет в том, что делает, он достал связку ключей и вставил ключ от своего кабинета в замочную скважину. Ключ беспрепятственно вошел в нее и повернулся, и Пол тут же вспомнил, что в каждом отделении ключи подходят ко всем дверям. Он ощутил себя полным идиотом, одновременно испытав облегчение.

В лицо Полу ударил резкий яблочный запах духов Ринкель, который невозможно было не узнать. Он возбуждающе хорош, но в то же время несколько отпугивает.

Кабинет Ринкель был в два раза больше кабинета Пола, и здесь царил порядок, чего не скажешь об офисе Пола. У нее гораздо больше книг, чем у него: на одной длинной стене от пола до потолка висели полки. На полу лежал великолепный темно-красный персидский ковер, который, по мнению Пола, должен быть эксклюзивным, и, соответственно, дорогим, а потому слишком хорошим для кабинета. Он ступил на ковер, и его нога утонула в высоком ворсе. Он презирал Рин-

кель, этот ковер, ее холодность и надменность, презирал за то, что она уже делала раньше и что, по всей вероятности, сделала сейчас с Нанной.

Стены были пусты, только на доске для заметок над столом висели три листа бумаги: список внутренних телефонов, расписание предстоящих заседаний кафедры и нечто похожее на стихотворение. На поверхности письменного стола лежали две ручки (перпендикулярно краю стола и параллельно друг другу), распечатка статьи о возможных способах изменения информационных структур семитских языков: она прочитала почти половину, потому что в статье много подчеркиваний и комментариев на полях («Нет!!!» — написано где-то).

Пол не видел ничего связанного с «РЕВ 21». Он открыл ящики ее письменного стола, заглянул в шкаф и сам удивился, что испытывает удовлетворение, почти наслаждение. Как будто ему внезапно *захотелось* найти доказательства, захотелось причинить ей боль, хотя все это время он очень надеялся, что можно как-то по-другому объяснить появление тех двух листков, помеченных инициалами ЭдРи.

В первом ящике он нашел только пачку хлебцев «Васа». По какой-то причине вид этой пачки

пробудил в нем жалость — пачка на дне ящика показалась такой одинокой. В следующем лежала стопка «Норвежских энтомологических журналов». Он поднял их, перебрал стопку, подозревая, что это может быть камуфляжем: зачем лингвисту хранить подборку журналов о насекомых за несколько лет? Под ними лежал диплом с красивой блестящей печатью, Пол осторожно достал его и обнаружил, что Эдит Ринкель является почетным членом Норвежского энтомологического общества, и Пол догадался, что нечаянно узнал об одном из увлечений Ринкель. Хобби! Подумать только, что у дамочки вроде нее есть хобби. Снежная королева, профессор Эдит Ринкель, бегает и прыгает с сачком в руках! Он чувствовал себя так, словно увидел что-то, чего не должен был видеть, что-то, что она хотела скрыть от других, словно он застал ее в непристойном положении, сидящей на горшке с юбкой, закрученной вокруг талии, и трусами, восьмеркой обвившимися вокруг ног. Как будто он нашел порнографические издания, а не журналы о насекомых. Пол сложил все это обратно в ящик, толкнул его, и тот беззвучно скользнул на место.

Со смесью неприязни и любопытства он открыл следующий ящик. Вот оно. У него все поплыло

перед глазами, на лбу выступил холодный пот, и в третий раз за этот вечер сердце его взбесилось, оно колотилось так громко, что в какое-то мгновение ему показалось, что оно разорвет грудную клетку, пролетит мимо ребер и он упадет замертво. Пол ощутил абсурдную признательность за это. Потому что он больше не хотел ничего видеть, не хотел испытать то, что придется. Ринкель *не могла* так поступить, это невозможно.

Но он не умер, естественно, он не умер и, когда вновь обрел способность отчетливо видеть, взгляд его устремился на полную распечатку проекта, белеющую на дне ящика. Он вынул бумаги, и они тут же прилипли к его потным пальцам. Он пошатнулся и упал в ее кресло (в тот момент, когда он опустился в кресло, у него в мозгу проскользнуло воспоминание — как отпечаток на сетчатке глаза, воспоминание, таившееся где-то в глубинах его памяти, — о молодом человеке, который так же сидел в этом кресле прошлой осенью. Теперь Пол понимал, что это один из его студентов, которым по средам он читает курс «ФУТЛИНГ 1100». Он увидит его завтра утром на занятии, всего через несколько часов. Его зовут Александр, и ходят слухи, что у Ринкель с ним роман).

В ту же минуту Пол совершенно успокоился. Сердце перестало бешено колотиться, он дышал равномерно и беззвучно, пот на лбу высох. Теперь он все знал, а это лучше, чем догадываться. С этого момента он будет невозмутимым и неприступным, и если кто-нибудь войдет в кабинет, да, если даже сама Ринкель войдет в кабинет, он просто помашет найденной рукописью.

Бесстрастно и оценивающе он стал просматривать бумаги. Пол быстро заметил, что Ринкель немало потрудилась над проектом. Он нашел незнакомые формулировки, идеи, которые не приходили в голову ни ему, ни Нанне. Но несмотря на это, было совершенно ясно, что произошло. Ринкель украла проект Нанны, доработала его и теперь хочет опубликовать исследование, выдав его за свое.

Он сложил бумаги в стопку и выровнял ее, постучав короткой стороной по столу. Он больше не чувствовал триумфа, только уныние и грусть. Черт, надо же было такому случиться.

Прежде чем уйти, он наклонился и прочитал стихотворение. Как оказалось, оно написано Харальдом Свердрупом и называется «Кошмар грамматиста». Первая строфа звучала так:

Загнан он существительными

В дом без окон и дверей.
В ужасе шепчет стремительно
Он имя супруги своей.
В коридорах глаголы его стерегут,
Скачут, смеются, куда-то бегут.

Пол читал текст вполголоса, но не понимал смысла слов. Он слышал их раньше, но не в состоянии был вспомнить когда и где. Он перечитал стихотворение. Страх, речь в нем идет о страхе. Он погасил свет в кабинете Ринкель, вышел в коридор и захлопнул за собой дверь.

По дороге домой к Ринкель Пол думал не о совершенном ею преступлении, хотя на самом деле именно этим он был озабочен больше всего, а о том, как они ехали в поезде в аэропорт Гардемуэн. О ее улыбке, об удивительных, словно созданных Вигеланном бедрах, прижимающихся к его ноге, о нескольких фразах о пожилых супругах, которыми они успели обменяться.

Он стоял перед зданием кафедры в полной темноте. Была почти полночь, и в морозном воздухе пар от его дыхания был похож на белые разгневанные облака.

— Я немедленно поеду домой к Ринкель, — ска-

зал он Нанне.

— Немедленно? А не слишком поздно? Может, стоит подождать? Поговорить с Паульсеном?

— Нет, — ответил Пол. — Я еду сейчас. — Он захлопнул телефон, положил его в карман пальто и решительно зашагал по направлению к улице Йеитмирсвейен, где, если верить университетскому справочнику, живет Ринкель.

Он шел через Исследовательский парк, через долину к улице Блиндернвейен. Снег поскрипывал, как картофельная мука, у него под ботинками, скорее элегантными, чем теплыми, не слишком подходящими для прогулок по улицам в условиях норвежской зимы. Деревья отбрасывали синие тени, на небе сияла полная луна. Его подошвы скользили по металлическим деталям моста, построенного над трамвайными путями, и ему пришлось ухватиться за перила. Пол остановился и посмотрел, как трамвай, идущий из района Согнсванн, может быть, последний сегодня, проносился у него под ногами, отчего мост начал вибрировать. Пол перешел на другую сторону.

Постепенно горечь и злость сменились печалью, недоверием, он ощутил неуверенность, он даже не мог определить, какое именно чувство испытывает! Пола бросало из крайности в край-

ность. Он снова вспомнил их поездку на поезде. Он думал о ее удивительно светлых глазах, о линии волос, треугольником врезающейся в лоб.

Слева от него располагался парк, окружающий студенческие общежития Блиндерна, и когда Пол миновал вершину низкого холма, на него, словно гигантский корабль в ночи, надвинулась Университетская библиотека, великолепный корпус Георга Свердрупа, корпус из черных блестящих камней, покрытых маленькими светящимися точками. Недаром Пол был сыном своей матери, ежедневная порция сказок из ее уст не могла не оставить следа в его душе, потому что, как только Пол увидел Университетскую библиотеку, он начал мыслить затертыми метафорами (как ему казалось). Он представил, что это десятки тысяч книг из собрания библиотеки светят ему, что знание всегда озаряет светом царящую вокруг тьму. И тут же ему стало безумно жалко, что это сделала именно Ринкель. Ринкель, сама похожая на сияющую звезду. А он сейчас собирался замарать звезду, смешать ее с грязью. Почему? Почему она это сделала? Пол не знал, но ему пришло в голову, что ответ заключается в потребности чрезвычайно талантливых людей достичь вершин. Для людей вроде Ринкель цель важнее средств. Он

должен был разглядеть это в ее глазах. Пол *видел* это в ее глазах, но не *хотел* этого замечать. Уголки его глаз увлажнились, но когда он снял перчатку, чтобы вытереть их, влага уже успела замерзнуть на ресницах.

Он уже почти дошел до Университетской библиотеки и, пытаясь заставить себя подумать о чем-нибудь другом, посмотрел направо, где на площади перед корпусом Хельги Энг[56] стояло, как и всегда в зимние месяцы, маленькое лиственное дерево (береза, может быть?), от корней до кончиков веток обвитое гирляндой из лампочек. Нанна обожала это дерево. («Разве оно не замечательное, Пол?» — говорила она всякий раз, когда они проходили мимо. «Ну да», — отвечал он и думал, что это она замечательная, особенно когда смотрит на украшенное дерево и свет фонариков падает на ее лицо.)

Глаза Ринкель в поезде по дороге в аэропорт. Светлые глаза, глядящие прямо на него. Сказанное ею о пожилых супругах. Неужели она могла так поступить? Пол пересек улицу Престегордсвейен, и, когда нога его ступила на улицу Киркевейен, он пребывал в уверенности, что

---

[56] Примечания: 56

Хельга Кристине Энг (1875–1966) — норвежский психолог и педагог, один из первых исследователей детской психологии в Норвегии.

Ринкель невиновна. Но когда он проходил мимо улицы, где прошло его детство, он вынужден был признаться себе, что Ринкель все-таки сделала это, что она *должна* была сделать это.

Как только он пришел к такому выводу, то неосознанно замедлил шаг. Пол втянул носом воздух; на улице было так холодно, что крылья носа прилипали к носовой перегородке, и он чувствовал, как ледяная струя достигает самого низа легких; Пол громко выдохнул. Он шагал по улице Уллеволсвейен до парка Санкт-Ханшхауген, проследовал через него и двинулся по улице Йеитмирсвейен. Он отыскал нужный дом, увидел имя Ринкель на табличке у домофона и не раздумывая нажал нужную кнопку. И вот Пол стоял у ее дома, промерзший насквозь, с потерявшими чувствительность пальцами и онемевшими ногами.

Наконец из динамика донесся ее голос, он все еще мог развернуться и уйти, Пол все еще мог передумать, и он передумал — хотел передумать! — и поэтому с искренним изумлением услышал голос (свой собственный!), вежливо сообщающий, кто он такой. Ринкель пригласила его войти, и ему показалось, что она совершенно не удивлена, несмотря на то, что был уже первый

час ночи.

Он поднялся по лестнице, она ждала его в дверях. Ринкель серьезно посмотрела на него и отошла в сторону, позволяя ему войти в квартиру. Его начало подташнивать, как только он уловил хорошо знакомый запах духов. Коридор напоминал ее кабинет, здесь царил безупречный порядок. В квартире было наверняка градусов на сорок теплее, чем на улице. Пол окоченевшими руками снял перчатки и развязал шарф. Ни один из них пока не произнес ни слова.

Совсем недалеко от них, за закрытыми дверьми спальни Ринкель, находились ее книжные полки, уставленные литературой по лингвистике. Еще у нее имеется несколько сотен книг о насекомых, на ее прикроватной тумбочке лежит книга «Секреты улья», заложенная примерно на середине. Целая полка в доме у Эдит Ринкель заполнена произведениями Паулетты Рос. Она часто покупает пару ее романов перед поездками. Несколько коллег бросали уничижающие взгляды на такое чтиво, но Ринкель не стыдится своего увлечения. Она уважает писательницу Паулетту Рос, она восхищается ее знаниями и неоднократно задумывалась о том, кто может скрываться под этим псевдонимом. Книги в ярких обложках с толсты-

ми золотыми буквами стоят у нее на полке, они могли бы послужить сближению Ринкель и Пола, но он не видел этих книг, а она, естественно, не догадывалась, что он сын писательницы. Но однажды, когда после завершения этой истории пройдет немало времени, у них состоится долгий разговор, в котором они, помимо прочего коснутся, произведений Паулетты Рос и расскажут друг другу о своих отцах. Они обсудят исчезновение одного и суровость второго, одного, который мог оказаться швейцарцем, и второго, который был начальником управления. В этом разговоре речь пойдет о гневе и мести, но закончится он очень спокойной беседой между Ринкель и Полом.

Всем своим видом Пол пытался показать, что пришел не с дружественным визитом. Ринкель очень тихо заперла входную дверь.

— Хотите чего-нибудь выпить? — наконец спросила она. Пол покачал головой. Он не снял пальто, так и стоял посреди коридора, не сходя с места, и грелся. От его одежды шел пар, но внутри он весь кипел. И вот он открыл рот и рассказал, по какой причине явился к ней домой так поздно. Он говорил долго.

Она все это время стояла неподвижно.

— Это неправда, — проговорила Ринкель, как

только он замолк. Пол, конечно, ожидал такого ответа, но был не готов к тому, что она произнесет это таким ледяным голосом.

— Я выступаю от имени Нанны, — уточнил он.

— Ага, значит, вы ее рыцарь, — усмехнулась Ринкель. — Ее кастрированный рыцарь, бегающий по всяким поручениям госпожи?

Пол опустил глаза, и взгляд его упал на ноги Ринкель. На ней были ярко-оранжевые туфли из замши, расшитые большими стеклянными жемчужинами, сгруппированными так, что создавалась иллюзия абсурдного леопардового рисунка. У этих туфель были очень острые носы и высокие тонкие каблуки. Эти почти светящиеся туфли указывали своими носами на него, и Пол никогда раньше не видел такой наглой обуви. Он не заметил, что одна нога все время ходила вверх-вниз, вверх-вниз, как будто нажимала на педаль прялки и никак не могла остановиться.

— Если бы она хотя бы выразила сожаление, почувствовала себя пристыженной, — рассказывал он потом Нанне, спеша домой по району Адамстюен. Пальцы руки, держащей телефон, покалывало от мороза даже сквозь перчатку.

Ринкель пришла в ярость. «„РЕВ 21“ — это мой проект», — повторяла она снова и снова. В

последний раз она это прокричала, а лицо ее раскраснелось и стало страшным. Потом она взяла себя в руки, словно признавая проигрыш, ей больше ничего не оставалось, кроме как отнекиваться и таким образом отодвигать от себя правду, откладывая на какое-то время неизбежное.

Что бы ею ни двигало, Эдит Ринкель отрицала все с первой до последней секунды и даже сказала, что, скорее всего, кто-то украл этот проект у нее самой.

— Боже мой, — произнес гневный голос Нанны на другом конце провода. — Бедная Эдит, — сказала она потом, уже спокойнее. — Бедная Эдит, — повторила Нанна, — должно быть, она в отчаянии.

— Да, — сказал Пол, и они закончили разговор, сейчас им было больше нечего сказать друг другу.

В отчаянии — вот правильное определение. И он никогда не забудет лица Ринкель, сурового и несчастного, почти неузнаваемого: красивые черты расплылись, размазались, глаза остались такими же светлыми, как обычно, вот только желтое кольцо вокруг зрачков стало таким отчетливым, как никогда раньше. Ее лицо совершенно обнажилось, оно было таким беззащитным,

каким бывает лицо человека либо глубоко униженного, либо пребывающего в высшей степени экстаза.

Лекция Пола в то утро не войдет в историю как одно из его наивысших достижений. Молодой любовник Ринкель, Александр Плейн (Пол сверился со списком студентов, посещающих его лекции), сидел за одной из последних парт. У него были русые волосы, довольно длинные, вьющиеся, почти кудрявые, и вытянутое мальчишеское лицо. Пол был вынужден против воли признать, что Александр красив и довольно сообразителен. Он принадлежал к числу студентов, которые слушали и понимали преподавателя.

Пол сразу обратил внимание на то, что все сорок три студента, собравшиеся в это утро в аудитории 64ФЛ, ожидают интересной лекции. Сорок три гладких, по-зимнему бледных незавершенных овала. Он поздоровался и замолчал. Потом Пол сосредоточился и рассказал об одной из двух статей, которые собирался рассмотреть на сегодняшней лекции. Это заняло примерно полторы минуты. Затем пятнадцать секунд он читал название второй статьи, после чего начал свои рассуждения, закашлялся, снова стал говорить, но сдался и заставил студентов отвечать на одно

из старых экзаменационных заданий. (Он помнил это задание, потому что сам сформулировал его прошлой весной: «Широко известная футуристическо-лингвистическая гипотеза такова: все сильные глаголы будут склоняться по парадигме слабых. Расскажите, к чему могут привести такие изменения с точки зрения языкознания».)

Когда его время истекло (два часа, во время которых он отсутствовал в аудитории, хотя тело его, вне всякого сомнения, присутствовало там: оно постоянно поглядывало на часы, предпринимало беспомощные попытки что-то объяснить, отвечало невпопад и испытывало неловкость), он прямиком направился в кабинет Нанны.

— Что будем делать? — спросил он, не успев закрыть за собой дверь.

— Как твои дела, Пол?

— Плохо. Что мы будем с ней делать?

— Не знаю, — сказала Нанна. — Ты кому-нибудь рассказывал о случившемся?

— Нет.

— И не рассказывай.

— Ты слишком добра, Нанна.

— О нет, совсем нет. Я думаю не об Эдит. В первую очередь не о ней. Мы должны всеми силами защитить «РЕВ 21».

— Но мы должны рассказать Паульсену.

— Да, мы должны проинформировать руководство. Ты или я?

— Определенно, никто из нас не испытывает желания сделать это, — ответил Пол со смешком, который не выражал никакой радости.

— Это моя ответственность, — произнесла Нанна. — Я избавлю тебя от этого.

— Спасибо. — Пол испытывал неподдельную благодарность, сам он больше не хотел иметь ничего общего с этим отвратительным делом, но в то же время он чувствовал, что предает Нанну: она была бледна и выглядела уставшей, под глазами у нее лежали круги.

— Ты уверена? — начал он. Она кивнула, поднялась и направилась к нему. «Какая же она низенькая», — успел подумать он, пока она не подошла так близко, что Пол вообще перестал думать. Он обхватил ее руками, сначала как заботливый старший брат, как тот, кто защитит ее от всего зла этого мира. Но когда Нанна подняла к нему лицо, он наклонился и стал целовать ее лоб, нос, и наконец, губы, он целовал ее, как влюбленный мужчина влюбленную женщину. Однако старший брат никуда не делся, и желание защитить ее было так же велико, как и желание

обладать ею, нежность так же сильна, как и вожделение. Но больше всего он чувствовал единение с нею, то, что они вдвоем — Пол и Нанна — вместе противостоят другим, хотя лично ему было не очень понятно, кто такие эти «другие». Ринкель — ладно, но ведь она одна.

— Мы справимся, Нанна, — шептал Пол, а она водила кончиком носа по его нижней губе. — Мы все преодолеем, как говорил мой дедушка, — продолжил он и поцеловал ее в уголок рта, который в ответ на это поднялся кверху.

— Ты такой славный, Пол.

— Я не славный, я… крутой, я нахальный, и я возбужден, — сказал Пол, и руки его отважно заскользили по всему ее телу до тех пор, пока Нанна, тяжело дыша, не напомнила ему, что они находятся на рабочем месте.

Через несколько часов в кабинете заведующего кафедрой Паульсена Эдит Ринкель твердо отстаивала свою невиновность и продолжала упрямо утверждать, что, по всей видимости, кто-то украл ее бумаги. На Паульсена, так же как и на начальницу администрации, приглашенную на встречу, твердое сопротивление Ринкель действовало не лучшим образом. Ее непреклонность вызывала у них неприязнь. Ее поднятый подбородок и сухие

горящие глаза еще больше усложняли ситуацию.

Эдит Ринкель значительно облегчила бы себе жизнь, если бы ответила за совершенный поступок. Но нет.

— Это *мой* проект, — утверждала Эдит Ринкель. Она никогда ничего не воровала. «РЕВ 21» — это ее проект.

— Но, дорогая моя Эдит, — сказал Фред Паульсен, пытаясь воззвать к ее разуму, — как же тогда подобное могло произойти?

Но, разумеется, Эдит Ринкель не могла объяснить случившееся.

— Я не знаю, — проговорила она, на какой-то миг в голосе ее послышалась беспомощность, но высокомерие моментально взяло верх. — Я не имею ни малейшего представления. Разве не ваша обязанность выяснить это?

— Но не будет ли лучше, — начал Паульсен, — для вас, для кафедры, для всех сторон, если вы просто признаете…

— Нет, — оборвала его Эдит Ринкель, задирая подбородок еще выше и улыбаясь ему всезнающей высокомерной улыбкой, и Паульсену показалось, что она выглядит точно так же, как в тот день много-много лет назад, когда были выставлены все оценки и она получила «отлично»,

в то время как он (совершенно незаслуженно, разумеется, но иногда человеку может не повезти с вопросом) заработал «удовлетворительно».

— Эдит, — мягко сказал он, поскольку не являлся человеком, позволяющим мелким и незначительным эпизодам из прошлого влиять на оценку нынешней ситуации. — Я просто хочу помочь тебе.

— Ах вот как, — ответила Эдит.

Паульсен придал своему лицу одно из самых любимых им выражений: милосердное, примирительное, лицо исповедника. Он смотрел на нее и ободряюще поддакивал.

— Ну хорошо, — сказала Эдит. — Я подумала. И мне кажется, что кто-то когда-то влез в мой кабинет и рылся в моих бумагах.

— Да, — поддержал ее Паульсен.

— Это случилось, когда я была в США, — продолжала Эдит. Больше ей ничего не надо было говорить. И Паульсен, и начальница администрации прекрасно знали, что они с Нанной работали в Чикагском университете в одно и то же время. Паульсен взял одну из своих взвешенных пауз, а потом ответил. Он говорил очень медленно:

— Я не верю… это так умно с твоей стороны, Эдит. То, что ты сейчас выдумываешь… это звучит

настолько абсурдно, что принесет тебе намного больше вреда, чем пользы. — Он сделал еще одну паузу и продолжил еще медленнее, словно очень осторожно подбирал слова: — О тебе уже ходит немало слухов, Эдит. Болтают о твоих… отношениях с молодыми студентами. И говорят, что ты не впервые… совершаешь… кражу.

Эдит встала, не глядя ни на кого из присутствующих, спокойно вышла из кабинета Паульсена и спустилась по лестнице на два этажа ниже в свой собственный. Там она осталась до глубокого вечера и только в одиннадцатом часу ушла домой. Больше она ни с кем не разговаривала.

На протяжении нескольких недель до этого коридоры были полны слухов об Эдит Ринкель и ее скандальной связи с совсем молоденьким студентом Александром Плейном. Сейчас поползли новые слухи, подпитывающие уже циркулирующие сплетни о ней. И скоро все научные сотрудники, приглашенные преподаватели, административные работники и студенты кафедры футуристической лингвистики узнают, что Эдит Ринкель не просто развратница и прелюбодейка, не только неприятная и заносчивая дама, она еще и нечестная, просто-напросто воровка. Говорят, что Эдит Ринкель попыталась украсть проект у

Нанны Клев. Все дело в ее постоянном стремлении быть лучше всех, скажет кто-то. Да, это все жажда славы и признания, подтвердят другие. Она мне никогда не нравилась, прошепчет один. А кому она нравилась, засмеется второй.

Какой именно проект пытались украсть, до сих пор оставалось хорошо охраняемым секретом. Говорили, что речь идет не об исследовании и не об отчете, а о чем-то грандиозном, почти сенсационном.

Первую неделю после случившегося Эдит Ринкель вела себя как обычно. По крайней мере, внешне, а уж что творилось за ее светлыми глазами, не знает никто. Разумеется, она задумывалась над хитрым планом мести. Но люди надеялись, что она раскаивается. Потому что, говорили они, она сама виновата. Не подвергалось сомнению и то, что именно благодаря своему недостойному поведению и неприятным чертам характера Ринкель оказалась в этом безвыходном положении. Как бы там ни было, Эдит Ринкель приходила на работу между девятью и десятью часами утра, ела ланч в кабинете, обедала во «Фредерикке» и уходила из Блиндерна часов в восемь-девять вечера.

Она выглядела такой же ухоженной, как и всегда, и всю эту неделю каждый день надевала

разные туфли. Это не осталось незамеченным. Зеленые туфли с розочками в среду (в этот день состоялась встреча с Паульсеном и начальницей администрации), кроваво-красные шелковые лодочки в четверг, ярко-оранжевые на высоких каблуках с черными блестками и острыми носами в пятницу. В понедельник — красивые нефритово-зеленые (которые до сих пор она надевала только на выход), во вторник — черные замшевые с ремешком и невысокими каблуками-«катушками», в среду — ядовито-желтые с веселенькими красными и розовыми горошками, слишком вызывающие, по мнению некоторых.

Могла бы не привлекать к себе внимания, говорила одна из коллег. Во всяком случае, нетрудно понять, что она мучается угрызениями совести, вторила ей другая и многозначительно кивала.

И несмотря на то, что стоял конец февраля и на улице было около пятнадцати градусов мороза, Эдит Ринкель по какой-то причине предпочитала ходить из дома на улице Йеитмирсвейен через Исследовательский парк на работу и обратно в летних туфлях, зеленых в среду, красных в четверг, оранжевых в пятницу, нефритово-зеленых в понедельник и черных во вторник.

Утром в среду профессора Эдит Ринкель снова

вызвали в кабинет к заведующему кафедрой Паульсену. Сразу после этой встречи она направилась домой, сверкая ядовито-желтыми туфлями в горошек.

На гуманитарном факультете ожидался праздник. Причем не для всех сотрудников, а только для тех, кто так или иначе связан с языками. В приглашении, подписанном самим деканом, большими серебряными буквами была написано: «Добро пожаловать на встречу Вавилонского общества», целью которой является «создание условий для развития сотрудничества между кафедрами».

Сотрудники получили несколько напоминаний о празднике по электронной почте, на стенах факультета развесили плакаты, приглашенные были полны ожиданий, они сгорали от любопытства, потому что им намекнули на пышное торжество. В напечатанном на плотной бумаге приглашении, которое разложили в почтовые ящики всех филологов, было написано «просьба подтвердить свое участие» и «форма одежды парадная» — две формулировки, которые намекают на нечто экстраординарное и совершенно отличное от обычных прозаических кафедральных посиделок (за участие в которых к тому же всегда

приходится платить из своего кармана).

Рядовые члены университетского сообщества — стипендиаты, научные сотрудники, лекторы, преподаватели и профессора, все те, кто не занимают важных выборных должностей, — не избалованы льготами, бесплатными праздниками, едой и питьем за счет работодателя. Каждый из них за всю свою трудовую жизнь съедает, может быть, десяток бесплатных плюшек и столько же жирных венских булочек. И это все, за что им не приходится платить.

Но сегодня вечером будет праздник — *бесплатный* праздник! — в кафетерии на десятом этаже административного корпуса (того самого, на котором в ясные дни Эдит Ринкель мерещится фигура Аполлона в белых одеждах), куда обычно ходят только сотрудники центральной администрации университета. Судя по всему, народу будет море, потому что на удивление много сотрудников подтвердили свое присутствие. Незадолго до семи они начинают собираться, везде царит приподнятое настроение, напряженное ожидание, хотя многие скептически относятся к самой цели собрания. Некоторые настроены слишком скептически, многие осторожничают, испытывая недоверие. Но любопытство в сочета-

нии с обещанными бесплатными напитками и едой перевешивает скепсис и настороженность, поэтому они, филологи гуманитарного факультета Университета Осло, и пришли сюда. Их много, они проходят размеренными шагами в двойные стеклянные двери в сапожках или нарядной обуви. Они ищут взглядом друзей и врагов. Кто-то болтает, кто-то молчит.

На десятый этаж поднимаются по-разному одетые люди. Некоторые вообще не нарядились, они пришли в обычной одежде (в зависимости от кафедры это либо джинсы, либо костюм, либо рабочая блуза), другие надели национальные наряды, кто-то пришел в темном костюме или платье. Одна из профессоров французской литературы даже надела длинное платье, а на затылок подколола элегантный шиньон.

Собравшиеся, естественно, различаются по возрасту: от совсем еще юных стипендиатов не старше Александра Плейна до отставного профессора Стейнара Билюнда, вышедшего на пенсию более двадцати лет назад, но неизменно посещающего все филологические мероприятия (кстати, Стейнар Билюнд — это дедушка Линн Билюнд, которая уже несколько месяцев должна была бы работать на кафедре футуристической

лингвистики вместо Пола Бентсена).

Большинство людей приходят по одному, но некоторые являются группами. Принадлежность к коллективу и предварительно принятый алкоголь делают их более уверенными в себе и более громкоголосыми, чем те, кто пришел в одиночку. Нанна Клев и Гуннар Вик прибывают с группой молодых футлингвистов, Паульсен приходит после посиделок с заведующими кафедрами, Ханс Хольстейн появляется со сдвинутым набок шейным платком, покачиваясь и гнусавя, после посиделок с самим собой.

Всех этих людей объединяет любовь к языку (у некоторых после многих лет, проведенных в пыльных кабинетах-клетушках, она превратилась в тупое безразличие, а у более страстных натур — в любовь-ненависть).

Перед дверьми, ведущими в кафетерий, стоят два официанта в черно-белой униформе и держат подносы с бокалами, на три четверти наполненными шампанским. Помещение за ними, обычно довольно скромное, с кафельным полом и элегантными диванами, разукрашено свисающими с потолка серебряными гирляндами, блестящими звездами и низкими вазами, в которых плавают отрезанные головки маргариток и гербер (немало

шутников в течение вечера назовут это «посланием на языке цветов»).

Позади официантов стоит длинный стол с закусками тапас, а за ним — стол с тортами. Торты совершенно справедливо вызывают повышенный интерес.

На столе стоят два торта. Один из них огромен, он покрыт темно-коричневой шоколадной глазурью, на которой белым шоколадом нарисованы какие-то знаки. В основании этот торт имеет форму прямоугольника, но углы его закруглены. Если встать лицом к длинной стороне стола и посмотреть на торт, то можно заметить, что ближняя правая сторона его закруглена больше других. Дальняя часть торта разделена по диагонали, так что левый угол достает почти до края стола, в то время как правую сторону от его кромки отделяет несколько сантиметров. Если приглядеться повнимательнее, то становятся заметными три разных сегмента с надписями. На самой дальней стороне торта нарисованы иероглифы. Четырнадцать строк с изящными древнеегипетскими знаками из белого шоколада. Под иероглифами — демотическое письмо, а внизу, ближе всего к гостям, которые разглядывают огромный лингвистический торт широко раскрытыми глазами,

располагается греческий текст. Только один сотрудник гуманитарного факультета Университета Осло в состоянии подтвердить, что на трех сегментах разными знаками действительно написан один и тот же текст. Но его нет на этом празднике, он покидает кабинет только в тех случаях, когда ему надо в туалет или домой, выспаться в своей съемной комнате.

Но все присутствующие мгновенно понимают, что изображено на этом торте. Это копия Розеттского камня, куска почти черного гранита, найденного в 1799 году одним из преданных спутников Наполеона, Пьером Франсуа Бушаром, в египетском портовом городе Розетта. Розеттский камень прославился на весь мир, поскольку надписи на нем помогли расшифровать иероглифы и открыли путь к пониманию древнеегипетской истории. Оригинал в настоящее время хранится в Британском музее, но власти Египта требуют его возврата. Копия же камня, выполненная кондитером-виртуозом, находится этим февральским вечером в Осло и представляет собой три слоя орехового теста, смазанные шоколадным муссом и покрытые сверху глазурью. Филологи разевают рты от восхищения и глотают слюнки.

Рядом с Розеттским тортом стоит миндальный,

в форме пирамиды, высотой около полуметра, но Розеттский торт настолько огромен, что его сосед кажется совсем маленьким. По наклонным сторонам миндального торта карабкаются марципановые человечки, они несут глазированые таблички, на которых написаны слова на разных языках. Венчает торт более крупная табличка, выполненная в виде дорожного знака с названием населенного пункта, где черными буквами на желтом фоне написано: «Вавилонская башня». Миндальный торт тоже являет собой произведение кулинарного искусства, но, конечно, не может соперничать с Розеттским. (Это на самом деле торт тортов, как выразился один из факультетских шутников. В общем и целом чувство юмора у филологов развито не слишком хорошо, обычно они ограничиваются вымученными шутками лингвистического характера. Компания филологов-мужчин может долго веселиться, обыгрывая известные грамматические термины «склонение» и «апокопа». «Ну как, ты собираешься заняться склонением в пятницу?» — спросит один из них, а все остальные повалятся под стол от хохота. Апокопа, как известно посвященным, означает выпадение звуков в конце слова («Мам, ты где?»), но в этом контексте она является неве-

роятно смешным обозначением прерванного полового акта.)

Когда гости выпили пенящееся вино (а лингвисты закончили обсуждение того, с прописной или строчной буквы следует писать слово «шампанское», пропустив мимо ушей слова знатоков французского языка о том, что напиток, который они пьют, совсем не является шампанским — *mais pas du tout*[57]), когда они насладились видом тортов и собрались в маленькие гудящие группы по четыре-пять человек, к микрофону выходит декан и приветствует всех собравшихся.

— Мы затеяли этот праздник для того, чтобы все сотрудники знали, что их очень ценят (слышно негромкое насмешливое хихиканье, прекратившееся после шиканья), что мы признательны им за вклад в общее дело («А нельзя ли нам по такому случаю повысить зарплату?» — доносится из темного угла), а кроме того, мы надеемся, что праздник сможет активизировать сотрудничество между кафедрами («Слушайте! Слушайте», — раздается полный энтузиазма выкрик; вероятно, кричит заведующий кафедрой). Прошу вас, угощайтесь, — завершает свою

---

[57] Примечания: 57
Совсем нет *(фр.)*.

речь декан. — Добро пожаловать в Вавилонское общество!

Пол вышел из лифта на десятом этаже, сдал куртку в гардероб и открыл стеклянные двери кафетерия в тот момент, когда декан завершил выступление, и аплодисменты, так и не перешедшие в бурную овацию, смолкли. Он огляделся в поисках Нанны и, не обнаружив ее, начал искать других коллег, с кем можно было поболтать.

Он увидел Фреда Паульсена, стоявшего вместе с группой единомышленников, в данном случае с заведующими другими кафедрами, которые сами себя считают более значительными персонами, чем рядовые сотрудники. Под воздействием алкоголя у Паульсена всегда пробуждается желание шептать сальности на ухо женщинам, и именно этим он сейчас и был занят. Он наклонился к заведующей кафедрой вымирающих языков и языков малочисленных народов и нашептывал ей на ухо какие-то непристойности, подзывая при этом Пола рукой. Пол все еще не увидел Нанны, к тому же он — вежливый человек, поэтому он подошел к Паульсену.

— Пол! Пол, как… хорошо… снова видеть тебя, Пол! — Паульсен в подвыпившем состоянии намного хуже Паульсена трезвого. Паузы в его речи

становятся более частыми и длинными, а манера обращаться к людям по имени (Паульсену кажется, что это придает разговору некую интимность) усугубляется. Паульсен всегда был, остается и всегда будет пошляком. Это он шутливо утешил Эдит Ринкель в день ее пятидесятилетия, сказав, что «дальше будет еще хуже», а когда к нему в кабинет, где обычно царит хаос, приходят посетители, он не стесняется встречать их бородатой шуткой о том, что, как он слышал, письменный стол отражает внутренний мир человека, и в таком случае вовсе не плохо, что его письменный стол не совсем пуст! Фред Паульсен часто рассказывает чужие шутки, выдавая их за свои. Когда Пол подошел, он как раз закончил одну из них, про сходство между Элвисом и Сивле:[58] Элвис спел песню «Nothing but a hound dog» («Всего лишь собака»), а Сивле написал новеллу с таким же названием («Berre ein hund»). Остальные вежливо смеются, Пол тоже посмеялся и снова стал оглядывать помещение. Куда же делась Нанна?

Его взгляд приковала красивая блондинка, стоявшая посреди кафетерия. Она была выше Нанны и гораздо плотнее. Она стояла с четырьмя колле-

---

[58] Примечания: 58

Пер Сивле (1857–1904) — норвежский писатель, поэт и журналист.

гами, тремя мужчинами и пожилой женщиной, и они тихо разговаривали, склонив головы. Ясно было, что блондинка является своеобразным центром этой группы, возможно в силу своей внешности. Пол прекрасно знал, кто она такая, они даже пару раз танцевали в обнимку, и он помнил, что у нее была не вымыта голова и тяжелый запах, исходивший от ее волос, возбудил его. Она поднесла к губам бокал, рука ее сложилась буквой V. Не так давно она принимала участие в ток-шоу на канале TV2, создатели которого гордятся тем, что поднимают важные и актуальные темы. В тот раз программа была посвящена использованию диалектов. Блондинка чувствовала себя польщенной, когда ей позвонили с телевидения, и загорелась темой передачи. Уверенная в ценности своих интересных суждений, она с нетерпением ожидала съемок и даже написала доклад о сглаживании диалектальных различий. Но ее пригласили потому, что она, вне всяких сомнений, была самым привлекательным норвежским диалектологом, настолько молодым и модным, насколько вообще может быть представитель этой профессии. Оказалось, что разговор в первую очередь шел о том, добавляет ли диалект сексуальности, и о том, какой норвежский диа-

лект является самым эротичным. Ей дали слово всего один раз. Она решила сказать что-нибудь умное о диалектах и самоидентификации и привела пример из финнмаркского диалекта; это было ошибкой, потому что ее научные интересы охватывали только диалекты к югу от Тронхейма. Да и произнести свой пример правильно ей не удалось — она палатализовала не тот слог и тем самым продемонстрировала свою некомпетентность. Ее коллеги были едины в своих оценках, но казалось, что сейчас они сменили гнев на милость. Она снова подняла бокал и чокнулась с одним из них. Все улыбались. Этим вечером у них были другие козлы отпущения.

Блондинка была красива, но Пол уже насмотрелся на нее, он сделал небольшой шаг в сторону, чтобы видеть весь зал. *Где же* Нанна?

В углу, особенно пышно украшенном гирляндами, собрались диалектологи. Многие из них пришли в национальных костюмах. К концу вечера у двоих мужчин на кремовых брюках с вышивкой и белоснежных накрахмаленных рубашках появятся пятна от красного вина — только тот, кто хоть однажды пытался очистить от таких пятен национальный костюм, знает, чего это стоит. В компанию затесался сторонник

государственного языка, профессор, специалист по истории английского. Сейчас он, растерянный, молча и неподвижно стоял в своем темно-синем костюме, вежливо слушая двух молодых довольно симпатичных девушек в костюмах из района Халлингдал, доказывающих, что новонорвежский гораздо ближе к английскому, чем букмол. Одна за другой они поливали профессора английской филологии трехчленными пулеметными очередями: на букмоле *en uke* — на новонорвежском *ei veke* — на английском *a week*.[59] *Et kors — ein kross — a cross*.[60] *Jeg sitter — eg sit — I sit*.[61]

Поодаль от них стояла группа историков языка — одни мужчины — с кафедры скандинавских языков и литературы, граница между ними и диалектологами постоянно меняет свое местоположение, поскольку их разделяет всего несколько метров. Всегда присущая Полу тяга к диахронии придала ему мужества и сил кивнуть Паульсену (который только что начал рассказывать своим коллегам-заведующим о скандале с Ринкель,

---

[59] Примечания: 59
Неделя.

[60] Примечания: 60
Крест.

[61] Примечания: 61
Я сижу.

предваряя свою речь замечанием: «…чего заведующий, конечно, не должен был делать, но…») и направиться в сторону этой небольшой группы. Они уже начали говорить на древненорвежском, а через какое-то время, Пол знал, сделают еще один шаг назад во времени и перейдут на праскандинавский (на этом же языке они обычно говорят на кафедре, обсуждая присутствующих начальников или комментируя части тела проходящих мимо пышногрудых студенток). Так всегда происходит с историками языка на праздниках (единственное исключение составляют финнологи: знатоки финского языка никогда без необходимости не говорят на нем и поэтому на праздниках молчат больше обычного) — скандинависты говорят на древненорвежском, романисты на латыни, англицисты на древнеанглийском, а слависты на церковнославянском. С языком урду работает только одна научная сотрудница, поэтому ей не с кем поговорить на санскрите, но замечено, что и на нее алкоголь оказывает такое же лингвистически-регрессивное влияние. Однажды у Пола возникла пьяная гипотеза, что если постоянно давать историкам языка алкоголь, они в конце концов уйдут так далеко назад во времени, что реконструируют

неизвестный индоевропейский праязык.

Какое-то время он постоял со скандинавистами, в основном слушал, но иногда вставлял в их беседу то предложение, то слово. Но вот тема разговора поменялась. Они больше не говорили о периодизации древненорвежских рукописей 1250–1300 годов из района Бергена. Они продолжали разговаривать на древненорвежском, но теперь о воровстве научных исследований, об аморальности, о жульничестве и о беспринципности.

Об этом судачили не только историки языка, во всем большом помещении слышно было то слово, то вырванное из контекста предложение, падающее в гущу нарядно одетых людей, а потом вновь взмывающее вверх, чтобы в конце концов сложиться в историю. Печальную (но именно поэтому такую непреодолимо привлекательную и возбуждающую) историю о женщине, возомнившей себя самим совершенством: она была настолько опьянена собственными профессиональными успехами, что не ведала что творила. Почти все университетские филологи собрались этим вечером в кафетерии, и среди них не было никого, кто не говорил бы об Эдит Ринкель, и никого, кто не слышал бы о ней.

На многих лицах написано было наслаждение и чистое неприкрытое желание стать свидетелями скандала. Другие сочувствовали ей, но и в их голосах слышалось презрение, потому что презрение — сестра сочувствия.

Но, кстати, все, в том числе и историки языка, говорили сегодня не только об Эдит Ринкель. История Ринкель далеко не оригинальна, и неизвестно, утешение это или наоборот. Как бы кто к этому ни относился, но подобное случалось и раньше и происходит постоянно. В Южной Корее, в США, в Норвегии. И пройдет еще много лет, прежде чем будет забыт норвежский преподаватель медицины, который сфабриковал результаты своих исследований, придумав истории болезни 454 пациентов и стольких же участников контрольных групп для одной статьи, а также подтасовал данные для пары других. А как там дела с его докторской степенью? Большинство присутствующих слышали об исследовательнице имен собственных из Университета Бергена, которую обвинили в присвоении материалов о названиях рек после кончины соседа по кабинету, лучшего эксперта по этому вопросу. Через три года она издала труд, который, по общему мнению, основывался на материалах, исчезнувших

из архива ее коллеги.

А как насчет Эдит Ринкель — она была раньше замечена в чем-нибудь подобном? Ну, кроме того случая в США? Возбужденные историки языка снова перешли на современный норвежский. Они качали головами. Как она могла? А кстати, не стоит ли проинформировать прессу о поступке Ринкель? Послышалось неуверенное бормотание.

— Пол, ты ведь работаешь на той же кафедре, — сказал вдруг один из лингвистов.

— Нет, ее дело не представляет интереса для общественности. — Пол запротестовал так яростно, что два рассудительных диахрониста отступили на шаг назад, а еще один так высоко поднял брови, что они стали похожими на два нарисованных на лбу циркумфлекса.

Пол и сам удивился, насколько сильно он противится этой мысли, он не хотел, чтобы о никчемности Ринкель стало известно широкой публике, чтобы на нее напали газеты, чтобы вся ее научная деятельность была поставлена под сомнение. С огромным облегчением Пол вспомнил, что они всего лишь филологи. Общественность должна быть проинформирована, если медик подтасует результаты онкологических исследо-

ваний, но если пара филологов смошенничает с количеством предлогов в том или ином диалекте или украдет у коллеги проект, то такое событие может заинтересовать весьма ограниченный круг людей и вряд ли нанесет ущерб обществу. Историки языка покачали головами, сделали пару шагов вперед, брови третьего выпрямились и упали на место, потому что все трое поняли, что Пол прав, но тем не менее они были немного подавлены осознанием своей незначительности для нации.

— Но я слышал, что украденный проект был весьма серьезным, — довольно слабо возразил один из них (тот, что с бровями) после короткой паузы.

— Да, что-то компьютерное, — нерешительно добавил другой. Они вопросительно взглянули на Пола, как будто из-за того, что он работает на той же кафедре, он должен все знать об этом проекте. И он действительно все о нем знал, но совсем по другой причине.

— Я ничего не знаю, — уверенно произнес Пол, — я не имею к этому никакого отношения.

Он заметил Сванхильд Сивертсен, попрощался с историками языка, сказав несколько тщательно взвешенных слов на древненорвежском, и на-

правился к ней. Сванхильд была стипендиаткой и писала докторскую по испанскому языку, а совсем недавно представила на суд коллег свой труд о качестве гласных звуков у гомосексуальных мужчин, для которых испанский язык не является родным: *«Estudio del sistema vocalico en hombres homosexuales con castellano como segunda lengua».* Строго говоря, она сейчас не работала, у нее был перерыв между завершением работы над диссертацией и защитой (период продолжительностью в несколько месяцев, когда университет не видит причин платить человеку зарплату, и все, что ему остается, это сосать палец, занимаясь подготовкой показательной лекции и одновременно молить высшие силы, чтобы защиту назначили как можно скорее).

Четыре года назад у Пола был роман со Сванхильд. Ему казалось, он будет любить ее вечно: кудрявую копну волос, ямочки на щеках, прямые широкие плечи, ее сексуальную изобретательность. Они со Сванхильд прекрасно провели время. Когда она забеременела, несмотря на то что тщательно предохранялась, и решила сделать аборт, Пол не слишком протестовал. Когда он позже обдумывал эту ситуацию, то понял, что чувства, которые он к ней испытывал, начали

утихать и что волосы Сванхильд на самом деле были слишком курчавыми, чтобы считаться красивыми.

Но каждый раз, когда Пол видит ее, а иногда и просто так, он ловит себя на мысли, что сейчас мог бы быть отцом маленького ребенка. Маленькой девочки, всегда думает он. Ей было бы сейчас два с небольшим, может быть, у нее были бы коротенькие вьющиеся хвостики и маленький вздернутый носик, кончик которого Пол мог бы ласково покручивать. В последнее время он чаще обычного думал об этом нерожденном ребенке. Он начал мечтать о ребенке с чертами Нанны и с ее светлыми волосами. Или, может быть, гены рыжеволосых Бентсенов возобладают над хрупкими генами Нанны? В любом случае, у них получился бы великолепный экземпляр. Ребенок его и Нанны. Мама в роли бабушки!

В тот момент, когда Пол подошел к Сванхильд и наклонился, чтобы поцеловать ее, он заметил Нанну. Она стояла у открытых дверей на террасу и разговаривала с деканом. И Пол в тот же миг забыл о Сванхильд, вместо поцелуя одарил ее безразличным похлопыванием по плечу и прошел мимо.

Нанна была в желтом платье в стиле пятиде-

сятых годов с узким гладким лифом и пышной юбкой, на плечах — воздушная маленькая шаль в крапинку того же желтого цвета, что и платье. Она пошла навстречу Полу, кивнула Хольстейну, улыбнулась Паульсену, но ей нужен был Пол. Она принадлежала ему. Они были вместе.

Они решили, что будут вести себя осторожно, будут незаметными на этом празднике, чтобы другие не догадались, что они являются больше чем коллегами. Кристиан с буквы «К» все еще не съехал («но он спит на диване в гостиной, вот так», — говорила Нанна). Нанна не хотела, чтобы о них поползли слухи, она боялась этого, особенно после событий последних дней. Но сейчас они вместе уселись за столик, чтобы выпить вина.

— Пятнадцать минут мы заслужили, — сказала Нанна. — К тому же мы работаем на одной кафедре.

— Принести тебе торта? — спросил Пол. Нанна покачала головой и схватила его под столом за руку. У нее была маленькая, узкая и холодная ладонь, и как всегда, ее хрупкость пробудила в нем стремление защитить Нанну. Она сидела и с детским любопытством оглядывала помещение, и Пол узнал выражение ее лица: оно было точно таким же, когда он увидел ее в первый раз, рас-

сматривающей виртуальный аквариум.

— Кафетерий так хорошо украсили. А это кто? — Нанна смотрела на высокую женщину с собранными на затылке седыми волосами в очках без оправы, которая положила себе на тарелку два куска вавилонского миндального торта.

— Гюдрюн Змеиное Жало. Она раньше работала редактором Толкового словаря норвежского языка.

— Ее правда так зовут?

Пол покачал головой:

— Да нет, но это длинная история. Я расскажу тебе ее в другой раз.

— Мгм, — произнесла Нанна. — Расскажешь, когда мы будем сидеть перед потрескивающим в камине огнем после долгой лыжной прогулки, когда у нас будут болеть руки и ноги. Мы будем пить вино, а сил у нас хватит только на то, чтобы смотреть на пламя и тихо беседовать.

— Да, — отозвался Пол, и ему показалось, что он заглянул ей в душу. Он знал, что любит Нанну, и, что бы там ни утверждал Мортен, он никогда не испытывал таких сильных чувств к женщине. — Да, Нанна. Тогда я расскажу тебе историю о Гюдрюн Змеиное Жало. — Вдруг он разозлился: — Но ты должна выставить этого

чертова Кристиана!

— Да, — ответила Нанна и пристально посмотрела на него. Она отпустила руку Пола, и ее пальцы заскользили по внутренней стороне его бедра, она провела по его ноге и улыбнулась, когда заметила мгновенную реакцию на прикосновение. — Это не так просто, — сказала она и убрала руку.

— Я понимаю, — произнес Пол. — Я понимаю.

Нанна снова стала смотреть по сторонам любопытным взглядом, будто находилась в зверинце, и чуть вздрагивала всякий раз, когда видела особенно примечательную особь.

— А это кто? Та бочка в коричневом платье? — спросила она, кивая в сторону низкорослой женщины с короткими конечностями и головой, сидящей прямо на плечах. Пол, который знал почти всех присутствующих, объяснил, что это Долли Амундсен, и как только Нанна услышала это имя, она поняла, кто это.

Долли Амундсен стала известной — правда, только в кругу скандинавских лингвистов — после того, как в 1971 году издала книгу «Падеж без хаоса». В конце 1960-х один пеший турист обнаружил маленькую деревушку на горном плато в глубине фьорда на западном побережье Норве-

гии. Ее жители не имели связи с внешним миром с середины XIV века. Когда «черная смерть»[62] пришла в селения, расположенные по берегам этого фьорда, некоторые жители убежали от нее в горы, где со временем построили несколько деревень. Язык, на котором говорили селяне, был очень архаичным, он представлял собой переход от древненорвежского к средневековому норвежскому. В нем присутствовало, например, межзубное «д», а также в полном объеме сохранилась система падежей. Антропологи, этнологи, генетики и Долли Амундсен устремились в маленькую деревушку, где была организована временная научно-исследовательская база. Позже было продано несколько сотен экземпляров книги Амундсен, и ее до сих пор считают самым успешным норвежским филологическим бестселлером. Автор описала языковую ситуацию в деревне с большим воодушевлением, а между строк, как, впрочем, и в них самих, можно было прочитать, что она скорбит об исчезновении категории падежа в современном норвежском языке. Амундсен понимала, что это непоправимо, но считала утрату падежей ужасной ошибкой,

[62] Примечания: 62

Распространенное название эпидемии чумы, прошедшей по Европе в середине XIV века.

а вину за это возлагала на средства массовой информации, телефонию, международные контакты, короче говоря, на все то, что в своей книге она объединила понятием «хаос». Поэтому Долли Амундсен протестовала, когда в 1972 году в ту деревню была проложена дорога, а через пару лет организовала сбор подписей против телефонизации и электрификации населенного пункта.

Паульсен и Йенсен (профессор кафедры классических и мертвых языков) шли по кафетерию. Как два объевшихся дельфина, проплывали они мимо столика, за которым сидели Пол и Нанна. Паульсен остановился. Он просто хотел… поздороваться с Нанной.

— Как… твои дела, Нанна? — сочувственно спросил он. Нанна опустила глаза и что-то пробормотала. — О, Пол, так значит… вы знакомы, — сказал Паульсен и кивнул Полу.

— Да, немного, — ответила Нанна и двое мужчин двинулись к своей цели — они хотели еще сладкого, хотели соскрести остатки Розеттского торта и утащить последние кусочки миндального.

В этот вечер наверняка не обошлось без колдовства, кафетерий был точно зачарован, потому что одни и те же отдельные слова вновь и вновь

выскакивали то тут, то там и заставляли всех гостей говорить на одну тему. Пол не хотел быть как все, но вот и он уже сидел рядом с Нанной и тихо перешептывался с ней сначала о Ринкель, а потом и о других нечестных ученых.

— Сколько людей из присутствующих в этом зале нечисты на руку? — спросила Нанна таким тихим голосом, что Пол едва мог разобрать ее слова. Он огляделся.

— Думаю, намного больше, чем нам хотелось бы думать, — ответил он, подумав. — Мне кажется, немногие мошенничали по-крупному, но некоторые, я уверен, фальсифицировали результаты своих исследований. Может, приукрашивали цифры. Или как минимум не замечали результатов, не вписывающихся в общую картину, больше внимания уделяя тем, что ее подтверждали. Или обрабатывали свой материал так, чтобы он выглядел лучше.

— Хм, может быть, — прошептала Нанна.

И во второй раз за вечер Пол завел разговор о враче, который несколько лет назад приобрел известность Герострата за то, что с успехом провернул мошенничество:

— А что касается того врача… Ты помнишь его?

— Конечно помню, — ответила Нанна. — А ты что, знаком с ним?

— Нет, нет, но когда я о нем прочитал… должен признаться, что я… узнал в нем себя.

— Да ты что? — Нанна удивилась, но не ужаснулась, чего опасался Пол.

— Знаю, что это кошмарно. Я бы сам такого никогда не сделал, но…

Нанна с интересом смотрела на него.

— Я имею в виду, — продолжал Пол, — что когда я читаю о преступниках, насилующих маленьких детей или избивающих невинных людей, это вызывает во мне, только отвращение. Но того врача, как и Ринкель, я удивительным образом понимаю, я могу понять, почему они поступили именно так.

Большие глаза Нанны распахнулись еще шире, она смотрела на что-то за спиной Пола, и он инстинктивно обернулся. Там в дверях стояла профессор Эдит Ринкель.

На Эдит Ринкель было черное как ночь платье, облегающее ее фигуру, как вторая кожа, и золотистые туфли, сверкающие так, что у Пола резануло в глазах. Он быстро повернулся к Нанне, будучи не в состоянии смотреть на Ринкель, как бы ни взирала она на присутствующих — со стыдом

или с насмешкой.

— Как она осмелилась? — произнесла Нанна громко, почти восхищенно.

Эдит Ринкель подошла прямиком к декану, и они скрылись на террасе. Кажется, они договорились об этом заранее.

— Как ты думаешь, что они там делают? — спросила Нанна. Пол с напускным равнодушием пожал плечами, но, как и Нанна, с любопытством поглядывал в сторону полуоткрытых дверей.

Праздник уже перешел в ту стадию, когда большинство присутствующих находятся под сильным воздействием алкоголя. Кто-то фонтанирует шутками, кто-то засыпает. Некоторые хотят танцевать. Другие предпочли бы помузицировать. Пер Вог Иверсен, уроженец долины Гудбрандсдален, занимающийся диалектами, в кармане у которого всегда лежит полная фляжка, принес с собой скрипку. Она всегда с ним. Он не беспричинно называет себя Пером Спелманном,[63] совсем нет. Однако на этот раз скрипка куда-то подевалась. «Да, очень жаль», — произнес он вежливо, вздыхая при этом с большим облегчением. И только когда праздник почти закончится,

---

[63] Примечания: 63

Пер Спелманн — герой известной народной песни, скрипач.

два стипендиата отыщут пропавший инструмент Пера Спелманна — под пустой коробкой в гардеробе. Только пиздолог, демонстративно пьющий исключительно безалкогольные напитки и рассматривающий все вокруг (в особенности отдельные части женских тел), знает, как скрипка там оказалась. Но никому не расскажет об этом, потому что у него никто не спрашивает.

Многих присутствующих переполняет любовь к ближнему. Некоторые начинают испытывать большую нежность к определенным людям (начальница администрации футлинга тоже здесь, и, хотя она не является научным сотрудником, все — за исключением, может быть, людей вроде Гуннара Вика — знают, что у нее роман с заместителем заведующего, и поэтому ее тоже всюду приглашают), другие испытывают нежность вообще и на каждом празднике выбирают себе новую жертву. Сейчас выдаются секреты («Твое заявление одобрено, и проект получит финансирование»), завязываются контакты, создаются альянсы. («Да, ты, надеюсь, слышал, что я собираюсь переизбираться в кафедральный совет? Понимаешь, мне нужна поддержка таких людей, как ты. Кстати, ты не хотел бы получить кабинет побольше?»). Некоторые становятся сентимен-

тальными. Кто-то всегда начинает плакать, как, например, сегодня. Другие громко провозглашают тосты: «Выпьем за Ивара Осена»,[64] — кричит человек в национальном костюме. «Нет, тьфу! Выпьем за Финна-Эрика Винье!»[65] — отвечают из другого угла (может, это Крегер?).

Большинство присутствующих испытывает острую потребность пометить свою лингвистическую территорию при помощи постоянного употребления иностранных слов и терминов. Многие становятся нахальными. Подавляемое многолетнее недовольство выходит наружу, гадости говорят прямо в лицо, хотя чаще всего они слышатся за спиной адресата. Хорошее настроение переполняет зал, а риск возникновения скандала уменьшается.

— Я не понимаю, почему он стал первым кандидатом на эту должность, а не я, — возмущается один.

— Да его вообще не стоило повышать, — шепчет второй.

---

[64] Примечания: 64

Ивар Осен (1813–1896) — норвежский филолог и писатель, создатель нормативного новонорвежского языка.

[65] Примечания: 65

Финн-Эрик Винье (р. 1936) — знаменитый норвежский профессор, специалист в области современной скандинавской филологии.

— А кто эта самодовольная дамочка?

— О, это новый профессор норвежского языка как иностранного, — сообщает кто-то вполголоса.

— Боже мой! Еще одна женщина, которой непременно надо заниматься этой псевдонаукой? А факультет не мог потратить деньги на что-нибудь более подобающее?

— Я слышала, Анне Эльсе Рильден получила повышение?

— Ох, ее сделали профессором только чтобы соблюсти женскую квоту, — фыркает группа людей у стола с тортами.

— Ты слышал, что его рукопись приняли в издательство Оксфордского университета?

— Чью?

— Нильса Аксельсена.

— Аксельсена? Этого жалкого профессоришку из Тромсё! — говорят они и бросают косые взгляды на человека, который защитил докторскую не в Университете Осло, а всего лишь перед комиссией Университета Тромсё.

— Поздравляем! — весело улыбаются они ему через минуту. — Слышали, вы скоро издадите новую книгу?

Но сегодня гости болтают не так, как обычно,

в зале слышны лишь несколько слабых комментариев и разрозненных восклицаний. Кажется, что постоянные клубки проблем и конфликтов, обычные темы для споров и состязания умов, утратили свою привлекательность. Они больше не интересуют сотрудников гуманитарного факультета. Этот вечер проходит под знаком Эдит Ринкель. Речь идет исключительно о ней, а ее явление народу только прибавило жару.

Она уже вернулась с террасы и сидит за столом с пожилым профессором, одним из своих бывших коллег с кафедры классических и мертвых языков. «Он что, впал в маразм?» — раздается злобный вопрос.

Еще ничего не подтверждено, но все уже всё знают. А кто-то всегда знает больше других. Все разговаривают о ней. Немногие говорят с ней самой, большинство поворачивается к Ринкель спиной. Одни делают вид, что не замечают ее, другие откровенно нагло пялятся. Возможно, это прежде всего те, кто сам в своем кабинете занимается нечистыми делами. Теперь они смотрят на нее с облегчением и злорадством, как ветреные девицы в давние времена смотрели на своих подруг, попавших в тяжелую ситуацию, забеременев вне брака. Мы могли бы быть на ее месте,

но мы же не там!

Некоторые хотели бы сказать ей несколько утешительных слов, но слишком малодушны для этого, они не хотят, чтобы их видели рядом с прокаженной, боятся заразиться. Других же просто переполняет чувство превосходства, особенно тех, кто всегда ощущал, что Эдит Ринкель смотрит на них свысока.

Да, собравшиеся встречают ее по-разному. А Эдит Ринкель никуда не уходит, у нее прямая спина, неестественно сверкающие туфли и светлые ненадежные глаза дикого зверя. Она разговаривает с деканом и беседует с пожилым профессором. Больше она ни с кем не общается. Эдит Ринкель прямая, холодная и красивая, как никогда.

«Да, надо что-то делать», — зевает Ханс Хольстейн, в его голосе сонливость и равнодушие, но окружающие ободряюще переговариваются. После предыдущих инцидентов был создан Совет по расследованию случаев неподобающего поведения, задачей которого является борьба против мошенничества и фальсификаций в научных исследованиях. Говорят, Ринкель вызывали на заседание этого совета. «Я догадываюсь, что ей там сказали», — говорит преподаватель немецкого языка со вздернутым носом и большими

черными ноздрями (кажется, что он смотрит на мир двумя парами глаз). Худая женщина, преподающая итальянский, знает, о чем речь. Она только что слышала, что слабость Эдит Ринкель к молоденьким мальчикам привела к тому, что наверняка будет введен порядок, при котором все университетские преподаватели для получения постоянной работы будут обязаны дать обет целомудрия. Далеко не всех восхищают такие перспективы, но кто-то выражает удовлетворение.

За столиком, где Эдит Ринкель сидит со своим бывшим коллегой — которого большинство теперь считает маразматиком, неспособным к трезвым оценкам, — внезапно раздается ее громкий смех. Она откидывает голову назад, обнажив белую округлую шею, и сердечно смеется, а ее ноги в блестящих туфлях двигаются: правая делает едва заметный шаг вправо и назад, а левая потирает правую лодыжку. Естественно, ее поведение совершенно недопустимо. Преподавательница итальянского поджимает губки, так что ее рот становится похож на анальное отверстие, и отворачивается от этой дерзкой картины. Разговор продолжается.

И вот мероприятие завершилось. Загорелись

лампы, люди стали щуриться от яркого света, как пробуждающиеся от спячки звери. Тарелки из-под тортов были пусты, на полу валялись разорванные в клочья пластиковые стаканы из-под вина. Кто-то начал обрывать гирлянды, и некоторые из них оказались на чьих-то шеях. Спортивный Паульсен, человек с чувством юмора, которого важная должность не сделала слишком серьезным, был одним из тех, кто повязал гирлянду вокруг шеи.

Декан снова подошел к микрофону, поблагодарил всех за прекрасный вечер и выразил надежду, что уже установились новые связи и что результатом этого недешевого вечера станет плодотворное научное сотрудничество. (У праздника и правда будут положительные результаты, по-настоящему конструктивные, о которых необходимо упомянуть, доказывая со счетом в руках необходимость проведения подобного мероприятия перед бюджетной комиссией: два научных сотрудника выяснили, что на протяжении многих лет работали над частично перекрывающими друг друга проектами. Они договорились встретиться, чтобы обменяться идеями и прочитать труды друг друга. «Ну вот видите, видите, — сказал декан, услышав об

этом. — Именно к такому сотрудничеству между кафедрами и должны привести праздники вроде этого». Те двое согласились с ним, но у них не хватило духу признаться, что их кабинеты находятся на одном этаже; они никогда не были недругами, просто почти не общались.)

Нанна потянулась, чтобы снять с крючка пальто. У Пола чесались руки помочь ей одеться, но он держался в стороне, они и так уже слишком долго разговаривали сегодня вечером. Когда она сняла пальто с крючка, тонкая шаль упала с ее плеч на пол. Рыцарские инстинкты Пола пересилили их договоренность, и он бросился к Нанне, чтобы поднять шаль, но прежде чем он успел дойти, Эдит Ринкель наступила на шаль Нанны своей золотой шпилькой.

— О, извините, — сказала она, — я правда ее не видела. — Она повертела ногой, так что ткань обвилась вокруг каблука и порвалась, после чего освободила шаль. И Эдит Ринкель ушла, не высказав никакого желания поднять шаль Нанны с пола.

Однажды утром, когда Александр Плейн одевался в своей комнате в общежитии в Согне, раздался звонок его мобильного телефона. Человек на другом конце провода представился журналистом

студенческой газеты «Университас».

— Ага, привет, — сказал Александр, зажав телефон между плечом и ухом и пытаясь натянуть почти чистый теннисный носок.

Журналист говорил об Эдит Ринкель. Он был напорист и амбициозен и наверняка мечтал сделать карьеру в области журналистских расследований. Александр удивился (выражение «застукан в постели» очень хорошо подходит для описания его изумления, особенно в связи с тем, что, когда зазвонил телефон, он на самом деле сидел на кровати и натягивал носок). Всем телом ощущая беспокойство и возбуждение, он выслушал поток слов журналиста. Александр прекрасно знал, что в настоящее время говорят об Эдит Ринкель, он много думал об этом и верил далеко не всему. Эдит не могла ничего украсть!

Он все еще сильно тосковал по Эдит. К сожалению, он ни с кем не мог поговорить об этом, поскольку никто из его друзей не знал об отношениях между ним и Ринкель. А те, с кем он занимался на курсе «ФУТЛИНГ 1100», забрасывали его нелепыми вопросами: «А правда, что у тебя было что-то с этой профессоршей? Ну и как она? А почему она сперла чужие исследования?» Он упорно отрицал, что у него были отношения

с профессором Эдит Ринкель. «Я едва знаком с ней», — объяснял он и чувствовал себя иудой, но утешался тем, что уважает желание Эдит расстаться с ним, а она тоже не Иисус Христос. Но Александр испытывал настоящие любовные муки. И хотя он считал это выражение ужасно глупым, даже слащавым, ему казалось, что оно лучше всего описывает его состояние. К тому же вернулось тянущее ощущение внизу живота: хроническая неудовлетворенность.

— Итак? — Журналист ждал ответа. — Внезапно Александр принял героическое решение помочь Эдит, несмотря на то что ему придется выдать себя и подтвердить, что слухи об их отношениях были правдой.

— Да, — ответил он на вопрос журналиста. — Да, у нас был роман.

Далее Александр рассказал обо всем, чему его научила Эдит Ринкель.

— В прошлом семестре у меня были только удовлетворительные оценки, но за курсовую по «ФУТЛИНГ 1100» я получил «отлично», — сообщил он.

— С помощью Эдит Ринкель?

— Да, — ответил Александр и с теплотой в голосе, заметной по крайней мере ему самому,

поведал о том, как много знает Эдит Ринкель и как полезно для него было общение с ней.

Если бы в то утро, когда позвонил журналист, Александр не был таким усталым и если бы он имел меньшую склонность думать хорошо о других людях, он бы не удивился так сильно, увидев на следующее утро заголовок в «Университас».

Он сидел за столиком во «Фредерикке», перед ним лежала газета, открытая на развороте, посвященном Эдит Ринкель. Его имя не упоминалось, но когда мимо его столика прошла группа студентов, он на всякий случай закрыл газету, свернул ее пополам и поставил сверху бутылку колы. На одной из стен кафетерия, на той, что в свое время отделяла зал для курящих от зала для некурящих, нарисованы гигантские книги высотой, наверное, по полтора метра. Александр разглядывал эту удивительную картину, как он уже не раз делал за время почти двухлетнего пребывания в университете. Он воспринимал эти изображения как отчужденные стереотипные представления другой общественной группы об академической жизни. Он смотрел на гигантские фолианты, не видя их: он вынужден был констатировать, что его попытка помочь Эдит Ринкель успехом не увенчалась, а скорее наоборот, привела к тому,

что вокруг ее имени разгорелся настоящий скандал. Бедная Эдит.

Он допил колу, встал, помедлил немного, но все-таки оставил газету на столе. Какое-то время ему даже хотелось подойти к стойке с газетами, взять их все и уничтожить, чтобы как можно меньше народу смогло прочитать об Эдит. Однако Александр пришел к выводу, что лучшее, что он может для нее сделать, — больше ничего не предпринимать, пока эта история не расползлась из университета по всей стране.

Да, Александр был прав: уже сейчас, когда он стоял у лестницы во «Фредерикке», журналисты в редакциях центральных газет сидели и строчили статьи о краже исследований в Университете Осло, о сексуальных домогательствах по отношению к студентам, о сексе в обмен на хорошие оценки.

Он ничего не мог сделать. Но поскольку Александр был хорошим человеком, поскольку он любил Эдит (и по-прежнему лелеял надежду, что она примет его обратно), он послал ей текстовое сообщение, в котором с нежностью и любовью принес свои извинения. Она не ответила.

Александр беспокоился, нервничал, стыдясь своих наивных откровений, сделанных в разго-

воре с журналистом из «Университас». Он желал добра Эдит Ринкель. Он хотел вернуть ее. Не удалось.

Он незаметно покинул корпус Фредерикке, пересек площадь, бросил взгляд на ничего ему не говорящую скульптуру «Воздух», втянул воздух в абсолютно здоровые розовые легкие и тяжело выдохнул его красивым молодым ртом. И вот так, с опущенной головой и вздохом на устах, студент Александр Плейн ушел из истории об Эдит Ринкель, из истории о рыжеволосом лингвисте, из истории о кафедре футуристической лингвистики. Но кое-что ценное для своей собственной жизни Александр вынес из всех этих историй. Он навсегда сохранит воспоминания о большом и теплом теле Эдит, но главное, что во время своего непродолжительного романа с ней он ощутил радость обретения знаний. А это не так уж и мало для молодого человека, прежде бесцельно скользившего по жизни.

Эдит Ринкель согласилась наконец на предложение руководства кафедры уйти на больничный. Она больше не ходила в Блиндерн. Еще до окончания месяца она уволилась из Университета Осло и в тот же день, когда было подписано ее заявление об уходе, покинула должности

начальника отделения и профессора кафедры футуристической лингвистики.

В коридорах циркулировало больше слухов, чем обычно. Поговаривали, что ей предложили должность заведующей кафедрой сельских диалектов в вузе губернии Телемарк. Далеко не всегда, но довольно часто слухи имеют под собой реальную основу. В этом случае так оно и было.

Квартиру на улице Йеитмирсвейен сняла молодая пара, полки для обуви Эдит теперь были заставлены компакт-дисками. Все туфли, все книги и большая часть ее мебели отправились в Телемарк на длинной грязно-серой машине компании «Транспортное агентство Майорстюа». Сама Эдит Ринкель поехала на поезде. Она обустроила как могла свое новое жилище в темно-коричневом рядном доме недалеко от центра города Бё. В нем гораздо больше квадратных метров, чем в ее квартире, поэтому Эдит не хватает мебели, а то, что многие коробки стоят нераспакованными вдоль стен, не добавляет жилищу уюта. Но это неважно, к Эдит Ринкель мало кто заходит. В вузе Телемарка она пользуется не большей популярностью, чем в Блиндерне.

Сидящие за столами в многочисленных комнатах отдыха и кафетериях гуманитарного

факультета Университета Осло старались как можно дальше дистанцироваться от Эдит Ринкель. Люди пытались перекричать друг друга, доказывая, будто всегда знали, что Эдит Ринкель не достойна звания профессора и должности начальника отделения.

Пол предпринимал слабые попытки защитить ее, но ему было трудно. Он не мог признаться, что это он обнаружил совершенную ею кражу, да и смягчающих обстоятельств не находил. Поэтому Пол старался говорить об этом как можно меньше.

Нанна хранила молчание. Ее все понимали, и она стала объектом глубокого сочувствия и искренней симпатии.

Гуннар Вик также не принимал участия в подобных разговорах. Он еще больше склонял свою и без того сутулую спину над обеденным столом и не слушал разговоров о Ринкель, пытаясь предложить другие темы для застольных бесед. Во-первых, Гуннар Вик по природе своей не привык думать плохо о людях и уж тем более не привык плохо говорить о других. Так же, как и Эдит Ринкель, он не завистлив, ему хватает забот о семье и работы, и из-за нечестного поступка Ринкель он не перестал уважать ее и восхи-

щаться ее профессионализмом. А во-вторых, он испытывает очень теплые чувства к Ринкель, возникшие около трех лет назад в Копенгагене.

Хотя Гуннар Вик глубоко уважает профессиональные достижения, он часто напоминает себе о бренности науки. В качестве заставки на мониторе компьютера он поместил стихотворение Улава Х. Хауге. Всякий раз, когда пальцы Гуннара Вика не касаются клавиатуры более двух минут, на мониторе появляется текст, в котором звучит насмешка над его профессией и вообще над научными исследованиями. Он и сам не знает почему, но это стихотворение всегда напоминает ему об Эдит Ринкель и том случае в Копенгагене:

За годом минует год,
Сутулясь, сидишь над книгой;
Знаний скопил ты немало:
Хватит на несколько жизней…
Когда доходит до дела, Достаточно вовсе чуток —
То, что сердце знает от века;
В Египте учености бог
Был с головой обезьяны.[66]

[66] Примечания: 66
Перевод А. Н. Ливановой.

Почти три года назад Гуннара Вика пригласили выступить с традиционной пятничной лекцией в Университете Копенгагена. Совершенно случайно он узнал, что Эдит Ринкель присвоили звание почетного доктора этого университета и что церемония посвящения назначена на вечер того же дня.

Он решил пойти на это мероприятие. Как и большинство норвежцев, Гуннар Вик становится особенно патриотичным, находясь за границей, даже в соседнем государстве. Вот и теперь он испытывал гордость оттого, что он норвежец и работает в одном университете с бесспорной героиней сегодняшнего дня. Гуннар Вик, как уже неоднократно упоминалось, всегда восхищался профессиональными достижениями Эдит Ринкель. Следует также признать, что Гуннар Вик, наряду со множеством коллег мужского пола, испытывал к ней влечение. Он восторгался ее бедрами, когда шел за ней по коридору, покачиванием ее грудей, когда она что-то доказывала. Он любовался ею на почтительном расстоянии (он ведь был женат) и относился к ней с неизменным пиететом.

Он удивился, что не слышал об избрании Ринкель почетным доктором, и посчитал, что, по

всей видимости, это произошло из-за ее скромности. (На самом деле руководство кафедры разослало электронное письмо с информацией о предстоящем событии, но Гуннар Вик удалил его, не дочитав до конца.)

Он сидел в зале, расположенном в низком кирпичном здании Университета Копенгагена, и следил за незнакомым помпезным спектаклем. Почетными докторами были избраны три человека: два мужчины и Эдит Ринкель — известный датский писатель, итальянский генетик и профессор лингвистики из Норвегии. Двое ученых, как сообщили собравшимся, внесли огромный вклад в развитие науки, а писатель — в развитие искусства и культуры.

Представители Университета Копенгагена, так же как трое будущих *doctores honoris causa,*[67] были одеты в длинные черные мантии с яркими воротниками. Первым выступал ректор, он говорил на довольно понятном датском языке, приправленном цветистыми выражениями и значимыми фактами. Далее выступали деканы соответствующих факультетов, они произносили свои речи на латыни, и оба закончили

---

[67] Примечания: 67
Почетные доктора *(лат.).*

свои выступления, как и положено, пожеланиями успехов и удачи: *«Quod honum felix faustum fortunatumque eveniat»*.[68]

В конце церемонии три доктора произнесли слова благодарности. Генетик говорил монотонно и скучно, писатель же так нервничал, что его слова можно было разобрать, только приложив массу усилий. Речь Эдит Ринкель была блестящей; она стояла за кафедрой с прямой спиной и высоко поднятой головой, совершенно безучастная к происходящему. Гуннар Вик имел все причины гордиться своей соотечественницей, она не опозорила ни Норвегию, ни Университет Осло.

И наконец, трем почетным докторам вручили дипломы, огромные листы бумаги кремового цвета с красными блестящими печатями. Когда ректор протянул Эдит Ринкель ее диплом, она сделала то, чего Гуннар Вик никогда не забудет — не знающая равных профессор, прекрасная *doctor honoris causa,* одетая ради такого случая в академическую мантию, сделала реверанс. Она взяла в руки свой диплом и присела, как скромная школьница.

---

[68] Примечания: 68
Пусть вам сопутствует счастье и благословенная удача *(лат.).*

В последние дни Нанна была очень занята. Отчет, то есть тот документ о «РЕВ 21», который будет обнародован первым, был уже готов. Это заслуга Пола. Он внимательно изучил труд Ринкель и без зазрения совести (еще не хватало!) включил ее разработки в окончательный текст отчета. Ей удалось найти кое-какие интересные направления в исследованиях, о которых Пол с Нанной даже не думали. Но Нанне еще предстояло сделать так много, ведь это она отвечала за презентацию проекта. Пол видел ее нечасто и очень скучал, но каждый раз, когда они лежали, тесно прижавшись друг к другу, на арбузно-красном диване (Нанна не хотела заниматься сексом на двуспальной кровати Пола — «в этом случае все кажется таким *спланированным*» — говорила она), Пол знал, что мучился не зря. Он целовал ее веки, покусывал нос. Она размыкала веки и смотрела прямо ему в лицо, а он глядел в ее большие круглые глаза, в глубине которых мог различить будущее, светлое и сияющее.

Близился день презентации проекта. Пол работал в своем кабинете, пряча бумаги о «РЕВ 21» под большие таблицы «Excel» всякий раз, когда кто-нибудь стучал в его двери. Но на самом деле он завершил свою часть работы. Теперь Нанна

трудилась засучив рукава. Ей, естественно, хотелось, чтобы все было подготовлено идеально.

— Только подумай, а вдруг появится Эдит Ринкель и устроит скандал, — говорил, не удержавшись, Пол.

— Это будет нечто, — смеялась Нанна, но Полу казалось, что мысль об этом ее не пугает. Нанна ужасно беспокоилась, что что-то может пойти не так, Полу больно было смотреть на нее. — Но что может пойти не так? — спрашивал Пол. Нанна точно не знала, но вдруг она забудет, что должна сказать («О, Пол, а не мог бы ты провести презентацию вместо меня?»), или упадет и сломает ногу по пути на сцену. Нанна Клев боится. Нанна Клев напугана, а Пол Бентсен успокаивает ее, и ему это нравится. Но иногда он сам испытывал страх. Он знал, какое значение проект имеет для Нанны (и для него самого, а как же иначе!).

Нанна в сотрудничестве с руководством кафедры разработала амбициозную программу, включающую в себя семинар, пресс-конференцию и праздничный ужин. Профессиональная часть программы должна была пройти в Старом Актовом зале в центре, а ужин — в отеле «Континенталь». Средств на это мероприятие не жалели, Нанне удалось убедить Паульсена и начальницу

администрации в том, что проект крайне важен.

Обычно ни Паульсен, ни остальное руководство не отличаются щедростью, но их соблазнила перспектива сделать кафедру футуристической лингвистики центром академического внимания. (Пол злобно думал об изменениях, произведенных в курсе «ФУТЛИНГ 1340», самом популярном из курсов, предлагаемых кафедрой. Они привели к тому, что студенты больше не бросали этот курс, а чем больше баллов они наберут, тем больше будет бюджет кафедры, и, соответственно, возрастет возможность заказывать праздничные ужины из четырех блюд. За такое надо быть признательным.)

У Пола появилось больше времени для общения с Мортеном, и они возродили традицию играть в сквош и пить пиво по четвергам. Полу очень хотелось познакомить Мортена с Нанной. Он несколько раз говорил ей об этом, но она отнеслась к перспективе знакомства сдержанно.

— Нельзя ли подождать немного и не втягивать других? — спрашивала она. — Подождать до конца презентации, подождать, пока не съедет Кристиан?

— А когда, черт возьми, съедет этот придурок? — возмутился Пол однажды вечером. Он был

немного пьян, и в его вопросе прозвучало больше нетерпения, чем ему бы хотелось. Глаза Нанны расширились еще больше, но она не ответила.

В следующий четверг Нанна пришла в бар, где Пол обычно встречается со своим другом, чтобы Мортен смог с ней познакомиться. Мортен одобрительно кивнул, выразительно поднял брови, и как только они с Полом остались вдвоем, сказал о Нанне очень правильные слова, именно те слова, которые должен говорить лучший друг влюбленного мужчины. У Пола словно гора с плеч упала. Мортен часто критиковал подружек Пола. Но немногие способны устоять перед обаянием Нанны. Нанна нравится всем, и Пол любил ее еще сильнее, чем прежде. Он с умилением слушал, как Нанна расспрашивает Мортена о сыне, а тот рассказывает ей, что Сондре ест и как спит, чего он никогда не поверял Полу. Мортен пытался объяснить Нанне, какую любовь человек может испытывать к своим детям, и Полу вспомнился его исчезнувший отец. Он встал и пошел к стойке, чтобы принести еще пива.

На соседнем столике лежала стопка иностранных журналов. В одном из них была напечатана статья об успешном бельгийском архитекторе, о рыжеволосом бельгийском архитекторе по

имени Феликс Ванделаар. Статья была проиллюстрирована фотографиями. Если бы Мортен, или Нанна, или Пол взглянули на эти снимки, то моментально заметили бы, что Феликс Ванделаар потрясающе похож на Пола Бентсена, но никто из них никогда не откроет этот журнал.

— Он переехал, — заявила Нанна в один прекрасный день. Они случайно встретились у кафетерия на пятом этаже. Пол выходил из кафетерия, а Нанна направлялась туда. Они стояли и смотрели друг на друга всего в нескольких метрах от эскалатора, ведущего вниз. Пол словно онемел. Был пасмурный день в начале марта, но утром, когда он шел на работу, в воздухе уже пахло весной.

Растения на склонах холмов еще спали, белая природа застыла, до экзаменов и защит было еще далеко. Но почки на деревьях уже начали набухать, густой древесный сок забродил в самой глубине стволов, а из-под замерзшей земли стала пробиваться трава. Потому что весна уже приближалась, и все знали, что она наступит — рано или поздно. У студентов начал зарождаться страх перед экзаменами, пока он проявлял себя нечастым покалыванием в животе, пока еще он надежно был спрятан под толстыми шерстяными свите-

рами, шарфами и непродуваемыми куртками, но все знали, что время экзаменов приближается и рано или поздно наступит. Страх увеличивался пропорционально уменьшению слоев одежды, и в начале мая, когда на деревьях появятся прозрачные маленькие листочки, а из земли покажется щетина травинок, страх уже вырастет, у некоторых он превратится в панику, у других — в наигранное равнодушие, а у нескольких человек вызовет железную целеустремленность.

— Кристиан с буквы «К» переехал, — повторил наконец Пол удивительно глухим голосом. Он был скорее тронут, чем рад, у него словно гора с плеч свалилась оттого, что время ожидания закончилось и этот Кристиан исчез из их жизни.

— Да, — подтвердила Нанна. — Да, он переехал.

— Пообедаем у меня дома? — предложил Пол.

— Ты уже поел.

— Ну и что? Я могу поесть еще раз.

— А что у тебя есть?

— Черствый хлеб, обветрившийся печеночный паштет и заплесневелый сыр, — ответил он, и на него нахлынула наконец волна радости.

— Звучит аппетитно. Пойдем?

Спускаясь на эскалаторе, Пол ощущал себя

бутылкой колы, которую основательно потрясли: он напевал, бесцельно сжимал и разжимал кулаки, и он просто обязан был наклониться и поцеловать Нанну, стоящую ступенькой ниже. Он громко чмокнул ее прямо в макушку.

— Прекрати, — сказала она, — кто-нибудь может нас увидеть.

— Теперь уже все равно, — возразил Пол и счастливым взглядом посмотрел на стену с цитатами, мимо которой они проезжали. Прямо рядом с ними находилась выдержка из статьи Гуннара Вика, три предложения о компаративном синтаксисе, набранные красным шрифтом, а буквально над головой Нанны ядовито-розовыми буквами было написано название дипломной работы, которая получила такие плохие оценки, что Пол его запомнил: «Как дети будут склонять существительные в 2018 году. Футуристическо-морфологическое исследование».

Нанна повернулась, и Пол быстро наклонился и укусил ее за ухо. «Ай!» — Нанна кокетливо шлепнула его. Потом она подняла на него глаза, и когда они проезжали мимо аквамариновой цитаты из ее собственного произведения, совершенно серьезно сообщила, что они должны поговорить об этом деле. Прошло несколько секунд, прежде

чем Пол догадался, что Нанна имела в виду под «этим делом». Он понял, что она, возможно, хочет и дальше хранить в тайне их отношения. В то же мгновение силы оставили его, и он почувствовал себя каплей теплой колы на дне бокала.

По дороге к выкрашенному в зеленый цвет дому на две семьи на улице Нильса Хенрика Абеля оба они молчали. Пол был раздосадован. Он месяцами ждал того дня, когда сможет рассказать о своих чувствах всему миру, он согласился подождать и терпел роль болонки, которую она ласкала, когда у нее было время — тайно! В немом раздражении он изо всех сил захлопнул почтовый ящик, отпер дверь и пропустил ее внутрь.

— Я хорошо понимаю, что ты злишься, — сказала Нанна, сняла куртку (новую, бирюзового цвета, прекрасно гармонирующую с ее волосами), прошла в гостиную и уселась посреди дивана. — Я знаю, что веду себя как ребенок. И то, о чем я хочу тебя попросить, тоже ребячество.

Пол оперся о дверной косяк и удрученно глядел на нее.

— Больше нет никакого Кристиана, и все же давай подождем до дня презентации!

Она умоляюще смотрела на него и выразительно хлопала ресницами. Она была похожа на куклу

со светлыми волосами и огромными глазами. Пол не отвечал, позволяя ей закончить мысль. Она сама должна все уладить! Он же станет слушать, это будет его вкладом. Чертова женщина!

— Я всегда была такой, — объясняла Нанна. — Я люблю оставлять лучшее напоследок. Я всегда ела самое вкусное в конце, я быстро съедала картошку и горох, а котлету отодвигала, чтобы потом насладиться ею от души. Я месяцами откладывала субботние конфеты. Мама называла меня Нанна-копилка.

И ребенком, и взрослым Пол всегда сначала съедал все самое вкусное и никогда не понимал смысла этого риска: вдруг ты наешься до отвала тем, чего тебе не особо хочется? Но он ничего не сказал, просто стоял в дверях, скрестив руки на груди.

— Я никогда не открывала окошки в рождественском календаре заранее, — продолжала Нанна. — Никогда. Я ждала и откладывала на потом.

Уголки его рта немного дернулись, когда он вспомнил, что в детстве по какой-то непонятной причине всегда получал рождественский календарь отвратительного качества, особенно же плохо были сделаны окошки, всегда имевшие

странную тенденцию открываться сами по себе еще в начале декабря.

— Вот какая у меня мечта, Пол…

Он по-прежнему молчал, но внимательный наблюдатель (а Нанна, вероятно, была именно таким наблюдателем) заметил бы, что он расцепил руки и убрал их в карманы.

— Я хочу, чтобы в день презентации мы встали рядом и рассказали о проделанной нами работе над «РЕВ 21», и когда все будут смотреть на нас, вот тогда, Пол, тогда мы возьмемся за руки и дадим всем понять, что мы — пара. А если они не поймут, мы закричим об этом! Пожалуйста! — Она склонила голову набок и быстро заморгала. — Иди сюда!

Пол подошел к ней.

— Скажи да, Пол.

— Ну ладно, Нанна, раз это так для тебя важно, — ответил Пол. — Конечно, мы можем подождать, Нанна! Осталось недолго.

— Просклоняй для меня fjorðr, — попросила Нанна. Она откинулась на арбузно-красный диван и показалась Полу необычайно желанной, он внезапно вспомнил, что ее соски такого же цвета, как и клубничная карамель, и что у нее в паху есть крошечная родинка. Своим глубоким краси-

вым голосом Пол стал склонять существительное «фьорд» на древненорвежском, перечисляя формы четырех падежей и двух чисел — fjorðr, fjorð, fjarðar, firði, firðir, fjorðu, fjarða, fjorðum, — а на полу быстро росла куча из одежды. Когда он дошел до формы fjorðr, то есть до единственного числа родительного падежа, на ней осталось только нижнее белье, а когда он прошептал форму множественного числа дательного падежа fjorðum ей в волосы за ушком, оба были уже нагими. Он кусал ее за ухо немного сильнее, чем на эскалаторе.

— Моя маленькая глупенькая свинка-копилочка, — сказал он (и промурлыкал еще несколько слов, слишком глупых и непристойных, чтобы приводить их здесь, что-то насчет щели, которая есть у копилки-свинки на розовом поросячьем тельце).

Они сидят в Старом Актовом зале в историческом здании университета, расположенном в центре города. Сейчас самый конец апреля, понедельник, на улице сыро и дождливо. Весь мир окрашен в серые, грязно-белые и коричневые цвета. В Блиндерне еще кое-где лежит снег, а здесь, в центре, только в самых тенистых углах остались полурастаявшие гнилые сугробы. Песок, которым

зимой посыпали улицы, лежит грязными кучами на тротуарах. Весеннее солнце дарит жизнь, но не знает жалости. Собачьи экскременты, мокрая бумага, палочки от прошлогоднего мороженого, все, что на протяжении долгой зимы было скрыто снегом, теперь доступно взорам. Весна пришла за один день, и тепло наступило так быстро, что дворники не успели даже приготовить свой инвентарь. Но на клумбах вдоль Национального театра и в Дворцовом парке проклюнулись первые крокусы: своенравные взрывы беззастенчивого лилового и яркого желтого.

Низкое весеннее солнце светит между колоннами *Domus Academica.*[69] Его свет пробивается через высоко расположенные окна исторического здания университета, построенного в 1854 году, и падает прямо в Старый Актовый зал, освещая картину на плафоне и заставляя сверкать желтые стены и красный бархат.

В этот жаркий апрельский день исполняется ровно одиннадцать месяцев с того дня, как Эдит Ринкель поймала пчелу и осторожно выпустила ее из окна своего кабинета. Пол, конечно, этого не знает, но зато он знает (хотя он и не тот человек,

---

[69] Примечания: 69
Академический дом *(лат.).*

который легко связывает события и даты), что сегодня исполняется семь месяцев с того дня, когда они с Нанной встретились в огромных стеклянных дверях кафедры футуристической лингвистики. Прошло ровно семь месяцев с того волшебного мгновения, когда они застыли, глядя друг на друга, между вибрирующими створками автоматических дверей. Полу досадно, что прошло семь месяцев, а не девять. Сейчас он испытывает влияние своей матери, неоспоримой королевы бульварной литературы, отдающей предпочтение прозрачным символам.

В девятимесячных отношениях была бы чудесная, милая символика, думает Пол. Но сам тут же признает, что это дешевая аллегория, хотя, с другой стороны, у них с Нанной *есть* ребенок, ведь они вместе создали «РЕВ 21». Пока у них есть только это дитя, но оно по крайней мере прекрасно развивается, ему поют дифирамбы, а рождение этого дитяти празднуется как раз сегодня. Он бесконечно гордится как мамой и ребенком, так и собственным вкладом. Нанна находится где-то рядом, она в том же здании, что и он, и скоро Пол ее увидит, скоро она расскажет об их детище всем этим людям.

Пол сидит в первом ряду. Сегодня утром он

проснулся в шесть часов почти в лихорадке и с каким-то щекотанием в животе, он помнит эти чувства с детства, именно с ними он просыпался рано утром в день рождения и 17 мая.[70] В зале тоже ощущается беспокойство и любопытство, коллективное любопытство, словно публика является единым организмом, большим зверем, который громко дышит и нетерпеливо ждет, шевелит огромным количеством ног, нервно скребет каблуками по полу, постоянно покашливает то одной пастью, то другой. И вот зверь затихает.

В одну из боковых дверей входит декан, одетый в мантию, и степенно шествует к высокой белой кафедре. Он поднимается, кладет на нее руки, торжественно оглядывает неподвижно сидящую, затаившую дыхание публику и приветствует собравшихся. «*Welcome,* — говорит он, — *welcome to this day of joy, and I dare say of glory, for Norwegian research within the field of humanities*».[71]

Когда декан заканчивает, на трибуну поднима-

---

[70] Примечания: 70

Национальный праздник — День Конституции Норвегии.

[71] Примечания: 71

Добро пожаловать. Приветствую вас в этот радостный день, не побоюсь сказать — в день триумфа норвежских гуманитарных исследований *(англ.).*

ется Паульсен, его представляют как заведующего кафедрой, взрастившей этого замечательного ученого, кандидата наук Нанну Клев, автора проекта.

Фред Паульсен одет в новый темный костюм. Поначалу он выглядит совершенно растерянным, но откашливается, произносит несколько приветственных фраз на прекрасном английском, делая частые нервные паузы, и в конце своей речи зачитывает совершенно не подходящее к случаю и довольно бессмысленное стихотворение Греверюда (кстати, прекрасно переведенное на английский язык стипендиаткой-блондинкой с кафедры британских и американских исследований).

Настала очередь Нанны. Она неожиданно появляется у кафедры. Костюм цвета слоновой кости сидит на ней великолепно. («Он стоил слишком дорого, Пол, — жаловалась она ему накануне, но была довольна, — я ведь должна прилично выглядеть. О, Пол, как же я боюсь!»)

Она стоит перед красным бархатным занавесом, закрывающим доску за кафедрой. У Пола сосет под ложечкой от сочувствия, от напряжения, от солидарности, от любви. Нанна кажется такой маленькой, ранимой, хрупкой по сравне-

нию с огромной люстрой, украшающей Старый Актовый зал, и по сравнению с расставленными по бокам от нее букетами, такими громадными, что Пол заподозрил Паульсена в растрате цветочного бюджета на год вперед. Видимо, стипендиатам кафедры, которые будут защищаться в этом году, придется обойтись без цветов. Букеты источают дурманящий, сладкий, почти тошнотворный запах. Люстра над Нанной похожа на огромную гроздь винограда с сочными, готовыми лопнуть ягодами. Он очень переживает за нее. Но все должно пройти хорошо!

Но как только Нанна начинает говорить, Пол перестает нервничать. Голос ее звучит четко и уверенно, она смело смотрит во все глаза зверя-публики, который, в свою очередь, мгновенно влюбляется в нее, прижимает ее к своей груди, открывает все свои пасти от восхищения и преданности. Потому что именно так Нанна воздействует на людей.

Нанна рассказывает о «РЕВ 21», о том, как несколько лет назад у нее возникла идея проекта, о том, как она работала поздними вечерами и ночами и что несколько месяцев назад проект наконец был завершен. Пол слышит в зале одобрительный шум, поворачивается и видит,

как люди улыбаются и благосклонно качают головами — коллеги по кафедре, сотрудники других филологических кафедр, нейролингвист из Стокгольмского университета (они с Полом познакомились вчера), руководство факультета, ректор, журналисты, представители компьютерных компаний.

Пол находит взглядом министра образования и научных исследований, а между ректором и министром замечает загорелый калифорнийский лоб Джека Миллза. В руках у него резюме речи Нанны на английском языке, поскольку именно эта часть программы проходит на норвежском. Это подробное резюме, Пол знает это, поскольку сам его написал.

И вот Нанна начинает презентацию проекта, она произносит главный вывод, приводит всю аргументацию, подкрепляющую его, объясняет, как может быть использована формула и как легко теперь будет создать революционную переводческую компьютерную программу. Пола переполняет гордость как за эту женщину с копной светлых волос, так и за проект, который, вне всякого сомнения, является самым важным лингвистическим проектом из когда-либо представленных норвежскими учеными. Честь

создания этого проекта принадлежит в том числе и ему: «РЕВ 21» — их с Нанной детище.

Он хорошо знает эту речь, он помогал написать ее, отточить формулировки и отрепетировать прочтение. Слова проносятся мимо него, как старые знакомые, он едва успевает поздороваться с ними, кивает, узнавая их, не слишком прислушиваясь к тому, что говорит Нанна. И снова начинает думать о ребенке, об их с Нанной ребенке, о еще не рожденном и даже не зачатом ребенке. О маленькой девочке с растрепанными косичками.

Нанна дошла до того места, где описывается сохранение культурно-языковых особенностей в переводческих программах. Сидящие вокруг него с интересом слушают, некоторые, вероятно журналисты, записывают. Пол по непонятным причинам начинает думать о Ринкель, и живот его скручивает внезапная боль. Подумать только, что было бы, если бы она появилась здесь с диким опухшим лицом, выкрикивая абсурдные обвинения! Но такого не случится, Ринкель сегодня сюда не придет.

Его нечистая совесть рисует ее, поблекшую, посеревшую, постаревшую раньше времени, одиноко сидящую в своем доме в городе Бё гу-

бернии Телемарк. Но почему его мучает чувство вины? Этого он не может понять. Он не сделал ничего, кроме того, что должен был сделать. Ринкель получила только то, чего заслуживала. Он заглядывает во все закоулки своего сознания, но не находит ни одной причины для угрызений совести. Вообще-то говоря, для Ринкель все закончилось не так уж плохо, думает он. Она сидит, сытая, с гладко зачесанными волосами, красивая, как никогда, за письменным столом в сердце Телемарка и выполняет административную работу, рассчитывая на повышение жалованья, занимается сексом с молодыми любовниками и смеется над ним, Полом Бентсеном, рыцарем Нанны! Эти размышления успокаивают его, он какое-то время прислушивается к тому, что говорит Нанна, но как только слышит хорошо знакомые формулировки, доносящиеся с кафедры, моментально понимает, в каком месте текста она находится (внизу третьей страницы), и снова погружается в свои мысли, которые теперь кружатся все быстрее и быстрее вокруг одной темы — него самого.

Пол выпрямляет колени и осторожно вытягивает ноги. Хотя он этого не замечает, но инкрустированный дубовый паркет в зале начищен до блеска. У Пола есть основания гордиться и

радостно смотреть в будущее. Его вклад в проект намного меньше работы, проделанной Нанной, но именно он нашел последний, ключевой фрагмент мозаики. Без него она бы не справилась.

Нанна говорит уже достаточно долго, но Пол знает, что ей предстоит прочитать еще несколько абзацев, а его вклад будет отмечен только в самом конце выступления, когда она станет благодарить всех остальных. Он сам так захотел. Нанна снова предлагала, чтобы они представили проект вместе, но он отказался. Он пожелал доверить это ей. Но скоро все узнают, что именно он, Пол Бентсен, разрешил загадку. Это он морозным январским днем вычислил местоположение глагольной фразы.

Сегодня вечером состоится торжественный ужин. Слева от Нанны будет сидеть декан, справа — Джек Миллз, а Пол сядет прямо напротив нее, и они предстанут пред всеми как пара.

Пол нетерпеливо ерзает на стуле и бросает взгляд в зал, туда, где сидит Джек Миллз, и — странно — начинает думать о том, с кем сегодня в Бё будет ужинать Ринкель. В последнее время о Ринкель говорили нечасто, в последние недели коридорная болтовня в основном касалась Нанны и ее выдающегося проекта. Поедая принесенные

из дома бутерброды или булочки с бумажных тарелок, люди обсуждали предстоящую презентацию, выдвигая смелые предположения о том, кто на ней будет присутствовать. Ходили слухи, что согласился приехать сам Хомский, и что, скорее всего, прибудет Джек Миллз (красавчик Джек Миллз!).

Нанна делает паузу, осматривает зал, слабо улыбается. «Да, улыбайся, — думает Пол. — Ты дождалась своего звездного часа». И он тоже улыбается, хотя улыбка Нанны адресована не ему, а публике вообще, которая отвечает ей коллективной улыбкой, со спокойной благожелательностью синхронно поднимая уголки губ вверх и обнажая зубы. Уверенный, что только он имеет на нее права, Пол продолжает улыбаться еще долго после того, как у всех остальных уголки губ опустились вниз. На шее Нанны — жемчужное ожерелье, которое он подарил ей на Рождество, жемчужины нежно светятся на ее коже, а маленькая книжка белого золота сияет. Он тронут, в горле у него стоит ком от переполняющей его любви и нежности.

Нанна смотрит вниз и продолжает презентацию. Пол столбенеет, он не понимает, в каком месте текста она находится. Нанна внезапно

переходит на английский, она говорит о пчелах, о пчелином языке, о танце пчел, из которого становится ясно, в каком направлении и на каком расстоянии находится нектар, она говорит, что именно это помогло ей закончить проект. Пчелы? Пол подбирает ноги, привстает, но опускается обратно. В «РЕВ 21» никогда не было ни слова о пчелах!

— Когда я обнаружила, что основные движения танца пчел идентичны рисунку речи людей, страдающих афазией, детской речи и речи тех, кто говорит на иностранном языке, это стало настоящим прорывом, — объясняет Нанна. — *And it was a fabulous day for me. A fabulous day!*[72]

Пол уже не знает, что именно он слышит, но все же отмечает, что интонация Нанны меняется, Нанна приближается к концу речи, и, совершенно справедливо, в этом месте начинается длинное перечисление благодарностей. Она еще ничего не сказала про рунические надписи.

Вчера вечером, лежа между арбузно-красными диванными подушками, Нанна сказала, что, кроме Пола, ей никого не хочется благодарить, разве что того шведского нейролингвиста.

---

[72] Примечания: 72
Для меня это был великолепный день! Великолепный! *(англ.)*

— Только вы двое что-то сделали, — сказала она, и ее круглые девичьи груди задвигались вверх-вниз в такт ее жестам, а соски улыбнулись ему. Пол вежливо улыбнулся им в ответ:

— Ты должна выразить благодарность.

— Я знаю, — ответила она, и ее голова и груди решительно кивнули. — Я должна поблагодарить людей, которые на самом деле благодарности не заслуживают.

— Да, особенно ты должна поблагодарить тех, кто этого не заслуживает, — сказал Пол.

— Но я отказываюсь целовать Паульсена, я не вынесу прикосновения его потной кожи к моему лицу! Не уговаривай, — попросила Нанна.

— Договорились, — сказал Пол, а она приподнялась на кровати, всплеснула руками и, одетая в собственную мягкую наготу, прочитала последнюю часть речи: она благодарила шведа, благодарила Пола, рассказывала о его вкладе, о том, что именно его находки привели к прорыву. Потом с иронией и шутливым смирением выразила признательность заведующему кафедрой Паульсену, декану, ректору и многим другим, которые, естественно, ничем этого не заслужили, но которых все же стоило поблагодарить, потому что от них зависит финансирование других

проектов, предоставление постоянной работы, повышение по службе или выделение более просторного кабинета.

— Хорошо? — спросила она, запыхавшись после чтения.

— Да, — ответил он. — Просто прекрасно.

— Тогда завтра так и прочитаю.

— Да, можешь прочитать это завтра точно так же, как сделала это сейчас, — сказал Пол. — Только надень *чуть* больше одежды, и постарайся *чуть* больше скрывать, что не думаешь, будто они заслуживают благодарности.

Он рассмеялся. И она рассмеялась, перевернулась на спину, задрала вверх обе ноги и сказала, что скрывать что-либо она не в силах, а он мощно и радостно вошел в нее.

Это было вчера. Танец пчел. Почему она это сказала? Сейчас она что-то говорит о камне с руническими надписями, рассказывает, что увлеклась рунологией, еще будучи студенткой Университета Тронхейма. И она сообщает публике, что взяла за основу уже расшифрованные отрывки загадочной рунической надписи на камне Странде стейнен.

— И все мгновенно встало на свои места, это был последний фрагмент мозаики, которого мне

не хватало, — говорит она.

На нее падает свет люстры, такой же пронзительный, как и свет весеннего солнца, а она, освещенная, бело-золотая, одетая в цвет слоновой кости, стоящая перед кроваво-красным бархатным занавесом, склоняет светящуюся светлую голову и кланяется публике. Публика, которая с первой минуты была преданным поклонником Нанны, аплодирует. Все аплодируют как сумасшедшие.

Пол тоже аплодирует, он до боли бьет ладонями друг о друга. Этого нельзя допустить. Его не поблагодарили, о его вкладе в проект не было сказано ни слова. Нанна не произнесла имени Пола Бентсена. Он поворачивается к залу — почему никто не протестует? Почему никто не встает и не выкрикивает его имя? И тут до него доходит, что кроме мамы и Эдит Ринкель никто не знал о его сотрудничестве с Нанной по проекту «РЕВ 21». Его собственная мать и ссыльный профессор.

«Пче… пчи…» — стучит в голове у Пола, в то время как окружающие аплодируют, в то время как его руки по-прежнему бьются друг о друга. Подчиненные предложения. Она сказала «подчиненные предложения» в тот холодный вечер, когда он решил для нее загадку. Естественно,

продвинутый лингвист не может сказать «подчиненные предложения». Говорят «придаточные предложения», и это единственно правильный вариант. Нет, она не оговорилась. Книги о насекомых. Журналы общества пчеловодов. Диплом почетного члена Норвежского общества энтомологов. *Lingua lapsa verum dicit.*[73]

Он помнит, с какой непреклонностью в голосе Ринкель объясняла ему, что «РЕВ 21» — это ее проект, и помнит горечь, а может быть, и презрение к себе самой, когда она рассказывала, что — «пусть это и ребячество», добавила она, — назвала его «РЕВ 21», и «РЕВ» здесь означает *réve.*[74] *Réverie.*[75] «Для меня это был Проект-мечта», — сказала Ринкель. Но туфли у нее были ярко-оранжевыми, а голос таким же острым, как носки туфель. «Вы что, кастрированный рыцарь Нанны?» — насмехалась она. Пол ушел, закрыл за собой дверь в ее квартиру на улице Йеитмирсвейен, а потом позвонил Нанне.

Он позвонил ей, той, что стоит сейчас за ка-

---

[73] Примечания: 73
Оговорки выдают правду *(лат.).*

[74] Примечания: 74
Мечта *(фр.).*

[75] Примечания: 75
Мечтательность *(фр.).*

федрой, скромно склонив голову, и принимает аплодисменты. Теперь все стало на свои места. То, чего он не хотел видеть. То, что он давно должен был понять, еще в тот день, когда услышал историю о несчастном маленьком домике. Несмотря на пристрастие к счастливому финалу, к сказочным романтическим историям, мама знала, что далеко не все жизненные истории оканчиваются так, как мы ожидаем. Иногда человека водят за нос, бросают лежать под елкой, и он понимает, что тот, кого он любит, этой любви не заслуживает.

Но почему Ринкель не протестовала более настойчиво? Почему не кричала, что ее обманули? Он знает ответ. Даже если бы Эдит Ринкель прокричала это с крыши административного корпуса, это не помогло бы. Никто бы не услышал ее криков. Потому что Нанна прежде всего убедилась в том, что никто не знал о проекте Эдит Ринкель. Сама же она узнала о нем совершенно случайно, однажды вечером, когда ее пребывание в США близилось к концу.

Нет, Эдит Ринкель могла спорить до хрипоты, но все было бы напрасно. Паульсен, начальница администрации и заместитель заведующего смотрели на нее и снисходительно, хоть и со-

чувственно, покачивали головами. Ее старый знакомый декан выхлопотал ей место в вузе Телемарка. Большего он сделать не мог. «Если бы ты держалась подальше от молодняка», — сказал он, заговорщицки подмигивая, как жизнерадостный развратник, но осекся, когда увидел выражение лица Эдит. Пол этого не знает.

А вот чего не знает ни он, ни Паульсен, ни декан, вообще никто, так это то, что Эдит Ринкель однажды вечером взяла из канцелярии универсальный ключ и побывала в кабинете Нанны (так как их с Нанной кабинеты располагались на разных этажах, ключ Эдит не подходил к двери кабинета Нанны). Она обыскала ее кабинет, хотя и без особого усердия, словно уже смирившись. Потому что Нанна была молодцом и, естественно, не оставила никаких следов. Эдит Ринкель подумывала обработать системного администратора кафедры, чтобы тот помог ей обыскать компьютер Нанны в поисках доказательств. Но потом она вспомнила, какими глазами компьютерщик в последнее время смотрел на Нанну, да и к тому же была уверена: Нанна удалила все признаки того, что ее файлы изначально были написаны другим человеком. Как мы уже знаем, Эдит Ринкель иногда ошибается, как, например, в этом

случае. Нанна Клев — молодец, и она, конечно, не копировала документы, она их переписала, но сегодня люди оставляют так много электронных следов, что даже самых осторожных и предусмотрительных из нас при необходимости легко можно уличить.

В голове Пола бушует буря, царит хаос, введено чрезвычайное положение. Первое, что он почувствовал, когда осознал всю правду, было удивление; оно обрушилось на него так внезапно, словно кто-то огрел его кувалдой по голове, удар был нанесен с неожиданной стороны, и никто никогда не бил его сильнее. После этого нарастает чувство униженности, оно полностью наполняет его, как медленно текущая жидкость, проникающая во все части тела через крошечные трещинки. Со временем появятся злость и жажда мести, но пока Пол их не ощущает.

Воспоминания о Том происшествии переполняют его. Униженность — потому что его обманывали, и он должен был это понять очень давно. Разочарование — потому что его предали. Стыд — потому что предал он. Ему так стыдно за самого себя, что хочется исчезнуть, оказаться в другом месте, слиться с окружающим миром.

У Пола все плывет перед глазами, по телу бегут

мурашки, и когда он опускает взгляд на свои руки, выглядывающие из манжет, то замечает, что они такого же цвета, как и стул, на котором он сидит. Его руки и, вероятно, вся кожа, выглядят как дерево, старое лакированное дерево, годовые кольца и следы от сучков образуют темный узор на светло-коричневых кистях рук, а пальцы похожи на сучковатые палки.

Нанна поднимает глаза, круглое кремовое личико, которое он столько раз целовал, славный носик, который он осторожно покусывал. Сколько раз он клал руки ей на виски и растягивал в стороны веки, чтобы глаза стали еще более раскосыми, а потом расцеловывал эти китайские глазки!

Аплодисменты постепенно стихают, присутствующие неохотно опускают руки. На кафедру снова поднимается Паульсен, он уже более уверен в себе, чувствует себя едва ли не хозяином и просит Нанну не уходить. Он хочет сказать несколько слов. Он прочищает горло. «Дорогая Нанна», — начинает он, а потом делает одну из своих не самых длинных пауз. Затем он говорит речь, которая не только по форме (за исключением того, что произносится она, конечно, на английском), но и по содержанию сильно напо-

минает речь, которую он около полугода назад посвятил Эдит Ринкель, и над которой Нанна так издевалась. Он заканчивает, и Нанна смотрит на заведующего кафедрой своими честными глазами. «Спасибо за теплые слова», — благодарит она и одаряет его сперва одним, а потом и вторым скромным девичьим поцелуем.

После торжественной части в соседнем со Старым Актовым залом помещении подают шампанское и канапе. Пол направляется туда. Нанна стоит в окружении восхищенных коллег, они кивают, когда кивает она, и качают головой вслед за ней. Джек Миллз рассматривает ее с интересом, по-беличьи склонив голову, и улыбается большой влажной нижней губой. Рядом с Нанной и так близко к ней, что вряд ли это случайность, положив руку на рукав ее безупречного костюма цвета слоновой кости, стоит шведский нейролингвист с ухоженной бородкой, и Пол вспоминает, что уже видел его раньше, задолго до вчерашнего дня.

Пол пристально смотрит на Нанну, он не может уйти просто так. Она встречается с ним взглядом, и несколько длинных секунд они смотрят друг другу в глаза. Потом он удаляется в сторону гардероба, снимает с крючка свое пальто, распахивает тяжелые старинные двери и выходит на улицу.

На ступеньках лестницы стоят курильщики, весенний воздух над их головами полон дыма и сногсшибательных новостей. Ходят слухи, что Нанне предложат постоянную работу. Говорят, она займет бывший офис Эдит Ринкель. Он ничего об этом не слышал? Пол качает головой, пытается засунуть руки в рукава — сделать это оказывается сложно, почти невозможно, как будто руки его на самом деле превратились в толстые ветки и одеревенели. Он еще раз вяло качает головой и спускается по лестнице.

К нему подходят два курильщика-фонолога, улыбаясь от гордости за кафедру и отделение, и спрашивают, слышал ли он о «РЕВ 21» раньше.

— Ты знал что-нибудь? — задает один из них вопрос Полу. — Ты ведь немного знаком с нею, так ведь?

— Нет, я совершенно ее не знаю, — отвечает Пол.

И высокий рыжеволосый лингвист быстро пересекает Университетскую площадь, спеша уйти подальше от Старого Актового зала, от Университета Осло.

Он знает две вещи. Он хочет сесть на пыльный серо-синий бархатный диван и выпить горячего жасминового чая, ощущая вкус кокосовой

булочки. И еще он должен извиниться перед заведующей кафедрой сельских диалектов вуза губернии Телемарк и объясниться с нею.

Это он знает наверняка. А больше он не знает ничего.